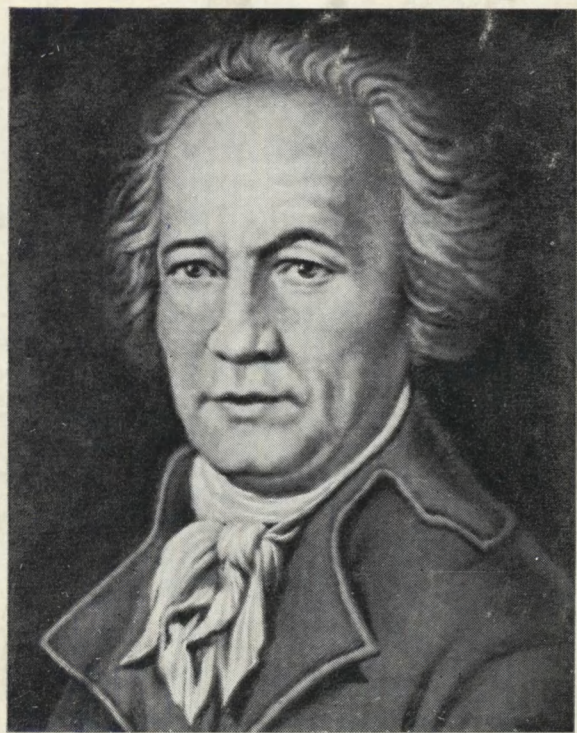

А.П.Бердышев Андрей Тимофеевич БОЛОТОВ

А.П.Бердышев

**Андрей Тимофеевич
БОЛОТОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

основана в 1959 г.

Редколлегия серии
и историко-методическая комиссия
Института истории естествознания и техники АН СССР
по разработке научных биографий деятелей
естествознания и техники

Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров, В. И. Кузнецов,
А. И. Купцов, Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский,
Д. В. Ознобишин, Э. К. Соколовская (ученый секретарь),
В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. П. Юшкевич, А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский

А. П. Бердышев

**Андрей Тимофеевич
БОЛОТОВ –
выдающийся деятель
науки и культуры**

1738—1833

**Ответственный редактор
академик АН СССР
Е. Н. МИШУСТИН**

**МОСКВА
«НАУКА»
1988**

Scan AAW

ББК 72.3

Б 48

УДК 001.1:929Б

Рецензенты:

И. Н. ЕЛАГИН, В. И. НАЗАРОВ

Бердышев А. П.

Б 48 Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738—1833. М.: Наука, 1988. — 320 с., ил. — (Серия «Научно-биографическая литература»).

ISBN 5-02-003960-8.

В книге рассказывается о жизни и творчестве А. Т. Болотова, замечательного ученого второй половины XVIII и первой четверти XIX в. Многими крупными открытиями он внес заметный вклад в развитие сельскохозяйственной биологии и агрономии. А. Т. Болотов был художником и архитектором, литератором и публицистом, натуралистом и медиком. Болотов широко использовал свои научные разработки в практических целях. Творческое наследие А. Т. Болотова огромно, многое из его работ еще ждет своих исследователей. Его перу принадлежат знаменитые автобиографические записки, отображающие быт и культуру России XVIII в.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б $\frac{2004000000-389}{054(02)-88}$ КБ 56-20—87

ББК 72.3

ISBN 5-02-003960-8

© Издательство
«Наука». 1988

Предисловие

В 1988 г. исполняется 250 лет со дня рождения выдающегося деятеля науки и культуры XVIII в.— Андрея Тимофеевича Болотова.

Почти 70 лет своей жизни отдал он служению биологической и сельскохозяйственной наукам. Трудно найти раздел сельскохозяйственной науки, в который бы А. Т. Болотов не внес свой вклад первооткрывателя. Одним из первых он выступил с критикой «водной» теории питания растений, утверждая, что для построения своего тела растительные организмы берут из почвы не только воду, но и зольные элементы.

Болотов первый обнаружил явление дихогамии у яблони, на этой основе установил роль перекрестного опыления у растений, объяснил природу разнообразия семенного потомства и, используя открытые закономерности, вывел несколько новых сортов яблони. Ему принадлежит первое на русском языке печатное руководство по морфологии и линнеевской систематике растений.

Болотов теоретически обосновал выгонную систему земледелия и тем самым заложил основы учения о системах земледелия. Ему принадлежит разработка основных приемов удобрения полей, борьбы с сорной растительностью и ряда других важных элементов агротехники для Центральной Нечерноземной зоны России. Болотов является основателем научной помологии.

Как и многие другие деятели XVIII в., А. Т. Болотов обладал энциклопедическими знаниями. Кроме сочинений на естественно-исторические и сельскохозяйственные темы его перу принадлежат несколько художественных произведений¹, трехтомный морально-этический трактат², ряд сочинений философского характера, а также переводов с иностранных языков.

¹ В том числе: *Болотов А. Т.* Неблаженные сироты: Драма в 3 действиях. М., 1781.

² *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. 1—3.

Историкам А. Т. Болотов известен как автор многочисленных неизданных исторических сочинений и особенно как автор знаменитых автобиографических записок³, содержащих огромный фактический материал по культуре и быту России XVIII в.

Ученому не чужды были и интересы изобразительного искусства и зодчества. Еще с юношеских лет он увлекся рисованием, сохранив это увлечение на всю жизнь. Многие свои рукописи Андрей Тимофеевич сопровождал собственными рисунками. В период пребывания русских войск в Пруссии во время семилетней войны (1757—1763) по эскизам А. Т. Болотова изготовлялись монеты и медали. Имеются его автопортреты.

В период жизни в Богородицке Болотов много внимания уделял строительству этого города. Когда было принято решение об отделении его от слободы и перенесении застройки на правую сторону пруда по реке Уперт, Болотов спланировал пятилучевую схему города со схождением лучей в зале дворца Екатерины II на высоком левом берегу. Эта планировка сохранилась и в настоящее время. Много таланта и труда вложил Болотов в свое замечательное детище — парк при дворце. Это был первый пейзажный парк в России, созданный русским человеком по собственному плану. В свое время его называли чудом садово-паркового искусства.

А. Т. Болотов был основателем одних из первых русских сельскохозяйственных журналов «Сельский житель» (1778—1779) и «Экономический магазин» (1780—1789). Сорок томов второго журнала содержат богатейший материал по сельскохозяйственной биологии, по научному обоснованию сельскохозяйственного производства. Журнал представляет интерес не только для историков сельскохозяйственной науки, но и для современных специалистов сельского хозяйства, поскольку многие из работ А. Т. Болотова не потеряли значения и в наши дни.

В отличие от предшествующей книги автора об А. Т. Болотове⁴, в этом издании значительно расширен биографический материал, творческая деятельность

³ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871—1873. Т. 1—4 (часто употребляется другое название — «Записки А. Т. Болотова»), так книга именовалась при переиздании).

⁴ *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов — первый русский ученый агроном. М.: Сельхозгиз, 1949. 184 с.

рассмотрена более разносторонне, в книгу включены результаты новых исследований автора по опубликованным и архивным материалам. Вместе с тем в Агропромиздате автором опубликована книга, освещающая вклад Болотова в решение различных проблем сельского хозяйства. Поэтому читателей, которые захотят более подробно ознакомиться с этой стороной деятельности ученого, он отсылает к ней.

Хотя стиль изложения XVIII в. для нас несколько труден, однако он дает более яркое представление о своеобразной личности А. Т. Болотова. Поэтому во всех цитатах из его работ текст сохранен в основном без изменения. В тех же случаях, когда он употреблял слова, непонятные современному человеку, в квадратных скобках дано их пояснение. Так же обозначены и другие замечания автора к тексту Болотова. Все даты указаны по старому стилю, кроме событий, имевших место после 1918 г.

В списке литературы приводятся работы, которые не вошли в библиографический указатель «А. Т. Болотов», изданный Центральной научной сельскохозяйственной библиотекой ВАСХНИЛ в 1984 г.

В работе над рукописью автору помогли сообщением интересных сведений об А. Т. Болотове, ценными советами по оформлению будущей книги И. Д. Балахонцев, Е. А. Болотова, А. П. Георгиева, Г. В. Глаголева, Е. М. Давыдов, П. А. Кобяков, В. Я. Лазарев, Н. А. Малеванов, С. А. Полищук, З. С. Потапова, Ф. С. Сласный, А. Л. Толмачев, Т. А. Твердунова, А. И. Трошии.

Всеим им автор выражает свою самую искреннюю и сердечную признательность.

Введение

Забывтое имя

Талант и работоспособность А. Т. Болотова были огромны, заслуги перед обществом несомненны, тем не менее его деятельность не получила надлежащей оценки ни при жизни, ни у последующих поколений.

Правящие круги царской России, пресмыкаясь перед иностранными дворами, из поколения в поколение воспитывали русскую интеллигенцию в духе преклонения перед всем иностранным, в частности перед иностранной наукой, в духе неверия в русский народ и презрительного отношения к его способностям.

Вот почему проявления русского таланта, открытия и изобретения, даже такие, которые составляли эпоху в истории человечества, не замечались правящей кликой, приоритет русской науки и практики не отстаивался. Ведь не случаен же тот факт, что Екатерина II приглашала в Россию за огромную плату англичанина Уатта, в то время как русский гениальный самоучка И. И. Ползунов, уже давно сконструировавший паровую машину, умер в нищете и неизвестности.

Открытие и экспериментальное доказательство величайшим русским ученым М. В. Ломоносовым закона сохранения материи и энергии своевременно не было оценено в России. Оно было несправедливо приписано французскому ученому А. Лавуазье, хотя тот пришел к своим выводам на 20 лет позднее Ломоносова.

С тех же позиций освещалась и история агрономической мысли в России. Введение новых приемов земледелия, новых сортов сельскохозяйственных растений, новых машин и орудий некоторые авторы связывали только с развитием иностранной науки и техники.

Примерно такое положение было и с работами А. Т. Болотова. На его опытах, исследованиях, печатных трудах воспитывались сельские хозяева целого столетия (с 70-х годов XVIII в.). Авторы же всевозможного рода учебных пособий по агрономии обычно ссылались на Тэера, Либиха, Юнга, Феленберга и других

ученых, но редко упоминали Болотова. А между тем, например, Тэер начал свою деятельность только в начале XIX в. Болотов же во второй половине XVIII в. уже изложил основные принципы рационального сельского хозяйства.

Он считал, что прошла пора, когда Европа могла смотреть на нас сверху вниз, что у русского народа ей многому можно и нужно поучиться. «Мы находимся ныне в таком состоянии, что во многих вещах не только не уступаем нисколько народам иностранным, но с некоторыми в иных вещах можем и спорить о преимуществах»¹.

Болотов не был сторонником пренебрежительного отношения к иностранному опыту. Но он был против не критического, механического перенесения в Россию всего иноземного. Так, говоря об устройстве садов, Болотов следующим образом излагал свои мысли об использовании иностранного опыта. «Мы, имея известия о садах разных государств, можем ими при сем случае пользоваться и извлекая из всех их лучшие и более с обстоятельствами нашими сообразные вещи, присоединять к ним нечто и от себя, и через самое то составим нечто особое»². Русская агрономическая наука развивалась своими путями, на основе своей теории и практики. Деятельность Болотова является прекрасным подтверждением этому. Однако при изучении истории нашей Родины некоторые авторы допускают грубые ошибки в оценке прогрессивных деятелей прошлого.

Необоснованная критика

Подобный, сугубо формалистский подход к оценке деятельности Болотова мы имеем в работе В. Б. Шкловского³. Не поняв роли Болотова в развитии русской науки, грубо исказив действительность, Шкловский дал в своей повести карикатурный образ ученого и резко отрицательную оценку его творчества.

Сильная тяга к знаниям, наблюдению, к экспериментам представляется Шкловскому как желание скупающего в деревне помещика разогнать тоску «фокусами и развлечениями». В систематической записи Болотовым своих наблюдений (из них метеорологические

¹ Экон. магазин. 1786. Ч. 26. С. 64.

² Там же. С. 62.

³ Красная новь. 1928. № 12. С. 179.

наблюдения велись свыше 50 лет) Шкловский видит только «затеи барина».

Не прошел Шкловский и мимо работ Болотова по ботанике. Только в гербарии, который послужил основой первого русского руководства по морфологии и систематике растений, он видит всего лишь «картузы с травами», которые Болотов не бросил при переезде из Киясовки в Богородицк, а бережно упаковал и перевез на новое место жительства.

Даже издание Болотовым замечательного земледельческого журнала не показалось Шкловскому заслуживающим положительной оценки. В результате и вся жизнь Болотова, долгая и плодотворная, сводится Шкловским только к забавам в садах.

Болотов, как представитель дворянства, конечно, во многих случаях жизни руководствовался нравами и обычаями помещиков того времени. Но это не должно заслонять от нас его заслуг ученого, его плодотворной научно-практической и пропагандистской сельскохозяйственной деятельности, его роли в развитии отечественной науки и культуры.

Уже в наши дни В. И. Недосекин без достаточных оснований причислил А. Т. Болотова к разряду помещиков-изуверов типа Салтычихи, которые всячески тиранили крестьян⁴.

Утверждение В. И. Недосекина о том, что Болотов «усердно полосовал батогами спины строптивых или чем-либо неугодивших крестьян», ничем не обосновано. Андрей Тимофеевич, как показывают его дневниковые записи, бывал в своей тамбовской деревне крайне редко, главным образом в связи с распрями с помещиками-соседами по поводу принадлежности тех или иных земельных угодий, а также для проведения межевания. Во время этих приездов он не только не наказывал крестьян, а, наоборот, защищал их от притеснений других помещиков (соседей).

Описывая одну из суровых мер наказания крестьян, В. И. Недосекин почему-то не счел нужным упомянуть, что Болотов применил ее лишь в единичном случае по отношению к вору, укравшему с мельницы муку и оболгавшему пятерых невиновных крестьян с целью сокрытия своего сообщника. Что касается употребления

⁴ Очерки истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. Т. 1. С. 139.

розог (кстати, и эта мера употреблялась Болотовым крайне редко и только в отношении пьяниц и воров), то следует иметь в виду, что это наказание в те времена было узаконенным и применялось не только к «низшим» слоям общества, но и к господам.

Принадлежность Болотова к дворянству определяла многие черты морали, неприемлемые с позиций нашего общества, но у нас нет оснований считать Болотова крепостником, жестоко расправлявшимся с крестьянами.

Во-первых, он был мелкопоместным дворянином, который почти всю жизнь провел в деревне среди крестьян и хорошо знал условия их жизни. Сам трудолюбивый, он ценил людей труда. Мог ли, например, жестокий крепостник написать такие слова о своем крепостном: «Сему-то доброму старичку решил я препоручить все сады мои в смотрение. И сей-то прежний слугитель отца моего, которого на старости мы женили и выпустили было в крестьяне, но взяли опять во двор, был и садовником моим, и помощником, и советником, и всем, всем. И хотя сначала и оба мы из относящегося до садов не знали, но иностранные книги обоих нас в короткое время так всему научили, что он вскоре сделался таким садовником, какого я не желал лучше. И он пришелся прямо ко мне и по моим мыслям; ибо не только охотно исполнял все мною затеваемое и ему повелеваемое, но и по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самые хотения мои, чем наиболее и сделался мне приятным. И я могу сказать, что все прежние мои сады разными насаждениями своими и всем образованием [созданием] своим обязаны сему человеку. Его рука садила все старинные деревья, и воспитывала, и обрезывала их; и его ум обработал многие в них места, видимые еще и поныне и служащие мне памятником его прилежности и трудолюбия.

Словом, я был сим служителем своим, дожившим до глубокой старости и трудившимся в садах моих до последнего остатка сил своих, так много доволен, что и поныне, при воспоминании его и того, как мы с ним тогда жилали, как все выдумывали и затеи свои приводили в действие, слеза навертывается на глазах моих, и я, благословляя прах его, желаю ему вечного покоя»⁵.

⁵ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* 1872. Т. 2. Стб. 408—409.

Разве стал бы крепостник, каким представил Болотова В. И. Недосекин, лечить крестьян от различного рода болезней, как это делал Андрей Тимофеевич, принимая их без деления на своих и чужих, иногда свыше ста человек в месяц, без всякого вознаграждения?

И разве счел бы нужным человек, жестокосердый по натуре, защищать интересы крестьян, когда их обманывали и притесняли другие помещики, разного рода чиновники и владельцы кабаков?

Андрей Тимофеевич, видевший, какое огромное зло для крестьян представляют кабаки; неоднократно пытался если не совсем ликвидировать, то, по крайней мере, значительно сократить их число. И только упорное сопротивление откупщиков, извлекавших благодаря питейным заведениям огромные барыши, не позволяло ему добиться упразднения этих злчных мест.

Во-вторых, более близкие по времени потомки Болотова, лучше знавшие его, не только не делали ему упрека в крепостнических замашках, но, наоборот, противопоставляли его крепостникам. Так, в послесловии по случаю окончания издания записок в журнале «Русская старина» сообщалось: «Если при Екатерине II между помещиками и помещицами являлись чудовища и людоеды вроде Салтычихи, зато были и Болотовы. Подобные светлые личности хотя сколько-нибудь примиряли со злом крепостничества, тяготевшим над Россией в течение трех с половиной веков и вызвавшим наконец кровавое возмездие в пугачевщине»⁶.

Наш видный писатель и публицист В. Г. Короленко, страстно бичевавший режим дореволюционной России за бесправие и нищету простого народа, тем не менее нашел возможным высказать теплые слова в адрес А. Т. Болотова. «Быть может, ярче всех этих рассказов небольшой эпизод чисто бытового характера, который рисует в своих замечательных мемуарах Андрей Тимофеевич Болотов. В доме одного из его соседей долгое время и заведомо всем истязали молодую девушку-кружевницу... так и умерла от этих истязаний, без всяких последствий для мучителей. И только сам Андрей Тимофеевич, человек по тому времени исключительно гуманный, выразил свой протест тем, что перестал ездить в гости в семью сих варваров»⁷.

⁶ Рус. старина. 1873. Т. 8, кн. 12. С. 1016.

⁷ Короленко В. Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 9. С. 211—212.

Все ли дозволено автору

В связи с памятливыми датами А. Т. Болотова (150-летием со дня смерти — 1983 г. — и приближающимся 250-летием со дня рождения — 1988 г.) внимание к ученому значительно возросло. Достаточно сказать, что за 20 последних лет ему было посвящено 16 публикаций, в том числе книга С. Новикова «Болотов»⁸. Издательство, выпуская ее, очевидно, ставило перед собою благородную задачу ознакомить советских читателей с жизнью и творчеством замечательного ученого. К сожалению, решить эту задачу в должной мере ему не удалось.

Конечно, нельзя не отдать должного автору. Книга написана эмоционально, живым увлекательным языком, с привлечением обширного исторического материала. Поэтому читается легко и с интересом. И, будь она историческим романом, может быть, и не потребовалась бы суровая критика ряда ее положений. Однако в подзаголовке книги значится: «Документальная историческая повесть». Следовательно, читатель должен воспринимать сообщаемое в повести как действительно происходившее. Нарушение принципа документализма составляет существенный недостаток книги. Автор настолько вольно обращается с историческими фактами, что события меняются во времени местами, исторические личности становятся тем, кем они никогда не были, им приписываются поступки, которые совершали другие лица.

И все-таки главный недостаток книги мы видим в том, что С. М. Новиков взял на себя смелость трактовать научную деятельность А. Т. Болотова, не будучи специалистом в этой весьма сложной сфере жизни.

Слабо ориентируясь в сельскохозяйственном производстве и его научных основах, Новиков порой так искажает эксперименты А. Т. Болотова и его теоретические рассуждения, что вместо талантливого исследователя перед читателем предстает образ невежды, допускающего элементарные методические ошибки и даже явные нелепости.

Работа над хроникой жизни ученого облегчалась тем, что большую часть ее Андрей Тимофеевич изложил в своих уже упоминавшихся «Записках». С. М. Но-

⁸ Новиков С. Болотов. М.: Сов. Россия, 1983. 335 с.

виков хорошо их использовал, и чисто бытовая сторона жизни Болотова освещена им достаточно живо. Однако не обошлось и без существенных погрешностей. Так, на с. 136 Новиков пишет: «Племянница просила помочь оформить следующую часть наследства умершего отца (Марфа скончалась раньше, вслед за старшей сестрой)». Однако известно, что Марфа (сестра Болотова) умерла в 1764 г., а Прасковья (старшая сестра) — в 1766 г. Еще более разительный пример неряшливости показывает С. М. Новиков на с. 128. «Беда не ходит в одиночку: на Псковщине безвременно скончалась любимая сестра Прасковья. И в немногие после того дни умер у него на руках второй сын, Степан, в котором души не чаял». Когда умерла Прасковья, уже говорилось, а Степан родился лишь в 1768 г. Как он мог умереть, еще не родившись, ведомо, вероятно, лишь одному С. М. Новикову.

Так же вольно обращается Новиков с историческими событиями и деятельностью связанных с ними людей. Приведем один пример. На с. 72 Новиков, излагая историю организации Вольного экономического общества (ВЭО, 1765 г.), утверждает, что главным действующим лицом в его создании был новгородский губернатор Я. Е. Сиверс. На самом же деле Сиверс только в 1767 г. был принят в члены Общества. По Новикову получается, что Екатерина II узнала о создании Общества лишь осенью 1765 г. и «не была в восторге от этой идеи. Но запрета не наложила — слыла в Европе просвещенной монархиней! Да и не верила в успех замыслаемого дела» (с. 72). Между тем идейной вдохновительницей Общества была именно Екатерина. Уже вскоре после прихода к власти она решила провести ряд мероприятий для улучшения положения в сельском хозяйстве. В их числе намечалось создание при Академии наук отделения «агрокультуры». Но, по-видимому, под влиянием идей М. В. Ломоносова об учреждении «коллегии сельского домостроительства», независимой от Академии, Екатерина отказалась от своего замысла и решила последовать примеру западноевропейских государств, где в это время активно создавались общества сельского хозяйства (Парижское — 1761 г., Тюрингенское — 1762 г., Лейпцигское — 1762 г. и др.). Важную роль в создании общества сыграл А. А. Нартов. Новикову, взявшемуся писать об А. Т. Болотове, следовало бы знать об его следующем высказывании по

этому поводу: «Как самое основание одного, так и управление им и поддерживание одного можно наиглавнейше приписать господину Нартову Андрею Андреевичу — бессменному секретарю сего общества»⁹.

Наиболее грубые ошибки допускает Новиков в трактовке научных исследований Болотова и их результатов. Одно из лучших, в теоретическом плане произведений Андрея Тимофеевича «О разделении полей» С. М. Новиков умудрился подать так, что вместо труда, заложившего основы учения о системах земледелия, предстает какое-то кабаллистическое творение, где все зиждется на магическом числе семь. «На чистом листе бумаги появляется заглавие „О разделении полей...“. И тут же листок прячется. Слишком уж отважное и прямо страшное дело — так круто повернуть все земледелие! А семерка не выходит из головы. Андрей Тимофеевич выводит ее на чем попало. Пером. Углем. Красками. Чертит на земле палкой. Но она просится опять на бумагу» (с. 137).

Не могло такого быть с Болотовым. Ведь перелогами занимать поля не обязательно три года. Поэтому в выгонной системе земледелия были наряду с семипольными севооборотами (число семь!) и 6- и 8-польные.

А вот какой агрономический казус получился у Новикова при описании истории метода совместного посева озимых и яровых хлебов. Положив в основу действительный факт — письмо одного из корреспондентов Андрея Тимофеевича о весеннем посеве озимой ржи — и соединив его с попытками совместного посева озимых и яровых зерновых культур уже в наше время, Новиков безответственно возвел этот прием в ранг новейшего и величайшего научного достижения. Об этом он повествует следующим образом: «И наступил день, когда новый метод перешагнул делянки. Колхоз им. Чкалова, первым поверивший в научную идею своего агронома, отвел под совместные посевы большой участок. И не прогадал. Небывалый способ принес небывало высокий урожай» (с. 235).

Тут все поставлено с ног на голову. Во-первых, Новиков неверно трактует методические указания Андрея Тимофеевича к проведению проверочных опытов с весенним посевом озимой ржи как его рекомендации к

⁹ Болотов А. Т. Современник, или Записки для потомства, 1795. Ч. 1. С. 286. Рукопись.

практическому использованию этого приема. Во-вторых, «небывалый способ» под названием двуххлебного посева применялся в некоторых районах России еще в XVIII в. В-третьих, в 50-х годах нашего века он широко исследовался в Институте сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны (Немчиновка) и в конечном счете был признан бесперспективным. Зачем же делать Болотова родоначальником идеи, которую он не поддерживал, и вводить в заблуждение читателей и агрономическую общественность относительно ее значения?

Или, например, такое утверждение: «Мог ли автор [А. Т. Болотов] предполагать, что явится основоположником лесоводческой науки» (с. 79). Петр I еще в начале XVIII в. поручил Адмиралтейской коллегии назначить особых людей «как к сбережению готовых, так и к разведению новых лесов, знающих и искусных». Назначенный форстмейстером (лесничим) Фокель по заданию коллегии объехал многие районы России с целью изучения лесных богатств и на основе полученных данных написал руководство, в котором были изложены основные принципы использования лесов и их возобновления. Рукопись Фокеля в 1752 г. рассматривалась на заседании Академии наук при активном участии М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова. В «Трудах» ВЭО были опубликованы статья А. А. Нартова «О посевах лесов» (1765) и статья Лемана «Мнение о лесах» (1766). Андрей Тимофеевич, посылая свой трактат, хорошо знал об этом и отнюдь не претендовал на лавры «основоположника лесоводческой науки», хотя заслуги его в развитии лесоводства несомненно велики.

Такую же неправомерную восторженность проявил С. М. Новиков, написав в своей книге следующее: «Номер „Трудов Вольного экономического общества за 1770 год“ по справедливости должен быть выставлен во всех музеях страны. В нем — первая в России научная статья „Примечания о картофеле“, принадлежащая Болотову» (с. 93). Однако известно, что Санкт-Петербургская Академия наук еще в 1758 г. в статье «О разведении земляных яблок»¹⁰ знакомила сельских хозяев с основными правилами возделывания картофеля, а также со способами использования клубней.

¹⁰ Сочинения и переводы к увеселению и пользе служащие. СПб., 1758.

Я. Е. Сиверс в 1767 г. опубликовал статью, в которой среди приемов посадки картофеля описывал посадку под соху.

В ряде случаев С. М. Новиков научное наследие А. Т. Болотова напрямую связывает с сельскохозяйственной практикой наших дней, игнорируя принцип исторической преемственности. При этом он не гнушается искажать высказывания Болотова. Текст из статьи А. Т. Болотова «Об улучшении лугов» Новиков изложил так: «Наилучшим и надежнейшим средством почитаю я распахивание лугов и превращение их в пашню с посевом на них луговых лучших сортов трав. Опыт, который мне предпринять случилось, подает мне великую надежду. Посев клевера доказал мне, что одна десятина дает более полутора тысяч пудов наилучшего сена...» (с. 172).

А вот слова самого Болотова: «...наилучшим и надежнейшим средством почитаю я распахивание лугов и превращение их на несколько лет в пашню... с посевом на них семян луговых и лучших родов трав... Посев малого количества одной иностранной травы доказал мне, что и в нашем климате можно было с одной десятины более полуторы тысяч пудов наилучшего и такого сена получить, которое без всякой нужды пополам с соломой смешиваемо быть может»¹². Из слов Андрея Тимофеевича совершенно четко видно, что севл он траву вовсе не на десятине, а на небольшом участке, и был это не клевер, а люцерна, что видно из другой статьи в этом же журнале.

Уж если Новикову важно было показать истоки отечественного травосеяния, то лучше бы это сделать на более ярких примерах. Так, в конце XVIII в. Д. М. Полторацкий в своем имении Авчурино Калужской губернии создал образцовое хозяйство с широким применением посевов клевера. Выдающийся русский ученый-агроном А. В. Советов так охарактеризовал деятельность Д. М. Полторацкого: «Чтобы оценить достойно такой решительный шаг Полторацкого, надобно знать время, когда он принимался за новое земледелие и прежнее положение его имения Авчурино. На такой подвиг Полторацкий решился, когда не толь-

¹¹ Сиверс Я. Е. Известие о расплоде земляных яблок в Новгородской губернии // Тр. ВЭО. 1767. С. 197—200.

¹² Сел. житель. 1778. Ч. 1, л. 4. С. 13.

ко в России, но и на Западе еще очень шаткие имели понятия о травосеянии и плодосменности...»¹³

Не имея возможности рассмотреть все научные ляпсусы, которыми пестрит книга С. Новикова, ограничимся лишь несколькими примерами того, как по незнанию он приписал А. Т. Болотову чужие открытия, например явление дигогамии (с. 265), в то время как его в семействе мальвовых открыл Понтедера еще в 1720 г.; окулировку (с. 179), которая известна садоводам испокон веков, а Болотов лишь внес в нее ряд усовершенствований; получение гибридов (с. 266), хотя первые искусственные гибриды у растений были получены еще в 70-х годах XVII в. смотрителем Оксфордского ботанического сада Д. Бобартом.

Эти критические замечания написаны с единственной целью: помочь тем, кто прочел книгу С. Новикова «Болотов» или прочтет ее в будущем, составить более правильное представление о нашем земляке, талантливом ученом — Андрее Тимофеевиче Болотове.

Желая возвеличить научный подвиг А. Т. Болотова, показать его в качестве первооткрывателя многих великих истин, не один С. Новиков допускает грубейшие ошибки, а порою и совершенно недопустимые ляпсусы. Так, Л. Ревякина в статье «Судьба назначила меня» сообщает читателю следующие сведения о деятельности Андрея Тимофеевича: «В середине XVIII века во Франции во дворе короля в Версале аббат Нолле, изучавший благотворное действие электричества на растения и животных... [Далее описываются развлекающие публику опыты с легким ударом электрического тока, который получает цепочка людей после прикосновения крайнего из этой цепочки к полюсу лейденской банки.]

Болотов же задолго до этого уже лечил знакомых и соседей, используя лейденскую банку...»¹⁴

Произведем самые простейшие расчеты. Опыты аббата относятся к середине XVIII в., будем считать к 1745—1755 гг. Болотов, сказано, лечил людей задолго до этого — примем для понятия «задолго» срок 10 лет. Следовательно, электролечение применялось им уже в 1735—1745 гг. А он, как известно, родился в 1738 г. Вот таким гениальным малюткой (а по первому сроку даже еще до зачатия) был Андрей Тимофеевич по описанию Л. Ревякиной.

¹³ Советов А. В. Избр. соч. М.: Сельхозгиз, 1950. С. 29.

¹⁴ Недела. 1985. 2—8 сент. № 37. С. 23.

Болбтов, а не Бблотов

Вероятно, каждому, кто публикует статьи или книги об А. Т. Болотове, следует сообщать что-то новое о жизни и деятельности ученого. Ведь на этом обширном поле еще столько «белых пятен». Одним из них, в частности, является произношение фамилии ученого. Повидимому, так, как мы это делаем сейчас, с ударением на первом слоге (так узаконила Большая Советская Энциклопедия), неправильно. Автор до последнего времени тоже придерживался общепринятой точки зрения, поскольку в повседневной жизни приходилось сталкиваться именно с таким произношением этой фамилии, а в печатных изданиях и рукописных материалах старого времени фамилия Болотовых с обозначенным ударением ни разу не встречалась.

Однако сомнения в правильности ударения были. Во-первых, непонятно, как могла произойти такая фамилия. Обычно русские фамилии являются производными от какого-то уже употребляющегося слова. Ни в одном из толковых словарей русского языка не имелось слова, которое могло бы послужить основой для происхождения фамилии Бблотов. В то же время фамилия легко производится от слова «болото», и появление ее вполне логично объяснить, зная происхождение предков Андрея Тимофеевича. В XVI в. татаро-монгольские племена еще продолжали свои набеги на русскую землю. Какая-то часть их небольших отрядов переходила на службу к русским князьям, впоследствии за успехи в ратных делах военачальников жаловали вотчинами. При этом они часто приобретали русские имена и фамилии. Вот таким выходцем из татар и был далекий предок Андрея Тимофеевича. Поскольку жалованную землю он получил в средней России, где в те времена было много болот, то немудрено, что и называть владельца нового имения стали по этому признаку. Во всяком случае, первоначально фамилия произносилась с ударением на втором слоге. Доказательства этому видны в следующем. В составе деревень имения Болотовых (в Алексинском уезде Тульской губернии) была деревня Болотово. Она и сейчас существует на территории колхоза «Путь к коммунизму» Заокского района Тульской области. Ее название произносится с ударением на втором слоге. Так вот, о происхождении названия этой деревни Андрей Тимофеевич в своих авто-

биографических записках сообщал: «...предок сей [прапрапрадед Еремей]... жил в помянутой... деревне, которая по нем стала называться Болотово». Трудно представить, что когда-то деревня называлась Бóлотово, а потом ее переименовали в Болóтово.

Второе доказательство имеется в тех же записках Андрея Тимофеевича. Рассказывая о своих приятельских отношениях с Г. Г. Орловым (в годы военной службы), он упоминал, что Орлов дал ему дружеское прозвище «болотенько». Орлов вряд ли употребил бы это слово с ударением на первом слоге. В то же время с ударением на втором слоге оно звучит с ласковым оттенком, на что обращал внимание Андрей Тимофеевич.

Сомнения надо было рассеивать. Наиболее надежным казалось найти прямых потомков по мужской линии.

Безрезультатные поиски продолжались долго, но все же в конце концов счастье улыбнулось мне: я нашел прямых родственников Андрея Тимофеевича, которые не только знали свою родословную вплоть до великого предка, но и хранили семейные реликвии, связанные с ним и его детьми. Это прежде всего потомки по дочери Андрея Тимофеевича — Анастасии, вышедшей замуж на Петра Ивановича Воронцова-Вельяминова, — прапраправнучки Ольга (1895 г. рождения) и Анастасия (1903 г. рождения, в замужестве Георгиева), проживающие в Москве.

Анастасия Павловна, хорошо помнящая своего деда — Алексея Павловича (правнука Андрея Тимофеевича, 1843—1913), сказала, что в его семье (а также в семье ее отца, 1865—1948) фамилию всегда произносили с ударением на втором слоге, что дедушка очень сердился, если кто-то называл их Бóлотовыми.

И наконец, Анастасия Павловна показала еще одно, весьма убедительное доказательство того, что фамилию Болотовых нужно произносить с ударением на втором слоге. В ее семье хранится ценная реликвия — рукописная (в переплете) книга дочери Андрея Тимофеевича — Анастасии, написанная ею собственноручно. В эту книгу Анастасия Андреевна переписывала наиболее интересные места из прочитанных книг. На титульном листе книги рукою Анастасии Андреевны написано: «Списано из разных книг Настасьєю Болотовою». А вот на переплете уже переплетчиком вытиснено;

«Настасья Балотовой» (прописными буквами). Даже будучи малограмотным человеком, переплетчик не написал бы «Балотовой», если бы ударение падало на первый слог. Как известно, в московском говоре безударное «о» произносится как «а», чем и была вызвана ошибка переплетчика.

Подобного же типа ошибку допустила и теща Андрея Тимофеевича — Мария Абрамовна Каверина. В рукописном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) в фонде 89, единица хранения 106, 1801 г. имеется ее письмо от 28 октября внуку — Павлу Андреевичу. В этом письме имеются такие строки: «Мысленно целую вас и милою Катенку и Сашенку [орфография Кавериной] и Николая Балотова». Как видите, опять Балотова. Одну и ту же ошибку допускают разные люди. Почему? Потому, что пишут, как говорят. А вот если бы фамилия была Бóлотов, они бы этой ошибки не допустили. О письме Кавериной мне любезно сообщил прапрапраправнук Андрея Тимофеевича по сыну Павлу — Андрей Леонидович Толмачев, проживающий в Москве. Он весьма интересуется биографией своего далекого предка и ведет активный поиск в архивах нашей страны всего, что связано с ним и его ближайшими родичами.

Совсем недавно я нашел еще одно подтверждение тому, что в XVIII в. фамилия Болотов произносилась с ударением на втором слоге. В книге С. П. Жихарева есть такой текст: «Послание Марина к Капнисту как раз напоминает эпистолу воспитанников Университетского пансиона к пансионному эконому Болотову „О пользе огурцов“, забавную пародию превосходной эпistolы Ломоносова к Шувалову „О пользе стекла“»¹⁵. Начало письма Ломоносова широко известно: «Неправо о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтут ниже минералов». Воспитанники пансиона спародировали эти слова следующим образом: «Неправо о вещах те думают, Болотов, которые огурцы чтут ниже бергамотов». Из этого шуточного обращения ударение в фамилии определяется совершенно четко, на втором слоге.

Когда я уже счел розыски, связанные с произношением фамилии Андрея Тимофеевича, законченными

¹⁵ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л.: Academia, 1934, т. 2. С. 454.

и ударение на втором слоге доказанным, эта история неожиданно получила продолжение: нашлись его родственники, также хорошо знающие свою родословную и хранящие семейные реликвии, но произносящие фамилию с ударением на первом слоге. Было от чего прийти в изумление. Самое невероятное заключалось в том, что вновь обнаруженные родственники не были «седьмой водой на киселе» по отношению к Андрею Тимофеевичу, а вели свое происхождение от родного брата его отца — Матвея Петровича Болотова. В семье Елизаветы Александровны Болотовой (1912 г. рождения), прапраправнучки Матвея Петровича (по ветви Матвей—Михаил—Андрей—Николай—Александр—Александр), проживающей в Ленинграде, хранятся оригинальные и весьма интересные материалы, имеющие прямое отношение к Андрею Тимофеевичу, в том числе один из рукописных томов его известных автобиографических записок. В личной беседе Елизавета Александровна и сообщила мне, что их род не Болóтовы, а Бóлотовы, причем ей хорошо известно, что и дедушка ее был Бóлотов.

Каким же образом и когда произошло смещение ударения в фамилии? Более или менее вероятно лишь одно: Матвей Петрович, Михаил Матвеевич и Андрей Михайлович были Болóтовы. Ведь они жили в одно время с Андреем Тимофеевичем, их усадьбы находились в непосредственной близости друг от друга, между их семьями происходило тесное общение. Поэтому невозможно представить такую ситуацию: фамилия Андрея Тимофеевича и двоюродного брата имеет разное произношение, но он об этом ни разу не упоминает в своих записках. С другой стороны, по утверждению Елизаветы Александровны, ее дедушка Александр Николаевич уже был Бóлотов. Стало быть, смещение ударения произошло в период жизни Николая Андреевича. Чем оно было вызвано — сказать трудно. Может быть, пока люди жили в деревне и занимались сельским хозяйством, они не считали зазорным фамилию Болóтов. Потомкам же их, переселившимся в город, связь фамилии с «болотом» показалась не совсем приличной для дворянского рода, и они переменной ударения сделали ее, как им думалось, более благозвучной.

А вот почему исчезла фамилия Болóтовых и сейчас встречаются Бóлотовы, по-видимому, более или менее

достоверно предположить можно, проанализировав генеалогические ветви по линии Андрея Тимофеевича и его двоюродного брата Михаила Матвеевича. Как известно, в России по существующему порядку фамилии переходят к последующим поколениям, как правило, по мужской линии. Поэтому чем больше в роду сыновей, тем надежнее сохраняется фамилия. У Андрея Тимофеевича из взрослых детей был лишь один сын Павел. У него, несмотря на многочисленное семейство, род продлили лишь Алексей и Михаил. У Алексея был один сын и один внук, сыновья Михаила потомства не оставили. Таким образом, род Болотовых из поколения в поколение уклонялся в женскую сторону и в результате потомство с этой фамилией уменьшилось.

Другое дело род Болотовых. У Николая из 6 детей было 5 мальчиков, у его сына Андрея — все пять детей мальчики, у внука Александра — из 5 детей четыре мальчика, у правнука Алексея — то же самое: из 5 детей четыре мальчика.

Распространение фамилии с ударением на первом слоге привело к тому, что сейчас очень трудно привить людям правильное произношение фамилии Андрея Тимофеевича.

Сейчас многие считают, что ударение менять не следует. Все привыкли к такому произношению, пусть оно и остается. Однако это несправедливо по отношению к памяти великого человека. Знать правильную его фамилию и употреблять другую нелепо, тем более что многие люди пока еще вообще не знают Болотова и правильное произношение его фамилии не составит для них никакого труда.

Приближается юбилейная дата ученого — 250-летие со дня его рождения. Надо полагать, она будет отмечена на самом высоком уровне. И в первую очередь необходимо восстановить правильное произношение фамилии нашего замечательного земляка.

В заключение хочу обратиться к читателям: если среди вас найдутся Болотовы, знающие своих предков (чем дальше, тем лучше), не откажите в любезности сообщить автору. Заранее выражаю вам свою самую искреннюю признательность.

Письмо Раменскому: реальность или вымысел?

В связи со сказанным о необходимости раскрытия «белых пятен» в жизни и творчестве А. Т. Болотова большой интерес представляет оригинальная публикация М. Маковеева «Обратить в пользу для потомства»¹⁶, касающаяся известной учительской династии Раменских. Речь в ней идет об Акте комиссии Ржевского горона, в котором в 1938 г. по поручению Наркомпроса РСФСР был описан семейный архив Раменских. В числе прочих документов в Акте полностью приводится письмо А. Т. Болотова основателю мологинской ветви (село Мологино Ржевского района Калининской области) учителей Раменских — Алексею Даниловичу Раменскому.

Редакция «Нового мира» сопроводила публикацию вступительным замечанием, подчеркнув, что документы, «до сих пор неизвестные науке, представляют — при условии их подлинности — огромный общественный интерес». Поскольку архив Раменских, хранившийся в Ржевском краеведческом музее, погиб в грозные годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и проверить подлинность приводимых в Акте документов путем сличения их с оригиналами нельзя, редакция совершенно справедливо утверждала: «Остается один путь проверки подлинности копий, представленных в документе, — путь научного анализа».

Однако несмотря на довольно четкую позицию редакции относительно необходимости предварительной проверки подлинности исторических материалов, М. Маковеев в своем предисловии к публикации, по-видимому, только на основании этого письма А. Т. Болотова А. Д. Раменскому, но уже без всяких оговорок, более того, весьма утвердительно пишет, что Болотов, «как оказалось», бывал в доме Раменских в Мологине.

Таким образом, читатель, недостаточно знакомый с биографией А. Т. Болотова, может принять это утверждение М. Маковеева за достоверный факт.

Более 40 лет занимаюсь я изучением жизни и творчества А. Т. Болотова. Что можно сказать на основании известного мне об Андрее Тимофеевиче по поводу упомянутого письма? Откровенно признаюсь: не сразу

¹⁶ Новый мир. 1985. № 8. С. 195—212.

пришел к определенному выводу. Есть в письме такое, что заставляло не раз возвращаться к нему и снова перечитывать. Многое в нем заставляет верить в его подлинность. Во всяком случае, человек, написавший письмо, хорошо знал то время, события, связанные с А. Т. Болотовым и упоминаемыми им людьми, причем в таких деталях, которые могли быть известны только самому Болотову или людям, очень хорошо знакомым с его дневниками. Таковы, например, упоминание в письме о посещении Болотова Н. И. Новиковым в 1791 г., рассуждение о том, что Новиков «жив, хотя имел несчастье повредиться в разуме». Соответствуют действительности сообщаемые в письме даты событий: профессор Московского университета И. Г. Шварц действительно умер в 1784 г., посещение Болотовым Радищева в 1797 г. могло в самом деле состояться, поскольку именно тогда Радищев вернулся из ссылки в свое имение Немцово.

В письме чувствуется стиль А. Т. Болотова, его манера обращения к собеседнику, встречаются особо любимые им обороты и слова.

И тем не менее есть в письме детали, вызывающие большие сомнения в его подлинности. Не могло быть в письме Болотова таких выражений, как, например, «по агрономическим вопросам», «из агрономических вопросов» (тогда слово «агрономия» и его производные еще не были в употреблении в России). Никогда не пользовался Андрей Тимофеевич словом «природа», всюду у него фигурирует «натура». Недоумение вызывают словесные обороты: «Ваша методика обучения...», «...передайте, пожалуйста, привет...»

Довольно странно выглядит для Болотова его подпись в письме: «С глубочайшим уважением к Вам Андрей Тимофеевич Болотов». Я подобной подписи не встречал, хотя просмотрел массу его писем. Или, скажем, есть в письме строки: «Как я уже соизволил Вам написать...» Не мог такое допустить Болотов. Этикет вежливости XVIII в. предписывал употребление этого глагола по отношению к собеседнику, но никак не к собственной персоне: например, «Вы соизволили мне сказать» и т. п.

Конечно, эти сомнения нельзя рассматривать в качестве доказательств, достаточно убедительно отвергающих подлинность письма. Во-первых, у А. Т. Болотова был отвратительный почерк, так что ничего удивительного

тельного не было, если составители Акта вместо слов, имевшихся в подлиннике, употребили совсем другие. Во-вторых, если редакция «Нового мира» и М. Макаеве «по взаимному согласию» сочли возможным «некоторые места Акта подвергнуть незначительным исправлениям», то почему этого не могли сделать составители Акта в отношении подлинных документов?

Само по себе письмо при всех его внутренних противоречиях не вызвало бы у меня желание вступить к дискуссии, если бы оно не шло вразрез с тем огромным фактическим материалом, который имеется, если можно так выразиться, на противоположной стороне системы Раменский—Болотов, т. е. в архивах Болотова. Причем если на одной стороне (Раменский) — только копия единственного документа, то на второй (Болотов) — множество подлинных материалов, и в первую очередь его дневники и опубликованные на их основе знаменитые записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова».

Как известно, Андрей Тимофеевич в течение всей своей жизни вел подробные записи всего сделанного им и произошедшего в его жизни. Не оставлял он без внимания ни одного нового знакомства, особенно если человек был духовно близок ему и научные интересы их совпадали. О всех таких людях мы находим довольно подробные упоминания в «Записках». Так же обстоятельно фиксировал Андрей Тимофеевич все свои поездки за пределы Дворянинова и Богородицка.

И вот, зная этот биографический фон, попробуйте объяснить: почему Болотов ни разу в своих дневниках и «Записках» не назвал фамилии Раменского, Радищева, Петрова, Шварца, Юрьева, почему он не описал, как это делал в отношении всех других своих поездок за пределы постоянного местожительства, посещение Мологина и Немцова? Хотя в письме Раменскому, которое фигурирует в Акте, все упоминаемые в нем люди аттестуются как близкие Андрею Тимофеевичу.

В самом деле, уже в первых строчках письма Болотов огорчается перерывом в «дружеской переписке» с адресатом — А. Д. Раменским. Обратите внимание: речь идет не об единичном письме, а о переписке. Кроме того, Болотов обнаружил свою оплошность, «просматривая записи протекших времен своих», т. е., по видимому, встретил запись, касающуюся А. Д. Раменского. Почему же ее нет в действительности?

О посещении его Н. И. Новиковым А. Т. Болотов рассказывает в своих «Записках» довольно подробно. Но содержание разговора при той встрече по «Запискам» совершенно непохоже на то, о котором говорится в письме. Такое расхождение в описании одного и того же события не свойственно Андрею Тимофеевичу.

Далее. В письме И. Г. Шварц упоминается со словами «наш друг». Но каждому, кто знаком с деятельностью Шварца, очевидно, что это явное недоразумение, Шварц не мог быть другом Болотова по той простой причине, что являлся одним из руководителей масонского общества, а Болотов как огня боялся близости с масонами. Эта боязнь, как известно, пробежала «черной кошкой» между Болотовым и Новиковым, помешав их более тесному сближению. И если дружеские отношения с Новиковым поддерживались на деловой основе, благодаря совместной работе по изданию «Экономического магазина», то о дружбе со Шварцем не могло быть и речи.

Противоречат идеологии и морали Болотова его высказывания в письме о А. Н. Радищеве. Убежденный монархист и апологет крепостного права, вряд ли пошел бы он на такое сближение с вольнодумцем, чтобы ради этого совершить специальную поездку в другую губернию. Есть и еще одно свидетельство тому, что Радищева в числе близких Болотову людей не было. В «Памятнике протекших времен» (1875. Ч. II С. 28) есть параграф «Государь освобождает некоторых важных заключенных», в котором Болотов, рассказывая о распоряжении Павла освободить политических заключенных, ведет речь о Н. И. Новикове, но ни одним словом не упоминает Радищева. Редактор издания вынужден был сопроводить текст Болотова следующим примечанием: «Между прочим — Радищева, сосланного в Сибирь за издание своего Путешествия из Петербурга в Москву».

В письме А. Т. Болотов просит А. Д. Раменского передать привет хозяину Мологина А. М. Юрьеву, упоминая о знакомстве с ним еще по петербургскому периоду своей жизни. Между тем ни в одном из биографических документов сведений об этом знакомстве не имеется.

Таким образом, содержание письма А. Т. Болотова А. Д. Раменскому, зафиксированного в Акте, не подтверждается довольно обширным биографическим

материалом Болотова, как опубликованным, так и рукописным. Тем самым мы обязаны отвергнуть его подлинность. Поскольку экспертиза установила подлинность Акта, следовательно, в подлинности должно быть отказано самому письму. Каким образом в архиве Раменских оказался этот удивительный документ, кто его автор, какие цели преследовались при его написании — этого, по-видимому, никто никогда не узнает. С утратой архива Раменских исчезла и возможность раскрытия гайпы.

Строгая же историческая наука должна признать:

1. Знакомства и переписки А. Т. Болотова с А. Д. Раменским не было, так же как не было и его посещения Мологина в Тверской губернии.

2. Не имели место также знакомство Болотова с А. Н. Радищевым и поездка его в Немцово Калужской губернии.

3. И. Г. Шварц не был не только другом А. Т. Болотова, но и его знакомым.

Дорожить прошлым

Оценивая положительно все работы по восстановлению незаслуженно забытого имени А. Т. Болотова, с горечью приходится констатировать, что сделанного еще явно недостаточно. Публикации о Болотове пока что не производят должного действия, они существуют как бы сами по себе, не вынуждая авторов учебных пособий и монументальных работ по биологии и агрономии при изложении материала обращаться к наследию замечательного ученого. По-прежнему, вспоминая прошлое, многие авторы забывают рассказать о мыслях и научных исследованиях А. Т. Болотова, предпочитая привести побольше иностранных фамилий, что как будто бы свидетельствует о их более высокой эрудиции.

Приведем лишь несколько примеров. Каждый из трех томов «Помологии» Л. П. Симиренко¹⁷ снабжен солидным списком ученых, имена которых упоминаются в тексте. И вот в этом обилии имен не нашлось места А. Т. Болотову, хотя его можно по праву считать отцом помологии. Его замечательный многолетний

¹⁷ Симиренко Л. П. Помология. Киев: Акад. с.-х. наук, 1961. Т. 1; 1962. Т. 2; 1963. Т. 3.

труд¹⁸ был создан за несколько лет до выхода в свет (1799) помологической системы немецкого ученого Диля, который официально считается основателем помологии.

Хороший сборник под названием «Картофель»¹⁹, в отличие от других изданий подобного рода, содержит довольно обширный исторический раздел, в частности историю распространения картофеля в России. В нем рассказывается даже о малоизвестном наставлении Медицинской коллегии по возделыванию картофеля, уже упоминавшемся нами. Но в книге нет ни одной строки о работах А. Т. Болотова по картофелю. А ведь биологическая сторона размножения, выращивания и использования этой культуры в те времена в основном была разработана именно им.

Московский университет сделал полезное дело, издав многотомный труд по физиологии сельскохозяйственных растений. Десятый том посвящен плодовым растениям. В статье А. С. Кружилина²⁰ довольно подробно рассматривается проблема совместимости и несовместимости тканей в процессе прививки и роль биохимического состава растений. Автор оперирует лишь данными исследований 40–60-х годов нашего столетия. Между тем у А. Т. Болотова есть интереснейшая работа «О неспособности сладких яблонь принимать прививку», где впервые в истории науки описывался факт несовместимости тканей при прививке и указывалась причина этого явления (содержание сахара в соке растений). Вероятно, А. С. Кружилину следовало бы рассказать об этой работе.

Если авторы и обращаются к научному наследию А. Т. Болотова, то зачастую делают это неряшливо. Например, в учебнике «Земледелие»²¹ есть ссылка на его работу по обоснованию выгонной системы земледелия. Но в списке литературы название статьи и издательство сборника указаны неверно.

Рассматривая проблему восстановления имени А. Т. Болотова в истории отечественной науки, нельзя не коснуться проблемы истории сельскохозяйственной

¹⁸ Болотов А. Т. Избр. соч. М.: МОИП, 1952. С. 241–277.

¹⁹ Картофель. М.: Колос, 1970. 376 с.

²⁰ Физиология сельскохозяйственных растений. М.: Изд-во МГУ, 1968. Т. 10. С. 82–99.

²¹ Воробьев С. А., Выров Д. И., Тыликов А. М. Земледелие. М.: Колос, 1977. 480 с.

науки вообще. Сельское хозяйство — одно из древнейших занятий человечества. За длительные годы своего существования оно накопило богатейший опыт по возделыванию растений. Еще не зная существа многих биологических закономерностей, древние земледельцы создали такие замечательные сельскохозяйственные растения, как пшеница, кукуруза, сахарная свекла, подсолнечник, капуста, огурцы, морковь, яблоня, груша и др. Из поколения в поколение неизвестные селекционеры улучшали сорта растений, и в результате их работы мы получили такие шедевры народной селекции, как прославленные на весь мир сорта мягкой и твердой пшеницы, псковские льны, кряжевые ярославские клевера, яблоня-антоповку, владимирскую вишню и др. К сожалению, многие из этих шедевров уже исчезли: одни в силу естественных причин, другие — в результате пренебрежительного отношения к прошлому.

Богатейшее наследие заключено в литературных памятниках, в старинных книгах и журналах. Достаточно сказать, что первое русское научное общество — «Вольное экономическое», основанное в 1765 г., просуществовавшее 150 лет, почти все эти годы издавало научный сельскохозяйственный журнал «Труды Вольного экономического общества». Сто лет функционировало Московское общество сельского хозяйства и также издавало свой журнал (под разными названиями). Деятели русской сельскохозяйственной науки вносили большой вклад в развитие отечественной науки. Однако этот вклад до сих пор не оценен в должной мере.

Не странно ли, что в нашей стране можно найти книги по истории любой науки, кроме сельскохозяйственной? Даже история деятельности Вольного экономического общества, несмотря на всю ее продолжительность и значимость, до сих пор не получила должного освещения.

По-видимому, настало время решительно покончить с недооценкой истории русского сельского хозяйства и науки о нем и восстановить ее в правах в полной мере, как она того заслуживает.

Детство (1738—1754)

Немного о его предках и потомках

Андрей Тимофеевич родился два с половиной века назад. Много поколений сменилось за это время, многое стерлось в памяти людей. Его богатейшее наследство в виде опубликованных книг и статей сейчас мало доступно для широкого круга читателей, а рукописные материалы — лишь достояние архивов. Учитывая это обстоятельство, автор счел необходимым ознакомить читателей, хотя бы очень кратко, с историей рода Болотовых. Клан этот к периоду жизни Андрея Тимофеевича основательно обеднел, но был старинным и родовитым. Поэтому генеалогическое древо его можно восстановить по архивным документам достаточно подробно.

В свое время такую работу провел дядя Андрея Тимофеевича — Матвей Петрович Болотов (1711—1765). Он побывал во многих учреждениях, где хранились документы рода Болотовых, разыскивал их и делал нужные выписки. В результате у него сформировалась основательная родословная. Тетрадь с этими записями и устные рассказы Матвея Петровича Болотов использовал в автобиографических записках.

Родословная Андрея Тимофеевича прослеживается вверх до некоего Романа Болотова, жившего в начале XVI в. Внук Романа — Гавриил — был прадедом Лариона (1647—1690), который, в свою очередь, был прадедом Андрея Тимофеевича. Сын Лариона — Петр дедушка Андрея Тимофеевича, 168?—1730) был женат на Екатерине Григорьевне Бабиной (умерла в 1711 г.). У Петра Ларионовича было два сына: Матвей (1711—1765 и Тимофей (?—1750) — отец Андрея Тимофеевича. Женой Тимофея Петровича стала Мавра Степановна Бакеева (?—1752). У них было трое детей: Прасковья (1725—1766, вышедшая замуж за Василия Савиновича Неклюдова), Марфа (1730—1764), мужем которой был

Андрей Федорович Травин, и Андрей (1738—1833) — знаменитый ученый, о котором идет речь в этой книге.

Андрей Тимофеевич женился на Александре Михайловне Кавериной (1750—1834) и имел девять человек детей. Дочь Елизавета (1767—?) была замужем за Петром Герасимовичем Шишковым, Анастасия (1773—1820) за Петром Ивановичем Воронцовым-Вельяминовым, Екатерина (1778—?) — за Александром Ивановичем Пестовым. Сын Павел (1771—1850) женился на Марии Федоровне Опаниной. Этот брак сопровождался рождением десяти детей.

Их сын Алексей (1803—1853) — крупный ученый, известный геодезист, учебник которого¹ был следующим образом оценен в рецензии: «Труд г. Болотова — одно из редких и драгоценнейших приобретений русской ученой литературы. Заслуга русского ученого геодезиста состоит не только в издании хорошего курса, но и в том, что он написал такой курс геодезии, который по полноте и самостоятельности обработки предмета почти не имеет себе равного ни в одной иностранной литературе. Труд этот есть как бы литературное доказательство высокого состояния геодезических наук в России, чему не литературным, но еще более блистательным доказательством служат те огромные геодезические работы, которые совершены русскими учеными в течение прошедшего полувека или которые еще продолжаются»².

Алексей Павлович был женат на Софье Евграфовне Мышецкой. Их сын Владимир (1837—1900) принимал активное участие в опубликовании автобиографических записок Андрея Тимофеевича.

Владимир Алексеевич, женатый на Софье Петровне Грессер, имел сына Александра (1866—1941), в начале XX в. занимавшего пост пермского губернатора, следствием чего является наличие в Пермском областном архиве фонда А. Т. Болотова. Другой сын Павла Андреевича — Михаил (1810—1880) — автор биографической записки об А. Т. Болотове, охватывающей период последних лет его жизни.

Михаил Павлович был женат на Александре Дмитриевне Бибиковой. Результатом этого брака было пятеро детей, в том числе старший сын Дмитрий (1837—

¹ Болотов А. П. Курс высшей и низшей геодезии. СПб., 1845. Ч. 1; 1849. Ч. 2.

² Отеч. записки. 1851. Т. 74, разд. 5. С. 113.

1907). Дмитрий Михайлович был известным профессиональным художником. Он окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге, писал в основном портреты. В Русском музее хранится автопортрет Дмитрия Михайловича, в Туле — портрет его матери и сестры Марии (1839—189?), в Ленинграде, в Академии художеств, — портрет И. К. Айвазовского.

Вторую ветвь потомков Андрея Тимофеевича удалось протянуть по его дочери — Анастасии. Ее брак с Петром Ивановичем Воронцовым-Вельяминовым сопровождался рождением трех сыновей: Владимира, Павла и Сергея и дочери Александры. Павел имел восемь сыновей; нам известна лишь часть родословной Алексея. У него была дочь Ольга и три сына, в том числе Павел (1865—1948), имевший двух сыновей и четырех дочерей. О двух из них уже упоминалось: это Ольга Павловна и Анастасия Павловна (в замужестве Георгиева). Дочь Андрея Тимофеевича Ольга (1775—1800) умерла в расцвете лет, оставив маленькую дочь Александру (1800—1833). О муже Ольги Андреевны — Федоре Ивановиче Бородине — данных нет. Известно лишь, что в 1811 г. Андрей Тимофеевич взял внучку к себе на воспитание. В 1821 г. она вышла замуж за Михаила Николаевича Леонтьева. Их сын Павел (1822—?) в 1837 г. окончил Московский дворянский институт, а в 1841 г. — философский факультет Московского университета. С 1843 по 1847 г. учился за границей (Германия, Италия). По возвращении стал сначала адъюнктом университета, а затем профессором кафедры римской словесности и древностей.

Третья линия рода Болотовых — от дяди Андрея Тимофеевича — Матвея Петровича Болотова — по мужской линии (Михаил — Андрей — Николай — Александр — Александр) приводит к Елизавете Александровне Болотовой (1912 г. рожд.), живущей в Ленинграде. В ее семье хранятся оригинальные и весьма интересные материалы, имеющие прямое отношение к Андрею Тимофеевичу, например семейный альбом, который довольно длительное время велся в роду Болотовых. В нем много акварельных рисунков, в том числе сделанных Андреем Тимофеевичем, а также писателем Д. В. Григоровичем. В семье хранится томик «Записок» А. Т. Болотова, на его обложке рукой деда Елизаветы Александровны написано, что этот томик собственноручно переписан Андреем Тимофеевичем.

Рис. 1. Портрет из семейного архива Е. А. Болотовой

И наконец, самую, пожалуй, интересную семейную реликвию представляет небольшой (15×10 см) портрет молодого мужчины в возрасте 18—23 лет, выполненный пастелью. Портрет переходил из поколения в поколение с устной информацией о том, что художник изобразил на нем А. Т. Болотова. Так ли это — сказать трудно.

Специалисты, знакомившиеся с портретом, пришли к выводу, что многие признаки свидетельствуют о принадлежности его по срокам изготовления к концу XVIII в. Таким образом, человек, изображенный на портрете, никак не может быть А. Т. Болотовым, поскольку в тот период ему было уже около 60 лет. В то же время мы не вправе сомневаться в том, что в основе устного сообщения, передававшегося от поко-

ления к поколению, лежит какой-то достоверный факт.

Скорее всего дело обстояло следующим образом. Портрет нарисовал А. Т. Болотов, изобразив на нем кого-то из близких родственников дяди Матвея Петровича, по-видимому его внука Андрея Михайловича, который после смерти отца в 1791 г. долгое время находился под опекуном Андрея Тимофеевича. Первое время, пока человек, изображенный на портрете, был жив и родственники, хорошо знавшие его, не нуждались в расшифровке личности, рисунок передавался от одних владельцев к другим как портрет Андрея Тимофеевича (в значении авторства художника). В дальнейшем смысловое значение авторства рисунка утратилось и последующие поколения воспринимали устное сообщение «портрет А. Т. Болотова» уже в прямом смысле, т. е. как его изображение.

Появление на свет

Андрей Тимофеевич недаром своим автобиографическим запискам дал название «Жизнь и приключения Андрея Болотова...». Приключений на его жизненном пути действительно было не мало, как грустных и даже опасных, так и веселых, вызывающих улыбку, а то и жизнерадостный смех. Уже само появление его на свет сопровождалось курьезным событием, о котором в семье впоследствии вспоминали так часто, что Андрей Тимофеевич запомнил его до мельчайших подробностей. А заключалось оно в следующем. Глухой осенней ночью, в которую происходили роды, в комнате было двое: роженица и бабка-повитуха Соломонида. Мать Андрея Тимофеевича находилась в кровати, а богомольная старушка на коленях перед образами отбивала поклоны, вымаливая у всевышнего благополучный исход ожидаемого события. Молитву Соломонида читала истово, медленными движениями руки сотворит крест, поклонится низко-низко, пошепчет, уткнувшись лбом в самый пол, потом разогнется и снова продолжит шептать слова молитвы, уже глядя на икону.

Так продолжалось до тех пор, пока у Мавры Степановны не начались схватки. Вскрикнув от боли, она позвала Соломониду. Та встрепелась и хотела поспешить ей на помощь, но не тут-то было. Совершенно неожиданно старушка оказалась в «капкане». По обычаю тех времен на шее у нее был нательный крест.

Висел он на гайтане, и, когда молељица сгибалась в поклоне, крест свешивался до самого пола. Пол был дощатый, доски разохлись, и между ними образовались щели. И надо же было так случиться, что в то самое время, когда Мавра позвала бабу на помощь, у той крест попал в щель и так повернулся, что боковые пластинки оказались поперек щели. В результате старушка не могла поднять голову от пола, а следовательно, и встать на ноги. На призывы роженицы она неожиданно для той отвечала, что рада бы помочь ей, но не может, так как застрявший в полу крест не позволяет ей встать.

Представляете ситуацию: роженица нуждается в срочной помощи, а помощница распласталась на полу и не может высвободиться из канкана. Хотела порвать гайтан, но он, как на грех, оказался очень прочным. Попыталась снять его через голову — еще хуже, гайтан только ниже притянул голову к полу. А роженица кричит, просит помощи. В свою очередь помощница молит ее повременить, пока она не освободится из невольного плена.

Тут только роженица разглядела как следует необычную позу Соломонида. И, забыв о своем положении и болях, Мавра принялась смеяться, чем в свою очередь удивила и рассмешила старушку. Может быть, так и продолжали бы смеяться обе женщины, но третий человек властно требовал выхода на свободу, схватки усилились, и теперь уже закричали вместе и роженица и повитуха, да так сильно, что разбудили спящих в соседних комнатах. Прибежавшая раньше других женщина быстро поняла, в чем дело, нашла нож и разрежала гайтан. Освободившаяся из плена Соломонида немедленно принялась за свое дело, и вскоре еще одним криком будущий Андрей Тимофеевич возвестил о своем появлении.

Приключение с ружьем

Отца при этом событии не было. Будучи военным человеком и занимая должность командира полка, он вел кочевой образ жизни. В то время находился в городе Нежине, где его полк стоял, возвращаясь из похода турецкой кампании. Детские годы Андрюши также прошли в обстановке этой кочевой жизни. С одной стороны, это было хорошо: разнообразие природных условий, новые люди способствовали развитию у мальчика

любопытности, расширению кругозора, активному восприятию жизни. Андрюша рос резвым, здоровым, если не считать обязательные для детей в те времена болезни оспой и корью. Правда, порой резвость и любопытность едва не заканчивались для Андрюши печально, но судьба каждый раз была к нему благоклонной.

Однажды при переезде с одного места жительства на другое они задержались в Пскове, чтобы отдохнуть от длительной и утомительной дороги. Остановка была вдвойне приятной, поскольку происходила она в доме старшей сестры Андрюши, Прасковьи Тимофеевны, вышедшей замуж за псковского помещика Василия Савиновича Неклюдова. Дом был большой и по обычаю тех времен состоял из двух половин, разделенных сенями. В одной жили хозяева, вторая предназначалась для гостей, приезжавших на длительное время. Не успели хозяева и гости порадоваться встрече, и суматоха по случаю приезда еще не улеглась, как Андрюша уже успел ускользнуть от внимания родителей, проник на пустующую гостевую половину и занялся осмотром комнат и их обстановки. В одной из комнат его внимание привлекло ружье. Хотя оно стояло в углу и было запрятано, зоркие глаза мальчика сумели обнаружить его, и вскоре Андрюша уже внимательно изучал любопытный предмет не только глазами, но и руками, трогая разные детали. Исследование закончилось тем, что ружье выстрелило. От неожиданности, страшного грохота, вызванного не только выстрелом, но и падающими во множестве осколками разбитого большого зеркала (в него попал ружейный заряд), а также от сильного толчка в результате отдачи Андрюша потерял сознание и рухнул на пол. Прибывшие на шум выстрела родичи увидели страшную картину: в пороховом дыму среди осколков зеркала лежит неподвижно мальчик, а рядом с ним валяется ружье. Перепуганная мать с плачем бросилась к нему, считая его мертвым. К счастью, мальчик вскоре очнулся, и все убедились, что он жив и невредим. Радости родных не было предела. В то время Андрюша был единственным ребенком в семье, старшие дочери выходили замуж, а другие дети умерли в младенческом возрасте. Поэтому его нежили и баловали, порою забывая, что излишняя родительская любовь часто идет во вред ребенку. Сам Андрей Тимофеевич, вспоминая детские годы, писал, что некоторые его пороки в ранние

годы, например излишнее упрямство, были связаны с чрезмерной лаской и что ему впоследствии пришлось затратить немало усилий, чтобы преодолеть эти пороки.

Случай с лошадьё

В другой раз злую шутку с ним сыграло желание взрослых развлечь ребенка (в ту пору ему было 9 лет) участием в охоте. Собравшись большой компанией, отец Андриюши, его зять и многочисленные гости, сев верхом на лошадей, отправились с гончими на псовую охоту. Посадили на лошадку и Андриюшу. Правда, к этому времени он уже неплохо держался в седле и имел некоторый навык верховой езды. Тронулись легкой рысцой, и все было хорошо, взрослые впереди, Андриюша за ними. Но вот кавалькада въехала на лесную вырубку, большую поляну с многочисленными пнями, и тут выскочил заяц. Охотники, охваченные азартом, с гиком устремились за косым. Андриюша, не видевший в охотничьих делах взрослых ничего привлекательного и думавший только о верховой прогулке, надеялся ехать следом за охотниками. Однако его лошадь, увлеченная общей суматохой, поскакала вслед за другими лошадьми. Мальчик попытался сдержать лошадь и перевести ее на шаг или хотя бы на небыстрый бег, по силенок у него не хватило, и лошадь, закусив удила, мчалась все быстрее и быстрее. Чтобы лучше держаться на лошади, он бросил поводья, склонился вперед и ухватился за гриву. Стало еще хуже. Его начало так подбрасывать, что он мог вылететь из седла. Тогда он решил соскочить сам. Выбрал место, где пней было поменьше, высвободил ногу из стремени и прыгнул. Результат был неожиданный и совсем не тот, на который он рассчитывал. Выпрыгивая, Андриюша совсем забыл про вторую ногу. Она осталась в стремени, и он при падении повис на ней. Вспоминая, как он тогда со страхом ожидал смертельного удара, Андрей Тимофеевич позднее писал: «Всякому теперь можно рассудить, не на единый ли волос или не на пядень ли я был от смерти? Упасть на всем скаку лошади между пеньев и повиснуть на стреме? Долго ли было убить лошади меня ногой либо раздребезжить о пеня и коряги? Однако ни того ни другого не последовало»³. Случай снова предохранил Ан-

³ *Бологов А. Т. Жизнь и приключения... 1871. Т. 1. Стб. 59.*

дрюшу от огромной опасности: лошадь заступила ногой за свесившийся повод и вынуждена была остановиться.

Оба этих трагических случая сыграли в жизни Андрея Тимофеевича и положительную роль. Наблюдая в будущем, как много времени тратят некоторые помещики на охотничьи забавы, он благодарил судьбу за то, что еще с детства в нем осталась неприязнь к ружьям и охоте, что позволило ему использовать время на более полезные для общества дела.

Учитель Миллер

Отрицательная сторона кочевого образа жизни семьи стала чувствоваться несколько позднее, когда пришло время подумать об учебе мальчика. Отец — Тимофей Петрович — хотел, чтобы его сын свободно владел немецким и французским языками, получил хорошие знания математики и физики, необходимое эстетическое воспитание. При постоянных переездах с места на место такой возможности не было.

Тимофей Петрович использовал каждое благоприятное стечение обстоятельств, которое позволяло хотя бы в какой-то мере продвинуть вперед образование Андрюши. Были при этом и успехи и неудачи. Примером вторых было приглашение для обучения Андрюши немецкому языку унтер-офицера немца Миллера. Этот маловоспитанный, грубый человек не мог сколько-нибудь заметно помочь образованию мальчика и привить ему навыки хорошего поведения, поскольку сам кое-как знал правила арифметики и немецкий язык, а из «методических приемов» предпочитал зубрежку, подзатыльники и розги. Бил он юного Болотова по всякому поводу и нещадно.

Однажды, например, был такой случай. Миллер предупредил своего ученика, что на следующий день тот должен на память назвать все немецкие слова, которые до этого учил. За каждое забытое слово Миллер назначил три розги. Что мог сделать Андрюша за одни сутки? К этому времени его словарный запас был уже порядочным. На следующий день немец приступил к «экзамену», приготовив изрядное количество розог. Перепуганный насмерть ученик забыл даже некоторые из тех слов, которые хорошо знал.

Пропущенных слов оказалось двести, и, таким образом, мальчику предстояло получить шестьсот уда-

ров. Миллера не смутила эта огромная цифра. С немецкой пунктуальностью он начал отсчитывать удары, зажав Андриюшину голову между своих ног. Плач и просьбы ребенка о прощении не действовали на изверга. Удар за ударом сыпались на Андриюшу. Вскоре он начал кричать, но этим лишь больше ожесточил Миллера, и тот продолжал расправу. Наконец, устав от крика и боли, Андриюша бессильно повис в ногах палача.

Неизвестно, чем кончилось бы это избиеение, если бы в комнату случайно не зашла хозяйка дома, у которой снимал квартиру Тимофей Петрович. Увидев дикую картину порки мальчика, она бросилась ему на помощь и вырвала из рук озверевшего варвара. Миллер хотел было снова завладеть своей жертвой, но хозяйка оказалась активной женщиной и так отреагировала на его попытку, что ему пришлось с позором отступить. Кроме того, подействовала угроза хозяйки рассказать про зверство «учителя» родителям Андриюши.

Впрочем, бил Миллер своего ученика не только за неудачи в ученье, но, как это ни странно, иногда и за успехи. В своих записках Андрей Тимофеевич вспоминает такой случай. Как-то Миллер, желая щегольнуть своей эрудицией, сказал Андриюше, что в ближайшем будущем предложит ему такую задачу, над которой он долго будет сидеть и вряд ли решит. Любопытный мальчик тут же загорелся и стал упрашивать учителя, чтобы тот не откладывал задачу, а сообщил ее сейчас же. Миллер, поломавшись для виду, согласился и рассказал хорошо известную задачу про стадо гусей и одного гуся.

Андриюше задача понравилась своей сложностью (алгебре его Миллер не учил), и он мысленно начал прикидывать, каким должно быть число, если после прибавления к нему еще такого же числа, его половины, четверти и единицы получится ровно сто. Остатка дня не хватило, а самолюбие требовало найти ответ. Лег спать, а из головы не идет стадо гусей. Но, как говорится, терпенье и труд все перетрут. Решил-таки задачу Андриюша и был песказанно рад этому, думая, что так же доволен будет и учитель. Каково же было его удивление, когда Миллер, узнав о таком скором решении, вместо похвалы обрушился на него с криком и бранью, уверяя, что Болотов не сам решил задачу, а подсмотрел ответ, записанный у Миллера на грифельной доске.

Напрасно мальчик пытался убедить учителя, что

решил задачу самостоятельно. Немец стал хлестать его розгами, добиваясь признания в том, что решение списано. Андрюша, не приученный лгать, стоял на своем, что еще больше разъярило Миллера. Бил он мальчика до тех пор, пока не спохватился, что, ударив по лицу, сильно рассек щеку. Заметный шрам на лице не могли не увидеть родители и, несомненно, узнали бы о его происхождении. Немец тут же из дикого волка превратился в мирную овечку и с заискиванием стал упрашивать Андрюшу, чтобы тот не говорил об истинном происхождении шрама, а сказал бы родителям, что гулял в саду и ветка хлестнула его по лицу.

Учение продолжается. Смерть отца

Тимофей Петрович конечно же знал и о малой образованности Миллера, и о его «методике» обучения и поэтому принимал меры к тому, чтобы найти более подходящее место для учебы сына. Когда полк стоял в Курляндии (нынешняя Латвия), он договорился с одним из местных дворян Нетельгорстом, державшим домашнего учителя, о том, что тот возьмет Андрюшу для совместного воспитания со своими детьми. Об этом периоде жизни Андрей Тимофеевич вспоминает как о времени, сыгравшем важную роль в его обучении: «... отдание меня в чужой дом, а особливо такой, как был сей, послужило мне в бесконечную пользу, так что я и поныне еще благословляю священный для меня прах моего родителя за то, что он сие сделал, ибо тут не только в полгода я гораздо множайшему, а немецкому языку столько научился, сколько не выучил во все времена у прежнего учителя, но вся моя натура и все поведение совсем переменилось и в меня впечатлелось столько начатков к хорошему, что проистекли из того на всю жизнь мою»⁴.

Учитель Чаах был образованным степенным человеком. Он хорошо знал немецкий и французский языки, в доме Нетельгорста разговаривали только на них, и юному Болотову не составило большого труда овладеть как тем, так и другим. Кроме того, Чаах умел хорошо рисовать и, узнав о склонности Андрюши к этому виду искусства, стал обучать его и рисованию.

⁴ Там же. Стб. 81.

Дети Нетельгорста были несколько старше Андрея, хорошо воспитаны, имели склонности к наукам. Общаясь с ними, он воспринимал все их лучшие качества. У Нетельгорста Болотов прожил более года. В 1749 г. полк отца перевели в Финляндию. Поскольку жена ждала в это время ребенка, а сыну необходимо было продолжать образование, Тимофей Петрович решил жену отправить в родовую деревню, а Андриюшу определить в частный пансион в Петербурге. Переезду жены должна была помочь дочь Марфа Тимофеевна, жившая тогда вместе с ними, а устройству Андриюши — его дядя Тарас Иванович Арсеньев, живший в Петербурге.

С помощью Тараса Ивановича Андриюшу устроили в пансион, который содержал учитель кадетского корпуса Ферре. Уехали мать с отцом, и он остался один. Первое время трудно ему было в новой обстановке, с новыми людьми. Положение осложнялось еще тем, что состав пансиона не был постоянным: по ряду причин воспитанники часто покидали пансион, их место занимали другие, и так без конца.

Твердой программы обучения в пансионе не придерживались, общими для всех были лишь языки, французский и немецкий. Другие учебные предметы подбирались по желанию родителей и склонности воспитанников. Андриюша изучал географию и рисование. Основным методом изучения французского языка был перевод с русского басен Эзопа, а также текста русских газет. Андрей предпочитал перевод газетных статей, поскольку это приносило двойную пользу: овладение языком и знакомство с политической и общественной жизнью страны, с другими странами, их городами и т. п.

Летом 1750 г. полк отца перевели в Выборг, а вскоре он почувствовал себя плохо. Хотя и не хотелось ему прерывать учебу сына, он вызвал его, предчувствуя близкую смерть. Специально высланные лошади привезли Андриюшу в Выборг. К этому времени Тимофей Петрович уже лежал в постели под постоянным присмотром полкового лекаря.

Первым, что сделал он после приезда сына, была проверка знаний Андрея. Ему понравились рисунки сына, его французский язык, приличные знания географии. Однако отец был весьма огорчен тем, что сын основательно забыл немецкий язык. Если у Нетельгорста, где в употреблении был немецкий язык, Андриюша

более или менее свободно разговаривал на нем, то после пребывания в пансионе Ферре он это умение утратил. Вот что значит повседневная практика. Хотя читать, писать по-немецки и понимать чужую речь он не разучился.

Отец решил восстановить утраченные Андреем навыки немецкой разговорной речи и снова привлек для этой цели Миллера. По нескольку часов в день более месяца занимался Андрей немецким языком, в основном чтением и разговорной речью, но желаемого успеха не достиг. Или действительно Миллер нацело был лишен педагогических способностей, или ученик, всей душой возненавидевший своего мучителя, уже не был способен воспринимать что-либо от него. Вторая неудачная попытка привлечения Миллера для обучения юного Болотова завершилась сама собой: 26 сентября 1750 г. (по старому стилю) скончался его отец — Тимофей Петрович. Поскольку он занимал высокий пост в армии, его похороны сопровождались торжественной траурной церемонией, а тело было погребено в соборной церкви Выборга. Занятия с Миллером, естественно, были прекращены.

Хлопоты об отпуске из армии

Смерть отца внесла большие осложнения в жизнь молодого Болотова. Дело в том, что по дворянским обычаям тех времен он еще в детские годы был зачислен на военную службу и теперь состоял в полку в чине сержанта. Оставаться в армии по малолетству мальчик не мог, а уйти из нее по тогдашним условиям было делом весьма сложным: отпуска, даже краткосрочные, разрешались только высоким начальством.

На счастье Болотова, в полку в то время находился на службе муж его сестры Марфы — Андрей Федорович Травин. Он и принял активное участие в определении дальнейшей судьбы молодого Болотова. После совета с друзьями Травин и Андрюша решили обратиться к командиру дивизии генерал-поручику Салтыкову. Выслушав их и погоревав по случаю смерти Тимофея Петровича и раннего сиротства Андрюши, генерал сказал, что в его силах отпустить их обоих лишь на 29 дней, с тем чтобы они могли съездить в Петербург и хлопотать о более длительном отпуске. Все были рады и этому обстоятельству, так как надея-

лись, что петербургские родные и приятели Тимофея Петровича, занимающие высокие государственные посты, сумеют помочь Андриюше.

Но тут возникло новое препятствие: все сбережения Тимофея Петровича были израсходованы на похороны, а дальняя поездка, да еще с багажом, требовала больших денег. Достать их возможностей не было, и Травин, не долго думая, пустил в распродажу имущество полковника. Особенно жаль было Андриюше расставаться с отцовскими настольными часами. Они представляли собою продолговатый пьедестал, на котором лежала весьма оригинальная и смешная фигурка собаки. Бронзовая и позолоченная, она отрывистым лаем отсчитывала часы. На вырученные от продажи деньги купили недостающее количество лошадей и повозок. Все, что не уложилось в возы, Травин раздарил знакомым или выбросил.

По приезде в Петербург сразу же взялись за розыски влиятельных знакомых. Тараса Ивановича на месте не оказалось. Нашли Гаврилу Андреевича Рахманова, близкого друга отца, и вместе с ним поехали к главной своей надежде — обер-гофмаршалу Дмитрию Андреевичу Шепелеву. Плакав вместе потерю друга, Шепелев и Рахманов после некоторого обсуждения наметили три варианта устройства Андрея:

1) перевести его из полевого пехотного полка в украинскую ландмилицию. Считалась она рангом пониже, что позволяло направить туда Андрея в чине офицера, выполнить это брался Шепелев; 2) переместить Андрея с военной службы на придворную. В этом случае Шепелеву легко было устроить Андрея пажом; 3) перевести Андрея из пехотного полка в гвардию, где служил Рахманов. Тут при его содействии Андрея могли принять капралом.

Остановились на том, что Травин и Андриюша на досуге обдумают все три варианта, посоветуются с кем надо и в ближайшие дни сообщат Шепелеву о своем выборе.

Вечером состоялась беседа Андриюши с Травиным.

Деверь сразу поставил вопрос ребром: к какому варианту больше склонен Андрей? Принимать ли предложения генерала Шепелева и майора Рахманова? Если принимать, то куда бы Андрей хотел охотнее: в ландмилицию, в придворные пажи или в гвардию?

У Андрея голова шла кругом. Ему не хотелось ни

на Украину, ни во дворец, ни в гвардию. Он еще мыслит детскими категориями, и ему сильнее всего хотелось в деревню, к матери. Об этом он и сказал Травину. Тот несказанно обрадовался словам мальчика, так как принятие генеральских предложений было бы связано с длительными хлопотами по переводу Андрюши из полка в другое ведомство, а Травину хотелось использовать отпуск для поездки в свою деревню, к семье.

Так и порешили: завтра же поехать к Шепелеву, учтиво отказаться от всех предложений и просить генерала, чтобы он походатайствовал об отпуске в деревню перед главным командиром финляндских войск Бутурлиным. Утром следующего же дня Травин с Андреем уже были у Шепелева. Встретил тот их ласково, нимало не удивился скорому решению и, не затягивая разговор, сразу спросил, какое решение они приняли. Травин еще раз поблагодарил генерала за любезное участие в судьбе мальчика и рассказал об их размышлениях и выводах, к которым они пришли.

Дипломатично, чтобы не обидеть Шепелева, Травин сообщил, что без согласия матери Андрюши он не решается сделать такой важный шаг, как определение дальнейшей его судьбы, и просит отложить решение до разговора с матерью. Генерал нашел довод убедительным. Только теперь Травин изложил просьбу о содействии в получении более длительного отпуска. Шепелев обещал, и вскоре разрешение было получено, правда, не на год, как просил Травин, а лишь до мая 1751 г. Как ни огорчительно было обоим челобитчикам сокращение срока просимого отпуска (особенно болезненно воспринял его Андрей), положительные эмоции все же взяли верх: как-никак, а впереди полгода отпуска, за это время сколько воды утечет.

Под крылом матери

Нимало не мешкая, отправились путешественники из Петербурга в дальнюю дорогу. Была уже поздняя осень, с холодными дождями, и они с трудом добрались до кашинской деревни Травина в Тверской губернии. Отдохнув там немного у любимой сестры, Андрюша снова тронулся в путь, теперь уже один с обозом, и наконец очутился дома под родительским кровом и материнским крылом.

Вскоре, воспользовавшись случаем, когда ближай-

шие родственники съехались в Дворяниново на празднование рождества, мать Андрюши собрала семейный совет, на котором решила обсудить с родичами сложившуюся ситуацию. Присутствовавший на совете Травин рассказал о посещении Шепелева и его предложениях.

Ни мать, ни другие родственники не увидели в этих предложениях ничего хорошего и сочли самым целесообразным добиться отпуски Андрюши из армии до его совершеннолетия.

Особенно настаивала на этом соседка по имени Матрена Ивановна Аникеева, родная сестра Тараса Ивановича Арсеньева, уверяя, что ее брат может серьезно помочь в этом деле. В результате решено было направить в Петербург, в Военную коллегия человека с ходатайством об увольнении Андрюши из армии до совершеннолетия для завершения образования. Посыльным выбрали самого надежного и умного из обслуживающего персонала — «дядьку» Артамона, под неусыпным надзором которого рос и воспитывался Андрюша. В начале нового 1751 г. Артамон уехал.

Наступили дни томительного ожидания. Прошел месяц, по расчетам пора бы уже вернуться посыльному, а его не было. Прошел еще месяц, чувствовалось приближение весны, а об Артамоне ни слуху ни духу. Чего только не придумывали досужие старушки, объясняя его долгое отсутствие: и заболел-то он дорогой, и лежит где-нибудь страдая, и утонул, переезжая опасную речку, и убили его в каком-нибудь темном лесу разбойники. Слушая эти рассказы, мать Андрюши сходила с ума. Особенно ее беспокоило неумолимое приближение срока возвращения сына в армию, если в просьбе будет отказано.

Велика же была радость всех, когда Артамон наконец вернулся. Радость еще более увеличилась от сообщения, что путешествие закончилось успешно, и Военная коллегия предоставила Андрюше увольнение из армии до наступления шестнадцати лет для «окончания наук на своем коште» (т. е. без какой-либо оплаты по армии). Мать была полностью вознаграждена за мучительные дни ожидания. Теперь три с лишним года ее любимец будет с нею. Правда, Тарас Иванович прислал с Артамоном письмо, в котором настаивал на том, чтобы она направила Андрея в Петербург, где он имел возможность устроить его в хорошее место для

получения должного образования. Но для матери это было бы слишком тяжким испытанием, и она оставила сына в деревне.

Деревенские развлечения

Не так уж много времени потребовалось Мавре Степановне, чтобы понять ошибку, которую она совершила, оставив сына в деревне. Она видела, как Андрюша все больше и больше увлекается детскими забавами на улице, играми со сверстниками, походами в лес, купаньем и т. п. Все это ему было интереснее, чем сидение дома за книгами, заучивание немецких и французских слов. С каждым днем все труднее становилось матери усаживать сына за книгу, принуждать его брать в руки карандаш или перо.

Да и не всегда пребывание на улице и игры с ребятами заканчивались благополучно. Иной раз приходил Андрей домой в таком виде, что старался не попадаться матери на глаза: или грязен был с ног до головы, или в разорванной одежде, а то и с кровавыми ранами на теле. Позднее Андрей Тимофеевич в своих записках упомянет о нескольких подобных случаях.

Однажды Андрюша вышел на улицу и увидел на берегу расположенного неподалеку пруда одного из постоянных участников ребячьих забав. Мальчик стоял спиной к нему, берег пруда в этом месте был довольно высокий и крутой. Совершенно неожиданно Андрюше пришла в голову мысль подшутить над приятелем, столкнув его в воду: дело было летом, погода стояла жаркая, плавал приятель хорошо, так что утонуть никак не мог, а посмеяться можно вдоволь. Однако при осуществлении этого замысла произошло совершенно неожиданное: мальчик оказался расторопным и, заслышав, что кто-то подбегает сзади, ловко увернулся, и Андрей, не успев затормозить, сам оказался в пруду. Плавать он не умел, глубина пруда в том месте была порядочная, и быть бы беде, если бы неподалеку не оказались женщины, полоскавшие белье. Они и вытащили незадачливого шутника. Вид у него, конечно, был плачевный: барский костюмчик обвис, с него ручьями текла вода, ботинки тоже были полны воды и хлюпали. Женщины, сочувствуя мальчику и зная суровый характер матери, посоветовали Андрюше послать кого-нибудь за сухой одеждой, переодеться и уже в таком виде явиться домой. Андрей не преминул вос-

пользоваться советом, но скрыть от матери происшествие не удалось. Девочка, случайно оказавшаяся в это время на улице, все видела, тотчас же помчалась в дом и рассказала о случившемся. Мать, которой тогда нездоровилось, лежала в постели, но по обрывкам рассказа девочки догадалась: что-то случилось с сыном — и вынудила женщину рассказать всю правду. Когда Андрей вернулся домой, Мавра Степановна, уже пережившая страх и испытывавшая теперь только досаду и гнев, решила его наказать. Были уже приготовлены розги. Однако на этот раз мальчику удалось просьбами и слезами разжалобить мать, и она сменила гнев на милость. Впрочем, в порядке возмещения отмеченной порки Андрею пришлось несколько дней отсидеть дома и усиленно заниматься уроками.

В другой раз Андрюшу подвело желание подражать взрослым, попытка показать, что он тоже не лыком шит и может обращаться с орудиями труда не хуже мастеровых. Вышел он как-то со двора с топориком в руках (был у него такой, сделанный специально для детских рук). А тут плотники недалеко рубили сруб. Посмотрел Андрюша на их работу, и показалось ему, что ничего хитрого в ней нет: тюкают себе мужики и тюкают. Хотел было к ним пристроиться, да они сидят на бревнах высоко от земли, не так просто туда взобраться. Еще упадешь — сделаешься посмешищем для людей. Оглянулся по сторонам, видит рядом обрубок бревна валяется. Вот, думает, хорошо, начну-ка я его отесывать. Сказано — сделано. Смотрит Андрюша на плотников и сам старается делать как они. Вроде получается. И щепки в сторону летят, только помельче. Охватил Андрюшу трудовой азарт, начал топором посмелее махать. Тут-то вот и случилась беда: не вошел топор в бревно, а скользнул по нему и врезался в правую ногу. Прорубив башмак, он нанес порядочную рану. Увидев это, Андрей сильно перепугался, не столько того, что рана нанесет какой-то вред его здоровью, сколько того, что о происшествии узнает мать и крепко накажет его за баловство. Не долго думая, схватил он с дороги комок грязи и замазал повреждение в ботинке, а заодно и рану на ноге. Замаскировав таким образом следы своего проступка, отправился наш герой домой. Однако дорогой корка грязи отвалилась и кровь снова стала пробиваться сквозь ботинок. Пришлось еще раз повторить операцию. Чтобы никто не видел, зашел на

огород, да и земля там помягче. После этого вошел в дом, принялся за занятия и сидел над книгами до самого вечера. Дольше скрывать было нельзя, поскольку пришлось иметь дело со слугой, который его одевал и раздевал. Андрей открыл ему свою тайну, взяв предварительно клятву о неразглашении. Слуга помог ему снять башмак и чулок. К их удивлению, это произошло довольно легко, так как нога вовсе не распухла, чего они ожидали. Еще больше удивились они, глядя на рану. Хотя она и была большой и глубокой, но середина ее уже затянулась каким-то новым образованием. Припоминая свои прежние раны, Андрюша сразу заметил разницу и немедленно приписал эффект действию земли: «...заметив сие тогда ж, начал я в последующее время пробовать лечить всякие раны землею, то увидел и через бесчисленные опыты над собою и над другими удостоверился, что земля залечивает все свежие раны лучше и скорее всех пластырей на свете, а нужно только, чтобы она была не сухая, а смоченная и смятая наподобие теста»⁵.

На следующее утро Андрей надел башмаки и попробовал ходить. Чувствовалась небольшая боль, что вынуждало слегка прихрамывать. Боясь, что мать заметит хромоту и по своему обыкновению допытается до причины, мальчик решил не рисковать и сидел, не сходя с места, над книгами два дня. Это показалось матери подозрительным, и на третий день она спросила сына, откуда у него такая прилежность к занятиям и почему он, несмотря на хорошую погоду, не выходит гулять. Ссылка Андрея на то, что в результате длительных прогулок он забыл многое из усвоенного и теперь хочет наверстать, понравилась матери, но тем не менее она настаивала на необходимости бывать на свежем воздухе.

Волей-неволей, а идти надо. Встал Андрюша и с боязнью пошел в сад. К счастью, за три дня спокойного сидения рана настолько зажила, что боль при ходьбе не чувствовалась и ходить можно было, не хромя. Так удалось и на этот раз утаить от матери происшествие и избежать не только наказания, но и, как выражался Андрей Тимофеевич, предики (это слово, по видимому, обозначало длинное и нудное словесное внушение). Впрочем, и без этого скрытого приключе-

⁵ Там же. Стб. 174.

пия у резвого мальчика выговоров было более чем достаточно. Поэтому Мавра Степановна все чаще задумывалась над дальнейшей судьбой сына, ее беспокоило отсутствие серьезного обучения. В конце концов она решила: надо отправлять его в Петербург, там у дяди условия будут лучше. А сердце томилось в тяжелом предчувствии, что-то часто оно стало побаливать. По зимнему первопутку 1751 г., после обильных слез, отправила она Андрюшу в Петербург. Недаром говорят, что материнское сердце вещун, в последний раз тогда видела Мавра Степановна своего сына.

У дяди в Петербурге

Дядя — Тарас Иванович Арсеньев встретил Андрюшу приветливо и немедленно занялся устройством его дел. На следующий же день он свозил его к своему приятелю и соседу по имени Якову Андреевичу Маслову, с которым еще раньше договорился об обучении Андрюши вместе с его сыновьями, и уже на второй день по приезду мальчик приступил к занятиям. Не обошел Тарас Иванович и житейские проблемы. Вместе с Андреем в Петербург приехали двое слуг: уже известный нам «дядька» Артамон и молодой парень — Яков. Поскольку дел у них по обслуживанию юного Болотова было не особенно много, дядя посоветовал найти Якову работу. Артамон, которому поручили проведение этой операции, сравнительно быстро нашел место на канатной фабрике. Оплата оказалась по тем временам достаточной не только для того, чтобы оправдать содержание слуги, но и для оплаты учителя Андрея. Произошло как в известной сказке: один мужик двух генералов прокормил.

А с обучением не повезло Андрюше и на этот раз. Учитель совершенно не знал русского языка, с воспитанниками мог изъясняться лишь по-французски. Поэтому, вспоминая те времена, Андрей Тимофеевич с горечью писал: «Великое щастие было еще то, что я сколько-нибудь умел уже по-французски, а то истинно не знаю, как бы он стал меня учить, не умея ничего по-русски растолковать и разъяснить. Не понимаю я и поныне, как таковые учителя учат детей в домах многих господ, а особенно сначала и покуда ученики ничего еще не знают»⁶.

⁶ Там же. Стб. 183.

Может быть, мало чего прибавил бы к своим знаниям Андрей и теперь, если бы не его исключительная любознательность. Сыновья Маслова были записаны в артиллерийский полк, где уже числились сержантами. Для получения офицерского звания им необходимо было знать геометрию. Этой науке их обучал специальный учитель, приходивший в дом после обеда. Масловы с трудом воспринимали преподносимые им знания, и учитель был вынужден по два, а то и по три раза повторять одно и то же. Находясь в той же комнате, Андрей запоминал все, что говорилось. А так как новая наука очень понравилась ему, то, придя домой, он аккуратно записывал усвоенное и с помощью циркуля, транспортира и рейсфедера, которые достал специально для этого, выполнял чертежи. В скором времени у него составилась полная программа геометрии, позволивший ему достаточно полно усвоить эту науку. Третий сын Маслова — Степан — изучал фортификацию, занимался с ним воспитанник инженерного училища Пучков. Правда, эти занятия велись отдельно в комнате Степана и присутствовать на них Андрей не мог. Тем не менее «старался я колико можно ходить туда чаще и сматривать, как они чертят планы, и получил по крайней мере о сих довольное понятие»⁷.

Смерть матери

Весной 1752 г. умерла мать Андрея. Это обстоятельство существенно повлияло на дальнейшую жизнь мальчика. Он начал подумывать о возвращении в деревню. Однако против этого категорически протестовал дядя, считая, что нужно продолжать образование. Трудно сказать, чем закончилось бы противостояние дяди и племянника, если бы в дело не вмешался Артамон. Ему давно уже была не по нраву жизнь в отрыве от жены и детей. Воспользовавшись смертью матери Андрея, он начал настойчиво склонять его к отъезду домой, избрав главным аргументом в своих беседах с мальчиком имущественный фактор: ты сейчас всему дому хозяин, и нужна большая забота, чтобы там все было в сохранности.

Слова Артамона падали на благодатную почву, поскольку совпадали с мыслями и настроением Андрея.

⁷ Там же. Стб. 185.

Кончина матери вызвала в его сознании резкую перемену, она как бы сняла с него груз подчинения взрослым. Он стал думать, что теперь уже волен в своих поступках, и хотя сохранил уважение к дяде, но боязнь его значительно ослабла. Впрочем, рождение чувства самостоятельности произошло пока лишь в мыслях, на деле все продолжал решать дядя и высказывания Андрея об отъезде твердо пресекал.

Тогда хитроумный и многоопытный Артамон разработал обходной маневр: он предложил Андрею тайком отправить письмо старшей сестре в Псков, в котором сообщить о смерти матери и попросить прислать за ним лошадей. Когда коляска будет в Петербурге, дядя уже не решится задержать их. Андрею план показался убедительным, и письмо сестре было отправлено. Дополнительно к этому Артамон посоветовал ему в разговоре с дядей упомянуть вскользь, что генерал Маслов собирается поехать в Москву вместе с сыновьями и учителем и, таким образом, пребывание Андрея в Петербурге станет бесполезным. Болотов не отказался и от этого дипломатического хода: очень уж хотелось ему вырваться на свободу. Наконец прибыла коляска, присланная из Пскова. Прочитав письмо Прасковьи Тимофеевны, весьма удивился Тарас Иванович ее просьбе отправить Андрея к ним в деревню и почувствовал, что здесь не обошлось без участия племянника. Но тот твердо отрицал свою причастность. На его счастье, сестра ни словом не обмолвилась о письме Андрея к ней.

Зато фальсификация слуха о предполагаемом отъезде в Москву Маслова обнаружилась сравнительно быстро. Тарас Иванович счел необходимым вместе с Андреем съездить к Маслову, с тем чтобы поблагодарить его за помощь в обучении племянника и дать мальчику возможность попрощаться с генералом. В разговоре дядя в качестве одной из причин отъезда Андрея из Петербурга упомянул и предполагаемый выезд Маслова в Москву. Тот со смехом объявил, что ни о какой поездке у него и мысли не было. Андрюша очень переживал свой поступок, заставивший дядю краснеть. Вернувшись домой, Тарас Иванович задал Андрюше на прощанье хорошую головоломку, но слово свое менять уже не стал, и тот поехал на Псковщину. Было это в начале октября 1752 г.

Жизнь в имении зятя текла размеренно и спокойно: справляли семейные праздники, ездили в гости к соседям и сами принимали гостей, устраивали охоту на зверей и ловлю рыбы, вечерами играли в карты, организовывали концерты, благо многие помещики имели домашние оркестры. Из всех этих развлечений более или менее по душе пришлись из вечерних — танцы, а из дневных — рыбная ловля на челноке так называемой «дорогой». Зять — Василий Савинович Неклюдов — был страстным рыболовом и передал в ведение Андрея одноместный челнок, очень легкий и ходкий, па котором тот и стал ездить по реке Лже, делавшей красивый изгиб вокруг деревни. «Дорога» представляла собою орудие лова, типа современной блесны. Вот как описывал ее сам Андрей Тимофеевич: «Делается нарочитой величины и толстоты железный крюк с зазубрею и приковывается тупым концом к небольшой продолговатой и желубком несколько вогнутой бляшке, сделанной из желтой меди; а в том месте, где край бляшки соединяется с крюком, привязывается маленький лоскуток аленького суконца, а к другому концу бляхи прикрепляется предлинный и крепкий шнур, взмотанный на вертящуюся шпулю так, как бывают у плотников шнуры их»⁸.

Ловля щук с помощью «дороги» производилась так: Андрей садился в челнок и плыл вверх по реке, спустив весь шнур в воду, а свободный конец зажав в зубах. Бляшка с крючком при движении вращались и создавали впечатление плывущей рыбки, на которую и бросались щуки и другие хищные рыбы. Момент схватывания хищником приманки Андрей улавливал по легкому удару в зубах. Тогда он останавливался, наматывал шнур на шпулю и, подтянув рыбу к челноку, доставал ее сачком. Рыбы в реке было много, и он почти никогда не возвращался без улова. Да и сама езда на лодке по красивой реке была приятной.

Какое-то время Андрюше нравилась такая жизнь, но потом одной рыбной ловли стало маловато: его деятельная натура требовала более полезного времяпрепровождения. И в которой уже раз молодого Болотова

⁸ Там же. Т. 1. Стб. 221.

выручает его неугасающая страсть к познанию, жажда открывать для себя что-то новое.

Зять кроме увлечения рыбной ловлей имел еще одно хобби: был большим любителем всякого рода мастерства. Он держал в имении кузнецов, столяров, токарей, кожевников, причем старался отыскать не просто ремесленника, а мастера высокого класса, способного сделать уникальную вещь, с художественным вкусом. Так, например, у него был старичок, занимавшийся поделкой различных коробок, шкатулок, табакерок и т. п. из бересты. Подбирая соответствующее сырье и применяя особые способы отделки, этот старичок делал шедевры оригинального промысла, пользовавшиеся большим спросом.

Андрюша, увидевший эти изделия, загорелся желанием научиться делать такие же и уговорил мастера взять его к себе в ученики. Старичок, обнаружив интерес и старание мальчика, не только обучил его своему уникальному мастерству, но и подарил ему набор инструментов собственного изготовления. Обрадованный Андрюша изготовил для учителя шкатулку, украшенную орнаментом, придуманным им самим. Теперь, имея инструмент, он мог заниматься интересным делом в любое время.

Учился Андрюша и другим видам ремесел, в частности токарному. Здесь же в Опанкине (так называлась деревня, где жили Неклюдовы) Андрюша научился играть на гуслиях.

Новые увлечения захватили Андрея настолько, что он уже стал забывать о необходимости ехать в свою деревню, где ждали нового хозяина. По-другому отнесся к перемене мыслей молодого барина Артамон. Ему-то по-прежнему хотелось поскорее вернуться домой, к жене, детям. Поэтому он повел атаку на барчука, рисуя ему одну за другой мрачные картины разорения имения и склоняя к решению о скорейшей поездке в Дворяниново. Наконец это ему удалось, и, несмотря на уговоры сестры и зятя пожить еще, Андрей собрался домой. Весной 1753 г. он вернулся в свою деревню.

Опять в Дворянинове

Первые впечатления были очень грустными: все напоминало ему мать, ее ласковые руки, нежную заботу о нем. Горе охватило его, но житейские дела властно

заявляли о себе: нужно решать, что делать, как прожить год, оставшийся до окончания отпуска из армии. Первым долгом счел необходимым сходить к дяде — Матвею Петровичу — поблагодарить его за проводы матери в последний путь, за устройство дел по имению после ее смерти. Дядя встретил племянника тепло, пригласил его бывать у него почаще, обещал ему всяческую поддержку в хозяйственных делах.

Матвей Петрович к тому времени овдовел и жил один с двумя сыновьями: Михаилом, который был лишь на год моложе Андрея, и Гавриилом, тогда еще совсем ребенком. Дома их располагались рядом, и казалось, между Андреем и Михаилом, поскольку они были двоюродными братьями и сверстниками, сразу же установится тесная дружба. Однако на первых порах этого не произошло. Обнаружилась существенная разница в их характерах. Михаил, выросший в деревне и умевший лишь кое-как читать и писать, совершенно не интересовался учением и все время проводил в забавах с деревенскими ребятами. Зайдя несколько раз к брату и находя его каждый раз сидящим за книгами, Михаил, презрительно фыркнув, уходил, а потом и совсем перестал ходить. В свою очередь Андрей, привыкший к регулярным занятиям, не понимал, как это можно целыми днями бездельничать, зная только игры, забавы да шалости, иногда и совсем не безобидные.

Склонность Андрея к наукам и удивительная усидчивость позволяли ему совершать сложные дела. Однажды он увидел у дяди учебники геометрии и фортификации, написанные от руки, с прекрасно выполненными чертежами. Учебники эти сделал сам дядя в те времена, когда обучался этим наукам у Ганнибала.

Андрюша не отстал от дяди до тех пор, пока тот не согласился дать ему эти учебники на время, чтобы Андрей мог списать текст и перерисовать чертежи. Переписывая учебники и выполняя чертежи, Андрей настолько основательно усвоил геометрию и фортификацию, что стал разбираться в этих науках лучше дяди, чем заслужил его одобрение и уважение. Впоследствии знания геометрии пригодились Андрею Тимофеевичу при проведении им генерального межевания.

Килка — предок хоккея

Неудавшаяся вначале дружба с Михаилом все же потом наладилась. Поводом к этому послужило совместное увлечение килкой — довольно распространенной в те времена игрой. Однажды Андрюша возвращался с прогулки и за околицей увидел большую ватагу ребят, которые оживленно бегали по поляне, веселым криком и смехом сопровождая беготню. Желая узнать, чем они занимаются, Андрюша подошел поближе и увидел, что мальчишки, разделившись на две партии, особыми палками гоняют круглую деревянную плашку.

Долго стоял Андрюша, наблюдая за игрой, суть ее он понял скоро, она ему понравилась, и уже на следующий день он принял в ней активное участие. И вот как-то в самый разгар игры на лужайке появился Михаил, сопровождаемый целой гурьбой ребятни. Подозвав Андрюшу, он попросил разрешения принять участие в игре. Андрюша, не раз размышлявший о том, как ему наладить дружеские отношения с братом, охотно согласился. С тех пор братья стали встречаться чаще, и не только на «поле битвы», при игре в килку. Незаметно они перешли на «ты», а затем более энергичный Миша стал главарем всех уличных забав.

Много лет спустя, описывая свои детские годы, Андрей Тимофеевич вспомнит и эту увлекательную игру. «Случилось как-то мне увидеть, что ребяташки на дворе играли в так называемую килку. Мне игра сия полюбилась чрезвычайно, и более потому, что она имела некоторое подобие войны. Все играющие разделились на две партии, и одна партия старалась килку, или маленький и кругленький обрубочек от деревянного кола, гнать в одну сторону и догонять до конца двора или до уреченного [назначенного] какого-нибудь места, а другая партия старалась ей в том воспрепятствовать и гнать килку в другую сторону двора и также до какого-нибудь уреченного места, и которой партии удастся прежде до своего желанья достигнуть, та и выигрывает»⁹.

Возвращались домой веселые и довольные. А уже на следующий день Андрюша пошел в лес искать подходящую березку с искривлением ствола в нижней части, таким, чтобы получилась хорошая палка для игры

⁹ Там же. Стб. 237—238.

в килку. Он уже знал теперь, какой она должна быть.

В записках об этом будет сказано так: «Чтобы удобнее можно было сию килку гнать, то каждый человек имел палку с кочерешкою на конце, дабы сею кочерешкою можно ему было килку и совать и по земле гнать, а ежели случится на просторе, то и ударять, чтобы летела далее и могли ее подхватить и гнать далее его товарищи»¹⁰.

С каждым разом игра все больше нравилась Андриюше. В его будущих воспоминаниях о ней есть такие слова: «Словом, игра сия самая задорная, наполненная огня, рвения, усердия, и играющие должны употреблять невозможнейшее проворство и скоропоспешнейшее бегание за килкою для успевания скорее ее ударить и прогнать, и притом наблюдается в ней некоторый порядок»¹¹.

Андрей Тимофеевич правильно уловил основные эмоциональные признаки игры. В его описании мы находим упоминание о таких особенностях, которые в наши дни, к сожалению, утрачены. Имеются в виду массовость игры и участие в ней не только подростков, но и взрослых. «Впрочем, была игра сия у нас в деревне в таком тогда обыкновении, что в зимнее досужее вечернее время игрывали в нее не только ребятишки, но и самые старые и взрослые люди вместе с ними. Всякий выбирал другого такого ж себе в соперники, и все не меньше бегали и проворили, как и ребятишки, и веселились до крайности, когда случалось победить и заставить себя побежденному перенести за плечами через весь двор или от одного уреченного места до другого»¹².

Вспоминая свои детские годы, я могу подтвердить, что и в те времена в лапту, в бабки играло все взрослое мужское население деревни, (за исключением разве уж самых дряхлых стариков). Любо-дорого было смотреть, как с развевающейся бородой мчит крестьянин, убегая от сына, а то и от внука, владеющего мячом.

Андриюша придумывал тактические приемы, вносящие элемент организации в игру, совершенствовал ее техническое оснащение. Однажды во время игры произошел несчастный случай: резко брошенная килка

¹⁰ Там же. Стб. 238.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Стб. 239.

угодила в лицо одному из игроков и сильно рассекла губы и подбородок. Андрюша не оставил этот случай без внимания, и по его совету деревянный кругляш был заменен кожаным мячом.

Приведенные цитаты дают нам совершенно четкое представление о том, что килка — эта русская народная игра XVIII в. — несомненный предшественник современного хоккея. Все главные атрибуты хоккея — клюшка, шайба, мяч — уже имеются в килке, и от нее до всех видов хоккея, что называется, «рукой подать». В самом деле, что для этого понадобилось в будущем? Снежную площадку заменить ледяной, игроков водрузить на коньки а вместо «уреченного» места поставить ворота.

А к хоккею на траве прийти от килки и совсем просто.

Забавы двоюродного брата

Заводя дружбу со своим двоюродным братом, Андрей совсем не предполагал, к каким последствиям она приведет. Ему думалось, что поскольку они ровесники, то и интересы у них примерно одинаковые и вдвоем им будет проще организовать свою жизнь так, чтобы и дело делать, и не скучать. Дядя, поощряя сближение братьев, надеялся на то же. Зная отвращение своего сына к наукам и тягу к безделью и шалостям, а также обратные качества племянника, Матвей Петрович полагал не без основания, что под воздействием Андрюши сын отойдет от баловства, приобретет интерес к наукам, займется делом. Получилось совсем не то и даже в какой-то мере противоположное. Не привыкший к усидчивости Михаил не пристрастился ни к книгам, ни к рисованию, ни к беседам о чем-то, не имеющем прямого отношения к их повседневному быту. Наоборот, будучи по характеру более активным и настойчивым, он стал перетягивать на свою сторону Андрея, вовлекая его в уличные игры и забавы. Сначала тот слабо сопротивлялся, не желая терять установившуюся дружбу и надеясь на то, что Михаил начнет учиться. А потом и сам Андрей как-то втянулся в жизнь без ограничений, с постоянными играми, походами в лес, купаньями на речке и в прудах.

И только вечерами, когда он оставался один и лежал в постели, перед сном, Андрея терзали угрызения совести за потраченное напрасно время. Он вспоминал

свой прежний образ жизни, когда находилось время и для чтения, и для рисования, и для занятий языками. В эти минуты он давал себе твердое обещание, что с завтрашнего дня начнет новую жизнь, покончит с бездельем и отвадит от себя брата с его играми и проказами. Но наступало утро, приходил Михаил, и Андрюша не мог преодолеть его настойчивых просьб и уговоров: снова начинались походы, игры, купанье и т. п. А вечером опять душевное смятение, раскаяние и новые зареки. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта борьба с самим собой, если бы не вмешался «дядька» Артамон. Наблюдая безалаберную жизнь барчука, он решил вмешаться, пока не поздно, и поговорил с ним основательно, делая постоянные ссылки на родителей. Результат беседы проявился незамедлительно. Уже на следующий день Андрюша твердо заявил брату, что больше он ему не компаньон в увеселениях и забавах, а если тот нуждается в его дружбе, то он всегда готов, но при условии, что она будет основана на совместных занятиях наукой. Возможно, на первых порах Мише придется трудно, но в таком случае Андрей обещал ему всяческую помощь. В ответ Михаил заявил, что он еще не сошел с ума, чтобы променять веселые уличные забавы на унылое времяпрепровождение за книгами.

На этот раз Андрей выдержал характер, и Михаил ушел не солоно хлебавши. Впрочем, вечерами, а иногда и в послеобеденное время Андрей выходил на улицу и участвовал в играх и развлечениях, организуемых братом. А тот слегка приуныл: он потерял место, где чувствовал себя вольготно, устраивая всякого рода шалости. Дома эту волю пресекал отец, нет-нет да и укрощая его необходимым в таких случаях словом.

Впрочем, склонный к выдумкам Михаил вскоре нашел выход из положения. Он уговорил Андрея съездить к одному из близких соседей, их дальнему родственнику — Степану Петровичу Челищеву — и попросить его отпустить своего сына, примерно такого же, как они, возраста, погостить в Дворяниново. Идея Андрюше понравилась: во-первых, он чувствовал себя виноватым перед братом за то, что лишил его своей компании, и надеялся, что приезд мальчика как-то компенсирует эту утрату: во-вторых, могло бы случиться, что тот окажется хорошим компаньоном и для него самого, если обнаружит склонность к наукам.

На другой же день Андрей съездил к Челищеву.

Тот, наслышанный о хорошем поведении Андрея, согласился, его сын тут же собрался, и в Дворяниново они вернулись уже вдвоем. А когда один из мальчуганов, окруживших коляску, привел Михаила, состоялась встреча будущих компаньонов.

По первым дням жизни нового компаньона Андрею казалось, что его мысли о дружбе с ним на основе духовных интересов оправдаются. Михаил (будем его так называть в отличие от Миши — брата Андрея) с любопытством следил за работой Андрея, рассматривал записи, рисунки, спрашивал то одно, то другое. Однако надежды вновь не оправдались: второй Михаил оказался подобием первому, он не только не уступал ему по характеру и привычкам, но кое в чем и превосходил. Правда, некоторую пользу для себя из приезда Михаила Андрей все же извлек. Не обнаружив в нем склонности к наукам (первое любопытство у того быстро прошло) и не приобретя, таким образом, себе компаньона, Андрей стал использовать его для того, чтобы освободиться от общества брата. Он отправлял последнего к Михаилу, ограничив свое участие в их забавах тем, что мирил их после возникавших между ними ссор. Впрочем, чаще всего они мирились сами, поскольку ссорились несколько раз в день. Поводов было предостаточно, особенно горазд был к их созданию озорной Миша.

Часто проказы едва не заканчивались плачевно. Позднее Андрей Тимофеевич вспоминал несколько случаев. Расскажем лишь о двух из них. На пасхальной неделе возле дома Андрея были устроены высокие качели. Это распространенное в былые времена развлечение собирало большую массу народа, особенно много было зрителей, потому что высокие взлеты доски, на которую садились желающие покачаться, выдерживали далеко не все: захватывало дух при возвращении доски вниз из крайнего верхнего положения. Однажды около качелей оказались оба Михаила. А надо сказать, что Михаил-гость был ужасный спорщик. Особенно он не терпел, когда ему говорили, что он не может что-то сделать. Эту черту его характера частенько использовал Миша, чтобы пошутить и повеселиться, а заодно и посмеяться над приятелем. Так произошло и на этот раз. Миша обвинил Михаила в трусости. Тот сразу же взъерошился и стал доказывать, что это неправда. Тогда Миша предложил произвести проверку тут же,

немедля. В качестве средства испытания были выбраны качели. Михаил должен был встать на них и выдержать любой размах, до которого они будут доведены его приятелями. Михаил согласился, все пошло к качелям, и испытания начались.

Чем эта шутка закончилась, Андриюша увидел из окна: на конце раскачивающейся качели висел, держась за веревки, Михаил. Андриюша так и обмер, со страхом ожидая, что он сорвется и упадет. К счастью, все обошлось благополучно. Михаил таки сумел продержаться, пока качели не остановили.

В другой раз шутка Миши оказалась еще более опасной. Придя как-то к Андриюше, Миша увидел в тарелке на столе ягоды. Он попробовал их, они были сладкими, но с каким-то привкусом. Любопытный мальчик сейчас же заинтересовался странными ягодами и спросил у Андриюши о причине их необычного вкуса. Тот объяснил, что на этих ягодах делали винную настойку и недавно ее слили, после чего ушел в свою комнату заниматься. А у великого проказника Миши тут же созрел план новой шутки. Дождавшись, когда появится Михаил, он с невинным видом начал вовлекать его в спор. Предложив попробовать ягоды, спросил, нравятся ли они Михаилу, а после утвердительного ответа заявил, что тому не съесть все, что находится на тарелке. Михаил, по своему обыкновению, тут же вступил в спор, и Миша, воспользовавшись этим, предложил спорщику доказать свою правоту на практике.

Челищев, ничего не подозревая, сел за стол и быстро расправился с ягодами, благо чашка была не очень большая. Не успели они обсудить дальнейший план своих действий, как за Мишей прибежал посыльный: он срочно понадобился отцу. А дальше произошло вот что: Андриюша, занимавшийся в своей комнате, услышал непонятный шум. Желая узнать, что случилось, он пришел в гостиную и увидел странную картину: его гость с дикими глазами, размахивая руками, бегал по комнате и что-то нелепо кричал. Попытка Андриюши поговорить с ним успеха не имела. Михаил не узнавал его и продолжал свои ни с чем не сообразные действия. Андриюша страшно испугался: ему показалось, что тот сошел с ума, а что нужно делать в таких случаях, он не знал. Хотел бежать за помощью, но в это время вошел Миша. Увидев картину, которая по-

разила Андрея, он покатился со смеха, чем крайне удивил брата: тому было непонятно, как можно смеяться над несчастьем человека. Андрей стал упрекать Мишу в жестокосердии, уверяя его, что Челищев сошел с ума. Услышав эти слова, Миша схватился за живот и захохотал еще сильнее. Андрей не на шутку забеспокоился, наблюдая несомненно болезненное состояние Челищева и в то же время какую-то удивительную, совершенно не вяжущуюся с обстановкой веселость брата. У него даже мелькнула мысль о том, что сошли с ума оба: и Челищев, и Миша.

Наконец Миша успокоился и, утирая слезы, выступившие у него от непрерывного смеха, рассказал историю с ягодами, заключив: «Так что, братец, никакой он не сумасшедший, а просто пьяный».

Между тем Михаилу стало совсем плохо, он повалился на пол, на губах у него появилась пена, глаза закатились и остекленели. Испугавшись теперь уже оба, братья послали за Артамоном.

Долго пытались привести в чувство безжизненного Михаила. Наконец кто-то посоветовал влить ему в рот конопляного масла. После этой процедуры малого стошнило, и ему стало легче. Он уснул, а когда проснулся, был уже нормальным человеком.

Глава 2

Воинская служба (1755—1762)

Новые хлопоты об отпуске. Неудача

За делами и забавами, веселыми и опасными, Андрей не заметил, как подошло время возвращаться в армию. Думы об этом неприятном событии (очень уж не хотелось ему от свободного образа жизни переходить на армейский режим) все чаще и чаще стали навещать его. Правда, в документе об отпуске не был записан конкретный срок, с указанием года, месяца и числа. В нем лишь значилось, что Болотов отпущен до наступления 16 лет. По молодости и неопытности Андрей наивно полагал, что в полку неизвестно точно, когда ему исполнится 16 лет, и пользовался любым поводом, чтобы оттянуть возвращение, тем более что родичи каждый на свой лад содействовали этому.

Однажды на семейном совете, после длительных дебатов, было решено обратиться в Москву в военную контору с ходатайством о новом продлении отпуска. В качестве ходатая опять был избран Артамоп, а поддержку ему должен был оказать проживающий в Москве генерал, родственник Никиты Матвеевича Болотова, владельца третьей усадьбы в Дворянинове.

Однако на этот раз ни старания Артамопа, ни помощь генерала не возымели действия: «... военная контора наотрез отказала, объявив, что она мне отсрочить никак не смеет, а если я хочу, то просил бы я о том в Петербурге, в самой военной коллегии, от которой я отпущен был»¹.

И снова начались раздумья: ехать в Петербург за отсрочкой или, оставив всякую надежду на повторный отпуск, распрощаться с родными местами и отправлять-

¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 1. Стб. 261.

ся в полк. И уже совсем было решился Андрей на последнее, даже собрали все необходимое для длительного житья вне дома, как вдруг судьба свела его с одним из домашних учителей соседних помещиков. Тот увлекался хиромантией и предложил юному Болотову по линиям рук определить, будет ли удачной его поездка. Андрей согласился, хиромант изучил ладони его рук и клятвенно заверил, что поездка будет благополучной и результат положительным.

Это предсказание и определило дальнейшее поведение юноши: надеясь на получение отпуска, а стало быть, и на скорое возвращение, он не стал обременять себя основательным обозом, а тронулся налегке. За раздумьями да за сборами время шло, и поехали они с Артамоном уже по зимнему пути. В Москве оказались в конце 1754 г. На счастье Андрея, там в это время находился офицер его полка, хорошо знакомый ему по прежнему пребыванию в армии. Оба были рады встрече. Осип Максимович (так звали офицера) рассказал о всех полковых новостях: где в данное время расположен полк, кто его новый командир, как живут прежние сослуживцы. Тут же упомянул, что Андрея в полку ждут уже давно. Когда Андрей сообщил Осипу Максимовичу, что едет в Петербург за получением нового отпуска, тот отнесся к этому отрицательно и решительно отсоветовал делать такой неразумный шаг, мотивируя тем, что ехать в Петербург далеко, а поскольку военная коллегия обязательно откажет в просьбе и придется возвращаться в полк, то расстояние бесполезной поездки удвоится.

Однако мысль об отсрочке настолько укоренилась в сознании Болотова и была ему настолько приятной, что все идущее вразрез с ней воспринималось им крайне неодобрительно. Не приняв во внимание совет Осипа Максимовича, Болотов все же решил ехать в Петербург. Но червячок сомнения, оставшийся в душе, понемножку точил ее: как-никак, а путь не малый — и вдруг напрасно?

В Твери встретили ехавших из Петербурга военных, и те подтвердили, что отпуска из армии категорически запрещены. Призадумался Андрей и решил еще раз обсудить положение с Артамоном, своим верным дядькой, который имел богатый жизненный опыт и не раз выручал его в трудные минуты мудрыми советами.

Артамон внимательно выслушал сомнения Андрея

и без колебаний заявил, что нужно ехать в полк. Цеплявшийся за все, что хоть как-нибудь оправдывало идею поездки в Военную коллегию, Андрей напомнил Артамону, что едут они налегке, а если ехать в полк, то потребуется возвращаться за всем необходимым для длительной жизни в армии, что займет много времени.

Однако смысленный Артамон, чувствовавший настроение Андрея и в то же время понимавший, что всякая задержка с возвращением в полк чревата опасными последствиями, решительно пресек последнюю попытку юноши защитить идею поездки в Петербург. Проблему с домашним скарбом он решил просто: ехать в полк надо было через Псков, по дороге они заедут к сестре в Опанкино, часть же людей отправят в Дворяниново с запиской, чтобы там собрали обоз и направили его вслед за ними. Дождавшись обоза, продолжат путь. Андрею ничего не оставалось, как согласиться с Артамоном.

Через несколько дней они были уже в Опанкине. К большой радости Андрея, они застали дома не только сестру, но и ее мужа, который находился в отпуске. Радость еще более усугубилась сообщением зятя о том, что отпуск его кончается и вскоре он должен вернуться в полк. Было решено, что поедут они вместе. На этот раз Андрей прожил в Опанкине до марта 1755 г. В начале этого месяца вместе с Неклюдовым они приехали на мызу Сесвечен, неподалеку от Риги, где на зимних квартирах стоял тогда их Архангелогородский полк.

Возвращение в полк, получение офицерского чина

О годах своей службы в армии Андрей Тимофеевич писал по-разному. В одних (правда, весьма редких) случаях он отзывался о том времени положительно. Это главным образом воспоминания о новых местах, куда забрасывала его судьба, о хороших людях, с которыми ему приходилось встречаться. Чаще годы воинской службы он считал напрасно потерянным временем. Объясняется это, во-первых, тяжелыми условиями, существовавшими в царской армии, бессмысленной муштрой солдат, тупостью мышления многих представителей командования; во-вторых, воинская служба Андрея Тимофеевича пришлась в основном на период Семилет-

пей войны с Пруссией, а война, по его убеждениям, — далеко не лучшее занятие человека.

Особенно тяжело переживал Андрей первые месяцы своего пребывания в армии. Сам он записал об этом так: «Сей пункт времени составлял важную эпоху в моей жизни, с оного начиналась для меня жизнь совсем нового рода: до сего жил я на совершенной воле и был властелином над всеми своими делами и поступками, а тут все сие вдруг кончилось и я принужден был готовиться жить в повиновении у многих»².

В первом представлении Андрея командиру полка помог Неклюдов. Будучи довольно богатым помещиком, он имел возможность оказывать полковнику существенную помощь деревенскими продуктами, за что пользовался его расположением. Это обстоятельство, а также то, что Андрей был сыном предшественника командира, сыграли весьма важную роль. Полковник благосклонно принял Андрея и сразу же предоставил ему некоторые льготы по полку, в частности разрешил жить не в казарме (как полагалось сержанту), а на квартире вместе с Неклюдовым.

Впрочем, вскоре для Андрея наступили тревожные дни. Выяснилось, что он уже давно числится в просроченном отпуске. Оказалось, что в свое время Тимофей Петрович, зачисляя сына в полк и соблюдая какое-то возрастное условие, прибавил ему год. Поэтому в штабе полка, получив уведомление Военной коллегии о предоставлении Андрею отпуска до 16-летнего возраста, полагали, что этот возраст наступит у него не в 1755 г. (как думал он сам), а в 1754 г., и уже с того времени стали числить его в просрочке, о чем был подан соответствующий рапорт. Может быть, сам по себе этот факт и не отразился бы особенно на судьбе Болотова, если бы не был связан с другим обстоятельством. В тот период Россия уже начала готовиться к войне с Пруссией, намечалось формирование новых войсковых соединений. Потребовалось увеличение офицерского состава. Одним из резервов его пополнения были сержанты. Штабы получили указание представить их списки. В списках Архангелогородского полка Андрей был в числе первых, и при нормальном ходе событий он получил бы звание офицера автоматически. Но, поскольку в генералитете имелся рапорт о просрочке отпуска,

² Там же. Стб. 273.

против фамилии Болотова появилась приписка: «За просрочку и неявление и поныне в полку — обойден». Огорчение Андрея еще более усилилось, когда стало известно, что представляли его «через чин», т. е. не на прапорщика, а на подпоручика.

Первое время Андрей старался не встречаться с товарищами, ему казалось, что все будут насмехаться над ним и он сгорит от стыда. Но вскоре выяснилось, что офицеры полка совсем по-другому относятся к неприятности Андрея. Они весьма сочувствовали ему и, не ограничиваясь сожалениями, обсуждали, как можно исправить допущенную несправедливость. Наконец был выработан план действий, согласно которому Неклюдов должен был поехать в Петербург с ходатайством от полка о присвоении Болотову офицерского чина. Официальное письмо командования было сопровождено ходатайством, подписанным всеми офицерами полка. Однако, когда все оказалось подготовленным, Неклюдов заболел. Откладывать затеянное было нельзя, и Болотову пришлось ехать в Петербург самому.

Длительные мытарства, связанные с ходатайством, Андрей Тимофеевич в своих записках охарактеризовал так: «Теперь оставалось мне только исходатайствовать позволение съездить на несколько времени в Петербург, ибо и сие сопряжено было с некоторыми затруднениями. Полковник не в состоянии был сего сделать; он с радостью готов бы был меня на несколько месяцев отпустить, но власть его так была ограничена, что он не мог отпустить меня и до Ревеля; к тому ж и челобитной моей должно было идти по команде, т. е. сперва от полку представленной быть командующему нами генерал-майору, а от сего представлена быть к генерал-поручику, а от него далее в Петербург к главнокомандующему, генерал-аншефу графу Петру Ивановичу Шувалову, от которого надлежало уже последовать резолюции»³. В конце концов положительная резолюция Шувалова была получена, и в полк Андрей вернулся уже не сержантом, а подпоручиком.

Поход в Пруссию

Впрочем, служба нового офицера еще долгое время была необременительной. Дело в том, что в Архан-

³ Там же. Стб. 303.

гелогородском полку не было свободной штатной должности для подпоручика. Болотову предстояло или получить назначение в другой полк, или остаться в своем «сверх комплекта», т. е. без получения жалованья. Уходить из родного полка, к которому он уже привык и где у него были хорошие друзья, Болотову не хотелось. Жить без жалованья тоже больших радостей не сулило. Тем не менее не склонный к мотовству и разгульной жизни, которую вели многие офицеры, особенно из богатых дворянских семей, Болотов предпочел остаться в своем полку. Но и зачисление «сверх комплекта» требует разрешения высокого начальства. Все это Андрей узнал еще в Петербурге и разрешение получил заблаговременно, используя установившиеся хорошие отношения с начальником канцелярии генерал-аншефа П. И. Шувалова — М. А. Яковлевым.

Довольно свободная жизнь в полку, без определенных обязанностей, предоставила Болотову много свободного времени, что дало ему возможность решить еще одну проблему, которая беспокоила его не менее, чем просрочка с возвращением в армию. Отпуск ему был предоставлен «для окончания наук». А он уже слышал о случаях, когда «отпущенных» и вернувшихся в армию вызывали в военные коллегии для проверки приобретенных знаний. В основном, конечно, проверялось знание языков и математики. Геометрию, черчение он знал, а вот за языки опасался. В комиссиях требуется хорошая разговорная речь. Андрей старается установить товарищеские отношения с людьми, свободно владеющими языками, ищет квартиры с такими хозяевами, в семье которых говорят на немецком или французском языках. Много времени он уделяет самостоятельной работе с языками, переводит книги с русского на иностранный и наоборот. Впрочем, постепенно беспокойство по поводу проверки проходит, никуда его не вызывают, а жизнь идет своим чередом: в полку открылась вакансия, и его зачислили в штат. Способного офицера замечают, и через некоторое время он назначается командиром роты.

Ранней весной 1757 г. слухи о предстоящей войне с Пруссией обретают реальную основу, в полк приходит указание готовиться к походу. Впрочем, военные действия в Пруссии уже начались, теперь определено лишь участие в них России. В армии производят-

ся некоторые изменения: дополнительно организуются бригады, вводятся новые тактические построения и перестроения войсковых соединений. Архангелогородский полк вместе с Ростовским и третьим гренадерским составил бригаду, которой командовал генерал-майор Вильбоа. В конце апреля русская армия в районе Риги перешла Двину, а в середине мая бригада Вильбоа вступила в Польшу. Здесь Болотов получил назначение полковым квартирмейстером.

Новая должность доставляла много хлопот, но имела и свои преимущества. Поход велся медленно, с длительными иногда остановками, и квартирмейстер, обеспечив стоянку для полка и снабжение его провиантом и фуражом, был более или менее свободен. Новые обязанности давали возможность Болотову постигать неизвестные ранее житейские мудрости. Вот как он описывает некоторые из них: «На сем месте принуждены мы были опять стоять двое суток, ибо как тут заготовлен был провиант, то должны были мы оный принимать и печь себе хлебы. При сем случае в первый раз случилось еще нам печь хлебы сии в земляных печах и растворять квашни в ямах; зрелище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидев помянутые ямки и в них в рогожах и в мешках растворяемое тесто, а для печения хлебов другие, выкопанные наподобие нор, дивились и не хотели верить, чтоб могло выйти что хорошее; но удивление наше увеличилось, когда увидели после хлебы и сухари столь хорошие и вкусные, что таковых мы до того времени не едали»⁴.

Не меньшее восхищение Болотова и его товарищей вызвал прием навьючивания сена.

«Впрочем, что касается до сего фуражирования, то всякому, не выдавшему одного никогда, покажется оно весьма удивительно, и он не поверит, что такое великое множество сена можно было увезть на одной лошади, а что того еще удивительнее — верхом; ибо надобно знать, что для скорейшего и удобнейшего привоза сено фуражируется всегда верхами, и из сена связываются два превеликие тюка или кипы, из которых каждая почти с маленький воз будет, и оба сии тюка на веревках перекидываются по седлу через лошадь поперек, а человек садится между ними и едет

⁴ Там же. Стб. 431.

властно как на возу сена, ибо сии тюки тащатся почти по самой земле, и лошади за ними совсем почти не видно...»⁵

Противник рядом

В первых числах июня бригада Вильбоа пришла в Ковны, где было назначено место сбора войсковых соединений, двигавшихся по разным дорогам. После некоторого перестроения бригад и дивизий армия направилась к границе с Пруссией и во второй половине июля перешла на ее территорию. С этого времени началось соприкосновение русских частей с неприятельскими. Болотов, упоминая о военных действиях в Семилетней войне не только наших войск, но и союзников, рассказывает о событиях, связанных с его полком и бригадой. Его оценка этих событий весьма интересна в двух отношениях: во-первых, как очевидец, Болотов излагает факты с большой степенью достоверности; во-вторых, его суждения позволяют создать представление о его политических взглядах, нравственном облике, человеческих качествах. Правда, записки были написаны значительно позднее происшедших событий, и порою трудно сказать, кому принадлежат суждения: Болотову тех времен, еще не лишённому непосредственности и некоторой наивности юности, или Болотову начала 80-х годов, обогащенному научными знаниями и житейским опытом. Но в любом случае они характеризуют личность Болотова.

Первое столкновение русских частей с неприятелем в районе расположения полка Андрея было неудачным. Разведывательная группа в количестве около 500 солдат, направленная под командованием француза майора Де-ла-Руа с заданием обнаружить ближайшее расположение неприятеля, была разбита прусским гусарским подразделением полковника Малаховского. Вина за это позорное для русского оружия событие, по словам Болотова, полностью лежит на майоре Де-ла-Руа. Отъехав недалеко от расположения лагеря и не обнаружив на пути противника, майор легкомысленно решил, что его вообще поблизости нет, и, остановившись в одной из деревень, устроил попойку, дав волю не только офицерам, но и драгунам. Захваченные гусарами Малаховского врасплох, русские дра-

⁵ Там же. Стб. 489.

гуны не успели как следует организовать и обратились в бегство. Преследуемые по пятам противником, они понесли большие потери. Группа казаков под командованием вахмистра Дрябова сделала попытку контратаковать пруссаков, но успеха не имела. Майор Де-ла-Руа за свои действия был разжалован и предан суду, а вахмистр Дрябов произведен в поручики.

Наблюдая события первых месяцев пребывания русских войск на территории Пруссии, Болотов впоследствии так оценил сами события и их участников. Во-первых, по тактике военных действий. Его поражала плохая осведомленность командования обо всем, что делалось в стане противоборствующей стороны: где располагались воинские части, сколько в них солдат, чем они вооружены. Никто об этом толком ничего не знал. Разведка высылалась редко, от случая к случаю и прощупывала только ближайшую местность. В то же время противник имел прекрасное представление о плане русского командования, и Болотову казалось, что в наших штабах имеются люди, передающие все важные сведения прусскому генералитету. Особенное недоверие в этом отношении вызывал не только у Болотова, но и у других офицеров генерал Ливен. В качестве примера подозрительной осведомленности прусских генералов о планах русского командования Болотов приводил начало сражения при Эгерсдорфе, о котором будет рассказано несколько позднее.

Удивляла Болотова перетасовка воинских частей. Порою какой-либо полк перебрасывался из одной дивизии в другую, в то время как примерно такой же полк из дивизии, расположенной рядом с этой другой, переводился еще куда-то. Зато с какой радостью Андрей воспринимал разумные действия командования. Так, при движении русских войск вдоль реки Прегель было обнаружено, что войска противника, зная о направлении движения русских, заранее подготовились к обороне этих позиций: выбрали узкие, а также неудобные места прохода и сосредоточили здесь артиллерию, воинские подразделения, построили защитные сооружения, на водных преградах разрушили мосты. Чтобы не попасть под огонь подготовленных рубежей, русские решили переправиться на противоположную сторону Прегеля и продолжать движение по ней. Тем самым укрепленные позиции противника окажутся обойденными, а он сам будет вынужден оставить их и

выйти на сближение с русскими уже в незащищенных местах. Эта операция хорошо удалась русским войскам и в дальнейшем принесла им немалую пользу.

Интересны рассуждения Болотова об отношении армии, занявшей территорию противника, к местному населению. С его точки зрения, главное здесь — поведение солдат и позиция командиров. Если командиры с первых же шагов армии по чужой территории будут пресекать малейшие попытки к мародерству и другим фактам бесчинства солдат, эти попытки не получат распространения и население встретит армию если не доброжелательно, то, во всяком случае, без ненависти и актов мщения. Так, собственно, и было в первых прусских деревнях. Однако, когда казаки стали грабить население, жечь деревни, насиловать женщин, появились случаи активного сопротивления прусских жителей, они начали устраивать засады против русских солдат и стрелять в них. Не разобравшись в истинных причинах агрессивности местного населения, некоторые командиры стали поощрять солдат за расправу с «непокорными» жителями. В результате конфликтные ситуации расширились, что давало повод прусским газетам обвинять русскую армию в варварстве и жестоком обращении с мирным населением.

Сражение при Эгерсдорфе⁶

Болотов был свидетелем Эгерсдорфского сражения. Хотя непосредственного участия в бою он не принимал (их полк оказался вне линии сближения враждующих сторон), но находился в таком месте, откуда хорошо были видны главные события боя. Его описание «баталии» весьма красочно. В общих чертах оно представляется так. Когда русская армия перешла на левую сторону Прегеля и продолжила поход на Кенигсберг, прусские войска, как и предполагалось, были вынуждены оставить укрепленные пункты на правой стороне и также перейти на левую, что значительно ухудшило их положение. Наконец войска сблизилась настолько, что могли вступить в сражение. Русское командование выбрало очень удобное для боя место: довольно обширную поляну, на которой войска хорошо прикрывались с одной стороны рекой, с двух — густым лесом, с четвертой—

⁶ Там же. 3-е изд. 1875. Т. 1. Стб. 534.

обширным оврагом. Здесь армия и остановилась в ожидании нападения противника. Было проведено несколько тренировочных тревог с выходом на Эгерсдорфское поле. Однако прусские генералы тоже проявили тактическую мудрость. Они решили не рисковать, атакуя русскую армию, а выждать и посмотреть, что предпримут русские. Так прошло несколько дней. Наконец главнокомандующий фельдмаршал Апраксин собрал военный совет, на котором было решено оставить занятую позицию и первыми обрушиться на прусскую армию через Эгерсдорфское поле. Выступление было назначено на 19 августа.

На рассвете по сигналу началось движение полков к проходу на поле. Слабая подготовленность к боевым действиям проявилась сразу же. На пути, в проходе, оказалась сырая старая протока, обозы замешкались на ней и задержали полки, которые двигались без определенного порядка. В результате в проходе сгрудилась масса людей, повозок, мешавших друг другу, каждый стремился побыстрее продвинуться вперед. И вдруг по войскам пронесся слух, сначала робкий, потом все громче и громче: «Неприятель! Впереди неприятель!» Вначале не верилось. Но вскоре раздались орудийные выстрелы. В войсках началась паника. Никто не знал причины случившегося, не мог понять обстановку и сориентироваться. А произошло то, что прусское командование, узнав о решении военного совета русской армии, разработало план: атаковать русские войска в момент выхода их по узкому проходу на Эгерсдорфское поле, не давая возможности развернуться на нем многим полкам. Как удалось прусским войскам незаметно пройти через лес, а тем более через обширное поле и вплотную приблизиться к русской позиции, тогда никто объяснить не мог. Короче говоря, Московский полк, охранявший проход со стороны Эгерсдорфского поля, заметил прусаков, когда они уже оказались в непосредственной близости от него. Батарея полка открыла огонь, по которому русские войска узнали о наступлении неприятеля. Обстановка складывалась явно не в пользу русских. Бой практически приняли только те полки, которые успели выйти из лагеря на Эгерсдорфское поле. К счастью русских солдат, среди командиров нашлись хладнокровные энергичные люди, которые сумели погасить панику и организовать сопротивление врагу. Началось кровопролитное сражение. Положение было неравное: прусские

солдаты использовали обширное пространство, шли организованно по заранее разработанному плану; русские же были прижаты к лесу, не имели пространства для маневра, их было меньше (бóльшая часть полков и артиллерии находилась за лесом в лагере и бездействовала). Несмотря на отчаянное сопротивление, чаша весов стала постепенно склоняться в сторону прусской армии.

Победа прусских войск, казалось, была не за горами. И тем не менее русские солдаты не уступили. Третий гренадерский и Новгородский полки, находившиеся на месте стоянки, узнав о тяжелом положении своих войск, решили пробиться на помощь напрямую через лес, отделяющий лагерь от Эгерсдорфского поля. Оставив на месте пушки, они с большим трудом пробрались через чащобы и вышли весьма удачно на позиции Нарвского и второго гренадерского полков, которые были уже почти полностью разбиты. Выскочив из леса с громкими криками, свежие полки с ожесточением бросились на врага. Их появление внесло решительный перелом в ход боя. Воодушевленные помощью русские солдаты с новой силой продолжали сражение, а прусские войска, полагая, что из леса появится еще множество русских, не выдержали натиска и, расстроив свои ряды, обратились в бегство. Так была одержана решающая победа.

В «Записках» Андрей Тимофеевич упоминает, что описание Эгерсдорфского сражения он сопровождает рисунками, на которых схематически изображена позиция наших войск перед сражением, а также ход сражения. Однако издатель «Записок» М. И. Семевский в примечаниях к тексту сообщает, что этих рисунков ни в рукописи, ни в качестве приложения он не обнаружил. При каких обстоятельствах они утрачены — неизвестно.

Возвращение в Россию

В «Записках» Андрея Тимофеевича есть следующее размышление: «Говорят, что от предводителей войск двойное искусство требуется, а именно: чтобы они умели побеждать, а того более, чтоб они умели победами своими пользоваться, а не допускали бы пропадать им даром. Но что касается до наших предводителей, то мне кажется, что им обоих сих искусств недоставало: они ни побеждать, ни пользоваться победами не умели»⁷.

⁷ Там же. Т. 1. Стб. 542.

Это размышление он неоднократно подтверждал примерами. Одним из них было поведение высших командиров, в частности Ливена, после Эгерсдорфского сражения. Многие офицеры, как и Болотов, полагали, что командование будет стремиться развить успех боя, прикажет войскам преследовать противника и, не дав ему собраться с силами, разбить до конца, тем более что многие русские полки не принимали участия в сражении, были свежими и могли нанести прусской армии завершающий удар. Однако так думали не все.

Болотов приводит слова Ливена, сказанные будто бы им в ответ на предложение преследовать противника: «... на один день два праздника не бывает, но довольно и того, что мы победили». Так это было в действительности или нет — неизвестно, но последующие события подтверждают, что Ливену как главному военному советнику главнокомандующего удалось склонить фельдмаршала Апраксина к отказу от погони за врагом.

Еще более удивительным для Болотова и других русских офицеров был приказ о прекращении похода на Кенигсберг и возвращении войск в Россию. Об этом событии Болотов вспоминал следующими горькими и ироническими словами: «Итак, помянутого 29 числа, то есть ровно через десять дней после нашей баталии, выступили мы в поход и поплелись обратно в сторону к своему отечеству»⁸. Это обратное движение было, пожалуй, больше похоже не на планомерный отход войск, а на их бегство. Полки получили указание двигаться ускоренно, офицеры должны были оставить лишнее имущество. Холодная дождливая погода вызывала простудные заболевания и смерть солдат. Однажды фельдмаршал послал Болотова проверить состояние армии, растянувшейся от очередного привала до предыдущего. Увиденное привело молодого командира в ужас: «Впрочем, не успели мы выехать из лагеря, как и начали встречаться с нами повозки в таком состоянии и положении, какое без внутреннего сожаления я вспомнить не могу. Инде погрязла телега в грязи, и лошади, выбившись из сил, лежали, растянувшись. В другом месте наезжал я лошадей, совсем уже издохших, и самих повозчиков едва в живе — стужа и мокрота их совсем переломила; а отъехав далее, наезжал я и лошадей, и повозчиков, умерших от стужи: те как щли, так, упав, и из-

⁸ Там же.

дохли, а сии, прикурнувшись, сидели позади повозок — и так окостенели... Одним словом, вся дорога наполнена была такими печальными зрелищами, что я не мог без внутреннего содрогания смотреть на оные»⁹.

Вернувшись, Болотов доложил о виденном Апраксину. «Но что ж бы вы думали он сказал? Ничего, а только приказал мне идти в свое место, а гренадеру продолжать сказывать сказку, прерванную моим приходом». И дальше Болотов охарактеризовал фельдмаршала так: «Вот какого фельдмаршала имели мы в тогдашнем нашем походе! Люди, вверенные его предводительству и попечению, погибали и страдали наижалостнейшим образом, а он в самое то время увеселялся слушанием глупых и одними только нелепостями наполненных сказок. Чему и удивиться, что армия наша на сем обратном походе претерпевала несравненно более урона, нежели идучи в Пруссию»¹⁰.

С великими муками и потерями армия вступила на русскую землю, но вскоре ей пришлось вновь совершить поход в Пруссию. Воспользовавшись неожиданным «подарком» русского генералитета, прусский король сумел поправить свои военные дела, и союзники России оказались в очень тяжелом положении. В этой ситуации фельдмаршал Апраксин был отозван, арестован и вскоре, не выдержав потрясений, умер. Вместо него главнокомандующим назначили генерал-аншефа Фермора, уже участвовавшего в прусской войне, проявившего себя разумными действиями и уважаемого в армии. Ему было дано указание срочно подготовить войска и занять Восточную Пруссию, пока прусская армия сосредоточена в основном на боевых действиях в Померании.

Снова в Пруссии

В начале 1758 г. Фермор, проведя часть войск по заливу, занял Кенигсберг, а корпус под командованием генерал-майора Румянцева вошел в Пруссию со стороны Польши и занял Тильзит. Небольшие прусские гарнизоны без сопротивления оставляли занимаемые ими пункты и отходили в глубь страны. Архангелогородскому полку было поручено несение караульной службы в Кенигсберге. Болотов первое время наравне с дру-

⁹ Там же. Стб. 593.

¹⁰ Там же. Стб. 600.

гими выполнял обязанности ротного офицера. Но вскоре его деятельность приняла другой характер. Поскольку гарнизон располагался в прусском городе, его администрации все время приходилось иметь дело с документами на немецком языке, а также с людьми, не знающими русского языка. Поэтому возникла потребность в русских офицерах, владеющих немецким языком, и Болотова сначала взяли в бригадную канцелярию в качестве переводчика, а затем — в канцелярию военного губернатора оккупированной Пруссии генерала Н. А. Корфа.

Переход в канцелярию существенно изменил образ жизни Болотова. С одной стороны, он оторвал его от полкового офицерства с его разгульными попойками, картежной игрой, распутными похождениями и т. п., что, несомненно, сказалось положительно на формировании личности молодого Болотова. С другой — канцелярская работа оставляла много свободного времени (особенно после завершения организационного периода, когда жизнь потекла спокойным руслом). Привыкший к активной деятельности Болотов, чтобы преодолеть скуку, стал приносить в канцелярию книги и в свободное время заниматься чтением.

Книги и раньше увлекали Андрея, а теперь они стали его страстью. Он тратил на них не только время, но и деньги, построив свой бюджет таким образом, что около половины его выкраивалось на приобретение книг. Однажды, закупив целую пачку, он принес книги в канцелярию, чем крайне удивил своих сослуживцев, особенно немцев. Последние объяснили Андрею, что нет необходимости покупать книги без выбора, и рассказали о существовании в Кенигсберге частных библиотек, в которых за небольшую плату предоставляют книги каждому желающему во временное пользование.

Заинтересованный Болотов подробно расспросил местных сослуживцев о порядке получения книг. Условия оказались ему справедливыми и очень удобными для читателей, поскольку книги выдавались на дом. Доброжелательные сослуживцы сообщили Андрею и адреса магазинов-библиотек. Болотов воспользовался дружеским советом и впредь стал покупать книги после их предварительного прочтения.

Первое время он читал преимущественно романы. Пользу от этого чтения он видел прежде всего в лучшем

освоении немецкого языка, а также в знакомстве с природой и жизнью людей других стран. Но вот как-то случайно попала в руки Андрея книга немецкого натурфилософа И. Г. Зульцера. О впечатлении, произведенном на него этой книгой, можно судить по следующим словам в его записках: «Не успел я их прочесть, как не только глаза мои власно как растворились, и я начал на всю натуру смотреть совсем иными глазами и находить там тысячи приятностей, где до того ни малейших не примечал; но возгорелось во мне пламенное и ненасытное желание читать множайшие книги такого ж сорта и узнавать от часу далее все устройство света. Словом, книжки сии были власно как фитилем, воспалившимся гнездившуюся в сердце моем и до того самому мне неизвестную охоту ко всем физическим и другим так называемым естественным наукам. С того момента почти оставлены были мною все романы с покоем, и я стал уже выискивать все такие, которые к сим сколько-нибудь имели соотношение»⁴¹.

Вторым увлечением, также еще с детских лет, было у Андрея рисование. Не оставил он его и на военной службе. В ящике своего канцелярского стола он держал все необходимое: краски, кисти, бумагу, стекла и т. п. Сослуживцы и знакомые, знавшие о его склонности к изобразительному искусству, приходили посмотреть на рисунки и картины, большинство из них весьма одобрительно отзывалось о работах молодого художника.

В Кенигсберге Болотову удалось свести знакомство со многими интересными людьми, в том числе с Г. Г. Орловым (тогда еще малоизвестным поручиком), а через него с Ф. Б. Пассеком и другими. В тот период в городе находился плененный прусский королевский флигель-адъютант граф Шверин. Благодаря высокому положению он жил свободно, лишь для формального присмотра к нему были приставлены Орлов и его двоюродный брат Зиновьев. Однажды Болотов шел вместе с Орловым, Шверином и Пассеком. На пути они встретили пожилого человека, хорошего знакомого Шверина. Последний, после короткого приветствия и расспросов о жизни, стал упрашивать встретившегося познакомить его друзей со своей научной лабораторией. После некоторого колебания тот согласился, и вскоре Андрей

⁴¹ Там же. Стб. 863,

с огромным любопытством и восхищением рассматривал неведомые ему приборы, всевозможные инструменты, прекрасную библиотеку. К великому сожалению, ему не удалось продолжить знакомство с хозяином лаборатории (тот вскоре уехал в деревню к родственникам и там умер).

Тем не менее эта встреча имела продолжение: Пассек, заметивший интерес Болотова к научным приборам и книгам, пригласил его к себе. Он также увлекался наукой, у него была отличная научная библиотека и хорошая по тем временам лаборатория. У Пассека Андрей впервые увидел электрическую машину и детально ознакомился с ее устройством и работой. Впоследствии он приобретет более усовершенствованную, проведет с ее помощью много экспериментов и широко использует с лечебной целью.

Важную роль в жизни Андрея сыграло знакомство с русскими студентами, обучавшимися в Кенигсбергском университете. Появление некоторых из них в городе было косвенным образом связано с Болотовым. Дело в том, что он хотя и работал в канцелярии и подчинялся начальству по другому ведомству, но числился в штате Архангелогородского полка. Поэтому командир полка, особенно в периоды, когда полк отбывал в походы, обращался с рапортами к своему высшему начальству, с тем чтобы Болотова вернули в полк. Однако поскольку переводчиков не хватало, а Болотов был на особенно хорошем счету, генерал-губернатор отказывал в просьбе армейским генералам, а чтобы обезопасить себя от возможных неприятных последствий за отказ, сделал запрос в Петербург о высылке в Кенигсберг хороших переводчиков. Через какое-то время коллегия направила десять студентов Московского университета с указанием отобрать пригодных для работы в канцеляриях, а остальных направить в Кенигсбергский университет для продолжения обучения, особенно языкам. Канцелярия Корфа, не желая расставаться с Болотовым, провела жесткий экзамен студентам и отписала в Петербург, что никто из присланных не способен к несению службы в канцелярии губернатора, а также в армейских канцеляриях, и всех их направила в университет. Болотов подружился со многими из студентов, а через них и с профессорами университета.

В дальнейшем он получил официальное разрешение начальства канцелярии на посещение лекций, а гене-

рал Корф при всякого рода служебных разговорах с личным составом канцелярии ставил его в пример другим сотрудиникам «за усердие к наукам».

Новый генерал-губернатор В. И. Суворов

В конце 1760 г. спокойная жизнь губернаторской канцелярии в Кенигсберге неожиданно была нарушена. Из Петербурга пришел указ императрицы Елизаветы о назначении Н. А. Корфа генерал-полицмейстером столицы. Новым военным губернатором Кенигсберга назначался Василий Иванович Суворов, отец будущего знаменитого русского полководца — Александра Васильевича Суворова.

Офицеры канцелярии, в том числе и Андрей, заволновались: что-то принесет им новое начальство? Корфа большинство из них недолюбливало: был он высокомерен, придирался иногда по пустякам, беспардонной руганью и бранью мог унижить и оскорбить подчиненных до глубины души. Но они уже знали все стороны его характера — и плохие и хорошие, и уже как-то сумели приспособиться к нему, максимально используя хорошие и избегая последствий от плохих.

Новый же генерал был для офицеров незнаком; откуда-то проникли слухи, что он человек с особым характером. Все с нетерпением ожидали его появления. Особенно волновался Андрей: Корф надежно отбивал все попытки армейского командования вернуть его в полк. А как-то отнесется к неустойчивому положению Андрея новый губернатор?

Суворов приехал в Кенигсберг 1 января 1761 г., а 5 января состоялась смена губернатора. Офицеры канцелярии еще накануне получили указание: всем быть на своих местах. Корф в сопровождении свиты повел Суворова по отделам, представляя работающих в них.

Когда очередь дошла до Болотова, Корф подчеркнул: «...сего офицера я в особенности вашему превосходительству рекомендую».

И начал весьма подробно и в самой хвалебной форме описывать деятельность Болотова. Услышав фамилию Андрея, Суворов спросил: «Уж не Тимофея ли Петровича сынком изволите быть, милостивый государь?»

Получив подтверждение, Василий Иванович друже-

любно взглянул на Андрея и продолжил: «Весьма близко знал вашего батюшку, отменный был командир, и рад, что фамилию его продолжаете носить с честью».

Суворов подробно расспросил, чем занимается Андрей. Особенно доволен он остался, узнав о его склонности к наукам. А когда ему доложили, что Андрей должен вскоре отбыть в батальон для участия в походе, Суворов тут же распорядился отложить возвращение в полк и направить фельдмаршалу соответствующее представление.

В прежние времена казенные бумаги оборачивались медленно, а иногда и совсем не имели завершения, застревав где-то в пути или оседая в канцелярских столах и папках. Однако запрос Суворова благополучно прибыл в Петербург, прошел необходимые чиновничьи процедуры, в результате чего в полк пришла бумага, извещающая, что «буде в армии быть неспособен, то оставить в канцелярии дозволяется, а буде человек молодой и в армии быть может, то отправить с батальоном».

Получив такое расплывчатое указание, Суворов решил использовать его неопределенность для оттяжки окончательного решения и оставить все в прежнем положении.

Андрею же эта неопределенность была не по душе. Особенно беспокоила его проблема библиотеки. К тому времени книг у него накопилось порядочно. Возить их с собой при кочевом образе жизни в полку было практически невозможно, поскольку офицеры такого ранга, как Болотов, имели только верховых лошадей. Переправить в Россию в случае необходимости быстрой перемены места жительства было делом весьма сложным. Расставаться же с книгами, самым ценным для него из всего имущества, ему не хотелось.

Как это часто бывает, помог случай. Одному из русских негоциантов, ведущих торговлю со странами Западной Европы, срочно понадобилось оформить судовые документы с переводом текста с русского языка на немецкий. Текст оказался довольно сложным, и никто из портовых служащих перевести его не смог. Поиски необходимого человека привели купца в конце концов к Болотову. Андрей быстро перевел документ, и довольный купец не знал, как его отблагодарить.

Перебирая свои ограниченные возможности (рас-

плачиваться деньгами в таких случаях раньше считалось неприличным), купец набрел на счастливую мысль: может быть, офицер нуждается в отправке на родину какого-нибудь багажа? Высказав эту мысль Болотову, купец был несказанно удивлен его необычной реакцией: Болотов вскочил с места и забегал по комнате, радостно возбужденный счастливым стечением обстоятельств. Рассказав купцу о необходимости перевозки книг, он в свою очередь принялся благодарить того за неожиданную помощь. Довольные друг другом, они расстались. Купец обещал доставить книги в целости и сохранности.

Так удачно разрешилась проблема с библиотекой. Андрей Тимофеевич впоследствии не один раз вспоминал об этом счастливом случае, поскольку вскоре после него произошли события, резко изменившие его судьбу, в частности вызвавшие переезд из Кенигсберга в Петербург. Что бы он делал тогда с книгами? Как сложилась бы судьба его библиотеки? Но об этом несколько дальше, а сейчас вернемся к первым дням деятельности Василия Ивановича Суворова в качестве генерал-губернатора Кенигсберга.

Перемены в жизни

Работавшим в канцелярии офицерам уже довольно скоро пришлось столкнуться с переменами, вызванными сменой губернатора. Во-первых, новый командир имел привычку вставать рано утром и соответственно этому начинать свой трудовой день. Этому же он потребовал и от подчиненных. В результате если раньше работа в канцелярии начиналась часов с восьми, а то и позднее, то теперь офицеры стали приходить в канцелярию к пяти часам или даже раньше. Правда, встретив весьма неодобрительно это новшество и поворчав на Суворова первое время, офицеры затем привыкли к новому распорядку, а впоследствии и вообще оценили его положительно, поскольку стали располагать большим свободным временем во второй половине дня.

Вторым результатом смены начальства, заметным для служивых людей, особенно не имеющих большого достатка, было упразднение обедов при генеральском доме. Корф, будучи весьма богатым человеком, мог позволить себе такой порядок, при котором его поварская служба обеспечивала обед не только для генерала,

но и для всего офицерского состава канцелярии, причем никакой платы с них за это не взималось.

Суворов имел лишь небольшое имение, почти не приносящее дохода, и жил в основном на генеральское жалованье. Поэтому дополнительные расходы на обеды для офицеров стали бы для него слишком обременительными.

Проблема обедов волновала Андрея в двух отношениях: во-первых, нужно было перестраивать свой бюджет и отрывать деньги от покупки книг; во-вторых, тратить время на посещение кафе. Однако судьба оказалась благосклонной к нему и на этот раз.

Хозяева, у которых он занимал комнату в квартире, были очень довольны своим жильцом: молодой офицер, в отличие от других военных, вел спокойную жизнь, не сопровождавшуюся пьяными оргиями с шумными скандалами, его не посещали подозрительные личности и женщины легкого поведения. Поэтому, узнав о затруднениях Андрея с питанием, они тут же предложили ему столоваться у них, причем отказались от всякой платы, уверяя, что для них не составит больших расходов добавить к столу еще одного человека. В конце концов они уговорили Андрея, и вопрос с питанием решился вполне благополучно: кормили его отлично, лишнего времени на обед он не расходовал.

Жизнь как будто бы снова вошла в привычную колею: немного работы в канцелярии, посещение лекций в университете и занятия дома: чтение книг и переводы, работа с приборами и т. п.

Однако ее спокойный ритм вскоре был снова нарушен. В конце 1761 г. умерла императрица Елизавета и русский престол занял Петр III, «прославившийся» неприязнью к русскому и пытавшийся все переделать на немецкий лад.

Следствием этой политики онемечивания была смена В. И. Суворова на посту генерал-губернатора Восточной Пруссии. Петру III был явно не по душе генерал исконно русского направления, укреплявший в армии традиции русского оружия. Его заменил генерал-поручик Панин.

И снова Болотову пришлось поволноваться: как новый губернатор отнесется к его пребыванию в канцелярии при настойчивых требованиях командования о возвращении его в полк? На этот раз волнения были недолгими, жизненный путь Андрея сделал резкий поворот.

Перевод в Петербург

Как-то начальник канцелярии Чонжин, встретив Андрея в коридоре здания, после крепкого рукопожатия сказал ему, что из Петербурга пришел важный, касающийся его документ. Встревоженный Болотов начал было расспрашивать о содержании документа (он очень боялся нового требования возвращения в полк), но Чонжин, отговорившись срочностью вызова к генералу, не стал продолжать разговор и лишь попросил зайти к нему, когда он вернется от губернатора. Впрочем, уже сделав несколько шагов вперед, Чонжин обернулся и, улыбнувшись, сказал Болотову, чтобы тот не беспокоился, что никакой неприятностью документ ему не грозит.

Долго тянулось время для Андрея. А тут, как на грех, генерал задержал Чонжина, и тот вернулся только через час. Много вариантов мысленно перебрал Андрей за этот час и все отбрасывал. Так и остался один — возвращение в полк. Однако на этот раз он не угадал.

Вернувшись, Чонжин подал ему казенную бумагу, в которой Военная коллегия извещала о том, что Болотов назначается флигель-адъютантом генерал-полицмейстера Петербурга Н. А. Корфа. Одновременно сообщалось, что ему присваивается чин капитана.

Ничего не зная о готовящемся перемещении Болотов был до того поражен неожиданным известием, что первое время даже не мог понять, что произошло.

А объяснялось все довольно просто. В те времена существовал порядок, по которому генералы имели право набирать полагающиеся им штаты по своему усмотрению. При этом местонахождение воинской части, в которой служил избранный офицер, не имело значения, согласия командования тоже не требовалось. По заявке генерала Военная коллегия давала приказ об откомандировании указанных в заявке лиц, и этот приказ беспрекословно выполнялся.

Корф, назначенный генерал-полицмейстером Петербурга, при комплектовании своего штата вспомнил о Болотове и, зная его как умного и исполнительного офицера, включил в реестр в качестве флигель-адъютанта. Новая должность требовала и более солидного чина. Вот так нежданно-негаданно Андрей оказался флигель-адъютантом генерала, в чине капитана.

Осмыслив неожиданное известие, Андрей все же не

знал, радоваться ему или огорчаться. Что ждет его впереди? О том, что перемена произойдет в лучшую сторону, говорили большинство его сослуживцев и офицеры полка. Многие даже завидовали ему: будешь жить в столице, участвовать в балах и других развлечениях придворной знати.

Сам Болотов скептически относился к утверждениям о своей хорошей будущей жизни. Он уже привык к спокойному распорядку дня с чтением книг, проведением различных опытов, размышлением по поводу прочитанного, а также наблюдаемого в опытах. Разгульная же и безалаберная жизнь светского общества мало прельщала Андрея.

Впрочем, оценивая здраво сложившуюся ситуацию, решил он не ломать напрасно голову: изменить что-либо не в его силах, а как будет складываться новая жизнь, можно лишь гадать, причем весьма предположительно. Поэтому, махнув рукой, Андрей отбросил все сомнения, положившись на пословицу «чему быть, того не миновать», и стал собираться в дорогу. Сборы были короткими, и в марте 1762 г. он уже был в Петербурге.

Служба в Петербурге

В северной столице он был не один раз и даже жил продолжительное время, но то было в детские годы. Сейчас ему предстояла самостоятельная жизнь в качестве активного члена общества. Поэтому, гуляя вечером по городу, он с особым вниманием присматривался к улицам, стоящим на них домам, проходящим по ним людям. Город ему нравился. Недаром в будущем он запишет: «О град! Град пышный и великолепный! Паки [опять] вижу я тебя! Паки наслаждаюсь зрением на красоты твои! Каков-то будешь ты для меня в нынешний раз? До сего бывал ты мне всегда приятен! Ты видел меня в недрах своих младенцем, видел отроком, видел в юношеском цветущем возрасте, и всякий раз не видел я в тебе ничего, кроме добра! Но что-то будет ныне? Счастьем ли каким ты меня наградишь или в несчастье ввергнешь? И то и другое легко может быть. Я въезжаю в тебя в неизвестности сущей о себе!»¹²

Город и на этот раз принял Андрея хорошо. Стояла теплая тихая погода, весеннее солнце заливало все

¹² Там же. Т. 2. Стб. 152.

вокруг ярким светом, отбрасывая четкие тени, неподвижные от домов и движущиеся вместе с шагающими людьми. Ему быстро удалось найти недорогую и хорошую квартиру на Мойке, недалеко от места будущей службы.

На следующий же день по приезде Андрей пошел представляться начальству. Корф принял его весьма любезно. Узнав, что Андрей уже устроился с квартирой, посетовал: напрасно ты не заехал прямо сюда. Дом хотя не так велик, как следовало бы, но все же для тебя место сыскалось бы. Что касается лошадей, то ты всех упряжных продай, оставь только верховую. И чтобы с нею хлопот лишних не было, поставь ее в мою конюшню.

Тут же Корф познакомил Андрея с его ближайшими товарищами по службе. Среди них был его хороший знакомец, сослуживец по Кенигсбергу — князь Урусов, тоже флигель-адъютант Корфа. Прощаясь, Корф сказал Андрею, что несколько дней он может не являться на службу, с тем чтобы посвятить эти дни знакомству с городом, и что о делах по службе ему расскажет генеральс-адъютант Балабин. Официальное представление на этом закончилось. Дальше должна была идти повседневная работа.

Генеральс-адъютант (высший чин генеральского штата) при последующих встречах обрисовал ее следующим образом: «Что касается до должности, то она не мудреная: все дело в том только состоит, чтоб быть тебе всегда готовым для рассылок и ездить туда, куда генерал посылать станет; а когда он со двора, так и ты должен ездить всюду с ним подле кареты его верхом и быть всегда при боце — вот и все»¹³ (выражение «при боце», по-видимому, означало быть всегда наготове, под рукой).

Свою должность Андрей начал осваивать уже через несколько дней. О том, что она собою представляла, он образно изложил так: «...думая, что впредь, по крайней мере, не таково будет; но как увидел, что и все последующие дни были ничем не лучше, а точно такие же, и не было дня, в который бы мы с генералом, по несколько десятков верст и всегда почти вскачь, не объездили, не побывали во множестве домах, и разов до двух не посетили дворца, и в оном либо обедали, либо ужинали, либо обедать к кому-нибудь из первей-

¹³ Там же. Стб. 177.

ших вельмож вместе с государем не ездили, и я всякий раз, таким же образом измучившись впрах и изломавшись, не прежде, как уже перед светом, домой возвращался, то скоро почувствовал всю тяжесть такой беспоконной и прямо почти собачьей жизни, и не только разъезды свои с генералом и беспрерывные рассылания меня то в тот, то в другой край Петербурга до крайности возненавидел и проклинал; но и самый дворец, со всеми пышностями и веселостями его, которые в первый раз так были для меня занимательны и забавны, наконец, так мне опостылел и надоед, что мне об нем и вспоминать не хотелось, и я за величайшее наказание считал, когда доводилось мне с генералом нашим в него ехать»¹⁴.

Разочарование в придворной жизни

Принимая непосредственное участие в дворцовой жизни, Андрей имел возможность близко наблюдать подробности быта царя и его приближенных. То, что он видел сам, и то, что слышал от еще более осведомленных людей, поражало его несоответствием тем нравственным принципам, которые он считал совершенно необходимыми для каждого человека, а тем более для высокопоставленных государственных деятелей. Особенно кощунственным казалось ему поведение Петра III. Позволительно ли российскому императору, негодовал Болотов, устраивать пьяные застолья и, потеряв человеческий образ, скакать в танцевальных парах, в то время когда тело умершей императрицы еще покоилось под соборными сводами в ожидании погребения.

Еще отвратительнее казались ему пьяные оргии придворной знати, когда выносились они за пределы особняков и становились достоянием глаз окружающих. Как-то Андрею пришлось наблюдать такой случай. Захмелевшим гостям (в их числе был и император) показалось, что в дворцовых залах им мало простора, и они выбежали в парк. Там кто-то из них придумал игру, которая заключалась в следующем. Все прыгали на одной ноге, а второй, согнутой в колене, каждый мог давать пинка под зад любому из играющих. Кто сумеет хорошим пинком свалить другого на землю, заслуживал всеобщее одобрение. С горьким смехом Болотов позд-

¹⁴ Там же. Стб. 200—201.

нее вспоминал, как именитые гости в парадных мундирах с орденскими лентами скакали, словно дети, на одной ноге, норовя другой так поддать под зад соседу, чтобы тот повалился на землю. И когда это случалось, все хохотали, глядя, как упавший валяется на земле, с пьяной неуклюжестью пытаясь встать на ноги. Все это сопровождалось дикими криками, с употреблением неприличных слов.

Первые дни службы у Корфа, когда Болотову приходилось сопутствовать генералу при участии в придворных балах, были ему интересны тем, что он мог видеть и слышать императора. Но затем это близкое соприкосновение вызвало у него разочарование. Мы «имели только ту отраду и удовольствие, что могли всегда в растворенные двери слышать, что государь ни говорил с другими, а иногда и самого его и все деяния видеть. Но сие удовольствие было для нас удовольствием только сначала, а впоследствии времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо как редко стали уж мы заставлять государя трезвым и в полном уме и разуме, а чаще всего уже до обеда несколько бутылок аглиского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опорознившим, то сие и бывало причиною, что он говорил такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливало даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то и бесспорно смеющимися внутренно. Истинно бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового! — так больно все то видеть и слышать»¹⁵.

Возмущала щепетильного Андрея открытая любовная связь Петра III с Елизаветой Воронцовой. Увидев ее первый раз, он с удивлением спросил Урусова: «Как же мог полюбить сию уродину государь?»

Не мог простить Болотов Петру III пренебрежительного отношения ко всему русскому и насаждения немецких порядков. Вступив на престол, Петр III сразу же начал перестраивать армию на прусский манер. Особенно вредным считал Болотов увлечение Петра III иностранными представителями Мельпомены, чаще всего второсортными, а то и вовсе проходимцами. Император щедро одаривал их богатыми подарками, перед-

¹⁵ Там же. Стб. 204.

ко в виде уникальных художественных произведений, разбазаривая государственную казну и национальное богатство. Помимо материальных ценностей за рубеж постоянно уплывали и важные государственные тайны.

Впрочем, следует сказать, что Болотов оценивал деятельность Петра III в основном объективно. Резко критикуя его неблагоприятные поступки, он вместе с тем отмечал и то хорошее, что, по его мнению, сделал для России этот император. К этому хорошему он относил прежде всего указ «О вольности дворянству». Андрей считал, что для процветания государства главным является успех в его хозяйственной деятельности. Поэтому внимание движущей силы общества — а ее, с точки зрения Болотова, представляет дворянство — должно быть сосредоточено именно на ней. Между тем по существовавшим порядкам дворяне должны были всю жизнь проводить на военной или государственной службе. Указ «О вольности дворянству» освобождал их от такой обязанности и предоставлял право жить в имениях и заниматься хозяйством.

Второе полезное для государства мероприятие, проведенное Петром III, Болотов видел в упразднении так называемой тайной канцелярии. В бытность этого печальной памяти учреждения каждый мог явиться в ее представительство и заявить «слово и дело». По доносу с таким девизом людей хватали без объяснений, и нередко они затем исчезали бесследно. Болотов отмечал, что многие люди прощали Петру III всю его отрицательную деятельность только за ликвидацию этой чудовищной организации. В качестве примера хороших последствий упразднения тайной канцелярии он приводил освобождение графа Миниха из сибирской ссылки, где тот, несправедливо осужденный, пробыл многие годы.

Тем не менее некоторые оценки Болотовым деятельности Петра III были субъективными. Так, к числу отрицательных государственных мероприятий, проведенных императором, Болотов относил изъятие у монастырей земель и крестьян с передачей их в казну. В этом отчуждении Болотов видел ущемление интересов духовенства и снижение его престижа среди населения. Религию и церковь он считал главным оплотом высокой нравственности народа, и поэтому все, направленное против них, казалось ему безбожным, а следовательно, и отрицательным.

Зимний дворец

Сопровождая Корфа в его многочисленных поездках по разным уголкам города, Андрей все больше знакомился с Петербургом. Детище Петра I, столица России хорошела с каждым годом, застраивались новые участки, одевались в гранит Нева, Невки и другие речки поменьше, строились мосты. Новым и самым, конечно, заметным приобретением Петербурга за те годы, что прошли после предыдущего пребывания в нем Болотова, был, несомненно, Зимний дворец. Этот красавец, раскинувшийся вдоль Невы, произвел на Андрея огромное впечатление. Он не один раз обошел его со всех сторон, рассматривал и вблизи, и с далекого расстояния, и отовсюду дворец был хорош.

Выходя утром из дому, Андрей частенько сворачивал на площадь, чтобы лишний раз взглянуть на дворец. И, сколько бы он ни смотрел на это чудо, сотворенное Растрелли, Андрей не переставал любоваться изумительным сочетанием зеленого фасада с белой чередой двух ярусов колонн, строгой каймой крыши с расположенными на ней длинной лентой статуями. Хотелось стоять и смотреть на причудливую отделку окон: чего только не было в их украшении! Казалось, все, что есть в природе и что сотворено человеком, архитектор использовал для создания бесподобной красоты. Не менее волшебным предстал дворец и при осмотре со стороны Васильевского острова, когда виделся на фоне глади Невы. Тогда чудилось Андрею, что дворец парит в небе, а все вокруг склонилось перед ним, как перед воплощением человеческого гения.

Внешнему виду и внутреннему убранству дворца совершенно не соответствовало состояние площади перед ним. Площадь была огромной, окруженной Адмиралтейством, Исаакиевским собором и набережной Мойки. Но была она до того захламлена различного рода остатками строительного мусора, что сводила на нет все великолепие здания. А уже приближались дни торжественного открытия дворца, они были намечены на пасху. Стало очевидным, что строители собственными силами с приведением площади в порядок не справятся. Царь вызвал Корфа для обсуждения возникшей проблемы. И тот предложил простой выход: объявить жителям Петербурга, что каждый в назначенный день может прийти на Дворцовую площадь и брать бесплат-

но все, что захочет, из строительных остатков. Полицией поручили каждому на своем участке как можно больше оповестить жителей.

Результаты превзошли все ожидания. Болотов, которому было поручено контролировать этот маневр, впоследствии с юмором описал его. В назначенный день народ с раннего утра хлынул на площадь. Кто имел лошадей — прибыли на повозках, другие с тачками, третьи — с мешками, а кто и просто так, с голыми руками. Начался невероятный ажиотаж, каждый стремился захватить материал поценнее. А поскольку наиболее ценное тут же увозилось и относилось, то вновь прибывшие оценивали только оставшееся и снова, распределяя его на более и менее важное, увозили то, что казалось им ценным. В результате к концу дня площадь оказалась полностью очищенной, даже мелкие щепы были подобраны на топливо. Строительным рабочим осталось лишь выровнять поверхность. Торжественное открытие дворца состоялось в срок.

Однако празднование по этому поводу не могло рассеять тревожной обстановки в Петербурге. Возмущение различных слоев населения поведением Петра III (главным образом его антирусской деятельностью) разрасталось. Болотов и его товарищи наблюдали этот рост недовольства постоянно. Вскоре они заметили перемену и в поведении Корффа. Будучи дальновидным политиком, генерал не мог не знать, что против Петра III начинается сколачиваться оппозиция во главе с Екатериной и что эта оппозиция имеет вполне реальную основу для успеха. Корфф числился в любимцах у Петра и был вправе полагать, что с приходом к власти Екатерины его карьере наступит конец. Поэтому он заблаговременно решил обезопасить себя. С этой целью Корфф, во-первых, ограничил свое общение с Петром, особенно во всякого рода увеселениях. В первую очередь это почувствовал Андрей. Если раньше он редкий день не ездил с генералом в какой-либо из дворцов и возвращался оттуда уже под утро, то теперь было немало ночей, когда он высыпался. Во-вторых, Корфф под разными предлогами зачастил к Екатерине. Впрочем, не желая прежде времени попасть в опалу к Петру, он старался эти поездки особенно не афишировать, что тоже было на руку Андрею: Корфф в эти поездки адъютантов не брал, и они, таким образом, оказывались свободными.

Возобновление знакомства с Г. Г. Орловым

Совершенно неожиданно для Андрея произошло возобновление его знакомства с Г. Орловым. Однажды Андрей по вызову Корфа шел к нему в кабинет. Впереди по коридору быстро шагал молодой военный, фигура которого показалась ему удивительно знакомой. Ускорив шаги и догнав офицера, Андрей узнал в нем Г. Орлова и окликнул его. Тот, обернувшись и узнав Андрея, побежал к нему навстречу. Они обнялись, затем стали расспрашивать друг друга о жизни, то и дело прерывая рассказ воспоминаниями о днях, проведенных в Пруссии.

Узнав, что Болотов служит у Корфа, Орлов обрадовался и сообщил, что он ему очень нужен. Однако от просьбы Болотова тут же изложить суть дела Орлов уклонился, сказав, что вопрос серьезный и на ходу он обсуждать его не станет. Лучше всего, по мнению Орлова, если Болотов заедет к нему домой.

Договорились, что Андрей при первом же удобном случае заедет к Орлову вечером, предварительно известив его. Но еще до того, как Андрей собрался с визитом, Орлов первый проявил инициативу. К Болотову прибыл от него послышный и передал, что Григорий Григорьевич ждет его сегодня у себя дома. Однако случилось так, что на этот раз Андрей не имел возможности побывать у Орлова. Впрочем, скорее всего сыграла свою роль некоторая настороженность Болотова, который был наслышан о принадлежности Орлова к масонам и боялся, что тот имеет намерение и его вовлечь в масонскую ложу. Болотову претили всякого рода крайности в человеческом поведении. Поэтому он и не спешил особенно на встречу с Орловым. Тот сделал еще одну попытку пригласить его для разговора, но Андрей и на этот раз уклонился, за что Орлов при очередной встрече упрекнул его. Только впоследствии Болотов понял, для каких разговоров приглашал его Орлов и к какому делу он хотел его привлечь.

Между тем ненавистная служба Андрея с ее безалаберностью и бессмысленностью продолжалась. Вспоминая дни своего пребывания в Кенигсберге, когда он мог заниматься учеными делами, и сравнивая их с теперешними, Андрей мог лишь в мечтах представить свое лучшее будущее. «Я, полюбив науки и прилепив-

пись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь, и ничего уж так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятив себя мирной и спокойной деревенской жизни, и проводить достальные дни свои посреди книг своих и в общении с музами»¹⁶.

Упразднение канцелярии

Кто знает, сколько бы продолжалась эта опостылевшая Андрею жизнь, если бы не стечение самых неожиданных обстоятельств. Одним из них был неуравновешенный характер Петра III и его болезненное самолюбие. Однажды, проводя смотр кавалергардского полка, находившегося под его личным шефством, император не обнаружил в нем знакомого офицера Ланга. На его вопрос о причинах отсутствия командир полка ответил, что Ланг откомандирован к генералу Корфу, у которого назначен на должность обер-квартирмейстера. Петр III пришел в неопишумую ярость и с криком набросился на присутствовавших при смотре генералов, обвиняя Корфа в самовольстве, в том, что Корф не имел права без его воли брать офицера из полка, находящегося в его личном императорском ведении. «Кто позволил Корфу это сделать?» — бесновался Петр III.

Императору объяснили, что есть указ, по которому Военная коллегия могла это сделать. Петр окончательно вышел из себя и, распаляемый хладнокровными ответами генералов, закричал еще сильнее:

— Да на что ему квартирмейстер? Армиею ли он командует? В походе, что ли, он? Да на что ему и штат-то весь?!

Тут же Петр распорядился немедленно вызвать к нему Корфа, а также подготовить высочайшее повеление о ликвидации штатов у генералов, которые не являются командирами войсковых соединений, и возвращении офицеров в воинские части. Когда Корф приехал в резиденцию Петра, тот уже успел успокоиться, да и самолюбие его было удовлетворено быстрым исполнением указания об упразднении штатов у некоман্ডующих генералов. Поэтому он, против ожидания свиты, принял Корфа довольно спокойно. Правда, и сам Корф,

¹⁶ Там же. Т. 1. Стб. 201.

хорошо знавший характер императора, повел себя таким образом, чтобы не возбудить новой вспышки гнева. Он одобрил действия Петра, льстиво сравнил их с мерами, проводимыми по укреплению армии прусским королем, словом, пролил бальзам на душевные раны царя и сумел-таки отвести нависшую над ним грозу.

Чтобы и в дальнейшем обезопасить себя от царской немилости, Корф решил не медлить с ликвидацией своих штатов. По его поручению генеральс-адъютант Балабин собрал всех офицеров, подлежащих возвращению в полки, и объявил о новом императорском распоряжении. Для большинства новость была неприятной: как-никак жили они в столице, без обычных волнений беспокойной армейской жизни. Особенно близко к сердцу принял известие Андрей.

«Ах, батюшки мои! Ну-ка, велят распределить еще по самым тем полкам, где кто до сего определения сюда был? Что тогда со мною будет? Полк-то наш в Чернышовском корпусе и находится теперь при прусской армии! И ну-ка то правда, что говорят, будто он вовсе отдан и подарен королю прусскому? Погиб я тогда совсем, и не видеть уж мне будет отечества своего навеки. О, Боже всемогущий, что тогда со мною будет?»¹⁷

Посоветовавшись между собою, офицеры решили обратиться к Корфу, чтобы тот оказал содействие в распределении их по воинским частям, расквартированным в Петербурге и его пригородах. Однако Корф, помня разговор с Петром III и не желая подвергать себя даже малейшему риску в сложной политической обстановке того времени, категорически отказал офицерам в их просьбе и посоветовал самим определять свою судьбу, используя личные связи.

Хлопоты об отставке

Другой случай, сыгравший немалую роль в дальнейшей судьбе Андрея, связан с его набожностью. Возвращаясь домой после безрезультатного разговора офицеров с Корфом и предаваясь невеселым думам, он увидел, как прохожие заходят в церковь.

Зайду-ка и я, решил Болотов, помолюсь всевышнему. Авось и на этот раз не оставит он меня своей ми-

¹⁷ Там же. Т. 2. Стб. 243.

лостью. Во время молитвы он оглядел внутренность церкви, и что-то знакомое стало проглядываться в ее облике, в иконах. Осмотревшись еще раз более внимательно, Андрей вспомнил: это та церковь, в которую он ходил по совету Яковлева.

В памяти всплыла история его хлопот в Петербурге, когда он приезжал с челобитной на то, что его несправедливо обошли в присвоении офицерского чина. Тогда начальник канцелярии главнокомандующего фельдмаршала Бутурлина — Яковлев — посоветовал ему, в ожидании разбора дела, почаще ходить в церковь. Болотов, и сам глубоко религиозный человек, последовал совету и почти каждый день туда навещался. Яковлеву это понравилось, он принял горячее участие в судьбе Болотова и помог ему получить чин офицера.

Сейчас набожному Андрею показалось, что он не случайно снова оказался в этой церкви, что это внушено ему богом, который таким образом хочет оказать ему помощь. Стало быть, думал Андрей, господь бог велит мне действовать через господина Яковлева, и надобно мне найти его непременно.

Он сразу же направился на поиски дома Яковлева. Андрей сравнительно быстро сориентировался в расположении улиц и вскоре уже стоял перед знакомым особняком. Но уверенности в том, что здесь по-прежнему проживает Яковлев, у него не было: ведь с тех пор, как он здесь был, прошло пять лет.

Однако судьба и на этот раз оказалась к Болотову благосклонной: Яковлев продолжал жить в этом доме и во время прихода Андрея оказался на месте. Он ласково принял старого знакомого и после короткого расспроса о жизни поинтересовался причиной прихода Андрея. Внимательно выслушав, одобрил желание Андрея Тимофеевича получить отставку, уехать в деревню и заняться учеными делами, обещая всяческую поддержку. Тут же сел за письменный стол и, поработав некоторое время, вручил Болотову схему, по которой должно было быть составлено ходатайство об отставке для Военной коллегии.

Получение отставки

В приподнятом настроении Андрей вернулся в канцелярию, отыскал Балабина и рассказал о посещении Яковлева и результатах разговора с ним. Балабин тоже

обрадовался: он знал Яковлева, был наслышан о его роли в Военной коллегии и считал, что с помощью этого влиятельного человека будет положительно решен вопрос не только об отставке Болотова, но и об устройстве других офицеров. Подписание Корфом нужного документа для Военной коллегии Балабин брал на себя. И действительно, через короткое время подготовленная соответствующим образом бумага была подписана и направлена по назначению. Осталось, как всегда, ждать результатов.

Однако на сей раз под нажимом Яковлева канцеляристы действовали быстро, и уже 24 мая Болотова вызвали в специальную комиссию «на смотр». Хотя он и крепко надеялся на поддержку Яковлева, но поволноваться ему пришлось изрядно. Во-первых, оказалось, что желающих получить отставку набралось не так уж и мало, и часть из них, прошедшая комиссию до Андрея, получила по разным причинам отказ. Во-вторых, при разборе его просьбы неожиданное сомнение в целесообразности предоставления отставки выразил генерал-поручик Караулов: не млад ли годами капитан Болотов и не рано ли отпускать его из полка? Члены комиссии переглянулись, но Яковлев тут же подавил попытку увести их в сторону нежелательного для Болотова решения и безапелляционно заявил: «Добро, добро, господа! Пусть себе едет в деревню. Не бездельством же человек заняться собирается, а домостроительством и экономией, по науке основанной, что государству нашему знатную пользу принести может. Думаю, что каждый из вас с сим согласен будет».

После такой убедительной речи председательствующего члены комиссии согласно закивали головами, да и Караулов тут же снял свое возражение. Андрей облегченно вздохнул. Наконец-то его мечта начинает сбываться и скоро он будет свободным человеком, оседет на родной земле, будет трудиться на ней. Однако, как ни хотелось Андрею поскорее покинуть опостылевший Петербург, все же ему пришлось порядком прожить в этом городе. Оформление документа об отставке затянулось, и только 14 июня Андрей смог получить желаемую бумагу. Радости его не было конца. «Не могу изобразить, как приятны были мне делаемые мне с переменою состояния моего поздравления, и с каким удовольствием шел я тогда из коллегии на квартиру... мне казалось, что я иду по воздуху и на аршин от земли

возвышенным, и не помню, чтоб когда-нибудь во все течение жизни моей был я так рад и весел, как в сей достопамятный день, а особливо в первые минуты по получении абшида [документа]. Я бежал, не оглядываясь, с Васильевского острова и хватал то и дело в карман, власно как боясь, чтобы не ушла драгоценная сия бумажка»¹⁸.

Казалось, что теперь все препоны позади. За время ожидания документа Андрей утряс все хозяйственные вопросы: купил лошадей, упаковал имущество, провел расчеты с кредиторами и дебиторами. После получения бумаги распрощался с сослуживцами и друзьями, по-виделся с Яковлевым, чтобы еще раз поблагодарить его за неоценимую услугу.

Яковлев был рад новой встрече с Болотовым, ему нравился молодой офицер, который с радостью покидал придворный Петербург и собирался навсегда осесть в глухой деревне, чтобы заняться хозяйством и наукой. В ответ на изъявление благодарности Яковлев сказал, что он ее не заслуживает, поскольку сделал только половину намеченного. На недоуменный взгляд Болотова пояснил, что хотел сопроводить его отставку получением очередного чина. Однако Военная коллегия проверила срок получения предыдущего. Оказалось, что производство было совсем недавно, и представление о присвоении нового чина отклонили.

Андрей заверил Яковлева, что за чипами не гонялся и раньше, а теперь, при жизни в деревне, они ему и совсем не надобны. Для него гораздо важнее то, что Яковлев помог ему избавиться от военной службы.

Теперь осталось попрощаться с Корфом. И здесь произошла осечка: генерала срочно вызвал в Петергоф император. Не вернулся он и на следующий день. Долго томившийся в ожидании отъезда Андрей не знал, что ему делать: ждать еще — не было никаких сил, уехать не попрощавшись — не позволяла совесть. Пошел посоветоваться к Балабину. Тот сразу же без колебаний заявил, что с Корфом попрощаться нужно обязательно. А генерал все жил и жил в Петергофе. Все догадывались, что длительное пребывание его у императора связано с политической обстановкой в стране. Очевидно, до Петра дошли какие-то сведения о готовя-

¹⁸ Там же. Стб. 261.

щемся заговоре и он решил принять ответные меры, для чего и вызвал Корфа.

Наконец генерал вернулся. Прощание Андрея с ним прошло тепло. Генерал одобрил желание Андрея уехать в деревню и заняться хозяйством. При этом намекнул, что особенно удачен отъезд именно сейчас. Андрей постеснялся расспрашивать Корфа о подробностях, ему и так было ясно, что тот имел в виду. Корф поблагодарил Андрея за хорошую работу, отметил, что он весьма доволен им во всех отношениях, и пожелал ему всяческого благополучия в дальнейшей жизни.

Выйдя от Корфа, Андрей почувствовал, что теперь он окончательно свободен и может ехать домой. Последним его желанием было проститься с городом. К Петербургу Андрей относился с двояким чувством. Он ненавидел его как место неприятной ему работы, как средоточие вызывающей у него отвращение жизни придворной знати. В то же время он любил его как город-красавец, город — творение великих мастеров; любил его прямые как стрела улицы, речки с изящными мостами и великолепными набережными. Особенно прекрасен был Петербург в то время, когда солнце почти не сходило с горизонта, заливая ярким светом просторы улиц и парков и вызывая сверкающие блики на водной глади Невы.

Долго бродил Андрей по улицам города. Все ему тут было знакомо по многократным поездкам с Корфом. Наконец, уставший, он вернулся домой, распорядился о выезде. Рано утром следующего дня обоз тронулся и без особых приключений 29 июня прибыл в Опанкино.

Глава 3

Жизнь в Дворянинове (1762—1774)

Снова в Опанкине

Здесь, у сестры, сделали остановку. Сам Андрей рвался в родное Дворяниново и хотел погостить в Опанкине недолго, но сестра и зять так настойчиво уговаривали его пожить подольше, что ему пришлось несколько раз откладывать свой отъезд. В Опанкине и настigli Андрея вести о событиях, которых все давно ожидали и которые помогли ему узнать то, о чем он лишь догадывался, а то и совсем не знал. В Петербурге произошел дворцовый переворот, российский престол заняла Екатерина II. Узнав, что одним из организаторов переворота был Г. Орлов, Андрей вспомнил о его попытках провести разговор в укромном месте, о приглашении к себе домой и понял, что совсем не в масонскую ложу тот хотел вовлечь его, а хотел сделать соучастником готовящегося заговора. Андрей знал, что, приняв участие в заговоре, он обеспечил бы себе успешную карьеру. Однако не раскаивался Андрей в своем уклонении. Наоборот, благодарил судьбу за то, что она отвела его от участия в безнравственном, как он считал, поступке.

Сестра и зять любили Андрея и находили много причин, чтобы он задержался в Опанкине. Одной из них была постройка нового дома. Значительно больше прежнего, поставленный на красивом месте, на высоком берегу реки, он выглядел очень эффектно. Строительство его подходило к концу. Неклюдов намеревался провести новоселье торжественно, с приглашением родственников и соседей и очень хотел, чтобы Андрей присутствовал на этом празднике.

Сестра — Прасковья Тимофеевна — в свою очередь имела большие планы, требовавшие более или менее длительного проживания у них Андрея. Она хотела

женить его на какой-нибудь местной девушке, рассчитывая, что, заимев родственников в псковской стороне еще и по линии жены, он в будущем станет частенько навещать к ним, а стало быть, и к сестре. Такую мысль она вынашивала еще в прошлый приезд Андрея, когда он заглядывался на дочку одного из ближайших соседей. Но тогда он был молод, да и обстоятельства не позволяли думать о женитьбе. Сейчас, когда сестра заводила разговор на эту тему, Андрей хотя и отшучивался, по соглашался с тем, что пора ему устраивать свою семейную жизнь. И первым долгом поинтересовался той девушкой. К сожалению, этот вариант отпал: понравившаяся ему соседка уже была замужем.

Впрочем, в те времена любовь не была главным условием для заключения браков. Чаще всего учитывались обстоятельства, связанные с имущественным положением жениха и невесты. В частности, относительно Андрея Прасковья Тимофеевна и Василий Савинович рассуждали так: имение у него не ахти какое, рассчитывать на большие доходы с него нельзя, поэтому проще всего поправить материальные дела выгодной женитьбой, т. е. взять в жены девушку с хорошим приданым. Андрей соглашался с этими доводами. Но тут возникала такая ситуация: если девушка была хороша собой — на нее заглядывались многие молодые люди, от женихов, что называется, отбою не было, и при такой конкуренции родители могли выдать дочь и с небольшим приданым. Другое дело, когда девушка не блещет красотой, а то и просто с большими изъятиями. Тогда жениха найти трудно, и единственной приманкой остается богатое приданое.

Вот с этих позиций и подошла Прасковья Тимофеевна к женитьбе брата. Погоревав о потере невесты, которая и выглядела хорошо, и приданое имела приличное, она сказала брату, что есть у нее на примете девушка с еще более богатым приданым. Но, смутившись, сообщила далее, что невеста не из красивых. Андрей, хотя и был огорчен таким сообщением, согласился с сестрой в том, что с этим можно примириться, если невеста будет старательна по дому, с мягким, уживчивым характером, а впоследствии станет хорошей матерью. Договорились на том, что Андрей предварительно посмотрит невесту, тем более что она вместе с родителями должна была вскоре приехать к Неклюдовым в гости.

Через некоторое время «смотрины» состоялись.

Прасковья Тимофеевна, стараясь не обращать на себя внимание Андрея, наблюдала за его реакцией на появление девушки. Тот еще не научился скрывать свои чувства, и она сразу поняла, что из ее затей, по крайней мере на этот раз, ничего не выйдет. Когда гости уехали, Андрей, не скрывая своего разочарования, говорил сестре, что он заранее приготовился к тому, что будущая невеста некрасива, но такого уродства он не ожидал. Отвращение, которое он испытывал во время «смотрины», было настолько велико, что он теперь и слышать не хотел о новых невестах, и Прасковья Тимофеевна была вынуждена оставить всякие попытки женить Андрея.

Чтобы утешить его после печальной истории, Василий Савинович организовал рыбную ловлю с поездкой на лодках. Андрей действительно увлекся интересным занятием и отошел душой. А тут вскоре подоспело новоселье, и, отпраздновав его, стали собирать Андрея в дорогу. Погода благоприятствовала путешественникам. Стояла та пора, что издавна зовется в народе бабьим летом. Тихие солнечные дни, небо высоко над головой, изредка в нем пролетают косяки журавлей, с грустным курлыканьем прощаясь с северной землей, в прохладном чистом воздухе плывут тонкие нежные паутинки. Все это воспринималось Андреем как прелюдия к тем счастливым дням, когда он будет жить в деревне и ощущать окружающую природу в качестве неотъемлемой части своего бытия. Вот так же, как сейчас, каждую осень будут стоять деревья, поражая великолепием своей разноцветной листвы: желтые березы, чередуясь с красными осинами и пестролистными кленами, а все вместе — с вечнозелеными хвойными лесами.

С радостным волнением наблюдал Андрей, как на полях, мимо которых он проезжал, крестьяне творили свое извечное святое хлеборобское дело: жали овес, возили снопы в овины, с лукошками шли по земле, рассеивая зерно для будущего урожая.

Возвращение в Дворяниново

Двойственное чувство испытал Андрей Тимофеевич, обходя свое имение вскоре же после возвращения. С одной стороны, он был безмерно рад снова оказаться в местах, где родился, где провел лучшие детские годы, где многое напоминало ему о родителях, особен-

но о матери. В то же время давал о себе знать почти десятилетний разрыв в восприятии окружающего. В-первых, изменилась обстановка вокруг: все как-то пришло в запустение — и в доме, и в саду, и на полях. Не напрасно, видно, говорится: без хозяина дом сирота. Во-вторых, изменился он сам и теперь смотрел на окружающее не детскими глазами, для которых все внове и все кажется значительным, а глазами взрослого человека, уже много повидавшего и много узнавшего, который может сравнивать увиденное с аналогичным, но другим, значительно лучшим.

Свои первые впечатления от осмотра родных мест Андрей Тимофеевич впоследствии записал следующим образом: «Я, поздоровавшись и поговорив со всеми ими [дворовыми людьми], пошел таким же образом осматривать всю свою усадьбу и все знакомые себе места, как осматривал в предследовавший вечер свои хоромы. Тут опять, смотря на все также другими глазами, не мог я надивиться тому, что все казалось мне сначала как-то слишком мало, бледно, мизерно и далеко не таково, каковым привык я вообразать все с малолетства. Все вещи в малолетстве кажутся нам как-то крупнее и величавее, нежели каковы они на самом деле. Прежние мои пруды показались мне тогда сущими лужицами, сады ничего не значащими и зарослыми всякой дичью, строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожем более на крестьянское, нежели на господское, расположение всему самым глупым и безрассудным»¹.

И действительно, глядя на рисунок Андрея Тимофеевича, изображавший внешний вид и внутреннюю планировку его дома, трудно представить, что это господский дом. Низкое здание с маленькими окнами и соломенной крышей, внутри которого места много, а жить негде — такой была обитель, принявшая Болотова в 1762 г. Читатель, привыкший судить о помещичьих усадьбах по богатым дворянским поместьям, удивится, увидев изображенное на рисунке Болотова. Но еще раз подчеркнем, что Андрей Тимофеевич был мелкопоместным помещиком. Вспоминая о своем имущественном положении того времени, он писал: «Будучи людьми малодостаточными, имели мы их [деревни] очень немногие и малолюдные. У меня во всем здешнем селении было только три двора, да в деревне Болотове 2, да в Ту-

¹ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 308.*

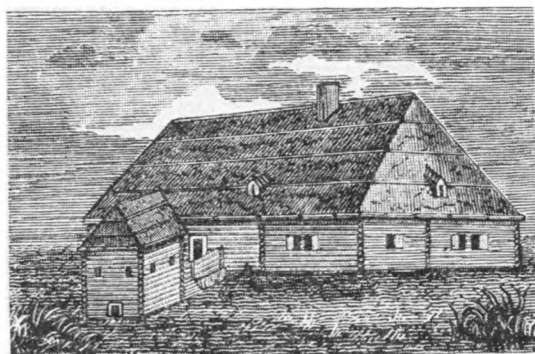
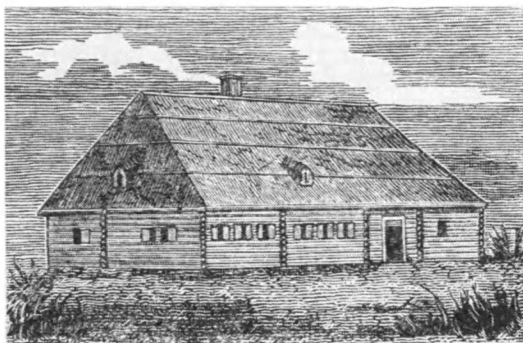
леине 6; и всего здесь только 11 дворов. А и в других деревнях также сущую малость и клочки самые малые, как, например, в ближней из сих каширской моей деревне, Калитине, было только крестьянских два двора, да двор господский; а в деревне Бурцевой только один двор. В епифанской моей деревне, Романцеве, только, два двора, а в Чернской, Есипове, только один двор, да в Шатской, что ныне Тамбовская, дворов с десять. Вот и все мое господское имение, и то более сего я не имел»².

Посетовав на неразумные действия предков, которые возводили «хоромы», решил Болотов начать свою деятельность по переустройству хозяйства с дома: сделать его более удобным для жилья, а главное — для работы: нужно было разместить библиотеку, выкроить место для исследования растений и других объектов природы, поставить письменный стол с ящиками, где можно было бы хранить дневники, журналы, записные книжки. Хотелось Болотову построить новый дом по собственному плану на облюбованном им месте, но пока это ему было не по средствам. На первых порах он решил ограничиться переделкой старого дома. Не меняя особенно внутреннюю планировку, прорубил новые окна и двери, превратив подсобные помещения, в основном темные, в жилые комнаты, окна сделал больше. В последующем, до постройки нового дома в 1768—1769 гг., старый дом по мере изменения состава семьи переделывался еще два раза.

Неудача с садом

Другим необходимым хозяйственным, а вместе с тем и научным мероприятием посчитал Андрей Тимофеевич улучшение сада. Но если с переделкой дома все было ясно и не замедлили сказаться именно те результаты, которые он ожидал, то с садами дело оказалось посложнее. Во-первых, и знаний, а особенно опыта, у Болотова было маловато, а во-вторых, от начала дела до конечного результата здесь ой как далеко, и главное, этот результат (качество плодов) нельзя обнаружить в процессе роста дерева, с тем чтобы можно было вмешаться и кое-что исправить на ходу. Это уже потом Андрей Тимофеевич откроет закономерности, которые позволят ему еще в молодом сеянце видеть качества

² Там же. Стб. 329—330.

будущей яблони. А первые годы много труда, и своего, и крестьянского, понапрасну извел он в поисках истины.

«Но ах, сколь мало знал я тогда, что я делал, и сколь мало все они [деревья] были того достойны! Мне и в мысль тогда не приходило, что я сажал сущую и такую дрянь, которая саду моему была пагубна и навек его портила, что я в последующее время тысячу раз тужить о том буду, что я ими, а не лучшими деревьями занимал тогда наилучшие места в саду этом... Но как бы то ни было, но я засадил весь мой сад сею, ни к чему годною и такою дряпью, которая и поныне мне только досаду причиняет, и выросши с дубья, не только приносит плод ни к чему годной, но и дает плода так мало и приходит с ним так редко, что не один уж раз собирался я от досады все их вырубить. И многие действительно, нимало не жалея, рублю, режу и кромсаю, стараясь их, но уже поздно, превратить в лучшие и достойнейшие садов моих деревья. И за счастье себе еще почитаю, что накупил их тогда не так много, чтоб можно было мне напичкать ими весь мой сад часто, и что садил я их так редко, что между ними мог еще после помещать яблонки, воспитанные уже дома и родов лучших»³.

Ошибки, о которых говорит здесь Болотов, были обусловлены следующим. Во-первых, желая ускорить закладку нового сада, произвел он посадку готовыми саженцами яблонь, полученными от посева семян. Во-вторых, в те времена придерживался Андрей Тимофеевич взглядов тех садоводов, которые считали, что яблоня, как и другие растения, строго передает свои признаки и свойства семенному потомству. Печальный опыт посадки сада в 1763 г. вынудил его в последующем изменить этот взгляд. Уже первое плодоношение в новом саду насторожило Болотова: плоды яблони ничем не напоминали плоды Украинской зеленки, из семян которой были выращены саженцы. Дальше — больше, тревога усиливалась: новые деревья, вступавшие в пору плодоношения, тоже не были материнским сортом. Причем все они отличались друг от друга не только

³ Там же. Стб. 346—347.

Рис. 2. Внешний вид и план родительского дома (рисунок и чертеж А. Т. Болотова)

плодами, но и строением дерева, формой и окраской листьев и другими признаками. Любопытного Болотова этот факт хотя и огорчил основательно как садовода, но, с другой стороны, весьма заинтересовал как ученого, и он решил провести строгий эксперимент. Сбрав с одного дерева сорта Украинская плоскогузая зеленка достаточное количество яблок для получения большой партии семян, он высеял эти семена отдельно от других на специальной грядке. В течение многих лет вел тщательные наблюдения над растениями, с записью результатов в особом журнале.

Неразделенная любовь

Хотя одиночество не очень тяготило Андрея Тимофеевича, поскольку занятия наукой, литературой и рисованием настолько поглощали его время, что порою приходилось отнимать его у сна, все же мысли о семейном устройстве все чаще и чаще беспокоили его. Пожалуй, эти мысли были даже не столько результатом собственных раздумий, сколько следствием увещаний родственников и дворовых о малой значимости одинокой жизни и необходимости завести семью.

У самого Андрея Тимофеевича еще не зажила окончательно душевная рана от неудачной любви, которую ему суждено было пережить в первые годы после приезда в Дворяниново. Краткая история ее такова. Возвращаясь домой после получения отставки из армии, Болотов остановился на некоторое время в Москве у родственников по матери — Бакеевых. В семье были две дочери, в младшую из которых — Пелагею — и влюбился тогда Андрей Тимофеевич. На следующий год в деревню Калитино (неподалеку от Дворянинова) приехал на лето князь Долгорукий с женой. Будучи в свое время в большой дружбе с отцом Андрея Тимофеевича (к тому же они были родственниками по женам), он решил распространить дружбу и на сына. С этой целью Болотов был приглашен в гости, а после первого посещения частенько стал наведываться в Калитино. Дело в том, что там же было имение и Василия Никитича Бакеева (отца Пелагеи), и дочери его в то лето также жили в Калитине. Поскольку жена Бакеева была сестрой жены князя, семьи их частенько бывали друг у друга. Вполне естественно, что Болотов, бывая у Долгоруких, встречался с Пелагеей. Возникшая в Москве

любовь вспыхнула с новой силой. Болотов стал ездить не только к Долгоруким, но и непосредственно в дом своей любимой. От родителей Бакеевых не могло укрыться это обстоятельство. Считая Болотова хорошей партией для своей дочери, они лишь ждали формального предложения с его стороны. Однако время шло, Болотов почти все дни проводил в Калитине, но... ожидаемых Бакеевыми решительных шагов не предпринимал. Тогда кто-то высказал предположение, что Болотов, зная о своем родстве с Бакеевыми, считает брак с Пелагеей невозможным. Проконсультировались у священника. Тот удостоверил, что при данной степени родства Болотов может стать мужем Пелагеи. Решили помочь предполагаемому жениху. За одним из застолий повели разговор на тему о браках между родственниками, из которого Болотов должен был ясно понять, что жениться на дочери Бакеевых он может. Но и после этого «жених» не спешил с предложением. И основания у него были: он не замечал ответного чувства со стороны девушки. Она относилась к нему хорошо, встречала приветливо, но и только. Не вспыхивали особой радостью ее глаза при встрече с ним, не выделяла его ничем среди других, расставалась без сожаления.

Решил Андрей Тимофеевич проверить чувство Пелагеи еще одним способом. Пригласил оба семейства к себе в гости и там после угощения повел девушку по имению, показывая все, что успел сделать, рассказывая о своих планах на будущее. Однако и здесь его любимая осталась совершенно равнодушной, ее не интересовала ни деятельность Болотова, ни ее результаты. Это обстоятельство очень смутило Болотова. Случилось так, что, проводив гостей, довелось ему возвращаться вместе со своим приказчиком, пожилым человеком, которого он очень уважал за трезвый ум и рассудительность и с мнением которого всегда считался. Его-то он и спросил о предмете своей любви, изложив свою точку зрения: «...она так умна, так всем хороша, что я не желал бы иметь лучшей жены. Признаюсь, что она мне очень и очень нравится». Приказчик, в свою очередь хорошо относившийся к молодому барину, ответил так: «Но то-то всего и опаснее, сударь. Мы это давно заметили и знаем, что она вам очень полюбилась. Но говорят, что любовь-то такая не очень прочна, а скоро проходит. А к тому ж и то еще неизвестно: станет ли она любить вас? Родилась она и

выросла в Москве и деревни почти в глаза не видела. А вы у нас люди деревенские, и будет ли она всем довольна, что вы имеете здесь? Смотрите, сударь, как бы не ошибиться»⁴.

Слова приказчика лишь подтвердили собственные мысли Андрея Тимофеевича, и, несмотря на душевные страдания, решил он вырвать из сердца с корнем безответную любовь. С этой целью сразу же прекратил поездки в Калитино. В свою очередь и в семье Бакеевых желание породниться с Болотовым встретило неожиданную помеху. По неписаным законам сватовства и замужества считалось тогда не совсем приличным выдавать замуж младшую дочь раньше старшей. Хотя на нарушения этого правила смотрели сквозь пальцы и в данном случае мать Бакеевых весьма одобрительно относилась к возможной женитьбе Болотова на младшей дочери, отец решительно запротестовал. Семейные распри привели к тому, что прекращение визитов Болотова было встречено Бакеевыми с облегчением. Осенью они уехали в Москву. Андрей Тимофеевич больше с ними не встречался, и время постепенно зарубцевало рану в сердце. Вот почему теперь к женитьбе он относился осмотрительно.

Женитьба

В старые времена, как известно, были свахи, которые занимались устройством семейных дел. Подыскали такую сваху и Болотову. После нескольких неудачных попыток она нашла наконец ему будущую жену. Был назначен срок «смотрины», поездка Болотова для свидания с невестой и знакомство с ее семьей. В связи с этим сватовством вспоминал Андрей Тимофеевич занятную историю, которая в какой-то мере характеризует его облик. Все события в своей жизни он делил на две категории: одни совершаются по его воле, другие — привносятся извне, направляются богом в качестве награды за праведную жизнь или как наказание за вольные и невольные прегрешения.

Где-то в промежутке до смотрины приснился Андрею Тимофеевичу сон, в котором он совершил намечаемую поездку к невесте. Каково же было удивление жениха, когда во время реальной поездки, при представлении

⁴ Там же. Стб. 428—429.

ему невесты, он узнал в ней ту, что видел во сне. «Воля божья,— решил Болотов,— видно, сам господь выбрал мне жену». Если до этого и были у него какие-то сомнения, в том числе слишком юный возраст невесты (во время смотрин ей не было еще и 14 лет), то после «перста божьего» они отпали. Свадьбу назначили на июль 1764 г., когда невесте исполнятся необходимые 14 лет. Так женой Болотова стала Александра Михайловна Каверина (1750—1834), с которой он прожил почти 70 лет.

Ботанические исследования

Совсем еще юная жена мало вникала в научные интересы мужа. Зато надежного друга и помощника он нашел в лице тещи Марии Абрамовны Кавериной (урожденной Арцыбашевой). Вот как отзывался Андрей Тимофеевич об участии тещи в его ученых делах: «Я мог адресоваться к ней всегда и во всем, что ни относилось как до литературы и до наук, так и до художеств, а наконец, до самых садов и других частей сельского домоводства, и ожидать от нее желаемого одобрения, или, когда в чем надобно было, искреннего совета»⁵.

Из биологических исследований зятя особенно поощряла Мария Абрамовна изучение растений и сбор гербария. Ко времени женитьбы у него уже был накоплен порядочный материал. Он занимался изучением дикорастущих растений: описанием их морфологии, систематизацией по принятой тогда системе К. Линнея. Работа требовала много времени, особенно сбор растений. Счастливый случай помог Андрею Тимофеевичу успешно решить проблему. Однажды, когда он разбирал на берегу Скниги собранный им материал, из речки выскочила гурьба ребятни и, окружив Болотова с разложенными вокруг растениями, стала внимательно следить за его действиями. Скоро ребята осмелели, и один из них, показывая на более заметное растение, сказал, что он знает, где этой травы тьма-тьмуцкая растет. Андрей Тимофеевич, желая испытать мальчика, высказал сомнение в том, что он видел действительно это растение. Некоторые из них настолько похожи, что спутать может и более опытный человек.

⁵ Там же. Стб. 556.

Однако мальчик не принял скептицизма Болотова и снова подтвердил, что имеет в виду именно эту траву, поскольку она характеризуется вполне определенными признаками, которые надежно отличают ее от других.

Андрей Тимофеевич заинтересовался и решил продолжить испытание: он разложил собранные им растения и спросил ребят, знает ли кто-нибудь из них травы, которых нет среди находящихся перед ними. Ребята внимательно рассмотрели растения, а потом дружно заявили, что им известны многие травы, которых здесь нет. Тогда-то и пришла Андрею Тимофеевичу в голову блестящая идея, ускорить работу по изучению флоры, используя детвору. Он знал, что деревенские дети весьма любознательны, в свободное от работы время (особенно в праздники) они целыми днями пропадают в лесах, лугах и на речке и конечно же знают все, что там живет, бегаёт и летает, все, что растёт. Пообещав ребятам награду, Андрей Тимофеевич попросил их приносить ему различные растения, особенно те, что редко встречаются.

Андрей Тимофеевич объяснил ребятам, как правильно собирать растения, и предупредил, что их нельзя долго держать дома, а следует в тот же день приносить ему. И назначил таким днем воскресенье. Впрочем, если кто найдет новое растение, может приносить его в любой другой день.

Критика «водной тсории»

Наряду с ботаническими исследованиями, Андрей Тимофеевич усиленно занимался и вопросами агрономии. Он знал, что материальное благополучие и его семьи, и крестьян, которые находились под его опекой, зависит прежде всего от урожаев на полях. А урожай — это дело рук человеческих и ума. Хотя и был Болотов человеком глубоко религиозным, но в производственной сфере старался обходиться без бога. Здесь он придерживался пословиц: «На бога надейся, а сам не плошай»: «Бог-то бог, да и сам не будь плох». И еще было известно Андрею Тимофеевичу: чем больше урожай хочешь получить, тем больше надо поработать головой, больше знаний нужно иметь. И он сидел долгими часами над книгами, изучая опыт, накопленный до него учеными людьми. Ставил опыты, задавая вопросы почве, растениям. Знал, что непросто

это, спросить почву и растения так, чтобы ответили они правильно. Так же как непросто и понять их ответы. Научился Андрей Тимофеевич понимать язык природы, и она помогла ему открыть многие ее тайны.

Мало в сельскохозяйственной науке таких разделов, в которые бы Болотов, не внес свой вклад первооткрывателя. Поскольку по важнейшим его работам в области агрономии издана отдельная книга автора⁶, ограничимся здесь лишь материалами, непосредственно примыкающими к биологии. Таковы, например, его исследования, связанные с питанием растений. В первую очередь следует отметить, что Болотов одним из первых выступил с критикой «водной теории» питания растений, широко распространившейся после известных опытов Ван-Гельмонта в странах Западной Европы. Мало того, Берлинская академия наук в 1800 г. по результатам конкурса на тему об источниках питательных веществ для растений присудила премию Шрадеру за работу, в которой утверждалось, что специфика жизненного процесса позволяет растению создавать зольные элементы из воды, т. е. подтвердила «водную теорию» питания растений.

В своем замечательном трактате «Об удобрении земель» Болотов противопоставил «водной теории» свою точку зрения: растения помимо воды извлекают из почвы и необходимые им для роста и развития зольные элементы. На основе этих взглядов он развил представления о плодородии почвы: «Не видим ли мы, со скольким различным успехом произрастения растут на доброй и худой земле и во время доброй и худой погоды? Что иное сие значит, как только то, что, в рассуждении земли, одна земля имеет в себе более таких частиц, из которых произрастение составляется или которые росту его поспешествуют, и оные уделяет ему способно, а другая либо сама собою в помянутых потребных к тому частичках оскудение имеет, либо за какими-нибудь препятствиями оных произрастению способно уделить не может»⁷.

Отсюда Болотов делал следующие выводы об условиях, необходимых для хорошего роста растений: 1) почва должна содержать в себе в достаточном ко-

⁶ Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — основоположник русской сельскохозяйственной науки. М.: Агропромиздат, 1988.

⁷ Тр. ВЭО. 1770. Ч. 15. С. 9.

личестве все те вещества, которые входят в состав растений; 2) почва должна находиться в таком состоянии, чтобы питательные вещества из нее могли поступать в растение; 3) так как для роста растений нужны не только минеральные частицы, но и другие вещества (вода, воздух), то требуется, чтобы и они находились в оптимуме.

В соответствии с этим Болотов определял и задачи удобрения почвы: «...удобрение земель не в чем ином состоять может, как либо в приумножении в землю помянутых плодоносных и хлебодоние производящих частиц, либо в отвращении и уничтожении помянутых препятствий...»⁸

Из всего сказанного вытекает, что во времена господства «водной теории» питания растений Болотов, обобщив опыт земледельческой практики и свой собственный, отстаивал правильные взгляды на минеральное питание растений и на условия почвенного плодородия, далеко опередив по этим вопросам науку Западной Европы того времени.

Анализ структуры урожая

А. Т. Болотов впервые в истории агрономической науки провел анализ структуры урожая зерновых злаков (озимой ржи). С этой целью определил число зерен, высеянных на десятину, по формуле $A_1 = \frac{P_1 \cdot A_2}{P_2}$, где A_1 — число зерен, высеянных на единицу площади; A_2 — число зерен в пробе; P_1 — вес зерна, высеянного на единицу площади; P_2 — вес пробы. В дальнейшем он провел (на пробной площадке) учет количества растений, числа стеблей, в том числе плодоносных, числа зерен в колосе (в четырех группах по величине). В опыте были получены следующие результаты: 1) высеяно на пробную площадку (кв. аршин) 520 зерен, растений в период уборки оказалось 267 (51,3% от посеянных зерен); 2) Из 267 растений раскустившихся было 87, одностебельных — 180, стеблей — 550. Таким образом, средняя кустистость в опыте была около 2, а у кустящихся растений — около 4. Если бы из всех посеянных зерен выросли растения и все они раскусти-

⁸ Там же. С. 15.

лись, заключал Болотов, число колосьев в поле было бы в четыре раза больше.

Подсчет колосьев показал следующее: больших оказалось 196, средних — 98, мелких — 81, очень мелких — 60 (115 стеблей были неплодущими).

В крупных колосьях Болотов насчитал 7840 зерен, в среднем по 40 зерен на колос, в средних — 2366, по 24 зерна, в мелких — 1559, по 19 зерен, в очень мелких — 425, по 7 зерен.

Недоразвитие колосьев, по его мнению, вызывает большой недобор зерна.

В заключение Андрей Тимофеевич выражал уверенность в том, что правильным возделыванием злаков можно повлиять на все элементы урожая и значительно повысить его в соответствии с потенциальными возможностями растений. В то же время он призывал определять урожайность не по коэффициенту размножения (сам-столько-то), а по абсолютному урожаю с единицы площади «... думаю, что домостроителю не того искать и не тем славиться надобно, чтобы хлеб у него, например, сам-15, 20 или 30 родился, но тем, чтобы одинаковой величины десятина земли родила через его старания или какие-нибудь новые предприятия несравненно более хлеба, нежели родит подобная ей во всем десятина при обыкновенном хлебопашестве»⁹.

Анализ структуры урожая озимой ржи дал Андрею Тимофеевичу обильный материал для размышлений. Почему при предварительной проверке на всхожесть хорошие семена прорастают полностью, а в поле лишь половина посеянных зерен дает плодоносящие растения? Наблюдая за появлением всходов, Болотов обнаружил значительную растянутость процесса прорастания: из некоторых зерен «шильца» пробивались на поверхность почвы уже через 4—6 дней, а у других появлялись лишь через 3—4 недели. Конечно, многое тут зависело от погоды. Но и в сравнительно одинаковую погоду все равно наблюдалась большая разница.

Начал Андрей Тимофеевич выкапывать проростки по мере их появления и внимательно изучать. И что же оказалось? Рано появляются всходы из зерен, находящихся неглубоко в почве. Они бывают более мощными, с темно-зеленой окраской. Чем на большей глубине находилось зерно, тем позднее его росток появлялся

⁹ Сел. житель. 1778—1779. Ч. 2. С. 50.

на поверхности, тем более слабым и бледным он был. Поздние всходы не успевали до зимы раскуститься и многие из них погибали, не перенеся суровых условий зимы и ранней весны. Так Болотов пришел к выводу о значении глубины заделки семян для роста и развития растений озимой ржи.

На следующий (1766) год он провел специальный опыт на садовом участке с различными культурами. На ровной площадке, тщательно подготовив почву, рядами вручную посеял семена на разную глубину. Семена предварительно отбирал равными по величине, форме, окраске. Осенью растения были убраны отдельно по каждому варианту и проанализированы. Результаты опыта лишь по одному варианту (с овсом) приведены нами в следующей таблице.

Глубина заделки, вершки	Число				
	посеянных зерен	взошедших зерен	созревших растений	плодущих стеблей	полученных зерен
0,5	15	12	12	98	10 643
1,0	15	11	11	65	7 288
2	15	5	4	26	1 833
4	15	4	2	4	353

Данные этих опытов подтвердили, что неглубокая заделка семян в почву (3—5 см на современные меры) имеет значительные преимущества перед глубокой (9 см и более): семена быстрее и более полно прорастают; растения из неглубоко посеянных семян лучше кустятся; у таких растений выше озерненность соцветий.

Болотов всегда старался результаты своих наблюдений и опытов применить на практике. Так же поступил он и в этом случае. По существовавшей в его времена технологии семена рассеивались на непаханое поле, а затем заделывались сохой. Конечно, при этом много семян попадало в глубокие слои почвы и, как установил Болотов, не давало всходов. Получив данные о лучшей глубине заделки семян, он стал размышлять о том, как поправить дело, и разработал новую технологию обработки почвы и посева. Предварительно проверил ее в небольшом полевом опыте. Выбрал ровную десятину земли и разделил ее на две равные половины. На одной посеял рожь старым способом, а на второй — по своей новой технологии. Опытную половину еще раз

разделил пополам, чтобы иметь два варианта. Схема опыта была такова: первая половина десятины — контроль, на участок высеяли 6 четвериков¹⁰ ржи и запахали; первая часть второй половины — поле вспахали, на него высеяли 4 четверика ржи и семена заделали тыльной стороной бороны; вторая часть второй половины — поле вспахали, посеяли 3 четверика ржи, семена заделали обычным боронованием.

Результаты опыта: 1) по абсолютной величине урожая в пересчете на десятину соответственно 62 четверика, 64 (103,3%) и 72 (112,5%); 2) по коэффициенту размножения: сам-10, сам-16 и сам-24. Разница довольно заметная. Разработанную Болотовым технологию его современники оценили по достоинству, и она быстро распространилась в России.

Современные ученые, вероятно, упрекнут Болотова в недостаточно чистой постановке опыта (контроль и опыт различались не по одному фактору, а по двум), но следует сказать, что в рассуждениях Болотова при выборе схемы опыта была своя логика. При старой технологии около половины семян не давало растений. Предложенная Болотовым технология как раз и была направлена на устранение этого недостатка. Но слишком полное устранение (скажем, ранее погибавшие 50% семян все образуют растения) может привести к противоположному результату, загущению посевов, а следовательно, и снижению урожая. Во избежание такой возможности Болотов и уменьшил нормы высева.

Член Вольного экономического общества

Большую роль в формировании Болотова как ученого и особенно как пропагандиста сельскохозяйственных знаний сыграло Вольное экономическое общество (ВЭО). Об организации этого Общества Андрей Тимофеевич узнал случайно. Весной 1766 г., в Москве, на улице незнакомец предложил ему купить книгу. Это была 1-я часть «Трудов» Общества. Купив книгу и внимательно ознакомившись с нею, Болотов очень обрадовался. Он испытывал большую потребность в общении с единомышленниками, думал о распространении своих знаний и опыта. Таковую возможность и

¹⁰ Четверик — старинная объемная мера сыпучих тел, равная 26,2 л.

предоставляли «Труды» Общества. Оно приглашало всех желающих сообщать свои замечания, предложения по сельскому хозяйству. В конце книги были опубликованы 65 «экономических вопросов», охватывающих сведения о природных ресурсах местности, характере почв, растениях и приемах их возделывания, о состоянии скотоводства, о нравах и обычаях крестьян и др. Общество призывало желающих ответить на эти вопросы. Болотов сравнительно быстро написал ответное сочинение по своей местности (Каширский уезд Тульской провинции). Его напечатали уже во 2-й части «Трудов». Это была первая печатная работа ученого. В июне 1766 г. Андрей Тимофеевич получил от Вольного экономического общества письмо с благодарностью за присланное сочинение и с просьбой о высылке новых статей. С тех пор работы молодого ученого появляются почти в каждом томе «Трудов».

В 1767 г. Болотова избирают членом Общества, и вскоре начинается его переписка с ученым секретарем Андреем Андреевичем Нартовым. Это усиливает связи Болотова с ВЭО, заставляет его трудиться более интенсивно. Если он и до этого уделял большое внимание оформлению своих данных, то теперь еще более тщательно ведет научную документацию: аккуратно записывает результаты всех наблюдений и опытов, ведет дневники работы, регистрирует метеорологические показания, производит выписки из книг, записи мыслей о прочитанном. Эта строгость в научной документации не раз выручит Андрея Тимофеевича в самых сложных ситуациях, в которые поставят его природа или научный эксперимент, поможет ему в решении трудных вопросов.

Строительство нового дома

Семья Андрея Тимофеевича к 1768 г. увеличилась. Правда, сын Дмитрий прожил совсем недолго, но дочь Елизавета «встала на собственные ноги», а сын Степан хотя и качался в люльке, но криком давал о себе знать не меньше других.

Кроме того, в доме Болотовых подолгу гостили родственники с детьми, которых иногда оставляли жить до следующего приезда взрослых, наезжали знакомые.

Мария Абрамовна напоминала зятю о его давнишнем намерении приступить к строительству нового

дома. Андрей Тимофеевич согласился с тещей, тем более, что в мыслях своих он уже построил его.

Одобряя предков за выбор места для усадьбы, он в то же время удивлялся недостаточности у них эстетического чувства: вместо того чтобы поставить дом на высоком берегу, лицом к реке, они отнесли его далеко вглубь, а живописный уголок на переломе горы заняли подсобными постройками и второстепенными объектами. Впрочем, у далеких предков, вероятно, были свои соображения. В те беспокойные времена лучше было упрятать свое жилище подальше от чужих глаз: и от татар, набеги которых случались нередко, да и от разбойных людей, бродивших тогда по Руси в не-малом числе.

Андрей Тимофеевич составил план дома. Достатком большим он не располагал, да и за роскошью особо не гнался. Главным в доме, по его мнению, должно быть удобство: разумное расположение комнат, при котором живущие не мешали бы друг другу и не было бы бесполовых переходов, тепло зимой и прохлада летом. Руководствуясь этими простыми житейскими правилами, и построил свой новый дом Андрей Тимофеевич, вынеся его вперед, к началу склона горы, фасадом к реке Скниге. Дом был деревянным, рубленным из толстых сосновых бревен. По довольно подробному описанию, которое имеется в его «Записках», автор составил план этого дома. Дворянские дома тех времен обычно были двухэтажными, снаружи они выглядели более изящными, из комнат второго этажа открывался вид на окрестности. Андрей Тимофеевич почему-то предпочел одноэтажный дом. Размером 21 на 13 м, он не имел ни парадных лестниц с колоннами, ни фронтонов, ни других архитектурных украшений. Входом в дом служили обычные сени с крылечками и небольшим навесом. Сеней было двое: одни вели в передний двор и в сад, другие — на задний двор. За передними сенями располагалась прихожая, по-другому она называлась лакейской, в ней находились слуги. Из прихожей двери вели в комнаты, где чаще всего было необходимо присутствие слуг: в столовую, куда они носили пищу из кухни, расположенной вне дома, и в залу, где они обслуживали гостей.

Кроме этих двух комнат и гостиной, имевших общее семейное значение, в доме были комнаты, предназначенные для отдельных членов семьи: спальня (для родите-

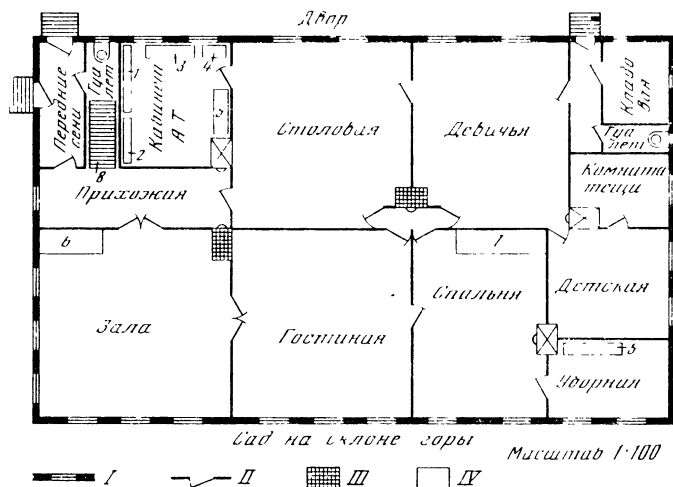

Рис. 3. План дома А. Т. Болотова постройки 1768—1769 гг.

I — окна и проемы; II — двери; III — печи кафельные, IV — печи кирпичные; 1 — книжный шкаф; 2 — аптечный шкаф; 3 — письменный стол; 4 — электрическая машина; 5 — лежанка; 6 — буфет; 7 — альков; 8 — лестница на чердак

лей), девичья, детская, уборная (для жены), комната для тещи и небольшой кабинет Андрея Тимофеевича. В кабинете едва размещались шкафы с книгами и научным оборудованием да письменный стол. Воспользовавшись тем обстоятельством, что у него появилась отдельная комната для ученых занятий, Болотов привел в порядок свою библиотеку: составил реестр книг, расставил их в шкафах по разделам, нуждающиеся в ремонте заново переплел.

Исследования по изменчивости растений

За сутолокой хозяйственных дел не забывал Андрей Тимофеевич своих ученых занятий. По-прежнему изучал растительность окружающих лесов, полей, лугов; выписывал семена из разных уголков России и зарубежных стран. О склонности Болотова к естественным наукам знали все его друзья и знакомые. Поэтому, если кому-либо из них случалось найти новое или необычное растение, они присылали ему семена или сообщали

о находке. «А иные, выписывая оные [семена] и покупая дорогою ценою, не хотели даже сами у себя их садить и сеять, а присылали ко мне, будучи уверены, что у меня они лучше не пропадут, нежели у самих их. Такое предубеждение имели они о моем любопытстве и отменной обо всем старательности»¹¹.

Вспоминая о своей поездке весной 1770 г. в Калужскую губернию к родственнику жены П. М. Карпову, Андрей Тимофеевич сообщал, что тот был «большим охотником до садов», имел порядочную коллекцию растений и снабдил его различными семенами и «виноградом в горшке».

Много занимался Болотов вопросом изменчивости растений. От его внимания не ускользнул тот факт, что растения ведут себя по-разному: одни в течение длительного времени почти не меняются в процессе размножения (таковы, например, хлебные злаки, лен), у других же потомство иногда значительно отличается от родителей.

При сборах дикорастущих растений для гербария Болотову приходилось встречаться с фактами, когда особи одного и того же вида различались между собою настолько, что их можно было принимать за разные виды. Чаще всего это было в случаях нахождения растений в разных условиях обитания. Вполне естественно, что ученый объяснял такую изменчивость различными условиями жизни. Повседневная сельскохозяйственная практика говорила об этом же: растения, выросшие в условиях холодного дождливого лета, мало похожи на своих братьев, которые выросли в жаркое сухое лето, и можно ли сравнить ниву на хорошо удобренной почве с нивой на полях, которые удобрялись только пролетающими над ними птицами.

Но наблюдательный ученый замечал и другое: иногда при посеве однородного семенного материала (например, семян с одного растения) на небольшом выровненном участке почвы потомство вырастает неоднородным. Уже в самом начале своей деятельности в качестве сельского хозяина он встретился с поразившим его фактом, когда из купленных им семян яблони, выращенных, по уверению крестьянина-продавца, из семян одной яблони, выросли растения, сильно различав-

¹¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 613.

пились по многим признакам, как морфологическим, так и хозяйственным.

Однажды в одном из иностранных журналов Болотов прочитал сообщение о том, что тюльпаны можно размножать семенами и что при этом потомство будет отличаться от родительского растения. Заинтересовавшись этим сообщением, Андрей Тимофеевич решил, во-первых, проверить сам факт изменчивости потомства, во-вторых, использовать это явление для получения новых сортов тюльпанов.

Со свойственной ему обстоятельностью подготовил несколько грядок, тщательно перемешав и выровняв почву. Семенные коробочки он взял с разных по окраске цветков растений, каждый образец посеял на отдельной грядке.

Много лет потратил ученый на проведение этого опыта. Никому не доверял работу с растениями, сам ухаживал за грядками, тщательно пропалывал, чтобы вместе с сорняками не вырвать нежные ростки тюльпанов. Летом бережно выкапывал луковички, в первые годы — мелкие, а затем все крупнее и крупнее. И только на пятый-шестой год появились цветки. Действительно, растения были разными. Хотя большинство повторяло родительский тип (от красноцветковых растений большая часть потомства тоже была красноцветковой, а от желтоцветковых — желтоцветковой), но потомство было разнообразным: во-первых, красный цвет был представлен многими оттенками, во-вторых, встречались растения с желтыми цветками, белыми, пестрыми. Желтоцветковый родитель тоже дал потомство большей частью желтоцветковое, но имелись растения и с красными цветками разных оттенков, белые и пестрые.

О результатах этого опыта в своих «Записках» Болотов запишет так: «Я дождался, правда, их целые пять лет. Но зато имел удовольствие видеть не только превеликое множество у себя тюльпанов, но и действительно происшедшие от них многие новые и совсем оригинальные роды, из которых иные были очень хороши и наградили меня с лихвой за долгое ожидание и за все хлопоты, какие я имел с ними в сии годы, пересаживая их с места на место и всякий год выкапывая и перебирая»¹².

¹² Там же. Стб. 764—765.

Аналогичный опыт с размножением семенами растений, обычно размножаемых вегетативным путем, провел Андрей Тимофеевич и с другими культурами, в том числе с картофелем, черной смородиной. В одних случаях изменение потомства было весьма заметным, например у картофеля, в других не так резко выражено (смородина).

В дальнейшем результаты этих опытов Болотов соединит с данными опыта с посевом яблочных семян и придет к весьма важным обобщениям и интересным выводам.

Работы по селекции

Андрей Тимофеевич проснулся внезапно, будто кто-то толкнул его. Так он просыпался в тех случаях, когда нужно было вставать в необычное время, и он еще с вечера, боясь проспать, настраивал себя соответствующим образом. И сразу же в сознании отчетливо всплыли причины сегодняшнего раннего пробуждения. Тюльпаны! Появление первых цветков у этих необычных растений. Возможность своими глазами увидеть результаты многолетних трудов, убедиться в осуществлении своих ожиданий. Ради этих счастливых минут стоило пожертвовать часами утреннего сна. Андрей Тимофеевич быстро вскочил с постели, накинул халат и бо-сой вышел на крыльцо.

Растения, умытые росой, стояли свежие, чистые, бодрые. Капельки росы на цветках и листьях, сверкавшие разноцветными огоньками, придавали утру праздничный вид. А вот и заветная грядка с тюльпанами. Андрей Тимофеевич окинул ее быстрым взглядом и... даже вскрикнул от восторга. Давно ожидаемые цветки еще вчера скрывавшие свои тайны в упругих бутонах, сегодня красовались во всем своем великолелии, воочию демонстрируя осуществление того, что хотел создать Андрей Тимофеевич, чего он так долго ждал, боясь обмануться в своих надеждах. Вот они, бастардные (гибридные) тюльпаны — плод его творения, плод сознательного создания новых форм растений. Андрей Тимофеевич тут же хотел заняться более обстоятельным изучением и описанием полученных бастардов, но волнение от необычности увиденного мешало ему сосредоточиться, и он решил отложить эту серьезную работу до следующего раза, тем более что для подробного описания цветков нужно, чтобы их венчики были полно-

Рис. 4. Болоты в дворяниновском парке, с картины худ. М. Г. Пonomаренко

стью открытыми, а у тюльпанов это происходит, когда воздух уже хорошо прогреется под живительными лучами солнца.

Раздумывая над результатами опыта, Андрей Тимофеевич незаметно для себя пришел к своему любимому месту — скамейке на крутом берегу Скниги, где он любил сидеть, обдумывая важнейшие события своей жизни.

С этого места открывался широкий вид на окрестные дали. Недаром в свое время Андрей Тимофеевич исходил всю территорию имения в поисках места для постройки нового дома. Речка Скнига делала здесь большую излучину, подмывая с одной стороны большую гору, а с другой образуя обширную долину. На вершине горы Андрей Тимофеевич и поставил дом, лицом к реке. Склон горы был украшен террасами и цветниками. В долине в живописном беспорядке разбегались домишки небольшой деревни. На этой скамейке Андрею Тимофеевичу всегда хорошо думалось. Взгляд, скользя по далеким предметам, не отвлекал от мыслей, и они плавной чередой тянулись одна за другой, уходя вглубь и добираясь в конце концов до сути дела. Иногда мысли текли причудливым извилистым путем, забираясь в далекие глухие дебри. Вот и сейчас, находясь

под впечатлением увиденных и цветущих тюльпанов, ученый вспомнил историю их создания.

Еще много лет назад он сразу после возвращения из армии в Дворяниново увлекся сбором и определением дикорастущих растений. Передавая свой опыт в этом направлении, Болотов писал: «...необходимо брать прибежище к ботанической науке и заимствовать из ней хотя краткое понятие о разных классах трав, на которые ботаники все травы и произрастения разделяют, познакомиться несколько короче с теми приметами и частями произрастения, которые они наиболее рассматривают и которые помогают им узнавать оные»¹³.

Сбор гербария и исследования морфологии растений уже вскоре привели Болотова к выводу о существовании удивительного явления в растительном мире: с одной стороны, потомки довольно точно воспроизводят своих родителей (это позволяет земледельцам уверенно вести хозяйство), с другой — не редки факты значительной изменчивости форм. Особенно часто эту изменчивость ученый наблюдал при посеве семенами растений, которые обычно размножаются вегетативным путем.

Не мало пришлось поразмышлять и поэкспериментировать Андрею Тимофеевичу, прежде чем удалось ему приоткрыть завесу над тайной наследственной изменчивости. Одну из ее причин он нашел в перекрестном опылении родителей с разными признаками. Отсюда для его пытливого ума был лишь один шаг до того, чтобы попытаться искусственно получать новые формы растений. Твердо стоя на позиции существования у них пола и отчетливо представляя процесс полового размножения, он предпринял серию опытов по гибридизации тюльпанов, лилий, гвоздик и других цветочных растений.

Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не мало пришлось потрудиться Болотову, прежде чем перед ним предстало то, что увидел он сегодня на грядке с тюльпанами. Сколько горьких минут пришлось ему пережить, когда, внимательно исследуя завязи опыленных цветков, не обнаруживал он в них гибридных семян или, посеяв полученные единичные семена, долго с тревогой на душе ждал их всходов, да

¹³ *Болотов А. Т.* Избр. соч. М.: МОИП, 1952. С. 357.

так и не дожидался! Сколько исследований пришлось провести, прежде чем он освоил методику опыления разных видов растений, при которой семена от искусственного скрещивания стали завязываться регулярно!! Оказалось, что для этого нужно подобрать фазы развития цветка, часы суток и многое другое. Точно так же и с прорастанием семян. Проведя множество опытов по изучению условий прорастания семян и факторов, влияющих на этот процесс, Болотов все же сумел добиться того, что даже слабо развитые щуплые семена давали всходы.

Правда, такие семена он проращивал не в почве, а в тарелках с водой, добавляя туда сок чеснока или других растений.

Поэтому вполне понятно, как дорожил Болотов гибридными растениями. Посевы их он старался разместить так, чтобы защитить от повреждений животными и птицами. Наблюдения над ними проводил особенно тщательно, посещая почти ежедневно.

В ряде статей Андрей Тимофеевич изложил свои теоретические взгляды на возможности селекции растений и описал основные методические приемы, которыми пользовался в селекционной работе. В обобщенном виде его теоретические принципы можно представить следующим образом:

1) В растительном мире существует значительная изменчивость форм, результатом которой является его многообразие;

2) изменчивость бывает непостоянная, вызываемая условиями существования, не наследуемая потомством, и наследственная, являющаяся главным образом результатом гибридизации;

3) размножение растений осуществляется двумя способами: половым, с участием двух родителей с образованием семян, и вегетативным — из различных органов одной особи, путем укоренения, прививки;

4) при вегетативном размножении потомство повторяет признаки и свойства родительской формы;

5) при половом размножении у потомства кроме признаков и свойств родителей в различном сочетании могут появиться и новые признаки;

6) при гибридизации родителей с разными признаками одни гибриды наследуют определенные признаки только от отца, а другие (тоже определенные) только от матери.

Это утверждение А. Т. Болотова является результатом знакомства с работами К. Линнея и авторитетом последнего. На самом деле наследование признаков гибридами происходит по другим законам, в том числе по закону доминирования.

Из методических приемов, которые А. Т. Болотов рекомендовал в селекционной работе, рассмотрим лишь основные.

Главным он считал индивидуальный отбор новых форм из дикорастущих растений; образцов, получаемых от других лиц; потомства, выращенного из семян растений, размножаемых вегетативным путем; потомства искусственно полученных гибридов.

Для получения искусственных гибридов следует правильно подбирать родительские растения (особенно материнское): они должны быть хорошо развиты, с резко выраженными признаками, которые необходимо передать потомству.

Оба родителя к моменту скрещивания должны иметь тычинки и пестики в фазе полного созревания (рыльца пестиков быть влажными, из пыльников легко освобождается пыльца).

Если пыльники материнского растения образуют нормальную пыльцу, их следует до созревания удалить.

Опыление лучше всего производить в ясный день на сухих растениях.

Материнские растения следует выращивать изолированно от других растений, особенно имеющих нежелательные признаки;

Опыление необходимо производить мягкой, лучше всего из беличьего меха, кисточкой.

После опыления материнское растение накрыть колпаком из бумаги для защиты от солнечных лучей, ветра и дождя. Через 6—8 дней колпак снимается. Образовавшийся плод выдерживается до полного созревания, затем срезается и хранится в сухом месте.

Конечно, методика селекционной работы, применявшаяся А. Т. Болотовым (в основном с цветочными растениями), ни в какое сравнение не может идти с методами современной селекции ни по теоретической основе, ни по техническому оснащению, но для своего времени она, безусловно, была передовой.

Остается лишь удивляться: почему при большой увлеченности растениями, особенно плодовыми и цветочными, огромной тяге к раскрытию тайн живой при-

роды и стремления к созданию нового Андрей Тимофеевич не стал таким селекционером, какими впоследствии станут Л. Бербанк и И. В. Мичурин? По-видимому, широта его творческих интересов не позволила разрастись одному из его увлечений до такой степени, чтобы вытеснить из сферы его деятельности другие любимые дела.

Основатель научного семеноводства

«От худого семени не жди доброго племени», «Что посеешь, то и пожнешь». В этих старинных пословицах нашел отражение многовековой опыт земледельцев. Крестьяне, из поколения в поколение накапливая знания о природных процессах, твердо усвоили, что для получения хорошего урожая огромное значение имеют семена. А. Т. Болотов присоединил к этому опыту результаты своих многолетних исследований и создал основы научного семеноводства.

По этой проблеме он опубликовал ряд интересных работ. Остановимся лишь на некоторых из них. В статье «О семенах» (Экономический магазин. 1780. Ч. 3. С. 321—330), обсуждая вопросы качества семян, Андрей Тимофеевич указывает, что бывают случаи, когда семена очень хорошие по внешнему виду не дают всходов. Объяснение он находит в том, что такие семена биологически неполноценны из-за нарушения процесса оплодотворения. Чтобы в семенах развивался зародыш, необходимо пыльце из тычинок попасть на рыльце пестика, мужскому началу проникнуть в «яичник» и оплодотворить «женское начало» (по современной терминологии — яйцеклетку).

Болотов подробно описывает те препятствия, которые могут возникнуть на этом пути и помешать возникновению зародыша:

1) пыльники могут быть повреждены морозом, бурями, дождями, склеваны птицами, уничтожены насекомыми;

2) пыльца не будет перенесена с мужских цветков на женские (в плохую погоду, в теплицах из-за отсутствия насекомых и т. п.);

3) пыльца попала на рыльце в недостаточном количестве.

В подтверждение своей мысли о том, что семена не всхожи из-за отсутствия нормального оплодотворения, Болотов приводит факты плохой плодовитости расте-

ний, выращивающихся в комнатных условиях. На основе высказанного ученый дает практическую рекомендацию: «...мало надобно полагаться на одну наружность семян и сколь, напротив того, нужно и необходимо надобно годность и совершенство семян испытывать бросанием наперед их в рост [проверка на всхожесть] и рассматриванием, все ли они или по крайней мере сколько из них росты пустят»¹⁴.

Для получения хороших семян земледельцы применяли много приемов, в том числе: 1) перемену мест выращивания семян, например одного региона на другой, одной почвенной разности (суглинистые почвы) на другую (супесчаные почвы); 2) выбор из снопов наиболее крупных колосьев у зерновых культур, отсекание для семенных целей верхушечной части снопов льна (чтобы получить потомство высокостебельных растений), 3) отбор из семян наиболее крупных стекловидных зерен.

Главным недостатком семян Болотов считал их незрелость, вызываемую одновременным созреванием растений. Одновременная жатва приводит к тому, что в обмолот попадают растения с колосьями различной спелости. Вместе с тем и внутри колоса зерна созревают с разрывом в несколько дней. Ждать полного созревания всего массива земледелец не может, поскольку перезревшие зерна будут осыпаться, что приводит к значительным потерям урожая. В результате обмолоченное зерно (даже при условии, что при ручной уборке происходило дозревание в снопах) всегда содержало часть недозревших зерен, а при сушке снопов в овинах к ним присоединялись и потерявшие всхожесть в результате «запаривания».

Для получения на семена хорошо вызревших зерен Болотов использовал увиденный им в одну из своих поездок в Тамбовскую губернию прием молотбы, в дальнейшем получивший название «двойного обмолота». Суть его заключалась в том, что сноп до поступления на молотбу цепями слегка ударялся колосьями обо что-либо твердое. При этом из него вылетали наиболее зрелые крупные зерна. Они и употреблялись в качестве посевного материала. Андрей Тимофеевич сразу уловил биологическую значимость этого приема и взял его на вооружение. По своему обыкновению он тщательно

¹⁴ Экон. магазин. 1780. Ч. 3. С. 330.

продумал процесс и разработал наиболее целесообразную и экономичную технологию.

В местах, где происходило скирдование хлеба, Болотов установил четырехгранные пирамиды из кольев, вбитых в землю на расстоянии 35 см друг от друга и вверху стянутых вместе веревкой. Возчик снопов, подъехав к месту скирдования, снимал сноп, ударял колосовой частью 2—3 раза о пирамиду, а затем подавал его на скирду. По рекомендации Болотова способ двойного обмолаа распространился в практике и держался до применения машинной уборки хлебов.

Склонность к изобретательству

Мы уже могли проследить широту интересов Андрея Тимофеевича и многообразие его таланта на примере научной и практической деятельности. И все же, несмотря на это, нельзя не остановиться еще на одной ее стороне: увлечении изобретательством. Каких только хитроумных (для того времени) приспособлений, ускоряющих и облегчающих труд людей, не придумывал Болотов при решении практических задач! Конечно, в этом отношении его нельзя поставить в один ряд с А. К. Нартовым, И. П. Кулибиным, И. И. Ползуновым, его изобретения касаются мелких, частных проблем. Но и они интересны, поскольку совершались в процессе решения других важных дел и характеризуют постоянную работу его ума. Приведем лишь несколько примеров.

Раньше уже упоминалось, сколько хлопот и волнений доставили Болотову работы, связанные с межеванием земель. Специалистов по геодезии и необходимых для съемок местности инструментов было мало. Это приводило к тому, что межевание тянулось многие годы, в ряде случаев было связано со всякого рода злоупотреблениями (достаточно упомянуть о многократных поездках Болотова в Тамбовскую губернию для улаживания конфликтов с помещиком Пашковым, который, используя свое богатство и подкупая нужных людей, не раз пытался захватить земли Болотова в Кирсановском уезде). Андрей Тимофеевич был достаточно знаком с геометрией и геодезией, мог сам произвести съемки и составить земельные планы. Но для этого нужны инструменты, а в продаже их не было. Болотов решил сделать собственную астролябию. Зная общие

принципы ее работы, тщательно продумал возможные варианты решения. Об окончательных результатах он записал так: «По счастью, мне и удалось придумать, как сие сделать и изобрести такую астролябию, которая по дешевизне своей и особому сложению достойна была особого замечания. Обрадуясь сей выдумке, приступил я тотчас к делу. И оба мы с замысловатым столярком своим были столь прилежны, что в немногие дни и смастерили себе такую астролябию, какой лучше требовать было не можно»¹⁵. Описанию этой астролябии посвящен целый номер «Экономического магазина»¹⁶. В конце томика был приложен рисунок с изображением прибора и его деталей.

В связи со съемками местности Болотов придумал весьма простой способ измерения расстояний. Замерил у тарантаса длину обода заднего колеса, пометил на нем точку цветным лоскутом материи, и мальчик при поездке из одного пункта в другой считал число оборотов. Чем не счетчик пробега на современном автомобиле? Только у Болотова число оборотов считал мальчик, а на автомобиле это делает автомат.

А вот как описывает Андрей Тимофеевич еще одно свое изобретение: «Выдумал и сам сделал прекрасный деревянный замок с шестью колесами. Замок сей был очень курьезен. На колесах опого, вертящихся кругом, изображены были литеры, и из оных можно было через вертенье набирать до 4000 разных слов и имен, но отпирало его только одно слово, и слово сие было „ффон“». С того времени стали делать в Туле замки сего рода и железные»¹⁷.

Таким образом, А. Т. Болотова следует считать автором бесключевой конструкции замка, с кодовым устройством для закрывания и открывания. Как известно, такие замки выпускаются и сейчас.

В некоторых современных квартирах применяются подвижные внутренние стены, позволяющие изменять планировку комнат (из двух небольших сделать одну большую, соединять кухню с комнатой и т. д.). Авторство этого предложения также принадлежит Болотову. После пожара 1782 г., когда сгорел его дом в Богородицкой волости, Болотов при постройке нового дома сделал «подвижную стену» между столовой и гостиной.

¹⁵ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* Т. 2. Стб. 754.

¹⁶ *Экон. магазин. 1781. Ч. 7. С. 289—304.*

¹⁷ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* Т. 2. Стб. 747.

Стена состояла из трех частей и при необходимости убиралась, образуя большой зал, который мог вместить 25—30 человек гостей.

Немало технических новинок ввел Андрей Тимофеевич и в садоводство. Таковы, например, устройства для обрезки высокорастущих ветвей дерева, для съема плодов, носилки особой конструкции, позволяющие с большим удобством и легкостью поднимать их с земли, и др.

Разработке эффективных технических конструкций способствовало хорошее знание Болотовым биологии растительных объектов, технологии производственных процессов и экономический подход к делу. Все его технические новинки удобны в обращении, не наносят вреда растениям, сделаны просто, из доступных материалов (а следовательно, и дешевые).

Например, устройство для обрезки плодовых деревьев представляет собою железную пластину, рассеченную с образованием двух углов, направленных в противоположные стороны, что позволяет срезать без повреждения дерева ветви, обращенные как вверх, так и вниз.

Съемник плодов, предложенный Болотовым, делался из бересты и имел форму усеченного конуса. Мягкий материал сводил до минимума повреждение плодов, а конусность позволяла плотно удерживать в съемнике плоды любой величины. Сделать его мог любой крестьянин за несколько минут.

Носилки конструкции Болотова отличались тем, что ящик для переносимого материала размещался не сверху ручек, а под ними, так что при постановке на землю носилки опирались на ящик, а ручки оказывались над землей на высоте ящика. Поэтому при подъеме носилок человеку не нужно было ломать голову над тем, как взяться за ручки, лежащие на земле и плотно прижатые грузом. Кроме того, наклоняться нужно было значительно меньше, чем при работе с обычными носилками.

Болотов сконструировал конные грабли для реализации своего предложения о подборе колосьев, остающихся на поле после уборки.

В разделе о работах Болотова в области медицины рассказано об электрической машине его собственной конструкции.

А. Т. Болотов был основателем отечественного научного рыбоводства. Работая в этой области, он внес много оригинальных разработок в технологию разведе-

ния, содержания и отлавливания рыбы. Остановимся лишь на одной из них, а именно на так называемых рыбных каналах. Выращенную в прудах рыбу нужно выловить наиболее простым и дешевым способом, не нарушая спусковых устройств прудов и не повреждая рыбу. Вот таким приемом и были рыбные каналы. Андрей Тимофеевич предложил между внутренней и внешней сторонами плотины устраивать соединительный канал размерами и с глубиной закладки в зависимости от конкретных обстоятельств. На внутреннем (входном) конце канала устанавливается запорный щит. На внешнем (выходном) конце имеются пазы для установки двух деталей: плотного щита и сетчатой решетки. В обычном состоянии оба конца закрыты плотными деревянными щитами, уровень воды в пруду держится на месте. При необходимости выловить часть рыбы в свободные пазы внешнего канала вставляется решетка, а оба плотных щита поднимаются. Таким образом, открывается свободный проход для воды и ограниченный внешним концом канала — для рыбы. Она скапливается в канале и извлекается из него саками до нужного количества. Затем шлюзы закрываются, а решетка для лучшей сохранности убирается.

В своей трудовой деятельности А. Т. Болотов придерживался принципа экономии времени. Поэтому во всем у него был строгий порядок, все у него имело свое место, чтобы при надобности не искать нужную вещь, а брать сразу. Так было с книгами, собственными дневниками и журналами, запасом лекарственных трав. Для хранения последних Болотов разработал специальную конструкцию шкафа. В принципе она мало чем отличалась от современных аптечных шкафов. Та же система вертикальных и горизонтальных рядов выдвигающихся ящичков, на каждом из которых имелись этикетки с названием лекарственных растений, хранящихся в данном ящичке, или стояли номера, по которым в особом журнале имелись сведения о содержимом ящичка.

Ввести новинки А. Т. Болотов стремился не только в производственные процессы и научные исследования, но и в сферу быта, чтобы повысить комфортность условий жизни. Расскажем о некоторых его изобретениях и усовершенствованиях в этом направлении.

Каждому человеку в его жизни приходится иметь дело с преодолением расстояний. При огромных скоростях, свойственных современному транспорту, это как-

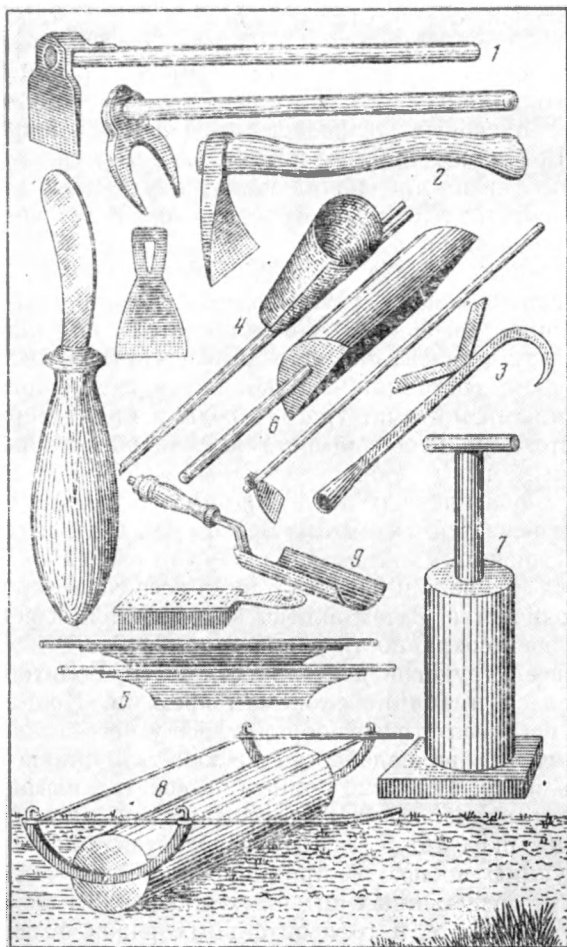

Рис. 5. Рабочие инструменты А. Т. Болотова

1 — мотыга обыкновенная; 2 — мотыга, усовершенствованная А. Т. Болотовым; 3 — приспособление для обрезки сучьев в верхней части кроны; 4 — приспособление для бережного съема плодов с высоко расположенных сучьев; 5 — носилки конструкции А. Т. Болотова; 6 — «прибивалка», приспособление для легкого уплотнения почвы; 7 — «убивалка», приспособление для сильного уплотнения почвы; 8 — каток; 9 — совок для пересадки растений с комом почвы

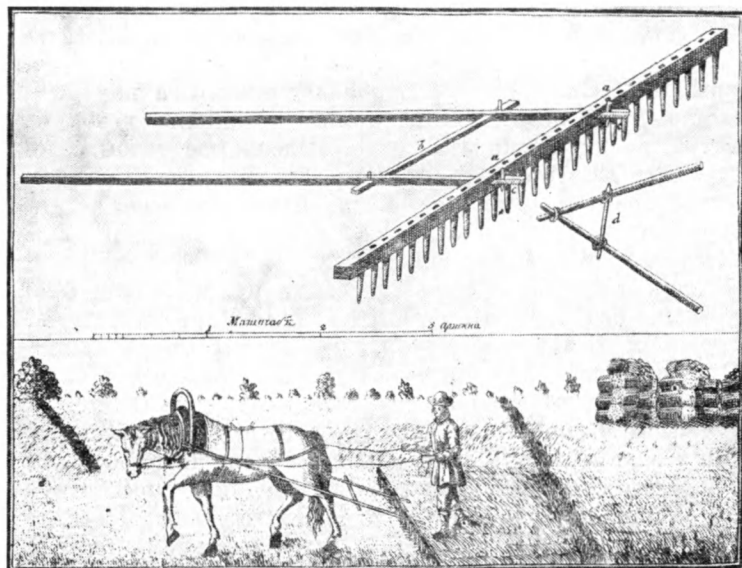

Рис. 6. Конные грабли конструкции А. Т. Болотова для подбора колосьев, оставшихся на поле после жатвы

то не особенно заметно. А вот в старые времена при езде на лошадях это давало себя знать. Андрею Тимофеевичу в период жизни в Богородицке частенько приходилось ездить в Москву. А это туда и обратно полтысячи километров, т. е. около недели пути, а при плохой дороге и того больше. Чтобы скоротать время и не терять его даром, ученый брал в дорогу книги и занимался чтением. Летом все было хорошо, а зимой, особенно в мороз, уже не до книг. Пораскинул умом Андрей Тимофеевич и нашел выход. По его чертежам столяр сделал особый возок. По длине розвальней (сани с боковыми отводами, которые не давали им опрокидываться при заносах в сторону) устанавливалась рама из досок шириной 25–30 см. Передняя половина ее накрывалась крышкой, шарнирно прикрепленной впереди. На заднюю половину рамы в закрой с ней устанавливали короб такой высоты, чтобы человек мог нормально сидеть в нем, разместив ноги в передней части рамы. В передней и боковых стенках короба прорезали отверстия, закрываемые застекленными форточками на пет-

лях. Короб шарнирно крепился к задней стенке рамы, что позволяло откидывать его назад, свободно садиться в розвальни, а затем опускаться на себя, плотно закрываясь. Снаружи короб обивали кожей, а внутри — сукном, что позволяло не только защищать возок от ветра, но и удерживать тепло, выделяемое телом седока. При желании путник мог лечь в возке. В таком возке Болотов даже умудрялся читать при езде в темное время суток, зажигая свечу, для которой в возке имелась специальная подставка.

Как известно, в своем развитии русская баня прошла два основных этапа, определяемых характером нагревания. В банях «по-черному» печи не имели выводных труб, дым от сгораемого топлива выходил в баню и отсюда постепенно рассеивался наружу, оставляя на стенах и потолках черную копоть (отсюда и название). Бани «по-черному» нагревались с меньшим расходом топлива, а дым стерилизовал помещение, способствуя более здоровой обстановке в бане. Но копоть пачкала тело и белье, вынуждая моющихся все время быть в напряжении, что лишало баню комфорта.

Болотов был одним из первых помещиков, которые перешли на устройство бань «по-белому». Здесь «каменка» имела выходную трубу. Над топочным пространством укладывалась груда камней, служащих для накаливания, с тем чтобы затем, поливая эти камни водой, получать горячий пар. Неудобство заключалось в том, что часть воды при этом попадала в топку. Болотов предложил отделить топочное пространство от камней с помощью чугунной плиты. Этот прием устранил ряд недостатков и сравнительно быстро вошел в практику строительства бань.

Существует ли перерождение растений?

В 1773 г. в «Трудах» ВЭО была опубликована статья Андрея Тимофеевича «Об истреблении костеря из пшеницы и некоторые другие, касающиеся до вычищения хлебов, экономические примечания и опыты». Это было первое русское руководство по борьбе с сорной растительностью на полях. В нем Болотов впервые в истории земледелия научно подошел к решению проблемы. Он считал, что в основе борьбы должно лежать знание биологических особенностей сорняков, что для борьбы с ними нужна система, основанная на «приме-

чаниях различия в их природах и всего того, что до растения [роста] и размножения оных касается». Вот вторых, Болотов указывал на исключительную по сравнению с культурными растениями приспособленность сорняков к неблагоприятным условиям, к быстрому распространению. Написанию статьи предшествовали далекие и любопытные события, произошедшие еще в Дворянинове.

Летними вечерами Андрей Тимофеевич любил побродить по полям. После знойного дня вечерняя прохлада была особенно приятной, а тишина полей располагала к размышлениям. Возвращаясь домой, он как бы заново переживал в мыслях события прошедшего дня. Воспоминание об одном из них заставило его улыбнуться: таким оно показалось курьезным. А началось все ранним утром с тревожного известия, принесенного приказчиком Фоминым. По его словам, на опытном поле, которое было под особым наблюдением Андрея Тимофеевича, пшеница пропала. Удивлению Болотова не было границ: всего три дня назад он там был и любовался изумрудной зеленью растений. Однако Фомин, соглашаясь с этим, продолжал уверять, что сейчас пшеницы уже нет, она вся превратилась в костер (так в те времена назывался костер). Болотов не стал спорить: ему было известно, что не только Фомин, но и многие помещики верят в возможность «перерождения» растений, при котором и рожь и пшеница могут превратиться в костер.

Взбудораженный Болотов не замедлил отправиться в поле, прихватив с собой и приказчика. Удивление его еще более возросло, когда он увидел, что приказчик прав: на зеленом поле, насколько охватывал глаз, легкими волнами переливался костер. Молча ходил Андрей Тимофеевич вдоль поля, пытаясь осмыслить увиденное. Как могло случиться, что вместо пшеницы, еще совсем недавно красовавшейся здесь, оказался костер? Откуда он тут взялся? И куда девалась пшеница? Увиденное казалось абсурдом, но не верить своим глазам он не мог. Противоречие было слишком очевидным, его нужно было как-то разрешить.

А между тем приказчик, победоносно поглядывая на Болотова, молча стоял рядом, всем своим видом как бы говоря: вот-де, барин, убедись, пшеница в костер обратилась.

Так и не найдя сколько-нибудь логичного объясне-

ния удивительному явлению, Андрей Тимофеевич направился в поле и начал внимательно изучать его. Осмотрев верхний ярус, он нагнулся и, раздвинув стебли, стал разглядывать растения внизу. Теперь уже он с торжествующим видом подозвал к себе приказчика и, когда тот подошел, попросил его наклониться и осмотреть место, где были раздвинуты стебли растений.

Смущенный приказчик молча почесывал затылок, сказать ему было нечего: в нижнем ярусе, закрытые выколосившимся костером, стояли растения пшеницы.

После первых восторгов по поводу обнаруженной пшеницы Андрей Тимофеевич быстро спохватился: не преждевременна ли радость? Ведь костер-то наверху, и не притеснит ли он пшеницу настолько, что ей не выбраться из-под него и она зачахнет, не успев налить зерна?

Полоть — пожалуй, ничего не получится, у костера мощная корневая система, и при выдергивании его из земли одновременно вырывается и пшеница; косить — пожалуй, еще хуже: и неловко, и пшеницу вместе с костером подкосить можно.

И тут Андрей Тимофеевич вспомнил любопытный эпизод, который имел место на днях. Возвращаясь с поля по узкой стежке, он невольно задевал руками за растущие по краям тропинки растения. Случайно метелка костера попала ему между пальцев и при движении руки сдернулась так, что зерна остались в ладони, а голый стебель продолжал торчать на полосе.

Это незначительное происшествие не ускользнуло, однако, от внимания Болотова. А сейчас размышления по поводу увиденного в поле привели его к тому выводу: ведь если метелку костера так легко сдернуть рукой, стало быть, и женщины, вместо того чтобы с большим трудом выдергивать все растения костера, могут легко обрывать лишь метелки, сразу же бросая их на землю.

Андрей Тимофеевич тут же проверил свое предположение и, оборвав с десятка растений, убедился, что операция осуществляется очень легко.

— Надобно только, — вслух размышлял он, — не упускать время и не давать костеру семена свои доводить до некоторой уж спелости, дабы не могли они, будучи брошенными на землю, дозреть на оной и прорасти.

Он тут же послал приказчика в деревню собрать, сколько сможет, женщин и привести их сюда. Опыт

вполне удался, и с тех пор Болотов регулярно применял новый прием для борьбы со злаковыми сорняками, выколашивающимися раньше пшеницы.

Гипотеза А. Т. Болотова

Вечером, вспоминая этот эпизод, Андрей Тимофеевич продолжил свои размышления о костере. Он уже много раз думал об этом злостном сорняке. Особенно его поражало одно довольно странное обстоятельство: костер появлялся в посевах ржи и пшеницы без видимой связи с чистотой высеваемых семян. Иногда на его полях, засеваемых отборными семенами, появлялся костер в несметном количестве (как было в этом году), а иногда на ниве крестьянина, которую тот сеял почти одним костером, вырастала довольно чистая рожь. В те времена не только крестьяне, но и многие помещики объясняли факты подобного рода «перерождением» одного вида растений в другой. Болотов, имевший большой опыт выращивания растений в контролируемых условиях, не мог поверить в возможность внезапного превращения, скажем, ржи в костер или овса в рожь. Повседневные наблюдения и опыты показывали ему, что из посеянного в горшки вырастает то, что было посеяно. Но факты с тем же костером, иногда неожиданно появляющимся в больших количествах в посевах ржи и пшеницы, требовали объяснения.

В тот раз, когда он испытывал новый способ борьбы с костером, Андрей Тимофеевич долго ходил по пшеничному полю, внимательно рассматривая растения. Вот тогда и пришла ему в голову мысль, которую он сейчас продолжал обдумывать. Среди метелок костеря он обнаружил одиночные колосья пшеницы. У одного из них пленки были несколько приоткрыты и между ними выглядывали желтые «гвоздочки» и пушистые «паутинки». Следует сказать, что Андрей Тимофеевич, в отличие от многих ботаников того времени, твердо стоял на позициях существования пола у растений. Он знал, что наблюдаемые им «гвоздочки» и «паутинки» представляют собой половые органы пшеницы. Увидев их вне колоса (что случается в жаркую погоду), Болотов и пришел к мысли, что в этом случае пшеница может опылиться не своей пылью, а пылью костеря и завязавшиеся зерна будут не пшеничными, а гибридными. Посеянные на следующий год, они произведут растения не пшени-

цы, а костеря. Таким образом, Болотов впервые в истории науки выдвинул для объяснения фактов «перерождения» растений гипотезу естественной межвидовой гибридизации. Как известно, уже в наше время возможность такой гибридизации, в частности по отношению к злаковым растениям, доказал и использовал в практике академик Н. В. Цицин, получив пшенично-пырейные, пшенично-элимусные и другие гибриды.

Однако для объяснения массового появления костеря в посевах ржи и пшеницы гипотеза Болотова, безусловно, была неприемлема, и если бы он знал основные закономерности отдаленной гибридизации, то, конечно, вряд ли выдвинул бы ее. Между прочим, в то время эти закономерности (по отношению к другим видам) уже были известны. Их установил И. Г. Кельрейтер, работавший в ботаническом саду Петербургской Академии наук. К сожалению, по существовавшим тогда в академии порядкам ее труды печатались на латинском языке. Поэтому замечательные исследования Кельрейтера были мало кому известны, кроме узкого круга академиков.

Сущность установленных Кельрейтером закономерностей сводилась к следующему: 1) завязываемость семян при опылении растений пыльцой другого вида бывает, как правило, весьма низкой или семена совсем не образуются; 2) семена, завязавшиеся от скрещивания разных видов, часто бывают нежизнеспособными и не прорастают; 3) в редких случаях, когда удается вырастить растения первого поколения гибридов, они, как правило, бесплодны.

Таким образом, предположение А. Т. Болотова о том, что массовое появление костеря в пшенице может быть обусловлено ее опылением пыльцой костеря в предыдущие годы, противоречит биологическим законам. Ведь для того, чтобы гибридных растений было много, нужно, чтобы опыление было массовым и чтобы из завязавшихся зерен в дальнейшем выросли нормальные растения. Ничего этого при отдаленных скрещиваниях не бывает.

Предложения князя С. В. Гагарина

С наступлением весны для Андрея Тимофеевича наступала пора хлопот. Несмотря на то что и поднимался он рано утром, и времени понапрасну старался

не терять, частенько случалось, что он не успевал сделать всего намеченного на данный день. И неудивительно. Слишком много дел надо переделать и везде успеть. Любил Андрей Тимофеевич увидеть все своими глазами, сделать своими руками. И не просто увидеть, а и записать главное в дневник или журнал, обдумать, с тем чтобы лучше понимать происходящее вокруг: на полях, лугах, в лесах, садах.

Уже двенадцатый год жил он в Дворянинове, ведя размеренный образ жизни, отдавая все дни любимым занятиям: изучению природы, сельскохозяйственным опытам, стремясь вести земледелие, садоводство и другие сельские дела не порядком, заведенным еще дедами и прадедами, а на основе науки.

Вот и предстоящий день виделся ему наполненным множеством дел: нужно было посеять новый сорт овса, присланный для испытания Вольным экономическим обществом, организовать прививку черенков с яблони, которую облюбовал еще в прошлом году и решил размножить. Однако непредвиденное обстоятельство нарушило все планы Болотова.

Приехал секретарь князя С. В. Гагарина и привез собственноручное письмо князя. В письме излагалась просьба: вместе с Шебашевым съездить в Киясовскую волость, которую предполагала купить Екатерина II, описать ее и, если по рекомендации Болотова волость будет куплена, принять управление ею. Тут же были определены условия его труда, вполне приличные. После короткого совета с женой и тещей Андрей Тимофеевич согласился.

Не откладывая дела в долгий ящик, Болотов и Шебашев на другой же день поехали в Киясовку. Владелица волости княгиня Белосельская заранее предупредила об их приезде управляющего, дав указание о хорошем приеме.

Дорогой, на досуге, еще раз обдумав предложение князя Гагарина, Андрей Тимофеевич решил так: если имение ему не понравится, он бегло осмотрит его и напишет заключение о нецелесообразности покупки; если же имение хорошее и покупку он будет рекомендовать, то осмотр и описание проведет тщательно, поскольку в будущем ему предстоит управлять этой волостью.

Волость состояла из четырех частей, центрами которых были села: Киясовка, Малино, Спасское и Покровское. Начали работу с Киясовки. Первое впечатле-

ние было таково: господский дом, сады, пруды — все основательно, но крайне запущенно. «Впрочем,— думал Андрей Тимофеевич,— запущенность от недосмотра. Буду управителем — все приведу в порядок. А имение хорошее, и земли кругом неплохие». Осматривали и описывали волость тщательно: Андрей Тимофеевич вел дело не только с управляющим и приказчиками, но заходил и в крестьянские дворы, описывал их состав, наличие построек, скота и т. п., интересовался урожаем различных культур, продуктивностью животных, экономикой крестьян.

После осмотра волости Болотов и Шебашев поехали в Москву, где сделали подробный доклад Гагарину. Шебашев неоднократно подчеркивал знания Болотова и усердие в описании волости, утверждая, что один он не справился бы с этим делом. Князь остался доволен докладом и в заключение, одобрив все сделанное, попросил Болотова, если можно, сделать план села Киясовки и усадебной земли, с тем чтобы в дальнейшем представить императрице проект расположения всех объектов предполагаемого строительства.

Андрей Тимофеевич заверил князя, что такой план он сделает сам, поскольку необходимый инструмент, хотя и самодельный, но вполне надежный в работе и обеспечивающий нужную для дела точность, у него есть, работа ему знакома, он уже не раз готовил подобные планы. Так что дело только за временем.

Тут же они договорились о сроках изготовления плана. Князь остался очень доволен умом и деловитостью Андрея Тимофеевича. Позднее, докладывая Екатерине II о результатах обследования Киясовской волости, он весьма лестно отзывался о нем и настоятельно советовал императрице назначить управителем волости именно его, хотя желающих занять эту должность было тогда предостаточно.

Екатерина согласилась, Киясовская волость в июле 1774 г. была куплена, назначение А. Т. Болотова в качестве управителя состоялось, и в конце того же месяца он с семьей переехал в Киясовку.

**Управитель императрицыных волостей
(1774—1780)**

Управитель Киясовской волости

Двухэтажный господский дом стоял на возвышенном месте и виднелся издалека. Подъезжая к нему, жена и теща удивленно ахали. Их поражала величина дома, было непонятно, как семья будет жить в такой громадине, чем занять комнаты.

Андрей Тимофеевич тихонько посмеивался, а затем удивил их еще больше: думать придется не о том, чем занять комнаты, а о том, где самим расположиться, так как дом построен очень несуразно.

И действительно, обходя многочисленные комнаты нижнего и верхнего этажей, не переставали они поражаться удивительной планировке дома: комнат было много, но большинство из них не годилось для жилья, одни представляли собою огромные залы, другие же — клетушки, многие из которых не имели окон.

Не успели они с большими трудностями разместиться и привыкнуть к новому дому, как он преподнес им еще один, уже более неприятный сюрприз. Осень в тот год пришла сразу с большими холодами. А у Андрея Тимофеевича в ту пору уже было трое детей: Елизавета — семь лет, Павел — трех и Анастасия — одного года. Нужно было позаботиться о тепле в доме.

Пригласили печника, и тут выяснилось удивительное обстоятельство: печи в доме были только на первом этаже, но и они не могли топиться: у них не было труб. На недоуменные вопросы хозяев печник поведал такую историю.

Владелец дома граф Наумов (отец княгини Белосельской) в свое время решил расширить дом и надстроил второй деревянный этаж. Планировку комнат в нем сделал иную, чем на первом этаже, и когда понадобилось выводить наверх трубы от печей нижнего

этажа, выяснилось, что они окажутся посреди верхних комнат. Поскольку граф зимой в имении не жил, он, не мудрствуя лукаво, приказал заглушить печи. Поэтому и оказалось, что топить их нельзя.

Было от чего призадуматься Андрею Тимофеевичу и его домочадцам. На семейном совете предложил он следующий план: в селе Спасском есть пустующий дом, который хотя и не велик, но если к нему пристроить помещения и перенести его, вполне может обеспечить их семью. После некоторых дебатов было решено так и сделать.

Объехав лесные угодья, Болотов выбрал неподалеку сосновую рощу с высокими прямоствольными деревьями. Гораздый на выдумки, он решил совместить полезное с приятным: рубить деревья не как-нибудь, а так, чтобы рощу превратить в парк — аллеями, расположенными по плану. Тут же он составил план.

Бытовые заботы и неприятности, хотя и осложняли жизнь Андрея Тимофеевича, отнимая у него время, так необходимое для проведения опытов, все же не могли совсем отвлечь его от любимого дела. Многочисленные идеи, проекты и планы находились у него в голове, как в хорошей кладовой, в подходящий момент он извлекал их оттуда и примеривал: не настало ли время для осуществления?

Опыт с выгонной системой земледелия

Так было и с идеей введения выгонной системы земледелия. Еще когда он осматривал киясовские земли, его мысли не раз возвращались к ней, хотелось поговорить с Гагариным на эту тему. Неожиданно помог сам князь.

В разговоре об устройстве хозяйства в будущем владении императрицы он высказал предположение, что крестьяне будут переведены на оброк. Таким образом, пашня, сенокосы и другие сельскохозяйственные угодья должны перейти в пользование крестьян. В то же время в волости будут проживать администрация и ее вспомогательный персонал, предполагалось построить госпиталь. В результате набиралось порядочно населения, непосредственно не связанного с сельскохозяйственным производством, но которое придется кормить.

Гагарин просил Болотова тщательно продумать этот вопрос: подсчитать, какое количество различных земель-

ных угодий потребуется оставить в казне, где и каким образом их выделить, чтобы избежать чересполосного владения с оброчными землями, как лучше вести хозяйство, чтобы на незначительной площади, не отвлекая большого числа крестьян, получать достаточно продовольствия, животноводческой продукции.

Андрей Тимофеевич с удовольствием слушал князя: ведь это было то, в чем он нуждался для осуществления своей идеи о введении многопольной системы земледелия. На изолированном земельном участке он легко сумеет нарезать необходимое количество полей. На первый раз можно ограничиться семипольным севооборотом с паром и озимыми, двумя полями яровых и тремя полями перелога (или трав). Небольшие размеры полей позволят подобрать участок таким образом, чтобы все поля одним концом выходили к выгону около скотных дворов (для беспрепятственного прогона животных на поля, используемые в качестве пастбищ).

В дальнейшем Андрей Тимофеевич рассказал Гагарину о выгонной семипольной системе земледелия, показал свои расчеты. Князь одобрил идею Болотова, и тот, чтобы начать опыт уже в год приезда в Киясовку, в течение месяца сделал все необходимое. Впоследствии, вспоминая этот эксперимент, Андрей Тимофеевич напишет о нем в своих «Записках»: «Как, между сим, настало уже время сеять рожь, то спешил я с производением и другого весьма важного и хлопотливого дела... И как я предложил к тому нововыдуманную систему хлебопашества, с разделением всей пашенной земли на семь равных полей, из которых бы одно засевалось рожью, два яровыми хлебами, три лежало и отдыхало, а вкуче вытравливалось и унавоживалось скотом, а седьмое распахивалось и засевалось озимыми хлебами, и князю система сия полюбилась и восхотелось, чтобы произведена была она в практике; то нужно мне было под сие казенное маленькое хлебопашество выбрать и назначить 140 десятин и разделить оные на 7 равных частей таким образом, чтобы все концами своими пришлись к господской усадьбе и могли после отделены быть друг от друга». И дальше: «Но как бы то ни было, но я успел все сие благовременно кончить и первое поле, состоящее в 20 десятинах, засеять, уже в надлежащее время рожью»¹.

¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... 1873. Т. 3. Стб. 443.

К большому сожалению, этому исключительно интересному опыту не суждено было завершиться. Андрей Тимофеевич прожил в Киясовке только два года, а затем был назначен управителем Богородицкой волости, принадлежащей тоже императрице, но более солидной. Получив уведомление князя Гагарина о новой должности и необходимости срочно выехать в Богородицк, передав Киясовскую волость новому управителю Шестакову, Андрей Тимофеевич в первую очередь обеспокоился судьбой своего крупномасштабного опыта. Он прекрасно знал, как часто бывает очень трудно сделать что-нибудь и как легко разрушить сделанное. Особенно в сельском хозяйстве, где все имеет длительную историю. Срубить дерево достаточно нескольких минут, а чтобы вырастить его, нужен не один десяток лет. Так и со скотом: хорошее стадо создается многими годами, а загубить его можно в одночасье, отравив негодным кормом или не сумев уберечь от заразной болезни.

«Не таковое же ли дело и с моим наивожделеннейшим опытом? — думал Андрей Тимофеевич. — Самое малое надобно бы 14 лет длиться ему, дабы каждый хлеб на каждое поле дважды пришелся. Тогда всякий мог бы уже заведомо основательно в пользу нового хлебопашества удостовериться». О своем беспокойстве он сообщил князю Гагарину, который был очень заинтересован опытом и считал необходимым продолжить его. С этой целью он поручил Болотову составить своему преемнику подробную инструкцию. Однако, зная, в чьи руки он передает хозяйство, а также сколько знаний и старания нужно иметь для его ведения, Болотов мало надеялся на благополучное продолжение опыта и был прав. В будущем он запишет об этом так: «Но сколь малого труда стоило мне написать сию инструкцию, столь много, напротив, того смутился я и не знал, что мне предписать ему в рассуждение заведенных мною тут на опыт новоманерного семипольного хлебопашества. Князю неотменно хотелось, чтоб сей опыт продолжаем был во всей его форме и порядке, но как о господине Шестакове, бывшем некогда управителем в Бобриках, случилось мне слышать, что он человек хотя добрый, но сущий ахреян, и из простаков простак и тупица настоящая: а все оное хлебопашество в основании своем имело особую обширную систему, и успех и польза от такового хлебопашества не иначе могла ожидаема

быть, как от неперемного наблюдения учрежденного распорядка, то, полагая что все сие простаку тому не влезет и в голову, и что он не только исполнять того, но и понять будет не в состоянии, что после и оказалось действительно так, как я думал; однако, чтоб не упустить и сего из вида, то написал я относительно и до сего хлебопашества превеликое и наиподробнее наставление... и изъяснил все нужное наипростейшими рисунками»².

Впрочем, ни подробное описание, ни сопровождение его рисунками делу не помогли. При передаче опытного севооборота новый управитель не только не хотел вникнуть в суть дела, но и всячески отмахивался от него, без конца повторяя: «Да что это такое? Да зачем это нужно? Все это не надобно». Даже всегда уравновешенный Болотов вышел из терпения и, бросив инструкцию Шестакову, предупредил его об ответственности перед князем в случае провала опыта. Печальный исход дела с экспериментом был предрешен. Для его проведения нужно было увлечение наукой, такое, как у Болотова, повседневное внимание и забота о ходе эксперимента.

Андрей Тимофеевич не смог повторить подобный опыт в Богородицке: помешало отсутствие казенной земли, пригодной для его организации. Большинство пашенной земли волости было отдано на оброк. Земля, находившаяся в непосредственном ведении управителя, представляла собою леса, луга и пастбища, а небольшое количество казенной пашни было в таком чересполосном владении, что думать о проведении опыта просто не было смысла.

Сочинение о российском хлебопашестве

В 70-е годы XVIII в. имя А. Т. Болотова становится уже хорошо известным в кругу людей, имеющих отношение к сельскому хозяйству. Вольное экономическое общество регулярно печатает его сочинения в своих «Трудах» и многие из них награждает медалями. Таковы, например, «Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина» (1770) — золотая медаль, «О разделении полей» (1771) — серебряная медаль и др. Эта

² Там же. Т. 2. Стб. 596.

популярность повлекла за собой событие, суть которого будет понятна из описания самого Болотова: «...Общество [Вольное экономическое] возлагало на меня в том же письме [осенью 1771 г.] комиссию, которую не так-то легко можно было выполнить, а именно: чтоб я сочинил одно сочинение для отсылки в Академию, а от ней в иностранное государство к сочинителям и издателям энциклопедии, в которой содержалось бы всеобщее описание российского хлебопашества и всего хозяйства, о чем помянутые издатели нашу Академию, а сия наше Общество просили; и как сие не нашло никого кроме меня к тому способнейшего, то и возлагало оно на меня сей труд и предписывало еще и самые пределы и величину сему сочинению»³.

Пережив несколько приятных минут от почетного поручения, Андрей Тимофеевич все же забеспокоился: плохо выполнить — не в его обычае, хорошо — нужно много времени, а его-то как раз тогда и не хватало. Однако волей-неволей пришлось делать. «...В последующий за сим день рождения моего и приступил действительно к сей работе, которую, как ни была она для меня трудна и велика... но в течение двух недель совершенно кончил и, переписав набело, отправил по почте в Петербург в Общество.

Но труд сей был совсем тщетный, и я не получил за него не только никакого награждения, но ниже благодарности, и не имел даже удовольствия видеть его напечатанным; да и не знаю совершенно и поныне, что с сочинением моим воспоследовало»⁴ (писано 30 декабря 1807 г.).

Автору этой книги не удалось обнаружить следов сочинения А. Т. Болотова «О российском хлебопашестве». Поскольку речь шла о статье для какой-то иностранной энциклопедии, то конечным результатом должно быть ее опубликование в этом издании (скорее всего в Германии или Франции, с которыми в те времена у России были наиболее прочные связи). Хотя из высказываний Андрея Тимофеевича о судьбе рукописи видно, что он не видел ее напечатанной, я все же решил проверить немецкие и французские энциклопедические издания того времени. Ни за подписью Болотова, ни безымянной статьи о российском хлебопашестве в них не оказалось. Не удалось обнаружить

³ Там же. Т. 3. Стб. 37—38.

⁴ Там же. Стб. 38—39.

и рукопись статьи ни в личных архивах Андрея Тимофеевича, ни в архивах Вольного экономического общества и Академии наук СССР.

Можно лишь предполагать о ее содержании. К началу 70-х годов (ВЭО запросило статью осенью 1771 г.) Болотов уже опубликовал свои наиболее крупные работы в области сельского хозяйства: «О рублении, поправлении и заведении лесов» (1766—1767), «Примечания о хлебопашестве вообще» (1768), «Об удобрении земель» (1770), «Наказ управителю» (1770), «О разделении полей» (1771).

В этих обобщающих трактатах Болотов изложил свои весьма прогрессивные для того времени принципы ведения сельского хозяйства. Трудности написания статьи, о которых он пишет, заключались, по-видимому, в том, чтобы в ограниченный объем поместить возможно больше наиболее важного материала.

Садовые заботы

Садоводство было одним из любимых занятий Андрея Тимофеевича. Только зима прерывала его общение с садами, где он знал каждое дерево, его происхождение и историю. При вынужденных отлучках из дому он скучал по своим любимцам и старался как можно быстрее закончить дела на стороне, чтобы, вернувшись, снова окунуться в хлопотливую жизнь в садах.

Вот и в ближайшие два-три дня ему предстояло основательно поработать в саду: у плодовых деревьев началось летнее сокодвижение и нужно было своевременно провести «листочковые прививки». Накануне почти весь день они провели с садовником за составлением плана прививок, и теперь предстоит воплотить его в жизнь.

О прививках глазком Болотов писал так: «О сих я не знаю, что иное мне сказать, кроме той похвалы, которую они заслуживают, и тех многих различных выгод и преимуществ, которые они перед всеми прочими имеют. Признаюсь, государь мой, что я их так люблю, что всего паче советовал бы вам к одним им привыкать и большую часть прививков в вашем заводе прививать оными»⁵.

⁵ Болотов А. Т. Избр. соч. С. 188.

Преимущество летних прививок глазком перед весенними прививками черенками ученый видел в следующем: 1) они значительно меньше по объему, и поэтому можно более экономно использовать привои, не причиняя большого вреда маточным деревьям; 2) подвой подвергается меньшему травмированию, что способствует лучшему приживанию прививки; 3) в случае неудачи прививки ее можно повторить; 4) для надежности результата прививки к одному подвою можно одновременно привить несколько глазков; 5) подвойные сеянцы для «лиственной прививки» можно использовать значительно раньше; 6) сроки летней прививки приходятся на период с меньшей занятостью другими работами в саду; 7) прививка глазком более проста по сравнению с прививкой черенком, поэтому можно использовать менее квалифицированных рабочих.

Андрей Тимофеевич сообщал, что все его дворовые люди (в том числе и дети 10—14 лет) были обучены прививке глазком, что позволяло ежедневно производить многие сотни операций. «Листковые прививки» приживаются лучше, растут быстрее и к плодоношению приступают раньше, а формировать крону дерева из привоя глазком удобнее.

Однако преимущества «лиственной прививки» в полной мере проявятся лишь в том случае, если будут соблюдены определенные правила. Большинство из них были выработаны самим Андреем Тимофеевичем на основе большой серии исследований. Остановимся лишь на основных из них.

Веточки, с которых будут братья глазки, необходимо специально подбирать: с южной стороны дерева, в верхней его части, самые толстые, прироста этого года, с самых плодоносных ветвей.

Сразу после срезки ставить нижними концами в сосуд с водой, из которого брать по одному по мере надобности.

Если прививочный материал будет транспортироваться из других мест, следует везти его в сосуде с водой или же, связав в пучки, облепить сырой мягкой глиной, укрыть мохом или соломой и обвязать рогожей или дерюгой. При такой упаковке привои хорошо сохраняются 3—4 дня.

В качестве подвоев следует использовать сеянцы 1—3 лет, а на взрослых деревьях прививку делать на

тонких сучьях (не толще мизинца, но и не тоньше гусяного пера), с нежной корой.

Глазки для прививки нужно употреблять не все подряд, а с выбором: лучше всего средние (по расположению на ветке), хорошо вызревшие, вздутые, почки самые верхние и плоской формы не брать.

Разрезы на подвое делать в виде буквы «Т» по размеру глазка, аккуратно, не повреждая древесины, острым ножом.

Отворачивать углы разреза для вставления глазка тоже нужно аккуратно с наименьшим повреждением «сочного слоя» (камбия).

«Жеребеек кожи с оком» (щиток) необходимо срезать с ветки так, чтобы он не был слишком большим, но обязательно захватывал всю почку, на щитке не должно быть древесины.

Щиток следует вставлять в разрез на подвое таким образом, чтобы он весь вошел под кору подвоя и соприкасался с ним всей своей внутренней поверхностью, не раздвигая края подвоя, поэтому надо срезать щиток максимально узким (но не повреждая почку).

Прививку необходимо производить специальным, хорошо подготовленным инструментом, разрезы — маленьким острым ножичком, отвороты коры — костяной пластинкой такой минимальной толщины, чтобы она не сгибалась при отворачивании коры. В садах Андрея Тимофеевича применялись инструменты для прививки его собственной конструкции.

Привитый щиток нужно обвязать эластичным мочалом вокруг штамба подвоя так, чтобы почка осталась открытой, а щиток был плотно прижат к подвою, что обеспечивает лучшее срастание их тканей.

Примерно через 2 недели обвязка снимается, а растущий побег привоя подвязывается к стволу подвоя, чтобы обеспечить вертикальное направление его роста.

Биологическими закономерностями Болотов руководствовался и в выборе сроков прививки. В те времена широкое распространение имело приурочивание начала сельскохозяйственных работ к религиозным праздникам, особенно к дням «святых» (николин день, михайлов день и т. п.). Андрей Тимофеевич резко критиковал такую суеверную практику, справедливо указывая на то, что большинство праздников твердо зафиксировано календарем, а природные процессы значительно

колеблются во времени по годам. Большую достоверность, по мнению Болотова, имеют народные приметы, основанные на фенологических наблюдениях и богатом земледельческом опыте.

Большинство рекомендаций А. Т. Болотова по прививке плодовых деревьев сохранило значение и в наши дни.

Тревожные дни Пугачевского восстания

Беды, говорят, не приходят в одиночку. Словно бы в подтверждение этой поговорки, семье Болотовых на новом месте (в Киясовке) кроме волнений, связанных с домом, пришлось пережить немало неприятных минут, обусловленных событиями крестьянского восстания под руководством Емельяна Ивановича Пугачева. Грозное движение войск восставшего народа сопровождалось волной тревожных слухов, которые порой далеко опережали линию военных действий, наводя страх на помещиков. Дошли такие слухи и до Киясовки.

А вскоре они получили и официальное подтверждение. Как-то к Андрею Тимофеевичу разом примчались старосты и бурмистры из всех крупных сел с донесением, что все окрестные деревни охвачены тревогой и волнением. Это обстоятельство не на шутку взволновало Болотова, и он попытался выяснить у прибывших подробности о движении войск Пугачева. Однако те и сами толком ничего не знали, они лишь получили от частного смотрителя строгое указание немедленно нарядить от каждых ста душ по два человека вооруженных, одного пешего и другого конного, и тут же направить их в Коломну. Из остальных же молодых мужиков четвертая часть должна быть готовой к немедленной отправке по особому дополнительному распоряжению.

Выяснилось, что тревога в деревнях была вызвана отнюдь не боязнью приближения войск Пугачева, а нежеланием крестьян идти на войну. Поскольку добровольцев быть в числе двух от сотни жителей не оказалось, Болотов решил прибегнуть к жребью. Однако и это предложение управителя не встретило поддержки со стороны крестьян. Они с возмущением говорили, что в их деревнях есть хитрецы, которые в свое время под разными предлогами уклонились от рекрутчины, и что их-то и следует послать сейчас. Андрей Тимофеевич после недолгого размышления нашел такое предложение разумным, и состав направляемых в Коломну был

определен. Однако «избранники» выдвинули встречное требование: обеспечить их материально. Решили: выдать пешему по рублю на неделю, конному — по три. Конный воин должен был ехать на своей лошади, за что ему дополнительно определили за лошадь шесть рублей, за седло — полтину. Определить-то определили, но откуда взять деньги, никто не знал. После долгих споров и шума все же нашли выход: освободили одного мужика от рекрутства, за что он согласился внести двести рублей.

А слухи все росли, кое-кто утверждал, что войска Пугачева уже очень близко и скоро появятся около Москвы, а ведь она совсем рядом. Больше всего в семье Болотова беспокоились женщины. Наслушавшись всевозможных вестей от слуг, они обращались за разъяснениями к главе дома. Андрей Тимофеевич как мог ободрял их, заверяя, что Пугачев в их места не придет, а если и появится, то вооруженные отряды из местных крестьян, которые сейчас собирают, сумеют дать ему должный отпор.

Жена и теща были менее оптимистичны: им казалось, что надеяться на крестьян, хотя они и будут вооружены, особых оснований нет. Скорее всего, они сразу же перейдут на сторону Пугачева и будут сражаться вместе с его войсками против царских солдат, а заодно и против помещиков.

Очевидно, основания для таких рассуждений были как у женщин, так и у самого Болотова. Не один раз он уже подумывал над тем, чтобы уехать куда-нибудь и там переждать беспокойное время. Впрочем, мысли эти тут же и отбрасывались им самим, как совершенно безосновательные. Куда сейчас уедешь, рассуждал сам с собой Болотов, разве обстановка не везде одинакова? Всюду крестьяне, если не открыто, то в сердцах своих, бунтуют и готовы поднять руки на своих притеснителей-помещиков.

Уже вскоре Болотов на личном примере убеждается в ненависти крестьян к помещикам. После подбора людей для подавления восстания Пугачева был назначен день их отправки. При проходах Андрей Тимофеевич решил сказать воинам напутственное слово. Он напомнил, что они не простые крестьяне, а императрицыны, что они не должны посрамить себя трусостью. Вот этакому молодцу, обратился он шутливо к одному из воинов, что не драться, один десятерых мо-

жет убрать! Однако тот не принял шутки и, усмехаясь, заявил, что вовсе не собирается сражаться против своих братьев — крестьян. А вот вас, бояр, готов хоть десятерых посадить на свое копьё.

Болотов не на шутку струхнул, он никак не думал, что его слова могут вызвать такую реакцию, в общем-то совершенно естественную: крестьяне, измученные непомерной эксплуатацией и бесправием, конечно же не могли остаться безучастными к борьбе своих братьев по классу, примкнувших к Пугачеву.

Тревоги и волнения Болотовых оказались напрасными. На сей раз помещикам и царскому правительству удалось подавить крестьянское восстание, и еще долго в России продолжалось деление общества на господствующих и угнетенных. Холодным январским днем 1775 г., будучи в Москве, Болотов присутствовал при казни Емельяна Ивановича Пугачева. Это событие произвело на него большое впечатление, он подробно зафиксировал его в своем дневнике, а впоследствии подробно описал в автобиографических записках. Вероятно, это одно из лучших свидетельств очевидца. Кроме того, Андрей Тимофеевич сделал зарисовку казни. Увеличенная копия этой зарисовки хранится в Государственном Историческом музее.

Журнал «Сельский житель»

Первоначально деловые, а затем и дружеские отношения с московским издателем и книготорговцем Ридигером позволили Андрею Тимофеевичу в конце концов приступить к изданию собственного сельскохозяйственного журнала. При этом он отнюдь не преследовал каких-либо меркантильных целей. Чаще всего наоборот, деятельность, связанная с изданием своих работ, приводила его к дополнительным расходам. Однако страсть к научным исследованиям и желание ознакомить других с их результатами настолько владели Болотовым, что он не жалел на них ни времени, ни средств. Журнал под названием «Сельский житель» (по обычаю тех времен с весьма длинным подзаголовком) начал выходить осенью 1778 г. Печатался он на плохой бумаге, внешне был малопривлекательным, не имел сплошной нумерации страниц и заголовков статей, что затрудняло быстрое отыскание нужного материала, но зато содержанию его могли позавидовать многие иностранные

журналы того периода. Достаточно сказать, что лишь в первой части издания были опубликованы статьи, в каждой из которых было крупное научное открытие⁶.

Успешной творческой, в том числе и литературной, деятельности Болотова во многом способствовали такие особенности его характера, как большая наблюдательность и склонность к фиксации всего увиденного в дневниках, журналах и т. п. Многими научными открытиями Андрея Тимофеевича мы обязаны именно этим сторонам его личности. В качестве примера приведем работу «О неспособности сладких яблонь принимать прививку». За свою долгую жизнь ему много приходилось заниматься прививками. В специальных журналах (с планом размещения деревьев) он отмечал, когда, каким сортом привито дерево или сеянец, кто производил прививку. Проверая результаты работ, Болотов частенько обнаруживал, что прививка не удалась. Зная, что в период массового проведения этой работы к ней часто привлекаются малоопытные люди, этим он и объяснял неудачи.

Но вот как-то, к своему большому удивлению, Болотов обнаружил неприжившиеся прививки, сделанные садовником дядей Серегой, которого он знал как отличного специалиста. Оставить такой случай без внимания Андрей Тимофеевич не мог и пошел за разъяснениями к садовнику.

Дядя Серегга категорически отверг возможность того, что в запись закралась ошибка. Он сам делал все, что за ним записано. Причины, почему часть прививок не удалась, он не знает, производил прививку всегда одинаково. В свое время его и самого крайне удивляло такое странное обстоятельство.

Крепко задумался Андрей Тимофеевич: задача оказалась не из простых. Внимательно изучал записи в журналах. И в конце концов обнаружил любопытную деталь; не прижились прививки садовника на деревьях с хорошими сладкими плодами. Случайность? Может быть. Но все же следует проверить. И он проводит серию специальных опытов. Сначала подобрали в качестве подвоев «сладкие» яблони и привили на них

⁶ Болотов А. Т. Об улучшении лугов // Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 4. С. 4—14; О неспособности сладких яблонь принимать прививку // Там же. Л. 13. С. 10—14; О посеве яблочных почек // Там же. Л. 21. С. 15—16; Л. 25. С. 3—11.

различные сорта. Почти все прививки не прижились. Тогда эксперимент расширили; в качестве подвоев использовали деревья не только со сладкими, но и с кислыми плодами. На «кислых» яблонях прививки удались хорошо, а на «сладких» снова не прижились. Тайна с неудачными прививками была разгадана, авторитет дяди Сереги восстановлен, а Андрей Тимофеевич опубликовал свое интересное открытие. По-видимому, современным физиологам и биохимикам растений вполне под силу объяснить сущность явления, обнаруженного А. Т. Болотовым.

Из декоративного растения — в овощное

Много внимания в своей работе по совершенствованию хозяйства Андрей Тимофеевич уделял вовлечению в культуру новых растений, и вклад его в этом направлении трудно переоценить.

Сколько растений, в настоящее время представляющих собой сельскохозяйственные культуры, во времена Болотова были декоративными и разводились в садах или даже в комнатах как цветы. Таковы, например, подсолнечник, томаты. Томаты под названием «любовное яблоко» (отсюда второе название — «помидор», от искаженного «*Pomme d'amour*») встречались у многих помещиков. Растения с красивыми листьями, хотя и мелкими, но довольно многочисленными желтенькими цветками, а затем плодами — сначала зелеными, затем желтыми и, наконец, красными, они хорошо украшали интерьер (с запахом, несколько резким и для многих людей неприятным приходилось мириться).

Любознательность Болотова сыграла для нас важную роль и в этом случае. Попробовав как-то покрасневший плод томата, Болотов пришел к выводу, что он довольно приятен на вкус и вполне может употребляться в пищу. Как всегда, со своим открытием он первым делом обратился к теще — своему верному другу и советнику во всех его начинаниях. Мария Абрамовна, съев половинку плода, одобрила новинку и посоветовала зятю начать основательные исследования растения. Впрочем, другим родичам и слугам плоды томата не понравились, слишком уж они отличались от овощей, к которым все привыкли: огурцов, гороха, репы, моркови.

Андрей Тимофеевич особенно не удивился отрицательной реакции домочадцев на «любовные яблоки», он знал силу привычки. Однако знал и другое: человек привыкает ко всему. И, надеясь на будущее, начал тщательно изучать томатное растение, вместе с тем исподволь приучая домашних к новому блюду. В результате исследований Болотова были в основном разработаны те приемы выращивания томатов, которыми мы пользуемся и по сей день. Установив, что период от посева до получения зрелых плодов не укладывается в безморозный период его местности, Андрей Тимофеевич разделил его на три части и соответственно этому предложил следующую технологию: 1) посев и выращивание рассады в парниках и теплицах (март—апрель); 2) высадка рассады и выращивание растений в открытом грунте (май—август), 3) съем невызревших плодов и дозаривание их в теплых помещениях (сентябрь—октябрь).

И все же Андрей Тимофеевич дождался того дня, когда на его столе в качестве признанного блюда оказались томаты. Правда, до этого прошло немало времени, но тем приятнее была победа, одержанная над рутинной и косностью. И с каким удовольствием наблюдал он за гостями, собравшимися по случаю его именин, охотно подкладываящими на тарелки салат с томатами, угощая друг друга. Давайте и мы помянем добрым словом своего соотечественника, подарившего нам чудесную овощную культуру.

Исследование кормовых растений

Андрей Тимофеевич обладал способностью мыслить широко, охватывать процессы в природе и сельском хозяйстве во всем их многообразии и многочисленных связях. Говоря о соотношении между земледелием и животноводством, он сформулировал его следующим образом: «Соблюдение должной пропорции между скотоводством и хлебопашеством есть главнейший пункт внимания сельского хозяйства. Сии две вещи так между собою связаны, что если одна упущена будет, то неминуемо нанесет вред и другой»⁷. Определяющие связи между этими двумя отраслями он видел в следующем: растениеводство должно обеспечивать животно-

⁷ Экон. магазин. 1784. Ч. 17. С. 36—37.

водство всем необходимым набором кормов во все времена года; животноводство отдачей навоза поддерживает плодородие почвы, возвращает полю то, что взято у него с урожаем. Самое неразумное, считал Болотов, держать скот впроголодь. Кто из-за плохого кормления использует скот не в полную меру, тот варварски растранжиривает и другой капитал (помещения для скота, обслуживающий персонал, да и сами корма).

Анализируя состояние кормовых угодий, Болотов приходил к выводу, что в трехпольном хозяйстве нельзя организовать правильное соотношение между пашней и скотом. Вот почему он так активно ратовал за введение кормовых полей. Особое значение Андрей Тимофеевич придавал бобовым растениям, в частности многолетним бобовым травам — клеверу и люцерне. Многовековой крестьянский опыт твердо убеждал, что луга и сенокосы, на которых в составе травостоя имеются «кашки» (так в народе издавна называют клевера), представляют собою наиболее ценные кормовые угодья. Скот с таких пастбищ не бежит в поисках других мест, а спокойно пасется, с удовольствием пощипывая лакомую траву. Болотов не раз сам наблюдал, как коровы из охапки сена, положенного им в кормушки, выбирают растения клевера. Элементарная логика подсказывала, что можно значительно повысить питательность сена, если клевер в нем будет не редкой находкой, а главной составной частью, т. е. нужно специально сеять его на полях, лугах и пастбищах.

По своему обыкновению, прежде чем дать какие-либо практические рекомендации, Андрей Тимофеевич обстоятельно изучал литературу по данной проблеме, отечественную и западноевропейскую, для уточнения неясных вопросов проводил специальные опыты. Так было и с клеверами.

Обобщив зарубежный и собственный опыт, Болотов опубликовал в «Экономическом магазине» серию статей (ч. 34 и 35 за 1788 г.) общим объемом около 100 страниц. Особое внимание в этой работе было уделено «обыкновенной красной дятловине» (еще одно название клевера). Следует особо подчеркнуть, как умело подходит Болотов к отбору материала из иностранных источников, сообщая своим соотечественникам только то, что важно для условий русского хозяйства, технологически рационально и экономически выгодно.

Из рекомендуемых им приемов возделывания кле-

вера укажем на следующие, сохранившие значение и в наше время.

1. Совместный посев семян клевера с зерновыми яровыми и озимыми культурами. Учитывая, что под покровом зерновых растения клевера будут испытывать недостаток света, Болотов рекомендовал несколько уменьшать норму высева семян зерновых, особенно ржи, то же делать и при размещении посева на хорошо удобренных почвах.

2. Смеси клевера со злаковыми травами: райграсом, палошником (так называлась тогда тимофеевка). О функции травосмесей бобовых и злаковых трав в качестве структурообразователей почвы тогда еще не было известно, и их применяли лишь для повышения кормового достоинства.

3. Использование клевера как в летнее время в качестве зеленого корма, так и зимой в виде самого питательного сена. При выпасе коров на клеверном поле соблюдать осторожность (не пасти по росе и после дождя во избежание вздутий живота).

4. Использование клеверища в качестве предшественника озимых культур. Такой прием Болотов приравнивал к удобрению поля навозом.

Особого внимания, с его точки зрения, заслуживает семеноводство клевера.

Андрей Тимофеевич собирает семена с дикорастущих клеверов и размножает их. Затем через Вольное экономическое общество достает семена красного и белого клеверов из Голландии. Посеяв их на участках, расположенных рядом с участками, засеянными семенами с местных клеверов, Болотов убеждается в том, что голландские клевера мало чем отличаются от местных. С тех пор он стал разводить только местные популяции.

Особенно понравилась Болотову люцерна. Эта удивительная трава поразила его своей способностью к быстрому отрастанию после скашивания. Даже при длительном отсутствии дождей люцерновые участки уже через неделю после того, как траву на них скосили, снова становятся зелеными, и животные с большой жадностью набрасываются на отаву люцерны. При этом ни от каких других растений коровы не дают столько молока. Способность люцерны хорошо расти в условиях сухой погоды Болотов объяснял особенностями корневой системы: мощные корни глубоко уходят в землю

и обеспечивают растения влагой из нижних горизонтов почвы. Об урожайности люцерны Болотов сообщал так: «Одним словом, она росла у меня наивожделеннейшим образом, и я в третий как наилучший год ее роста мог и по здешнему климату ее три раза косить и высушенного сена получать такое количество, что ежели б посеяна была целая десятина и вся бы она так хороша была, то простиралось бы оно в первый раз до 800 пудов, а другой — до 500, а в третий — до 300, всего до 1600 пудов, и такого в самом деле сена, которое пополам с соломой мешать можно было, а со всем тем была бы она скоту чрезвычайно едка и питательна»⁸.

Основатель экологического направления в производстве

В основе теоретических работ по сельскохозяйственной биологии, а также практических рекомендаций Андрея Тимофеевича для земледельцев лежали в первую очередь его наблюдения и исследования природных процессов. С этой точки зрения весьма примечательна его статья «Об улучшении лугов», написанная в виде ответа на запрос корреспондента журнала «Сельский житель». Автор запроса спрашивал, почему у него луга с каждым годом становятся все хуже и что ему предпринять для их улучшения. Болотов не ограничился одними практическими рекомендациями, а снабдил их глубоким теоретическим обоснованием. Мысли, высказанные им в ответном письме, следует рассматривать как зачатки тех научных идей, которые впоследствии разовьются в самостоятельную науку — экологию растений. В наши дни, в связи с интенсивным загрязнением человеком природной среды, она становится в первые ряды приоритетных наук. В отличие от метафизических представлений о природных ландшафтах, свойственных многим ученым XVIII в., Болотов развивал взгляды, которые мы сейчас охарактеризовали бы как диалектические. Вырождение лугов он рассматривал как естественно-исторический процесс, в котором в результате взаимодействия климата, почв и растений происходит смена растительного покрова. Он подчеркивал, что хорошему состоянию почв соответствуют луга с хорошими травами, а истощенным, задерненным и закисленным — луга с худшими травами, вплоть до мхов.

⁸ Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 7. С. 15.

Образно, языком того времени Андрей Тимофеевич изложил свои мысли: «Переходя с места на место, повсюду ли найдем мы одинакие произрастения? Увидим ли много тех па лугах, которые в лесу растут, а в лесах тех, которые лугам более свойственны? Родящиеся же на пашнях между хлебов размножаются ли гораздо на лугах, и луговья на пашнях?.. Она [природа], произведя их с преудивительной разностью в устройении, расположении, в росте, в нежности, грубости, в долготии и недолготе дления и в тысяче других вещей, показала всем особые места, где им рость, и предписала, как им тут и как в иных местах плодиться и размножаться, куда они по случаю ежели перенесены будут... От сего-то самого и происходит то, что на одном и самом том же месте со временем могут совсем другие произрастения произойти и размножиться, нежели какие до того тут раживались. Нужно только земле истощить свои силы; прийти в худшее состояние или некоторым обстоятельствами перемениться, как все прежния, потеряв свои выгоды и сделавшись к таковому удобному своего рода размножению, как было прежде, через то неспособными, мало-помалу переводятся, а их места заступают иные и те, которым худоба земли и тогдашние обстоятельства свойственнее и кои в самой такой наудобнее плодиться и размножаться могут. А ежели земля со временем делается еще хуже и для сих уже неспособною, то переведутся и сии, а их места заступят третьи... Но когда сие справедливо, то чему ж надобно выйти, когда и вся луговая земля, от времени до времени теряя свои силы, на конец перед прежним состоянием своим делается хуже? Не тому ли натурально, что тогда все те произрастения, которым свойственно рость на добрых землях, начнут ослабевать, а напротив того те брать верх и с вожделенным успехом размножаться, которым на худшей земле рость свойственнее? А когда так, то не утеснят ли сии первых и не выживут ли на конец совсем вон и не овладеют ли одни всем лугом?

Вот причина, от чего ваши, государь мой, луга худы и от чего тот проклятой мох размножился на оных. Он принадлежит к произрастениям последнего рода и любит размножаться на тех землях, в которых натура истощила уже силы свои»⁹.

Насколько прогрессивными были научные взгляды

⁹ Там же. Л. 4. С. 8—11.

Болотова по сравнению со взглядами современных ему (и даже более поздних) ученых Запада, можно заключить, сравнивая приведенные выше слова со следующими высказываниями А. Тэера: «Некоторые прилежные наблюдатели полагают, что заметили на лугах натуральное изменение в травах, то-есть что по прошествии нескольких лет не находили они в дерне тех растений, из которых он преимущественно состоял, а другие уже росли на их месте... Конечно, это могло произойти от разных случайностей...»¹⁰.

На основе своих теоретических представлений Болотов логически приходит к тем мероприятиям, которые необходимо проводить для улучшения лугов: «...наилучшим и наинадежнейшим средством почитаю я распахивание лугов и превращение их на несколько лет в пашню, дабы между тем все коренья худых трав могли перевестись, а потом по предсудаемому удобрению земли, запускание их опять в луг либо просто, либо подражая примерам иностранным с посевом на них семян луговых и лучших родов трав»¹¹.

Здесь перед нами научно обоснован такой агрономический принцип, от которого до современных луговых севооборотов один шаг.

Такие же высказывания А. Т. Болотова об охране природы относятся и к другим объектам «натуры»: лесам, водоемам, пашням. Следует отметить, что он отнюдь не рассматривал природу как «храм божий», в который можно входить только для того, чтобы восхищаться его совершенством и красотой, хотя через всю свою долгую жизнь Андрей Тимофеевич пронес неугасаемую любовь к окружавшей его природе.

Пользоваться природой, не разрушая ее,— вот девиз Болотова. Все в ней находится в подвижном равновесии: что-то исчезает, что-то появляется. Человек может брать из природы все, что в ней есть, поскольку она самовосстанавливается за счет круговорота веществ и жизненных процессов, происходящих в ней. Но брать нужно, не выходя за пределы разумного, не более того, что в конкретных условиях природа может восстановить.

В частности, по отношению к лесу Болотов разработал строго научную систему лесопользования, суть ко-

¹⁰ Тэер А. Основы рационального сельского хозяйства. 1806. С. 219.

¹¹ Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 4. С. 13.

торой отражена в самом названии статьи по этому вопросу: «О рублении, поправлении и заведении лесов». Ученый связывал в единое целое взаимоотношение человека с лесом: рубить деревья, ухаживать за оставшимися, заводить новые взамен срубленных.

Предлагаемая им система отличается строгим научным подходом, основанным на знании биологических закономерностей развития леса. С учетом этого Болотов свою лесную дачу из лиственных пород разделил на 20 лесосек при использовании леса на дрова и на 40 лесосек, когда деревья предназначены в качестве строительного материала. При ежегодной рубке по одной лесосеке в строевом лесу через 40 лет первая делянка снова будет готова к рубке.

Хвойные леса Болотов рекомендовал использовать главным образом для строительных целей, а число лесосек доводить до 80, поскольку рост хвойных деревьев происходит значительно медленнее по сравнению с лиственными.

Лиственные леса самовосстанавливаются за счет корневой поросли от пня, и задача владельца леса лишь регулировать нужное развитие этой поросли.

У хвойных пород, как отмечал Болотов, при срублении деревьев не обладают способностью к возобновлению нового поколения. Поэтому хвойные леса нужно восстанавливать путем посева семян. Не ограничиваясь общими положениями о порядке рационального лесопользования, ученый разработал технологию многих работ в лесном хозяйстве. Большинство из них применяются и сейчас.

Болотов считал необходимым хозяйский подход не только к лесу, но и ко всему, что находится в нем: ягодам, грибам, птицам, животным и др. Неразумно оставлять в лесу неиспользованным то, что можно употребить в пищу. Но нельзя хищнически относиться к дарам природы: например, собирать птичьи яйца, поскольку это ведет к сокращению поголовья птиц, вырывать с корнем грибы.

Свои мысли о содружестве с природой Андрей Тимофеевич высказывал еще в те времена, когда населения в России было немного, а леса еще только начинали вырубаться. Вероятно, многим из современных ученых стоит призадуматься над этими мыслями, с тем чтобы более настойчиво противостоять рубке лесов в водоохранных зонах, превращению многих рек в речки, а ре-

чек в тощие ручейки, уничтожению последних кедрачей в сибирской тайге.

Сейчас в нашем обществе все большее внимание начинают привлекать такие понятия, как замкнутый цикл производства, безотходные технологии, направленные на наиболее рациональное использование природных ресурсов, и экологически чистое производство.

Тут вполне уместно вспомнить изречение: «Всякое новое — это хорошо забытое старое». Действительно, все, о чем только что было сказано выше, делал в свое время Болотов, только на более простой основе, но тем не менее весьма разумно. Приведем простой пример. Болотов всю получаемую продукцию растениеводства реализовал без отхода, в том числе и солому, и гумновые остатки, часть в корм скоту, часть в подстилку. Подстилка с экскрементами животных давала прекрасный навоз, который вносился в почву, возвращая ей плодородие. Замкнутый цикл — безотходное производство.

Во многих современных колхозах и совхозах комбайны жнут и молотят хлеб, разбрасывая по полю мякину и полову, укладывая в небольшие копны солому, которую потом частенько не успевают во время заскирдовать, и она гниет до тех пор, пока не помешает новой обработке почвы и ее не сожгут. Экскременты же животных гидросмывом удаляют из животноводческих комплексов, и они в конечном счете попадают в водоемы, убивая там все живое, или в виде сметанообразной массы вывозятся на поля, расталкиваются кое-как бульдозерами, принося вместо пользы, которую полагалось бы получать от навоза, вред в виде пятен земли или полегшего хлеба на местах, где навоз был заделан сплошной массой. Не пора ли нам позаимствовать опыт Болотова? Не в деталях, конечно, а в принципах хозяйствования, в частности в организации замкнутых циклов с безотходной, экологически чистой технологией.

Замечательное научное открытие

А теперь рассмотрим опыт Андрея Тимофеевича с посевом яблочных семян, заложенный еще в середине 60-х годов. Через десять лет почти все яблони, выросшие из семян, полученных от посева семян из плодов одного дерева сорта Украинская зеленка, достигли поры плодоношения. Можно было подвести итоги. Пос-

ле апализа данных опыта Болотов пришел к следующим выводам: «1. Из всего количества, простиравшегося до ста деревьев, оказалось только две яблони... во всем друг другу подобны; прочие же все подвержены были по всем признакам превеликому различию. 2. Ни одно деревце не произвело плодов, совершенно подобных тем, из каких были взяты семена, а плоды их не токмо во всем были от них различны, но и... составляли во всем новые и оригинальные породы»¹².

В следующих за тем девяти разделах статьи, из которой приведена цитата, Андрей Тимофеевич излагал различия между деревьями по строению плодов, их вкусу, срокам созревания, лежкости, устойчивости к вредителям и болезням (как в процессе роста, так и при хранении), а также по морфологии деревьев, характеру листопада, устойчивости к зимним холодам.

Убедившись в удивительном разнообразии семян яблони, полученных из семян одного растения, Болотов не мог оставить этот факт без объяснений. Слишком уж в явном противоречии находился он с правилами наследования сортовых признаков у других растений. Свои лучшие надежды земледelec всегда связывал с приобретением и размножением хороших сортов, с тем обстоятельством, что, посеяв семена сорта, характеризующегося комплексом определенных биологических и хозяйственных признаков и свойств, он получит в новом урожае такие же семена. Долго ломал голову над загадкой удивительного явления молодой ученый. Может быть, так и не нашел бы он ответа, если бы не его исключительная наблюдательность и удивительная способность к сопоставлению явлений, происходивших в разное время и касающихся разных объектов.

Помимо данных опыта по изучению потомства яблони аналогичные результаты получил Болотов при посеве тюльпана, где он также встречался с большим разнообразием потомства, хотя семена брались из одной коробочки. Длительные размышления не проходили бесследно, мысли постепенно сужали круг выводов и заключений. И наконец обобщающая идея пришла.

Однажды весной Андрей Тимофеевич осматривал сад. Теплая солнечная погода способствовала активному проявлению жизни. Высоко в небе пели жаворонки, на земле в траве копошились многочисленные букашки.

¹² Земледельч. журн. 1823. № 9. С. 379.

Яблони, находящиеся в полном цвету, белели огромными шапками крон. Воздух был наполнен гудением пчел, которые непрерывно летали во всех направлениях. Болотов не первый раз видел работу пчел, но теперь его внимание привлекли маршруты этих маленьких тружениц. Присмотревшись, он заметил, что они, поработав на одном дереве, перелетают на другое. При этом на их ножках накапливаются желтенькие комочки, называвшиеся в здешних местах «калошками».

И тут долго мучившая его загадка разнообразия потомства, полученного из одного плода яблони, нашла четкое решение. Мысль, послужившая основой для крупного открытия в биологии, была довольно проста: если пчелы, собрав пыльцу на свои «калошки» на одних цветках, затем летят па другие, то, ползая по ним и задевая «калошками» за их пестики, они могут опылить растение пыльцой другого цветка. А поскольку сортов яблони в саду много, пыльца будет разной, отсюда и разнообразие потомства.

Выбрав яблоню, у которой нижние ветки с распустившимися цветками располагались на уровне глаз, Андрей Тимофеевич стал внимательно следить за работой пчел. Вскоре он убедился, что они действительно, перелетая с цветка на цветок и ползая по ним с целью сбора пыльцы, могут переносить эту пыльцу с одного цветка на другой как в пределах одного дерева, так и с одного дерева на другое.

Тогда Болотов не менее внимательно начал изучать процесс цветения у яблони. Планомерные наблюдения над формированием бутонов, раскрытием цветка, созреванием тычинок и пестиков привели Андрея Тимофеевича к другому очень важному открытию, известному в современной биологии под названием дихогамии. Сущность его заключается в разновременном созревании органов размножения (пыльца в тычинках созревает раньше или позже готовности рылец к опылению).

Болотов не только установил этот факт, но и сумел дать ему научное объяснение. Логически рассуждая, он пришел к выводу, что разновременным созреванием тычинок и пестиков природа препятствует самоопылению и способствует перекрестному опылению. Между прочим, явление дихогамии на других растениях ученые наблюдали и до Болотова. Мало того, иностранные биологи Понтедера и Алстон даже использовали его в

качестве аргумента в борьбе с теорией существования пола у растений. Рассматривая самоопыление как единственный нормальный процесс опыления, они утверждали, что, поскольку созревание пыльцы и рылец происходит не одновременно, самоопыление, а следовательно, и половой процесс невозможны и, таким образом, теория пола является несостоятельной. Болотов был активным сторонником существования пола у растений и взглянул на дихогамию другими глазами. Он увидел в ней возможность для природы создать разнообразие растений и лучшую приспособленность их к различным условиям существования. Вот какими словами изложил это сам Болотов: «...во время же цвету яблоней они ежедневно посещаются множеством пчел, которые, перелетая с одного дерева на другое, ищут в цветках их меду и между прочим для составления так называемого в сотах их хлеба набирают на задние свои ножки помянутую желтую семенную пыль и производят так называемую и видимую на коленцах их калашку,— то легко может статься, что они в тех цветках, в коих семенная пыль еще не созрела, дотрагиваются своею калашкою до не обсемененных еще пестиков, прежде нежели они осыплются своею собственною семенной пылью, а чрез то и подают средство натуре зародить в тех цветках уже не такие семена, какими бы по природе своей быть надлежало, а другие, способные производить от себя породы совсем новые и до того не бывалые»¹³.

Впервые к этим мыслям он пришел еще в 70-е годы XVIII в. Однако в статье «О посеве яблочных семян», изложив результаты опыта, ограничился лишь сообщением о своей догадке: «Коротко, все помянутые обстоятельства довели меня до того, что ныне я нимало в том не сомневаюсь, что от посеянных яблонь почек [семян] родятся когда не все, так на большую часть разные, так сказать оригинальные или совсем новых и особых родов яблони. А не оставив сей пункт без того, чтоб об нем многожды не подумать и не постараться о исследовании причин, сие производящих, попадаю уж на мысль, мне особо сие явление нарочито объясняющую. Я нахожу в нем некое естественное таинство и усматриваю уже отчасти истинные тому причины. Но как они физические, а читателям моим

¹³ Там же. С. 388—389.

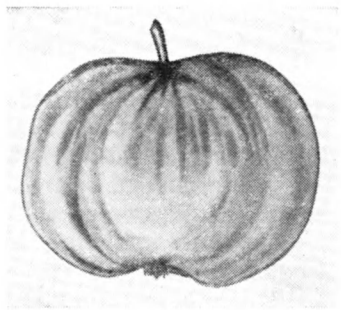

Рис. 7. Плод яблони Дворяниновка, она же Болотовка, выведенной А. Т. Болотовым

таковые материи не удобны, то, боясь, чтоб не занять тщетно множества места, оставляю помышлять о том самом господам читателям, а сам, умолчав, обращаюсь к прежнему и скажу, что как бы то ни было, но я, приметив все сие за несколько лет перед сим, перестал разбирать почки, но собираю и сею их без всякого разбора и применяю уже к ним прививки...»¹⁴

И только 50 лет спустя он опубликовал свое замечательное открытие (вернее, сразу несколько открытий) во втором варианте статьи «Опыт над яблочными семенами»¹⁵. Правда, частично свои мысли о перекрестном опылении у яблони и разнообразии ее семенного потомства как следствии этого явления, а также о роли в нем насекомых Болотов высказывал и раньше¹⁶.

Собственные сорта яблони

На основе своих замечательных открытий по биологии цветения и оплодотворения у растений Андрей Тимофеевич сумел получить и хорошие практические результаты. Производя систематический посев семян яблони и получая разнообразное потомство, он путем отбора из него лучших форм вывел несколько оригинальных сортов яблони.

Таковы Болотовка или Дворяниновка, Андреевка, Ромодановка. Для своего времени они были хорошими сортами, получили распространение и намного пережили своего автора, хотя и он, как известно, жил немало. Так, ученый секретарь Московского общества сельского хозяйства С. А. Маслов во время своего путешествия по Центральной России в 1858 г., т. е. почти через сто лет после работ А. Т. Болотова, находил в садах его сорта. В статье «Заметки во время летних

¹⁴ Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 25. С. 8.

¹⁵ Земледельч. журн. 1823. № 8. С. 376—388.

¹⁶ Экон. магазин. 1786. Ч. 27. С. 90—96.

поездок в Тульскую, Рязанскую и Владимирскую губернии 1858 г.» он писал: «Тамошний почтмейстер Ф. Д. Окулов, страстный садовод, просил меня взглянуть на его сад, в котором я видел несколько сортов прекрасных яблонь, и в том числе французские ренеты, выведенные из семечка еще А. Т. Болотовым»¹⁷.

Приводим характеристику плодов этих сортов из помологической работы самого оригинатора.

1. Болотовка (Дворяниновка, Ренет) выведена методом индивидуального отбора из сеянца сорта Украинская зеленка. В отличие от исходного сорта плоды имели не зеленое гладкое основание, а воронку, при созревании приобретающую черно-бурую окраску и слегка растрескивающуюся. С южной стороны плоды еще на дереве приобретали слабый пурпуровый размытый румянец (у родительского сорта плоды ярко-желтые). В отличие от круглых плодов Зеленки плоды Болотовки характеризовались слабой пятилучевой ребристостью, в среднем были в окружности 5 вершков (22,5 см или в диаметре около 7,2 см). При хранении они темнеют и приобретают окончательный вкус французских ренетов (отсюда третье название), очень хороший. Лежать могут очень долго, нередко до нового урожая.

2. Андреевка название получила в честь автора, выведена также путем отбора из сеянцев. Сорт отличался высокой урожайностью и довольно крупными плодами (продольный диаметр около 7 см, поперечный — около 8 см), правильной округлой формы с легкой ребристостью, зеленоватой окраски с растушеванным багряным румянцем. Место соединения с плодоножкой — в виде глубокой воронки, чашечка серо-зеленая, окружена «множеством извилистых и горбатых сгибов», разрезы между чашелистиками значительны. Нижнее основание плодов имело вид глубокой воронки с кожистыми, часто растрескивающимися краями. Плодоножка довольно толстая, красноватая, короткая. Мякоть сухая, слегка твердоватая, очень вкусная сладко-кисловатая с долгим ощущением приятности во рту. Лежкость до апреля — июня.

3. Ромодановка, по происхождению сестра Андреев-

¹⁷ *Перепелкин А. П.* Историческая записка об учреждении Московского общества сельского хозяйства. М., 1896. Разд. 2. С. 105.

ки, имела крупные плоды (диаметром 8—9 см) неправильной формы с ребрами и горбами, зеленого цвета с малозаметным красноватым румянцем с одного бока. Верх плодов — как у Андреевки, но воронка более узкая с краями в виде сгибов, которые распространялись далеко по всему яблоку, превращаясь в ребра.

Нижнее основание снабжено небольшой мелкой воронкой. Плодоножка тонкая, короткая. Кожица гладкая с восковым налетом, испещренная частыми, очень заметными белыми точками. Мякоть зеленовато-белая, твердая, нежная, кисло-сладкого, очень хорошего вкуса, свойственного лишь редким сортам. Однако по мере хранения к весне мякоть становится мучнистой и вкус теряется. Лежкость до мая — июня.

Знакомство с Н. И. Новиковым

В конце 70-х годов издательские связи А. Т. Болотова с Ридигером нарушились, поскольку типография Московского университета перешла в ведение Н. И. Новикова — известного публициста и просветителя XVIII в. Огорчился было Андрей Тимофеевич в связи с этим обстоятельством: таким полезным казалось ему начало издания журнала для людей, желающих вести сельское хозяйство на научной основе. Однако вскоре выяснилось, что кажущаяся неприятность обернулась для Болотова весьма благоприятным событием в его жизни.

Осенью 1779 г. при поездке в Москву Андрей Тимофеевич решил заглянуть в типографию университета, чтобы выяснить обстоятельства, связанные с печатанием «Детской философии». Тогда и состоялось его первое знакомство с Н. И. Новиковым. Вот как записал об этом событии Болотов: «На утрое, как в четвертый день моего пребывания в Москве, случившийся во второе число месяца сентября, собрался я наконец съездить в университетскую типографию, и день сей сделался найдостопамятнейшим почти в моей жизни, через основание в оный первого моего знакомства, а потом и самой дружбы, с новым содержателем типографии, известным и толико славным у нас господином Новиковым Николаем Ивановичем.

Важный человек сей был до сего времени мне совсем незнаком, и я об нем до того даже не слыхивал. Он же, напротив того, знал меня уже очень коротко, по всем моим экономическим и даже нравственным сочинениям,

и имел обо мне и о способностях моих весьма выгодные мысли»¹⁸.

А. А. Блок, как известно, не считал Болотова выдающейся личностью. Одним из оснований для такого заключения послужили для него взаимоотношения между Болотовым и Новиковым, в частности приведенный выше факт неосведомленности Болотова о Новикове до 1779 г. Нам, однако, он кажется вполне объяснимым. У Н. И. Новикова первый период его активной деятельности был связан с Петербургом и касался сфер, довольно чуждых от интересов Болотова. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Андрей Тимофеевич не знал о нем. Другое дело московский период. Здесь уже интересы обоих просветителей тесно переплелись, да и взгляды по многим научным и социальным проблемам совпали. Поэтому уже при первом же личном знакомстве между ними установилась взаимная симпатия, перешедшая затем в дружбу. Правда, в силу своего политического консерватизма Болотов уклонился от попыток Новикова вовлечь его в масонство. И, несмотря на дружбу, при аресте Новикова он опечалился не столько его невзгодам, сколько возможным своим неприятностям, главным образом материальным. Но все же во все время знакомства Болотов высоко оценивал значение деятельности Новикова для развития русской культуры.

В своем журнале «Современник, или Записки для потомства» Андрей Тимофеевич сделал такую запись: «Состояние, в каком находились у нас около сего времени науки, было несравненно лучшее, нежели лет за двадцать до сего времени. Во все времена правления нынешней нашей великой монархии возрастали они с каждым годом и приходили в цветущее состояние, и расцветание их увеличивалось скорыми шагами. Перейдение типографий из казенных в партикулярные руки, а особливо московской университетской в руки г. Новикова, послужило славною и весьма достопамятною эпохою для нашей литературы; с сего времени она власно как вновь возродилась и со всяким годом стала столь много возрастать, что через короткое время получила совсем иной вид; и как мало до сего было у нас в России библиотек, так много прибавилось их везде во всех партикулярных домах. Стараниями оного доставлены вдруг не только наилегчайшие способы к чтению, но

¹⁸ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* Т. 3. Стб. 858.

весьма многим, одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям, отворен путь и преподан случай и возможность к оказанию своих возможностей и сил разума, так что через самое то сделались они потом сочинителями и такими авторами, которые ныне истинную честь приносят своему отечеству»¹⁹.

Эту цитату Н. В. Губерти, опубликовавший записи А. Т. Болотова, сопроводил следующим примечанием: «Любопытно, что современник Новикова, автор настоящих записок Болотов едва ли не один из первых признает громадную заслугу знаменитого типографа-писателя, оказанную им русской литературе,—заслугу, кажется, не совершенно вполне сознанную и по достоинству оцененную даже и в настоящее время»²⁰.

Как известно, Екатерина II, напуганная грозными событиями народного восстания под предводительством Пугачева, значительно поумерила свой либерализм и приняла довольно жесткие меры для уничтожения «крамолы». Под волну этих мер попал и Н. И. Новиков, длительное время просидевший в заточении. Лишь смерть Екатерины и приход к власти Павла освободили его из тюрьмы. Болотов откликнулся на это событие следующими словами: «К числу милостивей, оказанных государем в первые дни его царствования, принадлежало и то, что ему угодно было повелеть освободить из заточения некоторых именитых особ, имевших несчастье подвергнуть себя гневу покойной императрицы и претерпевавших до сего отчасти заключение, отчасти удаление от двора и резиденции, а отчасти содержались под арестом. Достопамятнейшим из них был известный господин Новиков, содержавший до сего университетскую типографию и прославившийся восстановлением нашей литературы и приведением оной в короткое время в цветущее состояние»²¹.

В разговоре при первом же свидании Новиков предложил Болотову продолжить издание сельскохозяйственного журнала в качестве приложения к издававшейся им газете «Московские ведомости». Андрей Тимофеевич с большой охотой откликнулся на это

¹⁹ Библиограф. 1885. № 10. С. 49—50.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Рус. архив. 1864. Вып. 2. С. 213—214.

предложение, и, поскольку оба были людьми энергичными и не любили откладывать дело в долгий ящик, новый журнал под названием «Экономический магазин» начал выходить уже с 1780 г. По сравнению с «Сельским жителем» он выглядел значительно солиднее. Во-первых, увеличился его объем, журнал стал еженедельным. Во-вторых, статьи публиковались под названиями, страницы журнала имели единую нумерацию, что облегчало пользование им. Новиков не вмешивался в литературную часть журнала, целиком доверив ее Болотову, он обеспечивал лишь издательскую сторону дела.

Глава 5

Пропагандист науки (1780—1790)

Новый журнал

«Экономический магазин» регулярно выходил в течение 10 лет. За эти годы составилась труд в количестве 40 томов, и приходится лишь удивляться огромной работоспособности Андрея Тимофеевича, который без всякой помощи (если не считать малолетнего сына Павла, помогавшего переписывать статьи) обеспечивал материалами журнал в восьмую долю листа, примерно на 1600 страниц в год.

Трудно также переоценить значение журнала для развития отечественной биологической и сельскохозяйственной науки, а также прогресса в земледелии и растениеводстве. Во-первых, через «Экономический магазин» Болотов знакомил деятелей сельского хозяйства с важнейшими результатами своих научных исследований и наблюдений над растениями в естественных условиях. Достаточно напомнить, что только описаний растений в журнале помещено около трехсот. Материалы, опубликованные в виде серии статей (таковы, например, статьи по садоводству, по мелиорации земель), представляли собою незаменимые учебные пособия для практиков сельского хозяйства, поскольку ничего другого в то время не было.

Во-вторых, Андрей Тимофеевич, внимательно следивший за состоянием науки в наиболее развитых западноевропейских странах, публиковал в «Экономическом магазине» важнейшие результаты научных исследований за рубежом и рекомендации ученых для сельскохозяйственной практики. При этом он, как правило, не ограничивался простой перепечаткой материалов, а сопровождал их своими комментариями, подчеркивая, что почвенно-климатические и другие условия России отличаются от условий Западной Ев-

ропы, поэтому к зарубежному опыту следует подходить критически и использовать в разумных пределах.

В-третьих, с помощью «Экономического магазина» Болотов обобщал лучший опыт и достижения отечественных земледельцев и старался распространить их как можно шире. По его мнению, прогресс в науке и технике — это главное, что может помочь сельскому хозяйству справиться с капризами природы и избавить крестьян от частых неурожаев и связанного с ними голода.

По своей привычке к упорядочению всего, что он писал, Андрей Тимофеевич после окончания издания «Экономического магазина» решил сделать сводный том — указатель всех статей, опубликованных в сорока частях журнала. Об этой своей работе он не без юмора писал: «По отъезде их [родственников], принявшись опять за писание, имел я удовольствие окончить, наконец, свою давно начатую трудную и скучную работу, состоявшую в сочинении полного к экономическому своему магазину реестра, который сочинить я несколько лет собирался... но насилу я его и одним почти приемом кончил [недаром русская поговорка говорит: «Лиха беда начало»]. Из него вышла претолстая книга»¹.

К сожалению, эта скучная, по выражению Болотова, работа была выполнена уже в те времена, когда Н. И. Новиков по распоряжению Екатерины II отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости, а другого подобного ему издателя Андрей Тимофеевич найти уже не мог, о чем он не раз вспоминал с большим сожалением: «...все сии новые мои труды остались тщетными, ибо, живучи в деревне и не имея в Москве из содержателей типографии такого знакомого, каков был некогда г. Новиков, и который бы взялся печатать мои сочинения на свой кошт»².

Поэтому указатель к «Экономическому магазину» не был опубликован, а впоследствии и вообще оказался утерянным. В 1984 г. библиотека ВАСХНИЛ частично восполнила эту утрату, опубликовав библиографию А. Т. Болотова³. Правда, статьи, напечатанные

¹ Рус. старина. 1889. Т. 62, кн. 6. С. 535—576.

² Там же. С. 573.

³ Андрей Тимофеевич Болотов: (Библиогр.). М.: Центр. науч. с.-х. б-ка ВАСХНИЛ, 1984.

в свое время в «Сельском жителе» и «Экономическом магазине», приведены не полностью, но не помещенные не представляют большого интереса.

Декоративные сады

Наряду с плодовыми садами разводил Андрей Тимофеевич и декоративные (по его терминологии, увеселительные). Непременным элементом таких садов были цветочные растения. Цветы Болотов очень любил, они сопровождали его в течение всей жизни. Вернувшись в Дворяниново после отставки, он в первый же год разбивает перед окнами дома цветник, собирает в него новые виды растений, сам ухаживает за ними. «И с самого того дня сделался до цветов превеликим и таким охотником, что не проходило дня, в который бы не посещал я его [цветник] и по нескольку раз не умывал рук своих, замаранных землею при оправливании и опалывании цветов своих»⁴.

Цветники Андрей Тимофеевич рассматривал как составную часть декоративного сада, где в сочетании с другими элементами они позволяют создавать неповторимые по красоте и эстетическому воздействию ландшафты, и как самостоятельный объект такого же воздействия, но более доступный, требующий меньших затрат материалов, средств и труда, а также значительно меньшей площади. Когда не было возможности создать при доме декоративный сад, Болотов непременно устраивал цветник.

Со своим опытом в цветоводстве, а также с материалами иностранных авторов Болотов знакомит читателей «Экономического магазина» регулярно, то в виде общего руководства по возделыванию декоративных культур, их размножению и селекции, а также организации цветников, то в виде статей по отдельным цветочным растениям.

Описывая устройство цветников, Болотов различал в них три составных элемента: партеры, рабатки и сами растения. О первых двух он писал так: «Собственно *партерами* называю я те разные узоры, состоящие из кругов, косяков и косиц и других тому подобных фигур, кои обыкновенно делаются посреди цветников и усыпаются разными камнями и вещами,

⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 408.

самые же грядочки, на коих сажаются цветы, называются, как известно, *рабатками...*⁵ Как видно из приведенного текста, понятия партера и рабатов Болотова несколько отличаются от современных: партер он понимал значительно уже, а рабатки, наоборот, — шире (под «партером» сейчас подразумевают открытую часть парка, куда наряду с другими элементами полностью входят и цветники, а под «рабатками» — клумбы только прямоугольной формы).

Рассматривая партеры как свободную от цветочных растений территорию цветника, Болотов предлагал различные приемы ее содержания: партеры можно усыпать песком, битым кирпичом, галькой и т. п., красивыми будут партеры, засеянные травами, — газоны. Однако свою декоративную роль они будут выполнять лишь в том случае, если на них нет сорной растительности. Для этого Болотов рекомендовал предварительно снимать с них верхний слой почвы (до материнской породы) и засыпать материалом, на котором ничего расти не будет. Газоны, по его мнению, следует засеивать травами низкорослыми, с нежным стеблем и почаще их подстригать.

Хорошо, когда партеры ограничиваются бордюрами. В поисках материалов для бордюров Болотов испытал многое, пробовал даже кости конечностей животных (очищенные и раскрашенные). В конечном счете рекомендовал следующие:

1) специально изготовленные гончарные изделия в виде цилиндрических трубок или каких-либо фигурных предметов по вкусу владельца цветника, устанавливаемых перпендикулярно;

2) кирпич, целый или половинки, укладываемые вдоль бордюра под углом;

3) деревянные изделия. Нижние концы, которыми они будут устанавливаться в землю, обжигаются, а наружным придается необходимая форма, они окрашиваются масляной краской в соответствующий цвет.

Партеры могут быть оживлены установкой на них различных предметов: статуй, бюстов, декоративных ваз и т. п.

Еще большее значение придавал Андрей Тимофеевич рабаткам. Они могут быть самыми разнообразными, но при этом всегда следует добиваться такого их

⁵ Экон. магазин. 1782. Ч. 12. С. 289.

сочетания с партерами, при котором цветники получали бы гармоническую красоту. Это достигается как правильным соотношением площадей партеров и рабаток, так и сочетанием формы тех и других. Вдоль длинных партеров Болотов рекомендовал ленточные рабатки, по ширине соответствующие ширине партера, а для центральных мест цветника — круглые рабатки или клумбы другой симметричной формы (звездообразные, в виде креста и т. п.). Клумба значительно украсится, если она будет путем дополнительной подсыпки земли приподнята над общим уровнем цветника. При обрамлении рабаток дерновыми бордюрами нужно подбирать траву, которая бы не разрасталась вширь. Лучшими для этой цели Болотов считал иссоп, душицу, пятилпачник. Почву для рабаток необходимо подбирать в соответствии с потребностями цветочных растений, которые будут на них выращиваться. Рабатки можно заполнять однородными растениями, если они небольшие по размерам. Крупные рабатки лучше засаживать культурами, различающимися и по размерам, и по окраске цветов.

Цветники

Как бы хорошо ни был сооружен цветник, какими бы красивыми ни были партеры и рабатки, но если он заполнен «ни к чему годною травой» — грош ему цена. Вот почему Болотов основное внимание при организации цветников уделял подбору цветочных растений. «Собственно цветы составляют третий и важнейший предмет, относящийся до цветников. В рассуждении их есть много вещей, кои не должны быть упускаемы из примечания: из них иные относятся до самого многообразия их в рассуждении дления (продолжительности жизни), роста, время цвета, доброты, натуры и свойств; а другие до расположения оных по цветникам; третьи же до посева, сажания, рассаживания и содержания оных во время роста»⁶.

На основе этого общего рассуждения Болотов далее проанализировал последовательный ход работ в цветниках с учетом биологических особенностей цветочных растений. Подразделив их на однолетние, двулетние и многолетние, Болотов советовал заводить растения из

⁶ Экон. магазин. 1782. Ч. 12. С. 321.

всех трех групп, причем у однолетников собирать семена каждый год и, кроме того, иметь резервный фонд.

Для правильного использования цветочных растений, как указывал Болотов, необходимо учитывать их внешнее строение (высоту, кустистость, прочность стебля).

Цветники должны выполнять свою функцию — служить украшением территории — с самой ранней весны до самой глубокой осени. Это вполне возможно, поскольку имеются растения, зацветающие так рано, что местами еще лежит снег, а есть и такие, у которых цветки покрываются снегом — предвестником зимы. Поэтому цветовод, чтобы обеспечить непрерывность цветения в своем цветнике, должен хорошо знать сроки и продолжительность цветения растений.

Цветочные растения

Сам Болотов в течение своей жизни собрал большую коллекцию цветочных растений. Во-первых, он приобретал образцы культурных сортов из частных садов и садов научных учреждений России и Западной Европы. Неоценимую услугу в этом отношении оказала ему популярность, которую Болотов приобрел своей склонностью к научным исследованиям. «Все знакомцы, друзья и соседи мои, власно как наперерыв друг перед другом, старались доставлять мне все, что кто имел из семян и произрастений таких, каких у меня еще не находилось... И как количество всех их было превеликое, все же они мне как новому и молодому эконому были совсем еще не знакомы и со всеми надлежало познакомиться, узнавать их натуру и свойства и как лучше их садить, сеять и размножать, то судите сами, сколько одни сии должны были меня занимать!»⁷

Вторым важным источником пополнения цветников новыми видами Болотов считал дикорастущие растения. Хотя по декоративным качествам они уступали культурным сортам, но было у них и явное преимущество: они были намного устойчивее к неблагоприятным условиям, особенно к суровым зимним невзгодам.

Во время своих поездок не упускал он случая,

⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 613.

чтобы не побродить по лесам и лугам, по берегам рек и озер в поисках новых растений. А уж если встречались ему красивые экземпляры, он тут же их выкапывал и доставлял в цветник. Вот небольшой отрывок из его воспоминаний: «Около самого сего времени завел я у себя прекраснейшие цветы, пестрые ирисы. Ездивши однажды за Серпухов... нашел я их в лесах тамошних и перенес их оттуда в цветники свои, чего они, по всей справедливости, были и достойны. Они и поныне еще украшают собою цветники мои и не посрамили бы и самые царские, а время и опыты научили меня, как их удобнее и размножать можно»⁸.

А чем не красавцы кипрейник или тот же лесной ландыш? Андрей Тимофеевич справедливо полагал, что недостаточная красота некоторых дикорастущих растений — дело поправимое. В благоприятных условиях возделывания (хорошая почва, удобрение, полив) и полевые цветы выглядят по-другому. Кроме того, Болотову было хорошо известно явление изменчивости растений при размножении их семенами и возможность путем отбора получать новые формы. О его работе по селекции тюльпанов уже рассказывалось. И наконец, ученый владел таким замечательным методом выведения новых сортов, как гибридизация. К сожалению, он ограничился главным образом теоретической его разработкой, а практическим скрещиванием растений с целью получения новых форм занимался мало.

Тем не менее, пользуясь различными способами, Болотов накопил богатый материал и во всех местах своего жительства имел прекрасные цветники.

Из раноцветущих растений Андрей Тимофеевич предпочитал гиацинты, нарциссы, тюльпаны. До начала зимы в его садах красовались анютины глазки, астры, мальвы. В течение лета радовали глаз цветы самых разнообразных красок и оттенков.

Чтобы сильнее впечатляла красота цветника, нужно, говорил Болотов, правильно располагать в нем цветочные растения, учитывая их особенности. Ведь растения так разнообразны: у одних цветки одиночные, у других собраны в соцветия, иногда самой причудливой формы; различаются цветки и соцветия по

⁸ Там же. Стб. 626.

величине, от малозаметных до таких, как корзинки подсолнечника. А богатство красок и аромата! Как все это сочетать, чтобы придать цветку высшее совершенство, порадовать человека красотой!

По всем основным вопросам организации цветников и содержания в них растений Болотов давал советы, не потерявшие значения и в наши дни. Вот лишь некоторые из них. Если у рабатки есть передняя и задняя части, а расположить на ней нужно и многолетние и однолетние растения, то на передней части лучше разместить однолетники, на задней же — многолетники, чтобы они не мешали обработке почвы под однолетние культуры. Если рабатка обзрима с обеих длинных сторон — целесообразно середину занять высокорослыми растениями, а края — менее высокими.

Цветовод должен хорошо знать растения по их устойчивости к неблагоприятным внешним воздействиям. Иначе может получиться так, что многолетники, погибнув зимой, оставят пустые места в цветнике, и его придется подновлять. Малозимостойкие растения нужно укрывать на зиму. Сроки посева однолетних растений можно определять с учетом устойчивости их к весенним заморозкам. Некоторые растения легко приживаются при пересадке, другие же совершенно ее не переносят. Тому, кто хочет иметь хорошие цветники, все это необходимо знать назубок.

Размножение цветочных растений

Одним из самых важных дел в цветоводстве, по Болотову, является размножение растений. Он основательно изучил эту проблему уже в середине XVIII в. и занимал в ее решении передовые позиции, твердо отстаивая наличие у растений пола и полового размножения. Мало того, Болотов четко сформулировал биологическое различие между вегетативным и половым размножениями. В первом случае потомство происходит с участием одного родителя и поэтому несет в себе только его признаки. Таким образом, если цветовод хочет сохранить сорт в чистоте, ему лучше размножать его вегетативно (отводки, клубни, луковички и т. п.). В половом размножении участвуют два родителя, и потомство будет уже другим, отличающимся от них. Этот способ следует применять, когда хотят получить новые сорта.

Много хороших советов давал Болотов в своих руководствах и статьях по технологии выращивания цветочных растений.

1. С осени запастись необходимым количеством горшков, ящиков, нужного состава почвы для посева цветочной рассады.

2. В феврале посеять: бальзамины, мирабилис, конвольвы, настурции, бархатцы.

3. Почву насыпать в горшки не до краев, с тем чтобы в дальнейшем можно было подсыпать и закрыть обнажившиеся корни рассады.

4. Сеять семена на разную глубину, в зависимости от их размеров: крупные поглубже, мелкие — на поверхность почвы.

5. Поливать первое время почаше теплой водой, опрыскивая «с веничка».

6. Растения держать на окнах, обращенных на юг или на восток.

7. Регулярно поворачивать горшки, чтобы растения не вытягивались в одну сторону.

8. Растения, не переносящие пересадку, сеять сразу на постоянное место или пересаживать вместе с горшком.

9. Летники высевать в грунт после того, как минут сроки возможных заморозков, почву перед посевом следует поливать.

10. Высадку рассады в грунт производить вечером, поливать до приживания растений.

11. Для растений со слабым стеблем делать опоры или подвязывать.

12. Регулярно удалять сорные растения.

13. Растения с недостаточной морозостойкостью предохранять от зимней стужи путем укрытий.

Общие замечания о цветах

В заключение считаем необходимым коротко остановиться на его работе «Общие замечания о цветах». В ней интересен прежде всего оригинальный подход к изложению материала. Поскольку задачей статьи было ознакомление читателей с биологической характеристикой основных цветочных растений, а признаки и свойства у многих из них повторяются, то во избежание повторов Болотов применил следующую форму изложения. Сначала он под номерами дал список растений с

очень короткими примечаниями. А затем выделил группы по определенным признакам и свойствам и разместил в них растения по присвоенным номерам. В качестве примера сделаем несколько выписок из статьи: «Итак, надобно знать, что из всех вышеупомянутых цветов высокий рост имеют означенные под номером 4, 9, 11, 12, 18... Средний же — 1, 3, 5, 7... Низкий же рост имеют — 2, 20, 25... Самый же низкий — 6, 19...

Цветущие весною рано и до наступления лета суть: 1, 2, 3, 4... цветущие в начале и посреди лета: 9, 11, 12... цветущие же позднее сих и цветы имеющие и в самую глубокую осень: 18, 19, 23...»⁹

В этом первом русском руководстве по цветоводству Болотов описывает 60 ботанических родов. Правда, Андрей Тимофеевич оговаривается, что цветочных растений существует значительно больше, и он рассматривает только наиболее распространенные. Мы сравнили ассортимент растений, приведенный в работе, с имеющимся в современных садах и парках. Оказалось, что большинство растений, перечисленных Болотовым, выращиваются и сейчас. Удивляет отсутствие в списке таких в наше время распространенных растений, как розы, гладиолусы, георгины, флоксы, бегонии, канны, примулы, сальвии. В то же время в число цветочных растений Болотов включил томаты (под названием «любовное яблочко») и дикий перец, разводившиеся раньше ради красивых плодов, а также подсолнечник.

Руководство к познанию лекарственных трав

В научном наследии А. Т. Болотова видное место занимают ботанические работы. Они явно преобладают не только в количественном, но и в качественном отношении, так как наиболее интересные открытия Болотова, наиболее серьезный вклад его в биологическую науку в первую очередь связаны с ботаническими исследованиями — многочисленными наблюдениями за жизнью растений и хорошо поставленными опытами в этой области. Следует подчеркнуть, что Болотов-ботаник неотделим от Болотова-агронома, в широком смысле этого слова — Болотова-врачевателя. Все его ботанические работы преследовали практические цели: хорошее зна-

⁹ Экон. магазин. 1782. Ч. 12. С. 362—363.

ние растений использовать для повышения продуктивности полей, лугов, пастбищ, садов, огородов; улучшения качества получаемой продукции. В свою очередь, решая те или иные производственные задачи, Болотов «испытывал натуру», познавал закономерности биологических явлений.

Рассмотрим лишь основные работы по морфологии и систематике растений, в том числе серию статей под общим названием «Руководство к познанию лекарственных трав»¹⁰. Эта работа Болотова является первым оригинальным русским руководством по морфологии и линеевской систематике растений. Во вступительной части, ознакомив читателей с тем, как ученые определяют растения, Болотов с горечью отмечал: «Вот порядок, каким узнают ботаники травы! Но не всякому им в сем случае подражать можно: обстоятельство, что на нашем языке еще нет таких книг, в которых бы все растущие в России травы и произрастения систематическим образом и по классам и статьям [семействам] были обстоятельно описаны и каковая необходимо нужна при ботанизировании, может мешать многим, а особливо не знающим иностранных языков»¹¹.

Восполнить этот пробел, дать своим соотечественникам руководство, которое помогло бы им изучить строение растения и на этой основе определить его систематическую принадлежность,— такую задачу и ставил Андрей Тимофеевич, публикуя свои статьи. Следует сказать, что это ему вполне удалось. Во-первых, Болотов ко времени написания руководства уже имел богатый опыт изучения российской флоры, его гербарий насчитывал многие сотни растений, так что морфологические характеристики видов, родов и семейств он давал на основе собственных материалов, что делало их надежными. Во-вторых, красочный и образный язык Болотова позволял ему производить описание растений настолько четко и выразительно, что даже начинающему не составляло большого труда правильно определять их.

В основу классификации растений Болотов положил систему К. Линнея, которая к тому времени была принята большинством ботаников. Соответственно с этим

¹⁰ Там же. 1781. С. 7. № 53. С. 3—14; № 56. С. 49—60; № 59. С. 97—109; № 62. С. 145—157; № 63. С. 163—173; № 65. С. 193—205; № 67. С. 225—239; № 70. С. 273—282.

¹¹ *Болотов А. Т.* Избр. соч. С. 358.

он построил свою схему морфологического описания растений начиная с их органов размножения. Здесь Болотов перечисляет их важнейшие части: тычинки, пестики, венчик, чашечку, плоды, семена, а затем дает их довольно подробную характеристику на примере конкретных наиболее известных растений.

После цветков и связанных с ними плодов и семян Болотов знакомит читателей со стеблем и его ветвями, а также со способами расположения цветков на стебле, в том числе с группировкой цветков в соцветия.

Следующие разделы работы посвящены листьям и их видоизменениям, а также корневой системе. Как и в случае с цветками и соцветиями, Болотов подчеркивает удивительное разнообразие в строении листьев и корней и приспособленность их к определенной среде обитания: «Кроме сего, и самое положение кореньев в земле не недостойно замечания, ибо в том сделала натура великую разницу и предписала каждому из них особый закон не только каким ему вырастать, но и как рост и куда простираться, и потому одни из них растут прямо вниз и, простираясь в глубину земли, уходят иногда до нескольких аршин, а другие, напротив того, простираются плашмя подле поверхности земной, третьи простираются вкось, четвертые все крючками и закорючками изгибаются и никогда не растут прямо, пятые расплазуются подле самой поверхности земной и простираются либо во все, либо в которую-нибудь одну сторону и очень далеко и т. д.»¹²

Рассмотрим руководство А. Т. Болотова по морфологии растений более подробно.

В цветке (в широком смысле слова) ученый различал основные части, тычинки и пестики, которые представляют собою собственно органы полового размножения, и второстепенные, чашечку и венчик, выполняющие функцию защиты основных органов от неблагоприятных внешних условий. Рассматривая цветок в развитии, он включал в него и образующиеся семена, а также окружающий их околоплодник.

Тычинки («гвоздочки» по терминологии Болотова) характеризуются большим разнообразием как по числу, так и по строению. Болотов подчеркивал, что число тычинок представляет собою важный систематический признак, определяющий принадлежность растения к

¹² Там же. С. 375—376.

тому или иному классу. Из других отличительных признаков ученый обращал внимание читателей на строение «спичек или волоти» (по современной терминологии — тычиночные нити), которые могут быть длинными и короткими, толстыми и тонкими, иметь разную окраску; строение шляпок (пыльников), различающихся формой, способом расположения на волоти, весьма разнообразной окраской, от белой до черной; строение семенной пыли (пыльцы).

В пестиках Болотов, как и современные ботаники, различал три основные части: яичник или семенное гнездо (завязь), столбочек (столбик) и струпики (рыльце). Ему были известны три типа завязи в зависимости от места соединения ее с околоцветником. «В некоторых цветах находится он [яичник] в самом центре или во внутренности цветка и по большей части укрыт многими другими частями цветка и скрыт от нашего зрения, но у других вырастает он совсем ниже цветка и под исподом оного, и в сем случае виден он и приметен, как, например, зародыши огурцов или у яблоней и груш. Наконец, есть и такие цветки, у которых половина под цветком, а другая — в цветке и скрыта»¹³ (в современной ботанике — верхняя, нижняя и полунижняя завязи).

Столбики характеризуются Болотовым главным образом по их числу и устройству, в том числе признакам, позволяющим отличать столбики от тычинок. Описывая рыльце, ученый обращает внимание на такую важную особенность, как появление на его поверхности в период созревания «некакой клейкой влажности, дабы упадаемая на него из семенных гвоздочков пыль тем удобнее могла приставать и производить определенное натурою действие» [оплодотворение].

По мнению Болотова, нигде природа не проявила такой щедрости фантазии, как в строении цветков. Недаром человек испокон веков старался обставить свое жилище и снаружи и внутри цветочными растениями.

Разделив растения по строению цветков на две большие группы: однолистные и многолистные (что соответствует современным со спайнолепестными цветками и раздельнолепестными), Андрей Тимофеевич на конкретных растениях показывал строение главных

¹³ Там же. С. 300.

типов цветков. Для примера приведем его описание цветка губоцветных: «Сии цветки устроены таким образом: сперва произвела в них натура узенькую... трубочку, которая бывает иногда нарочно длинна, а иногда короче. Сия трубочка разгибается потом на две губки, из которых одна загибается вверх и бывает разрезана на две лапки или изогнута желобком и шляпкою, а другая губка висит вниз и по большей части разрезана бывает на три разноманерно искривленные и испещренные лапки...»¹⁴

Семена А. Т. Болотов совершенно правильно рассматривал в качестве зародыша будущего растения, снабженного запасом питательных веществ, необходимых для его развития до тех пор, пока он не перейдет на самостоятельное питание. Для защиты зародыша от неблагоприятных внешних условий семена снабжены различного рода предохранительными устройствами. В качестве примеров Болотов приводил бобы и стручки мотыльковых растений, коробочки маковых и лилейных, твердые косточки вишен, слив и т. п. В ряде случаев природа соединила функцию защиты зародыша с приспособительной функцией для распространения вида в новые ареалы. Таковы, например, ягоды. Птицы, склевывая их, перелетают на другие места и там выбрасывают семена с экскрементами.

Большое внимание Болотов уделял расположению цветков на растении, считая, в частности, устройство соцветий важным систематическим признаком. Здесь он прежде всего различал одиночное расположение цветков на растении и группировку их в разного рода соцветия. Примером первых были тюльпаны и нарциссы. На вторых, поскольку их подавляющее большинство, Болотов останавливается подробнее. Для своего времени он довольно точно классифицирует соцветия, выделяя среди них такие, как кисть, зонтик (простой и сложный), колос, головка, корзинка. В соцветии сложноцветных Болотов различал цветки трубчатые и язычковые.

Болотов был твердым приверженцем теории существования пола у растений, которая в те времена разделялась далеко не всеми учеными, и широко использовал свой журнал для ее пропаганды. Описывая расположение цветков у растений, он не преминул под-

¹⁴ Там же. 363.

черкнуть их половую природу на примере обоеполых цветков и однополых, двудомных и однодомных растений.

Классификацию растений по распределению пола ученый иллюстрировал следующими примерами: двудомные растения — конопля (мужские особи — посконь, женские — головичник), шпинат; однодомные — огурцы, арбузы, кукуруза; растения с обоеполыми цветками — подавляющее большинство.

Вегетативным органам растений в отношении систематической значимости Андрей Тимофеевич придавал меньшее значение по сравнению с цветками, тем не менее считал, что «для распознавания какой-нибудь травы требуется рассмотрение и оных».

В наземных органах он описывал отдельно ствол, ветви и листья. При анализе строения стволов отмечалось, что некоторые растения совсем не имеют стволов, ограничиваясь прикорневой розеткой листьев, из которых развиваются цветonoсные побеги, у других она существует лишь первый год, а затем вырастает стебель с листьями и цветками. Стволы Болотов делил прежде всего по высоте и прочности тканей (деревья, кустарники, травы); кроме того — по строению: со сплошным заполнением тканью, полые внутри, с междоузлиями и т. п.; прямостоящие, стелющиеся, ползающие, вьющиеся и т. п.

Большое разнообразие растений Болотов отмечал по строению кроны у деревьев и расположению листьев у трав. У деревьев сучья могут располагаться поочередно и мутовками, отходить от ствола под углом вверх, перпендикулярно или опускаться вниз. Травы могут иметь стебель простой и ветвящийся с различным расположением листьев: по очереди спирально, парами напротив друг друга, мутовками. У некоторых растений стебель снабжен шипами или иголками.

Еще большее разнообразие, по мнению Болотова, наблюдается в листовом аппарате: «В рассуждении устройства и расположения листьев употребила натура еще гораздо более хитрости и искусства, нежели в других частях, и многообразие их так велико, что тому довольно надивиться не можно»¹⁵.

По морфологии листьев Болотов различал следующие группы растений: с сидячими листьями, черешко-

¹⁵ Там же. С. 372.

выми и стеблеобъемлющими; с простыми и сложными; сложные, в свою очередь, могут быть раздельными, рассеченными и перистыми; листья различаются по форме листовой пластинки, по краю листа, по характеру жилкования, опушенности, наличию восковидного налета или глянца и т. д.

Хотя корневую систему растений использовать для их определения значительно сложнее, поскольку она размещена в почве, тем не менее ботаники привлекают ее в качестве систематического признака. Болотов рекомендовал при изучении растений обращать внимание на следующие особенности корневой системы: строение в виде мочки (у злаковых растений); наличие стержня (редька, морковь и т. п.); строение корневых ответвлений в виде четок; корневая система имеет вид разветвленной сети корневищ; многие корни обладают характерным вкусом и запахом, что может служить отличительным признаком.

В чем нам видится особое значение «Руководства к познанию лекарственных трав» А. Т. Болотова? Об одном его аспекте уже было сказано: это первое русское руководство по морфологии и систематике растений. Второй заключается в том, что, разрабатывая вопросы морфологии растений, Болотов заложил основы русской научной ботанической терминологии. Для того времени это была необходимая и важная задача. Ведь даже спустя 50 лет после выхода в свет его «Руководства» М. А. Максимович писал о ботанике, что и теперь «необходимо еще сроднить науку с языком нашим», поскольку многие ботанические объекты не имели русских названий. Болотов ввел в употребление ряд русских морфологических терминов, из которых многие целиком или в слегка измененном виде сохранились до наших дней (пестик, тычка — тычинка, столбочек — столбик, чашка — чашечка и др.).

Третью важную роль «Руководство» Болотова сыграло в накоплении материала по изучению отечественной флоры. Конечно, эта работа по масштабу и значению не может сравниться с исследованиями, проведенными знаменитыми экспедициями П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина и др. Но тем не менее ее нельзя недооценивать. Весь иллюстративный материал почерпнут Болотовым из местной флоры. Ранее уже упоминалось о большой его работе по изучению растений в окрест-

ностях Дворянинова и систематическому сбору гербария. Приведем еще воспоминания Андрея Тимофеевича о его ботанических исследованиях в период жизни в Киясовке: «Между тем не позабыл я и о своем ботанизировании, но с самого наступления весны отыскивал везде в садах, полях, лесах, лугах и в самых усадьбах все новые и мне неизвестные еще травы и при помощи своей ботанической книги с ними познакомился; и как я в том с особливим усердием трудился и занимался тем во все течение лета, то могу сказать, что сей год [1775] был для меня прямо ботаническим и я познакомился в оный почти со всеми в наших местах самородно растущими лекарственными травами»¹⁶.

Другие работы по морфологии растений

Было бы неверно связывать разработку вопросов морфологии и систематики растений только с «Руководством к познанию лекарственных трав». Эти ботанические проблемы затрагивались Болотовым во многих его работах. Так, в статье «Общие замечания о цветах» (1782) содержится весьма интересный материал по морфологии и систематике декоративных садовых растений. В статье «Об истреблении костеря из пшеницы» (1773) приводится аналогичный материал по сорным растениям. В «Экономическом магазине» опубликованы статьи с описанием около 250 видов овощных, цветочных и лекарственных растений. В статьях Болотов обычно давал систематическую «справку», морфологическую характеристику и подробные сведения о практическом применении видов.

Нельзя не отметить прогрессивность научных взглядов Болотова и в области морфологии растений. Так, описывая строение цветка, он исходит из признания пола у растений. В отличие от ряда морфологов, которые при описании растений ограничивались сухим изложением их морфологических признаков, Болотов пытался связать строение растений с их биологическими отправлениями, увидеть за морфологическими структурами их приспособительное значение. Особенно ярко это проявилось при описании плодов и семян. Внимательное изучение и повседневные наблюдения

¹⁶ Там же. Т. 3. Стб. 513.

позволили ему легко обнаружить важную роль в распространении плодов и семян таких приспособлений: с помощью ветра — всякого рода пушинок, перышек и крылышек; для переноса с помощью животных — различных крючочков и зацепок; «естественных пружинок», обеспечивающих разбрасывание семян. От внимания Болотова не ускользнул и такой факт, как распространение семян прибрежных растений с помощью воды.

А какие оригинальные мысли высказаны Болотовым о семенах растений в статье «Об истреблении костера из пшеницы»! Так, обнаружив одновременное прорастание семян у некоторых сорняков (оно бывает растянуто на 2—3 года и более), Болотов объяснил это явление тем, что условия не всегда благоприятны для растений, и дружное прорастание всех семян в неблагоприятный год может привести к гибели вида (по крайней мере в данном месте).

Как и во многих других случаях, исследования по морфологии растений позволили Болотову прийти к важным практическим результатам. В качестве примера можно привести разработанный им метод отделения семян сорняков от семян культурных растений, основанный на различиях в их форме. Урожай таких культур, как пшеница, овес, ячмень, часто бывает засорен семенами диких горошков. Болотов предложил в таких случаях сыпать смесь на гладкую наклонную поверхность (например, наклоненный под определенным углом стол). Продолговатые и шероховатые семена зерновых при этом медленно поползут вниз, а гладкие семена горошка будут быстро скатываться, получая значительное ускорение. В результате семена зерновых упадут сразу у края стола, а семена горошка значительно дальше. Если в местах падения поставить две емкости, семена окажутся разделенными. Еще не так давно в колхозах и совхозах применялись машины для очистки семян от сорняков или для отделения урожая вико-овсяной (горохо-овсяной) смеси, основанные на этом принципе («горки», «змейки»).

Работы по морозостойкости растений

Всю свою долгую жизнь прожил А. Т. Болотов в центральной полосе России с ее довольно суровыми зимами. А поскольку имел он дело с озимыми и мно-

голетними культурами, то ему не раз приходилось наблюдать, как мороз расправляется с незащитными растениями. Такими они бывают, если опеку над ними не возьмет человек, причем и летники, которым зима не грозит, порой попадают в беду из-за холодов: то запоздалые утренники нет-нет да и потревожат растения, то преждевременные осенние заморозки сделают свое «черное дело»: еще вчера радовали глаз веселые цветущие рабатки, а сегодня — кладбище с поникшими почеревшими растениями.

Вот почему Андрей Тимофеевич не мог оставить без внимания важную для сельских хозяев проблему холодоустойчивости растений. В серии статей¹⁷ он обстоятельно анализирует воздействие мороза на растения, устойчивость различных видов к холодам, а также устойчивость растений одного вида на различных этапах его развития. Как всегда Болотов не ограничивается научным анализом проблемы, а сопровождает его практическими рекомендациями по защите растений от неблагоприятного природного явления.

Прежде всего Болотов считает необходимым рассматривать отдельно влияние мороза на деревья и травянистую растительность (травы зимой, как правило, укрыты снегом, у деревьев же крона всегда над снегом). Большое значение для зимостойкости деревьев, считал Болотов, имеет состояние погоды в течение лета. Если оно холодное и дождливое, деревья не успевают нормально завершить свой биологический цикл и подготовить свои органы к зимовке. Невызревшие ткани деревьев, и особенно почки, обычно повреждаются морозом. Корневая система, укрытая снегом, страдает значительно реже, главным образом при сильных морозах в малоснежные зимы.

Основную причину повреждения деревьев морозом Болотов видел в большом количестве «жидкого» сока. В хорошо вызревших тканях сока значительно меньше и он «густой», в результате чего не замерзает даже при сильных морозах и не разрывает ткани.

Большое значение придавал Болотов сортовым особенностям плодовых деревьев: «... не все породы яблоней и груш претерпевают от морозов равные повреждения, ибо есть породы, которые почти никогда не за-

¹⁷ Экон. магазин. 1786. Ч. 25. № 3. С. 33—48; № 5. С. 71—79; № 6. С. 81—93; № 9. С. 129—143; № 10. С. 145—156; № 11. С. 166—172.

мерзают; некоторые же повреждены бывают более, другие менее, а некоторые по натуре своей особенно к тому склонны»¹⁸. Поскольку яблони и груши весьма долговечны, для средней полосы России необходимо тщательно подбирать сорта по признаку устойчивости к морозу.

Сам по себе мороз еще не так страшен. Главная опасность заключается в сочетании мороза с другими погодными факторами, особенно с влажностью почвы и воздуха: «...главную причиной всем от мороза повреждениям есть влажность; почему все то, что к сей влажности повод подать может, делает действительные мороза для произрастений опаснейшим; а все то, что может разгонять сию влажность или подавать к тому повод, несмотря какова б стужа велика ни была, худым действиям жестокого мороза мешает»¹⁹. Болотов рекомендовал в садах, расположенных на склонах, вверху сажать более теплолюбивые сорта, а внизу — морозостойкие.

Не менее опасны, чем зимние морозы, ранневесенние заморозки. Как правило, они бывают в солнечную погоду. Днем деревья хорошо прогреваются, соки начинают циркулировать. А ночью мороз, иногда довольно сильный, превращает их в твердую массу, которая разрушает ткани. Наиболее опасно многократное чередование солнечных дней с морозными ночами: у деревьев появляются морозобоины, яблони год от года хиреют и гибнут.

Главное средство защиты деревьев от морозобоин Болотов видел в обвязывании стволов и крупных сучьев чем-нибудь защищающим их от солнечных лучей (сейчас чаще всего применяют побелку известью, что одновременно дезинфицирует деревья).

Задержка с листопадом у яблонь и груш делает растения менее устойчивыми к морозам. Зарубежные садоводы рекомендовали в таких случаях искусственное удаление листьев. В качестве доказательства эффективности этого приема приводился следующий пример. В 1709 г. в Европе была жестокая зима, плодовые деревья погибли, а шелковицы, листья с которых ошпыльвались для выкармливания шелколичных червей, хорошо перезимовали. Болотов советовал своим

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 45.

читателям проверить этот прием на плодовых деревьях, полученных от прививки черенков, привезенных из Малороссии (Украины), а стало быть, и более теплолюбивых.

Переходя к овощным и цветочным растениям, Болотов отмечал их преимущество перед деревьями в том, что они зимой, как правило, бывают полностью укрыты снегом, что надежно защищает их от мороза.

Весьма важным обстоятельством в выживании растений после действия мороза Болотов считал процесс их размораживания. Если он будет происходить постепенно, растения не погибают. В соответствии с этим он давал ряд практических советов. Желательно, например, чтобы растения после воздействия мороза не подвергались сразу действию солнечных лучей. Растения лучше переносят морозы, если они освещаются солнцем после полудня. Поэтому хорошо иметь преграды для солнечных лучей с восточной стороны.

Для предохранения растений от излишней влажности, которая усиливает действие мороза, следует избегать посадки зимующих растений на низких и сырых местах.

Плохо зимуют растения, пересаженные поздно осенью. Кроме того, что они не успевают хорошо укорениться, при поздней пересадке часто происходит выпирание растений (как это случается с озимыми хлебами, посеянными в свежевспаханную почву) с последующим обнажением корней. Также плохо переносят зимовку растения, у которых поздно произведена обрезка.

Болотов предупреждал читателей, что следует относиться осторожно к укрытию растений на зиму навозом и соломой. В ряде случаев оно вместо пользы может принести вред. В частности, по его мнению, не следует укрывать растения, уходящие в зиму с листьями, — салаты, капусты и др.

Для предохранения от весенних заморозков парниковых растений Болотов советовал применять укрытие соломенными матами или рогожами (на ночь класть, утром убирать).

Плохо зимуют больные и слабые растения. Первые нужно удалять, а слабым (в случае их ценности) помочь в перезимовке. Например, если слабое растение представляет собою вегетативное потомство и соединено с исходной формой, его ни в коем случае не следует

отделять от материнского растения, лучше сделать это весной.

Зимующие растения надо готовить к зиме заранее: сеять не густо, чтобы сеянцы не заглушали друг друга, в противном случае они будут тянуться и вырастут ослабленными. Нельзя запаздывать с посевом, иначе в растениях не успеют пройти жизненные процессы, необходимые для зимовки. Следует своевременно удалять сорняки, укреплять растение поливкой, удобрением.

Андрей Тимофеевич рекомендовал не спешить с выбраковкой растений после перезимовки, если они кажутся погибшими. У многих из них имеются спящие точки роста, за счет которых они могут возобновить свою жизнедеятельность. Происходит это не сразу: многие тронутся в рост после теплых весенних дождей.

Труды по почвоведению

Основой основ в сельском хозяйстве Андрей Тимофеевич справедливо считал землю. Именно она создает благополучие человека. Недаром русский народ испокон веков любовно относился к земле, наделяя ее ласковыми эпитетами, такими, как земля-матушка, земля-кормилица. Однако любовь сильна взаимностью. Земля отблагодарит человека высоким урожаем только в том случае, если и он позаботится о ней: хорошо обработает, хорошо удобрит и т. д. Болотов с горечью указывал, что многие помещики нерадиво относятся к земле. Даже живущие постоянно в деревне стараются лишь побольше получить от нее, считая ее возможности безграничными.

Болотов резко критиковал хищническое отношение к природным богатствам — почве, лесу, водным источникам — и призывал вести хозяйство на строго научной основе. А для этого, по его мнению, в первую очередь нужны знания. Нельзя, например, правильно пользоваться землей, не зная особенностей каждого ее участка. Чтобы помочь владельцам земли в изучении почв, Андрей Тимофеевич опубликовал в «Экономическом магазине» серию статей по почвоведению²⁰. Прежде всего он обращает внимание земледельцев на огромное разнообразие почв: по местоположению, рельефу, механическому

²⁰ Экон. магазин. 1784. Ч. 18. № 40—44, 46, 51; 1788. Ч. 34. № 27, 40, 41; Ч. 36. № 94, 101, 102; Ч. 39. № 63; Ч. 40. № 96.

составу, физическим и химическим свойствам. Конечно, говорил Болотов, многие хозяева различают свои почвы по ряду признаков, например: делят их на хорошие, средние и плохие. Но этого слишком грубого деления совершенно недостаточно, чтобы разумно вести хозяйство. Почвы требуют более тонкого подхода и более точной градации. По этому поводу Болотов писал: «Каждый сорт пашенной земли требует во многих пунктах и особого возделания или обработки; и потому искусному хлебопашцу надлежит уметь различные свойства своих пашенных земель усматривать и различать, буде не хотеть, чтоб он в надлежащем возделании оных делал важные какие-нибудь погрешности»²¹.

При определении качества земли Болотов рекомендовал руководствоваться следующими признаками хорошей почвы: 1) черный или темно-серый цвет (при этом он оговаривал, что есть и исключения, например, болотные торфяные почвы чаще всего черные, но бесплодные); 2) у хороших почв темный цвет мало меняется после воздействия солнечных лучей или дождя; хорошие почвы мало или совсем не растрескиваются при сильной жаре; 4) после дождя на них не образуется корка или «белесая скорлупа»; 5) в солнечную погоду после дождя хорошая почва издает приятный запах; 6) она не раскисает после дождей, а впитывает в себя необходимое количество воды, «излишнюю пропускает сквозь себя, ровно как сквозь сито»; 7) впитанную воду долго удерживает в себе, в результате чего имеет равномерную влажность в течение длительного времени.

Высокая степень наблюдательности позволила Болотову достаточно точно уловить взаимосвязь между внешними признаками почвы и ее плодородием.

По механическому составу Болотов делил почвы (как и в современном почвоведении) на тяжелые и легкие. Тяжелые почвы, «когда части ее лежат плотно и крепко друг к другу и имеют между собою прочную связь», — это главным образом глинистые. Легкие почвы — когда связь между частичками непрочная, почвы рыхлые — песчаные. Болотов считал целесообразным смешивать тяжелые почвы с легкими. Достигать этого можно двумя способами: 1) перевозкой легкой почвы на поля с тяжелой почвой (или наоборот), 2) переме-

²¹ Там же. 1788. Ч. 36. С. 241.

шиванием в случаях, когда небольшой слой одного вида почвы находится непосредственно над другим.

Андрей Тимофеевич знал, что почвы различаются и по химическому составу. В одной из своих статей он писал так: «Земель есть следующие три главные рода, а именно: 1) алкалическая, которая... не набралась еще приметно кислоты; 2) кислая...; 3) стиптическая,²² то есть такая, которая ни кисла, ни алкалическа»²².

Из этих слов видно, что Болотов различал почвы со щелочной и кислой реакцией: естественным процессом он считал закисление почвы.

Для определения свойств почвы земледелец должен производить ее анализ. Точных приборов в те времена, конечно, не было, но все же Болотов уже мог рекомендовать наряду с органолептическими методами кое-что и из объективных приемов. Тот, кто провел бы весь комплекс анализа, предложенного Болотовым, получил бы более или менее достоверные данные о качестве почвы.

Визуально можно определить структуру почвы, ее цвет; по запаху (лучше определение делать после дождя) — наличие тех или иных веществ (неприятным запахом сопровождаются процессы, ухудшающие земледельческие достоинства почвы, и, наоборот, приятный запах характерен для более плодородных почв). Путем осязания (на ощупь) опытный земледелец может составить некоторое представление о качествах почвы (рассыпчатость, тяжесть, «жирность» и др.).

Ряд приемов анализа Болотов рекомендовал проводить с помощью воды. Многие из них применяются и в современном анализе. Таковы, например, определение способности почвы к набуханию, ее влагоемкости. Количество солей в почве можно находить так: готовят настой почвы в воде, затем помещают часть его на стекло и выпаривают, по количеству осадка на стекле судят о присутствии солей (растворимых).

Учил Андрей Тимофеевич своих читателей определять и кислотность почвы. Делалось это следующим образом. Почва кипятилась в воде, раствор фильтровался через сукно, затем к нему добавлялся сок из цветков с фиолетовой окраской (фиалка, ирис). Появление зеленой окраски свидетельствовало об «алкалическом» характере почвы, красной — о кислом. Как

²² Там же. 1784. Ч. 18. С. 211.

известно, и в наши дни полевая проверка реакции почвенной среды проводится с помощью индикаторов — веществ, меняющих окраску в зависимости от pH.

Часть почвенных анализов Болотов проводил с применением винного спирта. Чем более темную окраску имела спиртовая вытяжка, тем лучшей считалась почва (в раствор переходили гуматы).

Вполне естественно, что при изучении почвы Болотов не мог пройти мимо чернозема. Неоднократно бывая в Тамбовской губернии, где у него имелась земля, он мог во время посздок сравнивать почвы разных мест и установить очевидное преимущество чернозема. Вот как он охарактеризовал эту почву: «Черная полевая земля есть натуральное богатство, которым немногие места могут хвалиться». И тем не менее даже при высоком естественном плодородии чернозема тех времен Болотов считал целесообразным применение на этих почвах навоза. Какой пример для многих современных агрономов, избегающих работать с навозом не только на черноземах, но и на подзолах Нечерноземной зоны!

Большое значение Болотов придавал взаимоотношениям между почвой и растением. Сельскохозяйственные культуры характеризуются определенными потребностями, считал он, и не каждая почва в состоянии надежно удовлетворить эти потребности. «Но примечать надлежит, что как не все сорта хлебов и полевых продуктов на каждой земле хорошо растут и роятся, то и земледельцу не всегда и не везде все оные сорта хлебов у себя сеять можно; но он должен всегда сообразоваться с натурою и состоянием своих пашенных земель и сеять только те, которые к его земле приличны и с натуральными ее свойствами согласны»²³. Как иногда не хватает подобного подхода современным руководителям и специалистам колхозов и совхозов, когда, неразумно укрупняя поля (особенно в Нечерноземной зоне), они создают почвенный конгломерат, а затем, засевая его одной культурой, получают поле, на котором «где густо, где пусто, где нет ничего»!

Еще более дифференцированный подход к удовлетворению потребностей растений в почве можно осуществить в цветниках и для комнатных растений. Небольшое количество почвы в этих условиях позволяет

²³ Там же. 1788. Ч. 36. С. 354.

готовить ее искусственно и «подгонять под вкус» каждого конкретного вида.

Хотя почва и представляет собою природный объект, человек может значительно воздействовать на нее, причем в обе стороны: и ухудшать, и улучшать. Хороший хозяин тот, кто улучшает почву. Из приемов улучшения почвы Болотов рекомендовал: регулярное внесение навоза и других видов удобрений (в том числе посев и запашку различных растений или так называемое зеленое удобрение); правильную (самую разумную для данного поля, в данных условиях) обработку почвы; известкование кислых почв; поддержание почвы в рыхлом состоянии.

Интересные мысли высказывал Болотов по поводу вовлечения в сельскохозяйственное производство болот путем их осушения. Первое, о чем должен подумать хозяин, прежде чем браться за осушение, будет ли пригодна почва для возделывания растений. Об этом можно судить по растительности в самом болоте и на прилегающих к нему местах. Кроме того, весьма важно знать: можно ли осушить болото доступными и дешевыми средствами? Если на оба вопроса ответ положительный, можно приступать к осушению. Болотов предлагал следующую технологию осушительных работ.

В зависимости от местоположения болота и его соотношения с ближайшей речкой или ручьем намечается система каналов: главного (спускного) и боковых (собирательных). Глубина каналов подбирается таким образом, чтобы при наименьших затратах труда и средств обеспечивалось наиболее быстрое осушение болота. Для удобства работ спускной канал Болотов рекомендовал копать от речки, куда будет сбрасываться вода, а боковые — от сухого берега. Лучшим сроком проведения осушительных работ он считал август, поскольку к этому времени болото максимально освобождается от зимне-весенних вод, а осенних осадков еще нет.

Советы с земледельцами.

Метеорологические наблюдения

Андрей Тимофеевич никогда не ограничивался лишь собственными исследованиями. Придерживаясь принципа: «Ум хорошо, а два лучше», он старался для решения всех проблем привлекать опыт других людей,

тем более что условия ведения хозяйства бывают весьма многообразны: что хорошо для одного места, может оказаться совсем некстати в другом. Так, ему постоянно приходилось наблюдать, насколько различными могут быть почвы даже в одном хозяйстве. Вот почему при подготовке материала для статей по почвоведению Болотов обратился к читателям «Экономического магазина» с просьбой сообщить в журнал результаты наблюдений и практических сведений (в зональном разрезе) по ряду вопросов, в том числе о наиболее рациональных приемах перевода земли под лесами и кустарниками в пашню, а также «не случилось ли кому через практику узнать что-нибудь полезное и примечания достойное в рассуждении поправления глинистых, пещаных, сырых и другого рода худых неплодородных земель?»²⁴; о лучших способах обработки ковыльных степей; как рациональнее использовать черноземы; о приемах накопления навоза и компостов и их использовании; о способах обработки почвы и орудиях для этой цели.

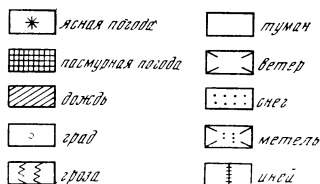
Болотов предупреждал своих будущих корреспондентов, что лучшими приемами использования почвы он считает те, которые не только позволяют получать большой урожай в данный год, но и обеспечивают сохранность плодородия почвы на будущее, а еще лучше, если повышают ее плодородие. Ориентируясь в своих связях с земледельцами на помещиков, Болотов не гнушался и опытом крестьян, рекомендуя: «... с самими поселянами и простыми мужиками советоваться и обо многом спрашивать»²⁵.

Жизнь и благополучие земледельца теснейшим образом связаны с погодой. Даже в наше время, когда научно-технический прогресс, с одной стороны, позволил проникнуть в довольно глубокие тайны «кухни погоды», а с другой — обеспечил сельское хозяйство возможностями сглаживать ее «капризы» (орошение, тепличное хозяйство и т. п.), зависимость земледельца от погоды еще велика. Во времена же, о которых мы говорим, крестьянин жил в постоянной тревоге за урожай: зимой хлеба частенько вымерзали, летом засухи порой нацело выжигали поля. Так называемые голодные годы были постоянным спутником крестьян,

²⁴ Там же. 1782. Ч. 9. С. 55.

²⁵ Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 5. С. 16.

Рис. 8. Условные знаки, применявшиеся А. Т. Болотовым для обозначения погодных явлений в метеорологическом журнале

и тогда вымирали целые деревни.

А. Т. Болотов прекрасно понимал зависимость земледельца от погоды. Знал он и то, что предсказания погоды того времени не имели под собой достаточных научных оснований. Хотя многие народные приметы — результат длительного крестьянского опыта — и отражали в какой-то мере природные закономерности, но оправдывались главным образом приметы общего порядка. По мнению Андрея Тимофеевича, нужно регулярно наблюдать за состоянием погоды, делать необходимые записи. Тогда на основе многолетних данных можно уже делать кое-какие выводы.

Сам Андрей Тимофеевич вел метеорологические наблюдения систематически в течение всей жизни. Его журнал «Краткие метеорологические и натурологические записки и примечания» имел следующую форму:

Левая сторона		Правая сторона		
Число	Показания		Ветер: направление и сила	Погодные явления
	барометра	термометра		

Наиболее характерные погодные явления он фиксировал с помощью условных знаков. В журнале регистрировались также фенологические наблюдения.

Пересадка деревьев летом

Многие теоретические вопросы Болотов разрабатывал в связи с решением практических задач, возникавших у него при работе в полях, лесах, садах, на речках и прудах. Однажды задумал он один из своих садов превратить в пейзажный, захотелось сделать его более живописным. Начали с весны, но, пока проводили земляные работы, а их было немало, наступило лето. Дальнейший ход дела требовал посадки деревьев,

но они уже шелестели листвой, а некоторые даже приступили к цветению. Практика того времени признавала лишь весенние и осенние посадки.

Крепко загрузил Андрей Тимофеевич. Был он человеком азартным в работе, и всякие перерывы в ней, откладывание дела надолго были ему не по душе. А тут предстояло увидеть новый сад в настоящем виде только через год: осенью посадят безлистные деревья, а там зима, и лишь летом зашумит сад зеленой веселой листвой. Кручина заставила думать, а думы рано или поздно рождают идеи. Так и на этот раз — пришла идея, да еще какая смелая. Решил произвести посадку летом. Представлял он, что это очень сложно, нарушение связи растения с почвой в это время может обернуться его гибелью. Ему самому не раз приходилось наблюдать, как засыхали деревья, пересаженные весной с запозданием.

И все-таки рискнул. Однако, прежде чем приступить к новому делу, тщательно все продумал. Нужно помочь растению легче перенести временное разлучение с почвой, решил он. А сделать это можно следующим образом. Во-первых, как можно меньше тревожить корневую систему, для чего выкапывать деревья с возможно большим комом. Чтобы корни не обнажались и не обсыхали, нужно, чтобы земля не осыпалась с них, а для этого ее перед выкопкой деревьев следует хорошо полить. Во-вторых, всю работу по летней пересадке производить так, чтобы до минимума свести время от выкопки дерева до его посадки на новое место. В-третьих, поскольку на какое-то время растение будет лишено возможности всасывать воду из почвы, а испарение ее листьями не прервется, необходимо уменьшить испаряющую поверхность. С этой же целью пересадку производить вечером. При выкопке дерева дерн, покрывающий землю вокруг него, не трогать и сохранять при посадке. Перед посадкой налить в посадочную яму достаточное количество воды, размешать ее с землей и в получившийся раствор типа сметаны опускать дерево с комом, следя за тем, чтобы оно оказалось на таком же уровне, на каком было на прежнем месте. Регулярно поливать пересаженные деревья до полного приживания.

Строго руководствуясь этими соображениями, и провел летнюю пересадку Андрей Тимофеевич. За всеми операциями следил лично, стараясь не допустить

ли малейшего отклонения от намеченной технологии. О результатах своего смелого эксперимента Болотов писал так: «...которые же [деревья] порядочно были выкапываемы и с наблюдением нужных предосторожностей посажены и потом порядочно содержаны, те не только принимались очень хорошо, но, к особливому удивлению моему, и не болели почти ни одного дня, но с самого того дня, как их посадили, начинали продолжать рост так, как бы они ни в чем не бывали и как бы сидели на своих природных местах»²⁶.

Конечно, не все удалось сразу. В последующие годы, применяя летние посадки деревьев, он все более совершенствовал методику и технику работы. В частности, ввел практику посадки деревьев в той же пространственной ориентации, какую они имели на месте первоначального роста. Для уменьшения испаряющей поверхности вместо удаления листьев стал применять вырезание целиком некоторых побегов у кустящихся кустарников, а у деревьев с главным стволом — часть наименее удачных ветвей.

Богородицкий пейзажный парк (теоретические основы)

В 1985 г. исполнилось 200 лет существования замечательного творения Андрея Тимофеевича — пейзажного парка в г. Богородицке. В бытность Болотова управителем богородицкой волости, принадлежавшей Екатерине II, в Богородицке по проекту известного русского архитектора И. Е. Старова строился на случай приезда императрицы (а в перспективе для ее побочного сына графа А. Г. Бобринского) дворец. Вот при этом дворце Андрей Тимофеевич и заложил чудопарк, восхищавший взоры всех, кто имел возможность им любоваться, в том числе и зарубежных гостей, видевших сады Версаля, Марли, Сен-Жермена, а также пейзажные парки Англии. Раскинувшийся на высоком берегу большого пруда дворцово-парковый ансамбль представляет собою изумительно красивое зрелище. В свою очередь город Богородицк, связанный пятилучевой схемой застройки, разработанной еще А. Т. Болотовым, с дворцом, въездной колокольней и одной из

²⁶ Экон. магазин. 1784. Ч. 20. С. 355.

парковых аллей, открывается со стороны дворца величественной панорамой.

А. Т. Болотов всю жизнь увлеченно занимался садами и парками. По возвращении с военной службы в свое имение Дворяниново он в первые же годы занимается улучшением запущенных садов, закладывает новые, как плодовые, так и декоративные (увеселительные, по его терминологии). Первое время, следуя моде тех времен, он создает так называемые регулярные сады с искусственной планировкой и строгой симметрией. Однако по мере накопления опыта и знакомства с зарубежной литературой он все более критически начинает относиться к французскому направлению в садово-парковом искусстве. К этому же подталкивала и реальная обстановка в помещичьих хозяйствах. Россия в то время уже начала вступать на путь капиталистического развития. Промышленность, развитие товарного производства и связанная с ним интенсификация сельского хозяйства поглощали свободную рабочую силу, что не замедлило отразиться на состоянии регулярных парков, требующих огромных затрат живого труда.

Большое влияние на формирование взглядов Болотова по вопросам садово-паркового искусства оказало многотомное руководство немецкого ученого Гиршфельда, вышедшее в 70-х годах XVIII в. Его основные положения совпадали с мыслями Андрея Тимофеевича. Он перевел руководство Гиршфельда на русский язык, с тем чтобы издать его в России. По каким-то причинам это не удалось, и Болотов основной материал книги опубликовал в журнале «Экономический магазин», где высказал и собственные взгляды на проблему.

Знакомя читателей с теоретическими основами организации пейзажных (английских) парков, А. Т. Болотов рассматривал следующие четыре аспекта этой проблемы: естественную красоту места, на котором предполагается разбивать парк, частные детали этой местности, художественное дополнение к естественному ландшафту и разновидности парков.

Составными элементами естественной красоты ландшафта Болотов считал величину участка и его разнообразие; красоту, которая создается цветом и движением (течение воды, трепетание листвы и т. д.); приятность мест и окружающих предметов; новизну и неожиданность.

Частные детали пейзажа могут включать в себя равнины, возвышенности, пригорки, углубления, горы, леса, дубравы, перелески, реки и т. п. Эти детали и их комбинации будут создавать характер местоположений (приятные, веселые, меланхолические, романтические, торжественные, величественные и др.). На основе указанных элементов можно формировать различные садовые сцены.

Парковая архитектура создается естественными элементами: местоположением, деревьями и их группировкой, цветами, лугами (лужайки, поляны), водами, дорогами (дорожки, тропинки) — и искусственными: замками и домами, домиками и беседками, гrotтами и пещерами, часовнями, руинами, сиденьями и скамейками, мостиками и переходами, арками и воротами, статуями, надписями на различных объектах.

Парки подразделяются в основном в соответствии с характером преобладающих садовых сцен. Эти сцены могут различаться: по характеру (веселые, романтические, меланхолические и т. п.); по сезону (весенние, летние, осенние, зимние); по времени дня (утренние, дневные, вечерние); по некоторым специфическим особенностям (народные, академические, больничные, кладбищенские). Воздействие сцен на человека осуществляется через органы чувств: зрение, слух, обоняние.

Практические рекомендации по созданию пейзажных парков

Наряду с теоретическим обоснованием Болотов излагал и практические рекомендации по созданию пейзажных парков. Главными из них были следующие. Во-первых, он предупреждал, что хотя такие парки и дешевле (как по закладке, так и по содержанию), но делать их сложнее. Регулярные парки по заранее составленному плану может сделать почти каждый садовник. Пейзажный же требует больших знаний и умения, а хороший — таланта. Для английских садов необходима более или менее значительная площадь. Подбирать следует места с беспокойным рельефом, привязываться к уже готовым прудам, озерам, ручьям, оврагам и т. п. Всегда нужно использовать имеющиеся лесные насаждения (отдельные деревья или их группы, старые деревья или молодые заросли). В подкреп-

ление этого тезиса Болотов приводил пример из собственного опыта. «В одном месте нашел я подле самого двора одного знакомого мне человека хотя не великого пространства, но густой и сплошной ореховый лесок, с разбросанными кое-где старыми и большими березами и молодыми кое-где осинками. Я присоветовал приятно моему лесочек сей, который у него был в совершенном запустении и одичалости, превратить в некоторый род аглинского садика, потому что он к тому был весьма удобен, будучи с одной стороны прикосновенен к саду, а с другой к находящемуся перед домом просторному луговому долу, имеющему великие неровности и в самой глубине своей немалый пруд, и потому великую способность к натуральному новейшему саду. И как он на то согласился и самого меня просил ему оной назначить, то в состоянии я был произвести ему оной в самое кратчайшее время... Помянутые старые березы, которых всего было четыре, послужили мне при сем случае несказанным образом в пользу. Они были моими наставниками при расположении сего сада, и не только надумили меня, где что сделать, но и сами, потеряв прежнюю свою безобразность, служили саду сему наилучшим украшением...»²⁷

При закладке сада можно использовать не только мелкие саженцы, но и крупные деревья (в зависимости от породы). Посадку следует осуществлять в несколько этапов: сначала создавать более крупные куртины, потом новыми посадками формировать детали. Древесные группы необходимо создавать с учетом окраски листьев в разные времена года, соблюдая при этом следующие правила: «...перемешивание дерев, имеющих лист различной зелени, производить не через дерево и не слишком часто, а садить по крайней мере несколько дерев одной зелени сряду сплошь... однако и слишком великие кулиги или полосы одинаковыми деревьями садить не годится, ибо в сем случае единообразие может скоро прискучить. Если же кучи леса одинакового листа будут умеренны и колера листа их обрезисто между собою перемешаны, то производит сие особливую красу»²⁸. «Как опушки или края рощиц или лесочков более важны, нежели внутренность кулиг, то в особливости об них и попечение иметь должно... чтобы кулига

²⁷ Там же. 1780. Ч. 39. С. 21.

²⁸ Там же. С. 36.

[часть] с боков была одета листом до самой земли»²⁹. В соответствии с этим на опушках Болотов рекомендовал создавать ярусные заслоны: сначала низкорослые кустарники, затем более высокорослые, а потом уже березы, осины и т. п. Кулига не должна иметь сбоку один цвет, она должна различаться по ярусам.

Не следует гнаться за пышными чужеземными растениями, они требуют большого внимания и зачастую гибнут. Местные, менее прихотливые и более устойчивые, при правильном подборе позволят создать пейзажи, отнюдь не менее привлекательные. Некоторые деревья могут выполнять несколько функций, например ветла кроме красоты и тени укрепляет берега водоемов. Болотов детально характеризовал виды деревьев и кустарников, которые могут быть использованы при создании парков Подмосковья (акация, сирень, вишня, терновник, шиповник, жимолость, ракитник, божье дерево и др.).

У ряда деревьев и кустарников при их естественном росте формируется некрасивая крона. В этом случае требуется вмешательство человека. Другие деревья сильно поражаются вредителями, что значительно портит их внешний вид (черемуха, ясень, калина, крыжовник). Барбарис можно разводить лишь в небольшом количестве и не допускать посадки близко к хлебным полям. У калины, кроме того, что ее листья портятся насекомыми, часто побеги с поврежденными листьями зимой вымерзают. Это вынуждает на следующий год вырезать их. Однако преимущества калины (красивые листья с веселой окраской, красивые цветки, а осенью — прекрасные ягодные кисти) делают ее хорошим парковым объектом.

Открытые площадки должны соответствовать размеру лесных насаждений. Плохо, если деревьев мало, а площадки большие, и также нехорошо, когда в большом массиве маленькие полянки. То же и в отношении размеров деревьев: в молодых насаждениях не имеют вида большие поляны, во взрослых — малые. Поэтому Болотов рекомендовал во вновь закладываемых парках делать небольшие, расположенные неподалеку друг от друга полянки, а по мере подрастания деревьев объединять их в более крупные. Площадки можно делать как регулярные, так и произвольной

²⁹ Там же. С. 45.

формы, но во всех случаях необходимо выбирать для них ровные места (во избежание больших работ по выравниванию поверхности).

Площадкам следует быть украшением парков. С этой целью они должны представлять собою зеленые лужайки с подстриженной густой травой (мелкие луговые растения). На площадках, особенно если они имеют фигурный периметр, следует размещать дерновые лавочки. Лавочки делать невысокие, из глинистой земли, которую необходимо уплотнить и сверху и спереди обкладывать хорошим луговым дерном.

В середине площадок можно размещать небольшие группы деревьев, делать цветники, ставитьobelisks, пьедесталы с вазами, солнечными часами и другими предметами. При возможности на лужайках устанавливают статуи, щиты с различными изображениями, стихами, веселыми афоризмами и т. п., делают беседки.

Прекрасным украшением площадок служат дорожки, которые должны идти вдоль лавочек по периметру площадки, а если площадка большая, то и перерезать ее в одном, двух и более направлениях, в зависимости от величины. Дорожки следует всегда поддерживать в чистом состоянии и не делать очень широкими.

К устройству парковых дорожек необходимо относиться с особым вниманием. Их не должно быть много. Не нужно прокладывать дорожки длинными, долгий путь по однообразному лесу утомляет, необходима более или менее частая смена впечатлений. Но они не должны быть и короткими; плохо, когда с самого начала виден их конец. Дорожки по гористой местности можно делать серпантинном или в виде лесенок с земляными ступеньками. Для прочности вертикальную стенку ступеньки лучше устраивать из досок.

Большую роль в украшении парков Болотов отводил посадке хмеля. С помощью его вьющихся плетей можно, считал он, закрывать ненужные пустоты в насаждениях, создавать необходимые фигурные зеленые декоративные детали.

Мысли о российских парках

Гиршфельд, описывая сады в различных странах от древних времен до 70-х годов XVIII в., ни одним словом не обмолвился о садах России. Андрей Тимофеевич восполнил этот пробел. В донетровскую пору хорошие

сады имелись лишь в царских имениях да у богатых именитых бояр. В XVIII в. садово-парковое искусство получает широкое распространение, многие помещики в своих усадьбах создают парки, в первой половине — регулярные, во второй все больше и больше пейзажные. Однако из-за недостатка хороших специалистов закладки парков часто сопровождались неудачами.

Вот как об этом писал Болотов: «Не ходя далеко, приведу я в пример собственное мое жилище. Предки, от которых наследовал я оное, выбрали под усадьбу свою место столь прекрасное, что и поныне не перестаю я благодарить их за это; но расположение старинного двора и садов их было так чудно, что и поныне не могу довольно на то надивиться. Словом, там, где было самое худшее место и где надлежало бы быть заду дома, был у них перед; а там, где наилучшее и где бы всего приличнее быть переду дома, был сделан у них зад, и такое место какого бы иском искать надлежало, заграждено было у них скотскими дворами и другим вздором, так что мне стоило только переменить сие расположение и двор перевернуть, как вышло совсем не то и вместо прежней дурной — наипрекраснейшая усадьба; а такие примеры есть и во многих других местах»³⁰.

Говоря о развитии садово-паркового искусства в России, Болотов отмечал: «Сады наши подвергались такому ж жребию, каковому подвержены они были около сего времени по всей Европе... и всяк старался заводить у себя сады регулярные и располагаемые по точнейшему измерению и с наблюдением наистрожайшей симметрии». Затем, указывая Андрей Тимофеевич, в Европе постепенно началась замена регулярных парков пейзажными. О судьбе нового направления он писал так: «Время окажет, возымел ли сей новый вкус такое же действие и на нас, какое возымел он на другие народы, и распространится ли он всюду и всюду в нашей России. Я не знаю, желать ли нам сего последнего или нет. Правда, вкус сей почитается здравее французского, однако, как и настоящие аглинские сады не совсем освобождены от некоторых погрешностей, но имеют также свои недостатки, непомерности и излишества, то опасаться можно, чтоб мы, перенеся

³⁰ Там же. 1786. Ч. 26. С. 49—50.

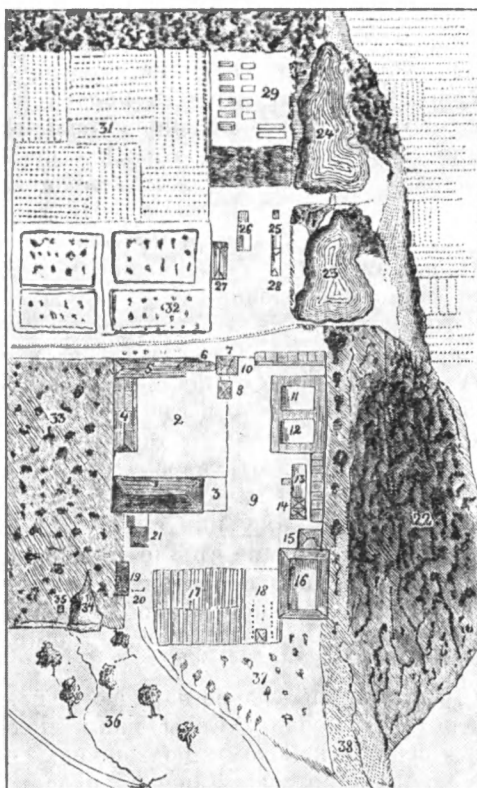

Рис. 9. План усадьбы А. Т. Болотова. Рис. А. Т. Болотова

1 — дом; 2 — передний двор; 3 — цветник; 4 — хлебные амбары; 5 — каретник; 6 — главные ворота; 7 — людская изба; 8 — конюшня; 9 — задний двор; 13 — сарай с погребом; 14 — ледник; 16 — конный двор; 17 — овощной огород; 18 — пасека с омшаником; 21 — кухня; 22 — березовая роща; 23 — нижний пруд; 24 — верхний пруд; 31 — конопляник; 32 — сад; 33 — большой сад; 34 — копанец; 35 — баня; 36 — склон горы; 37 — нижний сад

вкупе и оные, не впади при сем случае из одной крайности в другую»³¹.

В заключение Болотов приходит к выводу: «Всего бы благоразумнее было быть нам колико можно осторожными и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственно-

³¹ Там же. С. 52.

го своего вкуса, и такие, которые бы колико можно сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера. Я не сомневаюсь, что таковые сады могли б для нас быть и прочнее и приятнее всех прочих... Что касается до такового особого и одним нам свойственного в садах вкуса и манера, то к изобретению оного, кажется, мы ныне не таковы уж неспособны, как были наши предки. Благодарить бога, мы находимся ныне в таком состоянии, что во многих вещах не только не уступаем ни мало народам иностранным, но с некоторыми в иных вещах можем и спорить о преимуществах. Перенимание всего у других ныне нам не таково уж нужно, как нужно было прежде... А при таковых обстоятельствах не было б ни мало постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни аглинские, ни французские, а наши собственные и изобретенные самими нами, и когда б мы называть их стали *Российскими*»³².

Богородицкий дворцово-парковый ансамбль

Эту идею о садах русского стиля Андрей Тимофеевич практически воплотил в своем замечательном творении — богородицком парке. Вместе с таким же прекрасным произведением искусства — дворцом И. Е. Старова в этом парке — они представляют собою чудесный дворцово-парковый ансамбль. А если принять во внимание, что этот ансамбль вскоре оказался архитектурно связанным с городом, то неудивительно огромное впечатление, которое он производил на посещавших его и производит сейчас, хотя многое из того, что было сделано Болотовым, не сохранилось.

Основу основ деятельности Болотова в парковом строительстве составляло максимальное использование природных ландшафтов, с тем чтобы к минимуму свести материальные и трудовые затраты как при закладке парков, так и в процессе будущего их обслуживания. Вот почему он не жалел времени на предварительное, весьма тщательное изучение местности, где предполагал создать парк. Так было и в Богородицке. Он писал об этом: «Мое первое дело было обегать все обнажившиеся от снега высокие и беспорядочнейшие берега и горы, прикосновенные с нашей стороны к

³² Там же. С. 63.

большому перед дворцом находящемуся пруду. И на всяком месте останавливался смотреть и соображаться с мыслями о том, к чему бы которое место было способнее и где бы произвести мне водяные, где лесные, где луговые украшения, где обделать, сообразно с новым видом, бугры и горы, где произвести каменные осыпи, где проложить широкие удобные для езды и где узкие, назначаемые для одного только хода, дороги и дорожки, где смастерить разных родов мосточки и потом где б со временем произвести и разные садовые здания и отдыхальницы и прочее тому подобное. Все сие, бегая и ходя несколько дней кряду по всем сим неровным местам, не только я придумывал, но в мыслях своих изображал их уже в том виде, какой должны они получить по отделке и разросшись. И не успевала какая отмеченная мысль родиться в моем воображении, как спешил уже я изображать ее на бумаге не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и теми разнообразными сценами, какие должны были впредь иметь в самой натуре свое существование»³³.

Эта цитата весьма четко характеризует подход Болотова к делу, энергичную работу мысли, активную реализацию родившейся идеи с фиксированием ее на бумаге в виде законченного ландшафта, причем не только для данной ситуации, но и с учетом будущего развития его составных частей (как естественных объектов, так и предполагаемого строительства).

На основе предварительных изысканий Андрей Тимофеевич составил проект плана, не один раз снова обошел всю территорию, уточняя детали, совершенствуя отдельные участки, добавляя новые объекты и украшения. Тем не менее и в процессе строительства неутомимый архитектор продолжал вносить изменения: практическое претворение плана позволяло увидеть то, что незаметно было вначале, да и смышленные рабочие кое-что подсказывали.

Конечно, своей бесподобной красотой богородицкий парк был в какой-то мере обязан и весьма эффектной природной обстановке: довольно обширному изогнутому пруду с высокими и местами довольно крутыми берегами, изрезанными оврагами; разнообразным по строению и окраске горным породам, составляющим

³³ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. Стб. 1137—1138.*

берег, наличие в окрестности парка родников. Да и дворец, стоявший на высоком месте, несомненно, весьма способствовал величественности зрелища.

От дворца к пруду спускалась широкая лестница, разрывавшаяся площадками, с которых открывался изумительный вид на величественный дворец. Вдоль берега в два яруса шли аллеи, повторяя береговую линию, одна у самого уреза³⁴ пруда, вторая повыше. Продолжением осевой линии (по центральной улице города через дворец) в парке стала березовая аллея, являющаяся главной для верхней равнинной части парка. Она красивой стрелой уходит от колокольни. Под прямым углом к ней идет аллея к воротам на улице, соединяющей через прудовую плотину части города, расположенные по обе стороны реки Уперт. В юго-восточном квартале парка находится церковь, построенная одновременно с дворцом, по одним данным по проекту Я. А. Ананьина, строившего дворец, по другим — самого И. Е. Старова. Недалеко от церкви был выкопан пруд, в сочетании с окружавшей его поляной весьма оживлявший пейзаж.

В большом овраге, пересекавшем парк, Болотов устроил систему прудов, перегородив овраг плотинами; чтобы дождевая и снеговая вода, скапливающаяся в прудах, не уходила в почву, он выложил дно прудов синей водонепроницаемой глиной, запасы которой нашел в окрестностях Богородицка. Перевод воды из одного пруда в другой Болотов осуществлял по-разному: в одном случае плотина была отвесной, и тогда вода сливалась водопадом, в другой плотины делались в виде лестницы или груды камней, и соответственно этому стекала вода. Но перепады воды в этих прудах были периодическими, по мере заполнения их водой, а Болотову хотелось, чтобы фонтаны и водопады действовали независимо от погодных условий. Внимательно обследовав местность вокруг усадьбы, он отыскал в северной ее части, на берегу пруда, примерно в версте от центра, приличные родники. Однако, определив положение их по отношению к дворцу и парку, он понял, что самотеком воду туда подать нельзя. Тогда Болотов забил естественные выходы родников, вынудил воду пробиться на поверхность значительно выше и с по-

³⁴ Линия, разделяющая воду и сушу.

мощью водовода из гончарных труб привел ее к дворцу (остатки этого водовода кое-где можно обнаружить и сейчас).

Парковые украшения

Неиссякаемая фантазия Болотова, сочетание высокоэстетического восприятия природы с практической сметкой позволяли ему создавать в парке оригинальные объекты. Например, обнаружив в гряде, выходящей к пруду, разноцветные песчаники, он не просто стал добывать их для изготовления различных художественных поделок, но и использовал получающиеся выработки для устройства парковых украшений — пещер, гротов и т. п. В одном из гротов он сделал зеркальную дверь, которая стала отражать предшествующий ей пейзаж. В результате грот превратился в тоннель, и тем, кто входил в него, казалось, что навстречу движутся люди. Многих это настолько вводило в заблуждение, что они снимали шляпы и раскланивались с приближающимися навстречу.

В парке было много различного рода домиков и беседок как для отдыха, так и для развлечений. Однажды, занимаясь устройством парка, Болотов позвал одного из своих помощников. К великому удивлению, он совершенно четко услышал повторение своего возгласа. Проверив еще несколько раз здесь и в других точках, обнаружил, что идеальное эхо наблюдается только с того места, где он его первоначально услышал. Это случайное открытие Болотов использовал для устройства «эхонической долины», построив в месте получаемого эффекта специальную беседку.

Большое впечатление на посетителей парка производили «руины» — искусственно сделанные развалины дворца. Устроены они были таким образом, что при проезде по дороге Тула—Воронеж, проходящей по противоположному берегу пруда, путник отчетливо видел эти «развалины» и всегда воспринимал их как реальность. Это впечатление сохранялось даже на весьма близком расстоянии от «руин».

Тульский наместник М. Н. Кречетников, осматривавший ансамбль в 1786 г., был поражен его великолепием и сделал заключение о необходимости показа императрице.

Большой художественный вкус, проявленный Андреем Тимофеевичем при создании парка, отмечен уже

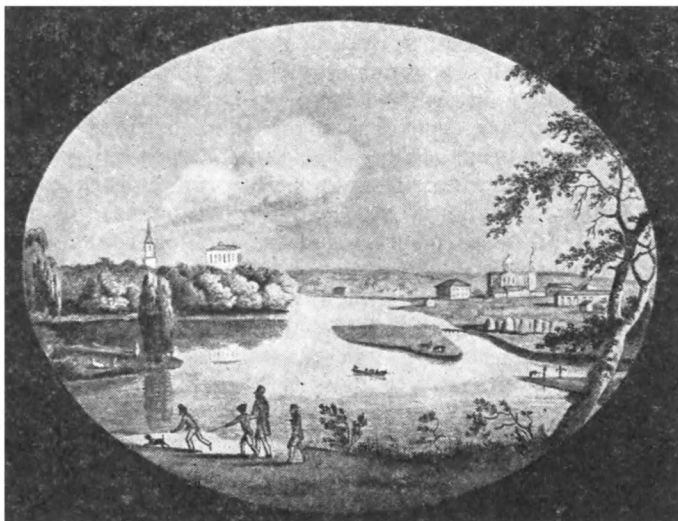

Рис. 10. Вид богородицкого парка и дворца во времена А. Т. Болотова. Рис. А. Т. Болотова

в наше время архитектором Е. Н. Щукиной: «В работах Болотова особенно ясно видно желание расширить рамки эстетического восприятия, открывая красоту и многообразие неприхотливых отечественных деревьев, кустов, трав и цветов. Он предлагает комбинировать их в садах в неожиданных цветочных сочетаниях, подчеркивать своеобразие и красоту растительности в любое время года, используя для этого различную тональность вечнозеленых хвойных пород, яркие ветви краснотала, ранние пушистые сережки ивы, ольхи, березы, синеву густо засаженных подснежниками полей»³⁵.

Много таланта и фантазии вложил Андрей Тимофеевич в создание своего чудо-парка. Передать словами впечатление, которое он производил на гуляющих людей, по-видимому, невозможно. Недаром же гости могли часами бродить по нему, не замечая усталости и не переставая ахать от восхищения. Правда, изобретательный Болотов, закладывая аллеи и дорожки и устанавливая всякого рода украшения и беседки для отдыха, заранее предусмотрел маршруты таким обра-

³⁵ Русское искусство XVIII века. М.: Наука, 1973. С. 113.

зом, чтобы у гуляющих все время не ослабевал интерес. Это достигалось искусной сменой пейзажных картин, неожиданным появлением оригинальных объектов, иногда шутливо-развлекательными сценками. О необычном эхе, гроте, в котором посетитель снимал шляпу, раскланиваясь с собственной персоной, уже говорилось. Добавим к нему прогулку по «улитке». Так называлась площадка, на которой спиралью по типу раковины была устроена возвышающаяся горка, окруженная рвом. Когда гуляющие поднимались по спирали на вершинную часть, специальный человек по знаку хозяина открывал скрытый шлюз, и в ров с шумом врывалась вода, затопляя основание «улитки». Не знающие секрета впадали в панику, знающие смеялись — в общем, шуму поднималось много. Но затем шлюз закрывался, через ров опускали мостик, и успокоившиеся гости чаще всего оказывались довольны шуткой.

Большое впечатление производил грот, сделанный в горе из разноцветного песчаника. Часть стен грота была отделана раковинами, покрашенными в разный цвет.

Если добавить к этому, что грот вверху был снабжен фонарем с окнами, через которые падал солнечный свет, можно представить, какое яркое впечатление создавалось от переливавшихся всеми цветами радуги стен, особенно когда человек двигался в гроте: все там искрилось и сверкало.

**Период работы над помологией
(1790—1796)**

Библиотека А. Т. Болотова

Что определяет жизненный путь человека? Почему одни люди, как, скажем, А. Т. Болотов, становятся крупными учеными, замечательными исследователями, а другие, например товарищ его детства, двоюродный брат Михаил, на всю жизнь сохраняют отвращение к учебе, чтению, поискам знаний? Ответ на это не может быть однозначным, слишком много факторов, и биологических и социальных, определяют судьбу человека. Одно можно сказать уверенно в отношении многих людей, и в частности в отношении Андрея Тимофеевича: главным в становлении его как ученого были книги, любовь к чтению.

Уже в раннем детстве проявилась у него эта тяга к книгам, к знанию. Нет, он не был пай-мальчиком, которому чужды мальчишечья непоседливость и который денно и ночью сидит над книгами. Из глав, где были описаны детские годы Болотова, нам известно, что он любил реальную жизнь со всеми ее ребячьими радостями и невзгодами. Но наряду с этим он любил учиться, читать. Познание нового из книг ему было не менее интересно, чем познание путем собственного опыта.

Любовь к книгам и чтению породила тягу к приобретению книг, к созданию собственной библиотеки. Будучи еще на военной службе, тратил большую часть своих денег (как жалованья, так и присылаемых из деревни) на покупку книг. «...И поелику у немца, снабжающего меня книгами, было таких мало, то не жалел я нимало денег на покупку совсем новых из лавки и доставал везде такие, где только можно было отыскать»¹. А ведь условия армейской жизни не располагали к созданию библиотеки. В любой момент его

¹ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* Т. 1. Стб. 863.

вместе с полком могли направить куда-нибудь далеко, и тогда сразу же возникла бы проблема: как быть с книгами? Тяжелый и объемистый груз не поощрялся командованием, и скорее всего при первой же перемене местопребывания полка пришлось бы Болотову расстаться с любимым имуществом. Хорошо, что счастливый случай в свое время помог ему своевременно переправить книги домой.

И лишь после получения отставки, когда Андрей Тимофеевич на всю свою долгую жизнь осел в деревне, он уже мог спокойно собирать книги, с каждым годом все больше пополняя свою библиотеку. Недаром, приехав в Дворяниново и занявшись благоустройством своего быта, он прежде всего позаботился о рабочем кабинете, где бы мог разложить по шкафам и полкам своих любимцев — книги.

О росте библиотеки Болотова можно судить по его воспоминаниям о ней в разные периоды жизни. Если в Дворяниново он привез около сотни книг, приобретенных в Кенигсберге, то в воспоминаниях о библиотеке 1768—1769 гг. (когда состоялся переезд в новый дом) Болотов писал так: «...которая [библиотека] около сего времени была все еще очень и очень не велика и число всех книг простиралось только до 600. Какая разница перед нынешней и что значила тогда она и что нынешняя»².

По тем временам библиотека, насчитывающая 600 томов, должна считаться вполне приличной.

И тем не менее Андрей Тимофеевич продолжал пополнять библиотеку, стараясь не пропустить ни одной вновь выходящей книги естественно-исторического и сельскохозяйственного профиля. В записях, относящихся к 1791 г., характеризуя прожитое, он писал: «Итак, прожил я сей год довольно хорошо и благополучно, и провел его более в разных литературных и любопытных делах и упражнениях. Библиотека моя никогда не имела столь дружного и многова приращения как в сей год. К ней прибавилось более 300 волюмов, или переплетов книжных; а чтение мое в сей год было так многочисленно, что в течение всего года, по запискам моим, прочтено мною до 220 книг»³.

К книгам Андрей Тимофеевич всю жизнь относился любовно, приобретение их для него и для всех членов

² Там же. Т. 2. Стб. 743.

³ Там же. 1873. Т. 4. Стб. 873.

семьи всегда доставляло большую радость, на покупку книг денег не жалели. Об этом и о роли книг в жизни семьи Андрей Тимофеевич вспоминал: «В тот же день к вечеру приехала из Москвы и отставшая позади нас кибитка, со всеми нашими покупками и книгами, и доставила нам с сыном превеликое удовольствие при разбирании и рассматривании оных. Я уже упоминал, что количество их было нарочито велико, и я промотал на них, буде то мотовством назвать можно, таки довольно денег и употребил их лучше на сие, нежели на проигрыш в карты или какие-нибудь иные и кратковременные только удовольствия, доставляющие издержки. От сих, по крайней мере, произошла та польза, что они не только тогда мне со всеми детьми моими доставили несметное множество минут приятных, но и во все последующие затем годы и даже поныне и мне и многим другим доставляют удовольствие...»⁴

Помимо покупки книг для постоянного владения ими Андрей Тимофеевич иногда приобретал их временно только для того, чтобы ознакомиться с содержанием. По договоренности с книгопродавцом Ридигером они совершали обмен книгами: Болотов возвращал прочитанные, а Ридигер снабжал его новыми. Если книга заслуживала место в библиотеке, Болотов покупал ее.

Существенную помощь в приобретении книг (в частности, иностранных) оказывало Болотову Вольное экономическое общество.

Были и тревожные часы, связанные с наличием большой библиотеки. Вызывалась эта тревога пожарами, которые частенько случались в те времена. Деревянные постройки, печное отопление, а порой и халатность людей — главные причины этого грозного бедствия. Особенно серьезным был пожар 1782 г., когда дом Болотова сгорел полностью со всем имуществом, мало что удалось спасти. Как жаль было Андрею Тимофеевичу книг, своих многочисленных журналов, дневников и других рукописей! К этому времени он прожил в Богородицке уже около 6 лет и материалов у него накопилось порядочно.

Второй раз библиотека пострадала от пожара в 1787 г. Правда, на этот раз утрачена была часть книг, да и то они не сгорели, а были похищены, пожар ока-

⁴ Там же. Стб. 829.

зался лишь поводом для кражи. Дело в том, что к тому времени библиотека настолько разрослась, что уже не помещалась в рабочем кабинете Андрея Тимофеевича (тогда он жил во дворце в Богородицке). Решил он книги, которыми пользовался не часто, поместить во въездной колокольне. Пожар случился в одном из двух флигелей дворца, которые примыкали к главному зданию и к крыльям колокольни, образуя замкнутый четырехугольный двор. Опасаясь, что огонь с флигеля перекинется на колокольню, Болотов приказал переносить книги из колокольни подальше от дворца, в безопасное место. Пожар погасили, на колокольню он не распространился, но многих книг уже недосчитались. Больше всего сожалел Андрей Тимофеевич об утрате экземпляров из многотомных изданий, оказавшихся разрозненными.

Впрочем, потери книг в конечном счете отражались не на библиотеке, а на кошельке Болотова, поскольку он после пожаров заново покупал утраченные книги.

В конце своего пребывания в Богородицке Андрей Тимофеевич еще раз провел упорядочение библиотеки. В своих воспоминаниях об этом событии он записал так: «...а во все свободные дни и часы занимались обыкновенными своими упражнениями: он [сын Павел] наиболее своим рисованием, а я наиглавнейше пересматриванием и ранжированием всей своей библиотеки, бывшей в комнатах на колокольне и довольно уже около сего времени через присовокупление многих новых книг увеличившейся, так что я насчитал уже в ней разных книг *более трех тысяч*»⁵.

Из этой цитаты видно, что к концу XVIII в. библиотека А. Т. Болотова была весьма солидной. К сожалению, ни сама библиотека, ни даже полные каталоги до наших дней не дошли, и мы о ее составе можем говорить лишь предположительно. Во всяком случае, там были тома «Сельского жителя» и «Экономического магазина», «Трудов» Вольного экономического общества; по-видимому, все изданные в России при жизни Болотова книги по естествознанию и сельскому хозяйству; все поступавшие в Россию книги по этим отраслям на немецком и французском языках. Труднее определить состав библиотеки по разделам политической, философской и художественной литера-

⁵ Там же. Стб. 764.

туры. Имелись в библиотеке журналы, выписывавшиеся Болотовым, которые он перешлетал и хранил. Известно, например, что он был подписчиком «Сапктпетербургского вестника». Кроме рукописей собственных сочинений в библиотеке находились книги других авторов, переписанные детьми Павлом и Анастасией.

Библиотека Андрея Тимофеевича имела большое значение не только для него самого, но и для его детей, внуков и более далеких потомков. Вот, например, какие строки есть в биографии праправнука П. М. Леонова, профессора Московского университета: «Любопытное уважение к книгам получил он вместе с первыми впечатлениями младенчества; дома было книг много и еще более у прапрадеда его по матери, Андрея Тимофеевича Болотова, к которому каждый год его возили родители до смерти почтенного старца»⁶.

В заключение приводим высказывание о библиотеке Андрея Тимофеевича известного библиофила и историкографа В. С. Иконникова: «Пользуясь случаем, упомянем здесь о весьма обширной библиотеке и значительном собрании рукописей А. Т. Болотова, действовавшего также под влиянием Новикова, представляющих большой исторический интерес»⁷.

Какова же судьба библиотеки Андрея Тимофеевича после его смерти? Как известно, его сын Павел, живший в имении жены в Орловской губернии, передал Дворяниново своему сыну Михаилу. При этом он поставил условие, чтобы тот направил ему из библиотеки Андрея Тимофеевича весь рукописный материал и часть книг по особому списку. О размерах направленного Михаил Павлович писал так: «Я переслал к нему в Кромской уезд в два раза на 8 подводах 16 огромных ящичков более 150 пудов клади»⁸.

Сохранился рукописный каталог книг библиотеки П. А. Болотова без даты и указания составителя. Каталог сопровождается объяснительной запиской, в которой изложены принципы его составления, а также расположения книг в хранилище.

В каталоге книги разделены на 4 отдела: книги на

⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Т. 1. С. 453.

⁷ Иконников В. С. Опыт русской историкографии. 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1153.

⁸ Записка М. П. Болотова к М. И. Семевскому // Отд. рукописей Ин-та рус. лит-ры АН СССР. Ф. 537. Ед. хр. 40.

русском, немецком и французском языках, сочинения А. Т. Болотова. В каждом отделе своя нумерация. Каталог составлен в порядке алфавита авторов (если автор не указан — по алфавиту заглавия). Для облегчения нахождения книг ряды полок и сами полки были пронумерованы, эти номера стояли в каталоге против каждого названия книги.

В библиотеке насчитывалось примерно 1200—1300 книг, из них около половины на иностранных языках. Из книг на русском языке многие были переводными с иностранного. В каталоге не перечислялись брошюры, которых было очень много, главным образом сочинения А. Т. Болотова (три полки).

В дальнейшем книги и рукописи переходили от одних наследников к другим, при этом они развозились в разные места и зачастую терялись. Так, Михаил Павлович сообщил о том, что внучка Андрея Тимофеевича Александра Федоровна Бородина сознательно уничтожила те листки «Записок», где описывалась ее свадьба, не желая огласки события.

В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР хранится любопытный документ. Это рукопись без подписи и без даты, содержащая опись книг из библиотеки А. Т. Болотова, с пояснительной запиской в которой излагаются обстоятельства находки и дается некоторый анализ книг.

«Недавно на толкучке города Твери пищущий эти строки обратил внимание на довольно большое количество разнообразных иностранных книг XVIII и отчасти начала XIX в. и не мог не заметить, что перед ним остатки весьма крупной некогда библиотеки А. Т. Болотова. Большинство из этих книг имеют надпись: „из библиотеки Андрея Болотова“, причем каждый том (не название) носит особый номер»⁹.

Всего в документе 16 страниц, в том числе статья — 7 страниц. В описи 54 названия, из них некоторые содержат по несколько книг. По времени издания: до 1751 г. — 3, 1751—1760 гг. — 8, 1761—1770 гг. — 5, 1771—1780 гг. — 8, 1781—1790 гг. — 26, 1791—1800 гг. — 3, 1801—1820 гг. — 1. 36 книг на немецком языке, 18 — на французском. Большую часть найденных книг автор передал в Публичную библиотеку Петербурга.

⁹ Библиотека А. Т. Болотова // Арх. АН СССР. ЛО. Ф. 208. Оп. 4. Ед. хр. 111. С. 2.

По поводу приведенного документа необходимо сделать небольшое замечание. В сборнике «Памятники культуры. Новые открытия» (М., 1976) опубликована весьма интересная статья И. Ф. Мартынова «Частные библиотеки в России XVIII в.», в которой поднимается важный вопрос о необходимости «реконструкции» библиотек ряда крупных ученых, в том числе А. Т. Болотова. В связи с судьбой книг Андрея Тимофеевича И. Ф. Мартынов упоминает и о «тверской находке». В частности, он пишет (с. 110): «...в 1903 г. П. Б. Струве приобрел на толкучем рынке в Твери 54 русских и иностранных книг с экслибрисами и пометами „управителя города Богородицкого“».

Мартынов не сообщает источника, на основании которого он утверждает, что книги Болотова в Твери купил Струве. Может быть, это и так. Но сравнивая его текст с приведенной нами цитатой из подлинной рукописи, легко обнаружить существенную разницу. Анонимный автор рукописи пишет только об иностранных книгах (и это подтверждается описью: 36 книг немецких, 18 французских), а у Мартынова книги и русские, и иностранные. Надписи книг у автора статьи «из библиотеки Андрея Болотова», у Мартынова — «управителя города Богородицкого».

Какая-то часть библиотеки А. Т. Болотова попала в библиотеку известного библиофила И. А. Шляпкина. В книге о нем В. В. Буш сообщал: «Библиотека пополнялась, между прочим, из книг О. М. Бодянского, А. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, А. Т. Болотова»¹⁰. Библиотека И. А. Шляпкина насчитывала около 20 тысяч книг. По некоторым сведениям, часть ее, в том числе работы А. Т. Болотова, он подарил Саратовскому университету. Однако на запрос А. И. Трошина (работник колхозного музея в д. Русятино) Саратовский университет сообщил, что в его библиотеке материалов из библиотеки Болотова нет.

Дальнейшие исследования автора этой книги подтвердили, что их там и не должно быть. В Археографическом ежегоднике за 1959 г. В. Н. Перетц опубликовал перечень коллекции, подаренной И. А. Шляпкиным Саратовскому университету. Это была 451 рукопись XV—XIX вв. Работ Болотова среди них не было¹¹.

¹⁰ Буш В. В. Илья Александрович Шляпкин. Пг.: Рос. акад. наук, 1920. 16 с.

¹¹ Археографический ежегодник за 1959 г. Л., 1960. С. 363—466.

В ожидании перемен. Интересное предложение

Не всегда жизнь Андрея Тимофеевича протекала размеренно и спокойно. Нет-нет да и врывается в нее полоса волнений, а то и неудач. Связано это было с разными причинами: болезнями его самого или ближайших родственников, а то и смертью их, годами с неблагоприятной погодой, когда неурожай сводили на нет труд людей. Большие неприятности доставляли козни и происки завистников. Таковыми были, в частности, люди, стремившиеся занять место управителя в Борогодицке. Было оно не только почетным и хорошо по тем временам оплачиваемым, но и предоставляло для людей нечистых па руку большие возможности для обогащения. Недаром князь С. В. Гагарин, получив от Болотова первую смету на очередное строительство, покачал головой и улыбнулся (ему вспомнились подобные сметы предшественников Андрея Тимофеевича, в несколько раз превышавшие представленную).

Особенно усилились попытки столкнуть Болотова с управительского трона в 80-е годы. Тогда ему стало казаться, что завистники возьмут верх. И с целью заблаговременно подготовить почву для возвращения в Дворяниново Андрей Тимофеевич решил навести порядок в своей усадьбе: в его отсутствие там все пришло в заметный упадок, хотя он и наезжал туда временами. В одну из поездок вместе с сыном внимательно осмотрели дом, все хозяйственные постройки, сады, поля и несколько дней просидели над планом работ по благоустройству усадьбы.

Однажды, еще раз обходя ее, чтобы уточнить некоторые детали, Болотов и его сын присели отдохнуть в березовой роще, заложенной Андреем Тимофеевичем в первые годы после возвращения из армии. Сын, любясь рощей, высказал мысль, что неплохо бы здесь воздвигнуть монумент в память об основателе рощи. Андрей Тимофеевич был очень тронут тогда сыновней преданностью и уважением к его труду. Под впечатлением разговора решил он выбрать место для своей будущей могилы. Вскоре и было облюбовано то место, где сейчас покоится его прах.

Вместе с делами по приведению в порядок дворяниновской усадьбы решил Болотов сделать кое-что и по улучшению положения в тамбовских деревнях, где он бывал редко. Оставленные на попечение старост и приказчиков, которые не забывали о своей выгоде, тамбовские деревни постепенно хирели, что совершенно четко фиксировалось по уменьшению с них доходов. Особенно беспокоила Андрея Тимофеевича деревня Болотовка, жители которой, по его мнению, больше всего страдали от неудачного расположения поселения. Не один раз подумывал Болотов о ее перенесении и даже место хорошее, как ему казалось, подобрал, но все как-то руки не доходили, чтобы привести план в исполнение.

Но вот в 90-х годах сын стал взрослым человеком, подлинным помощником во всех его начинаниях. Он-то и настоял на необходимости довести дело до конца. В летнюю пору 1792 г. выбрал Андрей Тимофеевич время посвободнее и вместе с сыном отправился в свои тамбовские владения. Сразу же по приезде, вооружившись астрольбией, составили план местности, куда было намечено переселить Болотовку, а затем разместили на этом плане господскую усадьбу, хозяйственные постройки и крестьянские дворы.

Все, казалось, было хорошо, и довольные успешной работой отец с сыном наводили последний лоск на тщательно выполненный чертеж, когда пришел приказчик, вызванный ими: с ним они хотели еще раз уточнить некоторые детали. И тут произошло неожиданное. Приказчик, умудренный огромным опытом, прошедший все огни и воды житейского моря, за несколько минут разрушил их многодневный труд. Внимательно разобравшись в чертеже, он обнаружил серьезный изъян в плане — отсутствие выгона для скота. Его сообщение об этом как громом поразило Болотовых. Расстроенные своей оплошностью, они еще долго пытались найти выход из положения. Но все было напрасно: жесткие рамки земельного массива не позволяли маневрировать. Так и осталась Болотовка на старом месте.

В течение своей жизни Андрею Тимофеевичу много раз приходилось закладывать новые сады. Причины к тому были разные: сначала заводил сады в Дворянинове по возвращении с военной службы, затем расширял их площади. Иногда восстанавливал погиб-

шие от морозов, заменял неудачно заложенные. Поэтому понятно, что Болотов не мог обойти своим вниманием такую проблему, как приживаемость плодовых деревьев.

В результате наблюдений и специальных опытов Болотов пришел к интересным заключениям, которыми следовало бы заинтересоваться ученым и практикам садоводства и в наши дни. Так, он установил, что даже при правильном производстве работ и при благоприятных внешних условиях саженцы плохо переносят пересадку: «Замеченное мною из опытности многих лет обстоятельство, что пересаживаемые из садовых магазинов, или так называемых питомников, и из других мест в садах на места прививочные и почковые яблоки и грушки, как бы хорошо и с какими бы предосторожностями сажаемы не были, но всегда очень долго не идут в порядочный рост, и хотя б в первые годы по пересадке и не претерпели никаких обыкновенных бедствий и бываемых с ними всего чаще зол, но не прежде как лет через пять или шесть начинают сколько-нибудь порядочно и хорошо рость»¹². Отсюда он делает вывод: «Мне кажется, что для скорейшего произведения порядочно и скоро растущих и скоро с плодом приходящих здоровых яблоневых и грушевых деревцов всего бы лучше и надежнее заводить их через посев почек или яблочных и грушевых зерен и через прививание оных *на самых тех местах*, где им назначается всегда расти и иметь свои места в садах»¹³.

Это предложение А. Т. Болотова требует некоторых пояснений. Во-первых, здесь Андрей Тимофеевич вступает в некоторое противоречие с самим собой, поскольку в другой своей работе, где рассматривается технология закладки плодового сада, он несколько по-другому трактует вопрос о приживаемости, последующем росте и развитии яблонь, выросших на данном месте из семени, и яблонь, пересаженных из питомника.

В первом случае, по мнению ученого, корневая система растения развивается вглубь в малоплодородный слой подпочвы и молодой организм не получает в достаточном количестве питательных веществ, что сдерживает его рост и развитие. При посадке яблони готовым саженцем у него главный корень подрезается,

¹² Записки садовые. 1811. Ч. 6. С. 2. Неопубл. рукопись.

¹³ Там же. С. 5.

и корневая система, развивающаяся из боковых ответвлений, размещается в основном в плодородном слое почвы. Естественно, что она лучше обеспечивает растение пищей.

Во-вторых, при закладке сада посевом семенами сразу занимает площадь, требующаяся для плодono-щего насаждения, тогда как при посадке саженцами первые два или даже три года их выращивают в питомниках на значительно меньшей площади, чем достигается более рациональное использование земли.

Первая в мире помологическая система

В творчестве многих крупных ученых можно проследить одну любопытную особенность: иногда незначительное обстоятельство в их жизни, своеобразно пройдя через лабиринты сознания или наблюдаемые явления, приводит к крупным научным открытиям. Таковы приобретшие широкую известность факты с падением яблока перед сидящим Ньютоном, обнаружение Архимедом потери веса тел в ванне с водой и т. п.

Были такие случаи и в жизни А. Т. Болотова. В качестве примера приведем происхождение его замечательного творения — первой в мире помологической системы. Как уже упоминалось, Андрей Тимофеевич любил рисовать и частенько предавался этому занятию. Однажды нарисовал он плод яблони какого-то сорта и снабдил его кратким описанием. При рассматривании результата своей работы вспомнилось ему его давнишнее желание разработать определитель сортов яблони и груши.

Дело в том, что уже на первых порах работы с этими плодовыми деревьями столкнулся он с двумя обстоятельствами: существовало огромное многообразие сортов яблони и груши; в этом многообразии царил полнейший хаос: одни и те же сорта в разных местах имели разное название, и, наоборот, в ряде случаев разные сорта фигурировали под одним названием. И Болотову уже давно хотелось навести порядок в этом вопросе.

Понимая, что затеваемое им дело представляет собою колоссальный труд и вряд ли будет под силу ему одному, Болотов решил обратиться за помощью к своим читателям. С этой целью он опубликовал в

«Экономическом магазине» обращение, в котором призвал любителей-плодоводов сделать описание лучших сортов яблонь и груш, имеющих в их садах: «Дело в том могло бы состоять, если б несколько человек из любопытных и рассеянных по государству и в разных городах и уездах находящихся людей восхотели принять на себя труд и описать хотя бы по несколько из тех лучших родов, которые им более известны и в тех местах, где они находятся, под каким-нибудь названием в особливости и всем известны, и таковые описания пожаловали б, сообщили мне для помещения в сей журнал»¹⁴.

Чтобы облегчить труд своим будущим помощникам и в то же время получить материал, пригодный для обобщения, Андрей Тимофеевич изложил в статье схему описания сортов. Однако создать тогда помологическое руководство не удалось. По-видимому, не нашлось среди помещиков таких, кто откликнулся бы на просьбу Болотова, а приступить к ее осуществлению в одиночку он не решился.

И лишь через многие годы вернулся к ней. Теперь уже основательно. Сделал специальную тетрадь и начал описывать сорта, сопровождая каждую характеристику рисунком. На первых порах думалось, что работа не составит большого труда, ведь схема описания уже была им разработана, а сорта заметно различались как по плодам, так и по другим признакам. Но уже вскоре ему пришлось убедиться, насколько ошибочным было его первоначальное предположение.

Сорта легко различались, пока он имел дело с небольшим количеством экземпляров одного и того же сорта. По мере расширения материала и накопления все новых описаний выяснилось, что признаки, которые на первый взгляд кажутся наиболее характерными и которые он положил в основу описания сортов, весьма изменчивы и не могут служить для их характеристики. Например, размеры яблока как будто бы вполне определяют сорт, и крупноплодные яблони по размерам плодов заведомо отличаются от яблонь со средними, а тем более мелкими плодами. Но под влиянием внешних факторов (географические, почвенно-климатические, сезонные и др.) крайние отклонения у сортов могут привести к тому, что у мелкоплодного

¹⁴ Экон. магазин. 1780. Ч. 2. С. 404.

уклонения крупноплодной яблони плоды окажутся мельче, чем у крупноплодного варианта среднеплодной, а порой и мелкоплодной.

Андрей Тимофеевич был очень огорчен напрасно проделанной работой. Впрочем, не такой уж напрасной она была. Путь первопроходца всегда тернист и сложен, а истина часто приходит только в результате совершенных ошибок: «Теперь надо сказать, что так как, описывая и срисовывая такое множество сортов яблок и груш, я час от часу становился опытнее, то и описания мои во многих пунктах были гораздо совершеннее; я видел, что многое из того, что я сначала замечал и означал, совершенно лишнее и ненужное»¹⁵.

Пришлось Андрею Тимофеевичу основательно заняться изучением признаков и свойств яблони и груши (в первую очередь их плодов), с тем чтобы найти такие, которые позволили бы совершенно надежно определять сорт. После длительных исследований он их нашел. «Что касается вообще до разных признаков яблок, по которым они могут, да и должны быть распознаваемы и которыми отличаются разные сорта их друг от друга, то из внимательного и продолжительного изучения этой стороны дела я пришел к следующим выводам: во-первых, что все эти признаки можно разделить на две группы и одни назвать *существенными* и либо никогда, либо мало изменяющимися, а другие *случайными*, подверженными нередко большой изменчивости; во-вторых, что первые или существенные признаки, которые в своей совокупности могут быть названы *характеристическими*, чрезвычайно немногочисленны, да и те относятся к таким частям, которые в большинстве случаев меньше всего рассматриваются; большинство же признаков являются подверженными либо многим, либо немногим и непостоянным переменам и, следовательно, такими, на которые никогда с достоверностью нельзя положиться»¹⁶.

Таким образом, Андрей Тимофеевич впервые в истории биологической науки ввел понятие о наследственных и ненаследственных признаках у растений, установил такие признаки у яблони и груши и использовал их для характеристики сортов. К ненаследст-

¹⁵ *Болотов А. Т.* Избр. соч. С. 242.

¹⁶ Там же. С. 244.

венным признакам, на которые он ориентировался в начале работы, а затем счел возможным использовать лишь условно, в качестве вспомогательных, Болотов относил величину, форму и окраску плодов, а также длину, толщину и форму плодоножки.

В число условных признаков, которыми надежно можно пользоваться лишь применительно к определенным сортам, Болотов включал признаки взрослого дерева: наружный вид и расположение сучьев, строение и окраску коры, строение и окраску листьев, расположение плодов на дереве, их количество, сроки созревания, прочность прикрепления к веткам, характер повреждения во время роста.

Группу существенных признаков, которые после длительных исследований были положены в основу классификации сортов яблонь и груш, составили: строение «темени» плода; строение воронки (место прикрепления плода к плодоножке); толщина и строение поверхности кожицы; консистенция и вкус плода, а также его лежкость, изменение вкуса в процессе хранения и характер заболевания гнилью; строение семенного гнезда, величина и форма семян.

Важно, что при определении сортов Болотов рекомендовал пользоваться не отдельным каким-либо признаком, а всей их совокупностью. Только такое комплексное использование найденных им признаков и свойств может дать самые надежные результаты. Анализ работы А. Т. Болотова, главные принципы которой лежат в основе и современных систем помологии, показывает, насколько глубоко и правильно подошел он к разрешению проблемы классификации плодовых растений.

Краткое описание помологической системы и ее судьба

Над своей помологической системой Андрей Тимофеевич работал в общей сложности около восьми лет (1793—1801, без учета предварительных исследований, опубликованных в 1780 г.). Ее теоретическая часть разрабатывалась в 1793—1796 гг. К сожалению, своевременно работа не была опубликована, в результате отцом научной помологии стали считать немецкого ученого Дилия, хотя он предложил свою систему лишь в 1799 г.

Судьба томов помологической работы различна. Первые семь после смерти Андрея Тимофеевича перешли к его сыну Павлу, который в 1837 г. подарил их Росийскому обществу любителей садоводства. В 1901 г. Общество передало рукописи Румянцевскому музею. В настоящее время они хранятся в Библиотеке им. В. И. Ленина. Восьмой том, по-видимому, был написан намного позднее, чем предыдущие, он не был закончен и находился отдельно, в результате чего попал к другому наследнику. В конечном счете том оказался в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Первый том (его черновой экземпляр не сохранился, имеется переписанный в 1800 г.) основной, состоит из трех разделов: предисловия, общей части (научные принципы описания сортов) и специальной части (описание и изображение некоторых сортов). Остальные тома представляют продолжение специальной части, не имеют никаких предисловий, а содержат описание сортов и снабжены их акварельными зарисовками.

Все рисунки плодов сделаны в натуральную величину, и каждый занимает отдельную страницу. На ней же имеется название сорта, иногда с синонимами, указано, в каком саду, под какими номерами находились деревья этого сорта, а также отметки: «погибло», «превращено» (перепривито другим сортом). Эти пометки имеют большое значение, поскольку по ним можно судить о качестве сортов.

Всего сортов 661, по томам они распределяются так: I — с № 1 по № 54, все яблони; II — с № 55 по № 140, 65 яблонь, 21 груша; III — с № 141 по № 221, все яблони; IV — с № 222 по № 300, все яблони; V — с № 301 по № 400, 5 груш, остальные яблони; VI — с № 401 по № 500, все яблони; VII — с № 501 по № 600, 13 груш, остальные яблони; VIII — с № 601 по № 661.

В конце третьего тома Болотов приложил четыре реестра, составленных в алфавитном порядке, с указанием номера сорта, тома и страницы описания. В первом реестре собраны сорта, находившиеся в саду Болотова в 1808 г., во втором — перепривитые, в третьем — погибшие от мороза, в четвертом — из чужих садов.

В своих садах Болотов собрал большое количество сортов яблонь и груш из различных мест России.

Испытывая их по комплексу признаков, он отбирал лучшие и выбраковывал плохие, перепрививая их другими сортами. Насколько правильной была оценка Болотова, можно видеть из перечня тех сортов, которые он считал лучшими и употреблял для перепрививки (в скобках число деревьев, перепривитых данным сортом): Апорт (37), Титовка (28), Боровинка (34), Плодовитка (30), Анисовка (10), Дворяниновка (10), Андреевка (13), Грушовка (3), Скрижапель (3).

Из этого перечня видно, что большинство сортов, считавшихся Андреем Тимофеевичем лучшими, сохранили свое значение и до настоящего времени.

Принципы помологии. Ненаследственные признаки

В общей части сочинения А. Т. Болотов довольно подробно анализировал признаки и свойства яблонь и груш, которые он положил в основу своей помологической системы и которыми предлагал руководствоваться при определении сортов.

Размеры плодов, хотя и позволяют по средним величинам отличать один сорт яблони от другого, очень сильно варьируют внутри сорта и даже на одном дереве. Поэтому Болотов, сначала делавший точные промеры плодов, затем отказался от использования абсолютных величин для характеристики сортов и ограничился разделением их по величине плодов на следующие пять условных классов: мелкие (мельче куриного яйца), малые (с куриное яйцо), средние (с яйцо индейки), крупные (с гусиное яйцо), большие (в окружности более 6 вершков). Впрочем, в описании сортов Болотов пользовался другой, более точной классификацией, разделяя плоды на 12 классов в зависимости от длины окружности. При этом он никогда не судил по случайно взятому плоду, а ориентировался на большинство плодов этого сорта.

Форму плодов Болотов считал более важным признаком, а для некоторых сортов даже «характеристичным». Все плоды по этому признаку он делил на правильные, с подразделением на шаровидные, овальные, яйцевидные, конические, репчатые, плоские (еще более сплюсненные по сравнению с репчатыми); остроносые; неправильные, с подразделением на кособокие, надрезные, ребристые, трехсторонние, шипообразные

(с верхушкой наподобие шипа), плоскодонные, бородавчатые.

Окраска плодов — признак, меняющийся как в процессе их созревания, так и при хранении. В частности, яркость окраски по мере созревания усиливается, а в процессе хранения ослабевает. Все многообразие окраски плодов, по Болотову, может быть сведено в четыре группы: белые плоды, желтые, зеленые и красные. Каждая из этих групп имеет большое количество оттенков. Пестрые плоды кроме основного фона могут иметь тот или иной рисунок. По его характеру Болотов делил плоды на следующие группы: теневые плоды, когда плод или его часть покрыты вторым цветом по основному без полос и точек, т. е. плод как бы растушеван; пестрые — рисунок обозначен полосами, черточками, точками; расписные плоды — с рисунком, образованным комбинацией двух предыдущих элементов, по румянцу разбросаны черточки, крапинки и т. п.

Плодоножка, по Болотову, наименее надежный признак в классификации сортов яблони и груши. Плодоножки могут различаться по длине и толщине, по форме и окраске, по способу прикрепления плода.

Наследственные признаки

Как уже указывалось, в основу своей помологической системы Болотов положил существенные, т. е. наследственные, признаки.

«Верхнее углубление, или темя» — устройство верхней части плодов он считал самым надежным признаком для их распознавания и подробно описывал различные варианты: вершина — может быть углубленная, без углубления, с возвышением; углубление — глубокое, мелкое, узкое, широкое; по форме — круглое или неправильное; края углубления — крутые (почти острые), выпуклые, отлогие; остатки цветка — различаются по величине и окраске; эти остатки окружены особыми бороздками и ребрышками (в числе 5 или 10), размещение и форма которых характерны для многих сортов.

Воронка плода в зависимости от сорта может иметь следующие особенности: она может быть малой, средней, крупной, большой (в настоящее время понятия «крупный» и «большой», в смысле величины, не различаются); воронка может быть узкой и крутой,

широкой и крутой, широкой с отлогими краями; по глубине воронка может быть глубокой, средней, мелкой, ее может почти не быть; по форме воронка бывает правильной и неправильной; воронка внутри может быть по-разному окрашена, гладкой или покрытой пушком, с блестящей или матовой поверхностью.

Кожица плода — довольно важный признак. По ее характеру Болотов делил плоды на следующие категории: гладкие или шероховатые, с глянцем или матовые, на ощупь сухие или жирные, толстокожие или тонкокожие.

У некоторых сортов под кожицей могут быть особые крапинки или точки. Их количество, размеры и окраска иногда весьма точно характеризуют сорт.

Мякоть плода Болотов считал важным признаком для распознавания сортов и довольно подробно его описывал. Различия, установленные им, касались следующих особенностей: цвета мякоти, большей или меньшей ее твердости, большей или меньшей сочности, вкуса яблока или груши, способности плодов к лежке, характера гниения плодов в процессе хранения.

Болотов сообщал, что иногда на поверхности разреза яблока мякоть меняет свойственную ей окраску, причем изменение это у одних сортов происходит быстрее, у других медленнее. При определении сорта характер и темп изменения окраски следует учитывать.

Что касается твердости мякоти, то Болотов указывал, что у одних сортов она очень твердая, у других более мягкая, у третьих же столь нежна, что плоды легко проминаются пальцами. У иных сортов мякоть бывает рыхлая; падая с деревьев, такие плоды раскалываются на части.

Сочность плодов — довольно сложный признак, определяющий, по Болотову, наряду с некоторыми положительными качествами и ряд отрицательных. Особо выделял Андрей Тимофеевич сорта, у которых плоды при созревании настолько заполнялись соком, что становились прозрачными. Это их, по-видимому, имел в виду Пушкин, когда писал: «Что за яблочко! Оно соку спелого полно... будто медом налилось, видно семечки насквозь»¹⁷. Болотов называл такие яблоки

¹⁷ Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане // Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 3. С. 550—551.

наливными. Однако налив плодов соком он считал недостатком сорта, поскольку чаще всего такие плоды обладают плохими вкусом и лежкостью. Впрочем, были и исключения. Об одном из них Болотов писал: «...есть некоторые сорта зеленых крепких наливных, замечательно твердых и тяжелых яблок, которые способны пролежать до половины зимы и долее целыми и невредимыми, примером чего могут служить тяжелки»¹⁸.

Подчеркивая, что достоинство плодов определяется главным образом их вкусом, Болотов указывал на большое вкусовое разнообразие яблок и груш. Все сорта по этому признаку он делил на следующие пять основных групп: сладкие, полусладкие (у которых сладкий вкус преобладает над кислым), полукислые (плоды с преобладанием кислого вкуса), кислые, плоды, у которых имеются запах или привкус.

Вкус плодов может значительно меняться в зависимости от погодных условий, а также в процессе хранения. По поводу изменения вкуса плодов при лежке Болотов приводил следующие заключения: изменениям подвержены все вкусовые группы яблок; изменения происходят постепенно и зависят от условий хранения; у разных (по вкусу) групп яблок изменения осуществляются по-разному, но в основном в сторону понижения кислотности и повышения сахаристости; запах яблок у одних сортов сохраняется, у других исчезает, у очень немногих сортов аромат делается лучше.

Касаясь лежкости, Болотов отмечал большое сортовое разнообразие по этому признаку и расценивал ее как качество «необычайно положительное», поскольку лежкие сорта дают возможность пользоваться свежими фруктами почти в течение всего года (при условии правильного хранения), что, в частности, и практиковалось у самого Андрея Тимофеевича. Ежедневное употребление в пищу свежих яблок было, возможно, одним из факторов его долголетия.

Для определения лежкости Болотов разработал специальную методику. Летом он обходил сад и отмечал все яблони, которые впервые начали плодоносить. Осенью по созревании плодов он с каждого такого дерева брал по несколько яблок, зарисовывал их, тща-

¹⁸ Болотов А. Т. Избр. соч. С. 260.

тельно и подробно описывал, а затем завертывал каждое яблоко отдельно в оберточную бумагу и в особых ящиках хранил в леднике. Через каждые две недели он просматривал плоды и в журнале отмечал результаты просмотров: все ли яблоки сохранились здоровыми, если загнили, то сколько, и как проявляется гниение.

В результате этих опытов и наблюдений Болотов пришел к выводу, что лежкость в значительной мере связана со сроками созревания: чем позднее созревают плоды, тем дольше они могут храниться. Более твердые плоды тоже, как правило, лучше хранятся.

Характер гниения у плодов различных сортов Болотов описывал следующим образом: гниль может появляться в виде отдельных пятнышек, которые растут в ширину и глубину; она захватывает сразу большой участок плода и затем распространяется на весь плод; гниение начинается с побурения кожицы и мякоти плода. Такие яблоки некоторое время еще сохраняют вкус и пригодны для употребления. Затем плоды начинают чернеть и гнить; гниль начинается изнутри, около семенных гнезд; гниение сопровождается переходом мякоти в мучнистое состояние; мякоть плода задолго до гниения делается дряблой, поверхность плодов сморщивается; гниль, повреждающая плоды, может быть мокрой, скользкой, такие яблоки сразу становятся непригодными к употреблению; гниль, повреждающая плод, имеет такую же консистенцию, как и плод, и не портит его вкуса; она придает пораженному плоду необычайно горький вкус, так что даже небольшие частички ее делают яблоко совершенно негодным; скорость гниения у разных сортов бывает различной. У одних гниль портит яблоко в течение нескольких дней, у других этот процесс более растянут, у третьих до совершенной порчи плодов проходит 5—8 недель и более.

Семенные гнезда и семена — важный отличительный признак сортов: у одних семенные гнезда бывают большие и занимают много места внутри плода, у других они значительно меньше; у некоторых сортов «пластинки, составляющие эти гнезда» (остатки завязи), бывают жесткие, у других более мягкие; ряд сортов имеют округлую форму гнезда, у других она продолговатая; сорта очень различаются между собою по величине и форме семян.

Признаки яблоневого дерева

Болотов критически относился к заявлению некоторых садоводов о том, что они могут безошибочно определить сорт яблони по внешнему виду дерева. «...Уверяют, что все лучшие сорта деревьев они могут узнать по одному на них взгляду. Но я не верю, чтобы подобное определение было всегда безошибочным, потому что, сколько я ни наблюдал, я никогда не замечал, чтобы встречающиеся различия такого громадного количества сортов были резко заметны и характерны... особенно на молодых деревьях, на которых все признаки выражены слабее, чем на старых... Однако есть некоторые сорта, деревья которых различаются очень легко; об этих отличиях я и нашел нужным упомянуть хотя вкратце; они касаются: 1) самого устройства дерева, его сучьев и побегов; 2) коры их; 3) листьев; 4) цветов; 5) плодов»¹⁹.

В разделе «О строении яблонь и расположении сучьев» Болотов подчеркивал, что из всех плодовых деревьев яблоня наиболее подвержена всякого рода нарушениям в росте ствола и образовании кроны. Поэтому большинство сортов совершенно невозможно определить по габитусу дерева. В то же время для некоторых сортов это можно сделать довольно легко. Характерные признаки в основном касаются формы кроны, которая зависит от высоты ствола, способа расположения сучьев и соединения их с главным стволом. У части сортов деревья кажутся весьма кудрявыми и раскидистыми, у других же они растут пирамидально, как у ели, и т. п.

При описании коры Болотов указывал, что только немногие сорта яблони можно распознать по этому признаку. Кора бывает черной или темно-красно-кофейной (у некоторых сортов она испещрена по темному фону белыми точками), ярко-красной, зеленоватой или даже белесоватой, желтоватой. Поверхность коры может быть гладкой с прекрасным глянцем или же тусклой и как бы шероховатой. Все эти признаки касаются только коры, покрывающей молодые сучья, старая кора у всех сортов более или менее одинаковая: серо-коричневого цвета, растрескавшаяся.

О листьях яблони Болотов пишет, что, хотя их

¹⁹ Там же. С. 264.

размеры, форма, окраска, строение поверхности могут для некоторых сортов служить отличительными признаками, гораздо важнее для характеристики сортов сроки появления и опадания листьев. Болотов при нумерации деревьев снабжал их литерами Р. С. П.: сорта с ранним, средним и поздним сроками распускания листьев. Сорта могут также различаться и по срокам листопада.

Сорта, дольше сохраняющие осенью листву, дают, как правило, более доброкачественные плоды. Болотов упоминал о дереве, плоды которого отличались «особенным совершенством». Оно сохраняло свои листья зелеными в то время, когда другие деревья их уже сбросили. В другом месте Болотов указывал, что деревья, долго сохраняющие листву, отличаются пониженной зимостойкостью.

В отношении цветков яблонь Болотов обращал внимание на следующие различия: сорта могут иметь цветки, разные по размерам (мелкие, средние, крупные); по форме цветки могут быть правильными и неправильными (последними Болотов называл цветки, у которых свободные концы лепестков вместо округлых бывают усеченными или даже с выемкой); цветки различаются по окраске (от белых до ярко-алых); отличительными признаками сортов могут быть: период до первого цветения, начало цветения, длительность цветения одного цветка.

Плоды на дереве

В разделе «О плодах» Болотов предлагал различать сорта по плодам, пока они еще находятся на дереве, по характеру расположения, срокам созревания, прочности прикрепления к веткам, количеству на одном дереве, характеру повреждений в процессе роста.

По расположению плодов на дереве Болотов выделял категории сортов, у которых плоды распределены по ветвям отдельно, нигде не соединяясь группами; плоды располагаются кучками, по два—четыре вместе; яблоки унизывают ветки наподобие плетенки; они располагаются без особого порядка, где группами, где поодиночке; яблоки снабжены длинными плодоножками и свешиваются вниз.

По времени созревания плодов сорта различаются

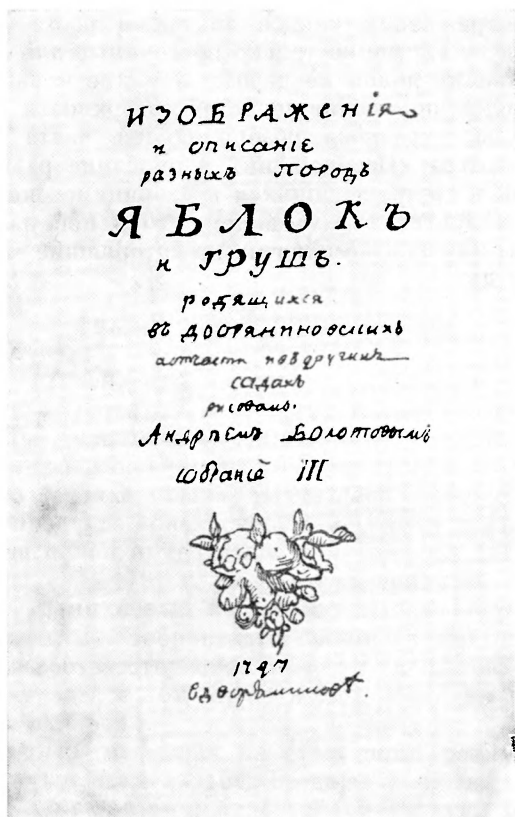

Рис. 11. Титульный лист помологической работы А. Т. Болотова. Автограф

так: у одних они созревают еще на деревьях, очень рано, иногда в июле, у других созревание происходит только в процессе хранения.

Прочность прикрепления плодов к сучьям у некоторых сортов настолько слаба, что они опадают при малейшем сотрясении. Другие сорта не имеют падалицы даже после сильных бурь.

Болотов различал сорта высокоплодовитые, среднеплодовитые и малоплодовитые, а также сорта с ежегодным плодоношением и сорта, у которых в урожайности проявляется периодичность.

Из повреждений плодов во время роста Болотов принимал во внимание только постоянные для данного сорта: гниение яблок на дереве, лопание и растрескивание плодов, появление нечистой поверхности.

Даже из краткого обзора общей части работы А. Т. Болотова «Изображения и описание разных пород яблок и груш, родящихся в дворяниновских, а отчасти и в других садах» видно, что в ней изложены принципы научной помологии, не потерявшие значения и в наши дни.

Снова в Дворянинове (1797—1833)

Возвращение в Дворяниново

Хотя претенденты на управительское место в Богородицкой волости так и не могли «одолеть» Андрея Тимофеевича (слишком высок был его авторитет в земледельческих и садово-парковых делах, да и о нравственном его облике слава разнеслась далеко), но он словно предчувствовал скорую перемену в своей жизни, когда начал приводить в порядок свое дворяниновское гнездо. В 1796 г. умерла Екатерина II. Через некоторое время новый император Павел I официально признал А. Г. Бобринского своим братом, ему были оказаны соответствующие почести, пожалованы титулы и награды, в том числе и Богородицкая волость с дворцом и парком.

Андрей Тимофеевич не стал долго размышлять о своей дальнейшей судьбе. Во-первых, новый владелец имения, по-видимому, будет значительную часть времени жить во дворце и, стало быть, влияние на ход событий в волости у Болотова будет уже не то; во-вторых, сам Андрей Тимофеевич имел к тому времени за спиной около шести десятков лет, и входить под начало к кому-то другому ему было не к лицу. И наконец, отпала материальная необходимость в службе на стороне: дети выросли и встали на ноги (самой младшей дочери Екатерине тогда было 18 лет), за годы жизни сделаны кое-какие накопления, позволяющие безбедно прожить остаток лет, тем более что излишняя роскошь и мотовство в жизни всегда претили Андрею Тимофеевичу. Ну и доход с имения тоже со счетов не сбросишь: за последние годы, благодаря улучшенным садам, он значительно вырос (в хорошие годы сады давали до трех тысяч рублей, а жалованье управлятеля — шестьсот рублей в год).

Так что вскоре после смены на императорском троне Андрей Тимофеевич подал в отставку и, попросившись со своими бывшими подчиненными и городскими знакомыми, уехал в родное Дворяниново.

Закончился более чем двадцатилетний период весьма интенсивной жизни в Богородицке, и начался новый. Как-то он сложится?

Жизнь в Дворянинове

Жизнь Андрея Тимофеевича в новых условиях сложилась не менее удачно (может быть, правильнее сказать, более удачно), чем в богородицкий период. Поселившись в Дворянинове, Болотов почти не покидал его до конца своей жизни, если не считать редких и кратковременных выездов к родным и соседям да двух поездок на более долгий срок: в Санкт-Петербург в 1803 г. и в Тамбов в 1804 г.

В течение всего периода жизни в Дворянинове (1796—1833 гг.) Болотов вел строго упорядоченную жизнь, по установленному им самим режиму, который имел только два варианта: один для поздней осени и зимы, второй — для весны и лета. Вот как описывает образ жизни Болотова его внук Михаил Павлович Болотов.

«Андрей Тимофеевич вставал всегда очень рано (летом — в четвертому часу, а зимою — в шестом); прочитывал одно из утренних размышлений на каждый день года, потом садился за свой письменный стол и записывал:

1) в „Книжке метеорологических замечаний“: погоду вчерашнего дня и наступившего утра, т. е. сколько градусов по термометру, какое стояние или изменение барометра, какой ветер и какое небо при восходе солнца. Весь этот труд, кажется за 52 года постоянных отметок, после кончины Андрея Тимофеевича отправлен отцом моим, Павлом Андреевичем, в Санкт-Петербург, в Академию наук, которая с признательностью приняла этот подарок, ибо подобных наблюдений и за столь продолжительный период времени в средней России никто не делал;

2) в „Журнале вседневных событий“ записывались занятия и приключения, бывшие в течение протекшего дня, т. е. чем именно он занимался, какие приходили ему идеи или размышления, а если бывали гости, то

какой в особенности занимательный был разговор или рассказ.

Все это он успевал сделать до того времени, пока весь дом подымется уже на ноги и бабушка моя пришлет ему чая. Дедушка очень любил чай и пивал его всегда однообразно. При этом Андрей Тимофеевич читал всегда любимые свои газеты... Во время чтения газет он доставал иногда тетрадь под названием „Магазин достопримечательностей и достопамятностей“; в этот „Магазин“ вписывал он все, что находил особенно замечательным. Потом принимался за свои сочинения и, таким образом, в писании проводил время до обеда.

В первом часу А. Т. постоянно садился за стол; обед состоял из 4, иногда и 5 блюд (холодного, горячего, соуса, жареного и пирожного); кроме кваса, он ничего не пил; потом отдыхал ровно час, а проснувшись, всегда любил чем-нибудь полакомиться и в особенности любил фрукты. В 5 часов приходил в диванную пить чай, во время которого любил слушать чтение газет... а в 9 часов ужинал и тотчас уходил спать. Постоянно он проводил таким образом каждый день осенью и зимой, а весной и летом занятия в саду делали некоторые изменения в дневных занятиях, так что он занимался сочинениями только в ненастные дни»¹.

Приведенная цитата позволяет нам лучше понять истоки удивительного научного подвига Андрея Тимофеевича, воплощенного в его огромном печатном и рукописном наследии.

Регулярный образ жизни, правильное чередование труда и отдыха, систематические занятия писанием своих сочинений составляли основу всего сделанного. В Дворянинове Болотов использовал главным образом материалы дневниковых записей, обрабатывая их и оформляя в виде книг и статей. Конечно, в период вегетации растений он продолжал вести наблюдения, проводить опыты, но теперь исследования были менее интенсивными, больше времени уделялось работе за письменным столом. Именно в этот период Андрей Тимофеевич создал такие замечательные произведения, как помологическая работа «Изображения и описание разных пород яблок и груш...» и автобиографические записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова...».

¹ Рус. старина. 1873. Т. 8, кн. 11. С. 741—742.

Член Московского общества сельского хозяйства

А. Т. Болотов до глубокой старости сохранил живой интерес к общественным делам, ко всему, что происходило в его отечестве. Об этом свидетельствует запись в дневнике, относящаяся к 1820 г. (ему в это время было уже 82 года), о начале деятельности Московского общества сельского хозяйства. «О земледельческом журнале, издаваемом императорским Московским обществом сельского хозяйства» — так озаглавлена эта запись. Далее следует:

Объявление

Императорское Московское общество сельского хозяйства, желая сколько возможно споспешествовать к распространению сведений об успехах и улучшении земледелия в России, признало одним из существеннейших этому средств издание земледельческого журнала, через который возможно было: во-первых, сообщить свету о занятиях общества и трудах его членов, во-вторых, представить средства многим хозяевам в отдаленных губерниях сообщать свои сведения об их полезных наблюдениях или изобретениях, счастливо сделанных или приспособленных к нашему хозяйству; во многих губерниях пространного государства нашего многие помещики и дворяне имеют прекрасные устроения в хозяйстве и много сделано изобретений и улучшений в оном, но о том не токмо живущие в отдаленности, а едва ли знают и соседи их, и от того-то многие изобретения умирают или остаются недействительными, а потому земледельческий журнал может служить для исправления сношений по части хозяйства между всеми помещиками российского государства. Оной состоять будет из четырех отделений, а именно: I. Земледелие. II. Опыты и наблюдения. III. Иностранные известия. IV. Переписка общества ².

Болотов сообщал содержание каждого раздела. Андрей Тимофеевич, узнав об организации Московского общества сельского хозяйства, принял активное участие в его деятельности и был избран почетным членом. В течение восьми лет (1822—1830) «Земледельческий журнал» (орган общества) опубликовал 12 статей А. Т. Болотова ³. Поскольку они писались на старом материале, накопленном автором в основном еще в период творческого расцвета, во всех них содержались весьма ценные рекомендации, и сельские хозяева

² Отечественник (рукоп. журн. А. Т. Болотова). 1820. Ч. IV, разд. 154. С. 337—343.

³ Болотов А. Т. ЦНСХБ. 1984. С. 56—57.

естретили их одобрительно, особенно статьи по плододству.

Да и как могло быть ипаче, если, например, в статье «О выгоднейшем расположении фруктовых деревьев в садах плодовитых» Болотов сообщал о замечательных новинках в выращивании яблони: расположении деревьев по углам правильных прямоугольников, содержании почвы в молодых садах под полевыми и овощными культурами. До рекомендации Андрея Тимофеевича яблони размещались в садах, как правило, произвольно, в лучшем случае — по углам квадратов. Болотов впервые в практике русского садоводства предложил размещать деревья в товарных садах правильными рядами с разными по ширине междурядьями, в одном направлении больше (9 аршин), в другом — меньше (6—7 аршин). Такое расположение деревьев позволяло в широких междурядьях обрабатывать почву лошадьми, на лошадях же возить в сады навоз и вывозить собранный урожай.

В первые годы своей жизни в деревне после увольнения из армии Болотов во многом, в том числе и в практике садоводства, следовал установившимся обычаям. Однако удивительная наблюдательность и склонность к экспериментированию позволили ему уже вскоре обнаружить в ней заметные изъяны. Так, привычным грунтом садов того времени был задерневший травяной покров. Но вот как-то случилось Андрею Тимофеевичу посадить несколько яблонек в огороде. И что же! Наблюдательный глаз молодого ученого уже вскоре заметил, что эти яблоньки заметно отличаются от тех, что росли в саду: они и растут быстрее, и выглядят повеселее, листья у них покрупнее, более чистые, темно-зеленого цвета — словом, сразу видно: эти яблони лучше. Не замедлил Андрей Тимофеевич учинить специальную проверку: выбрал площадку в саду, сначала мелкой перекопкой разрушил дернину, затем внес навоз и глубоко перекопал почву, заделав одновременно и навоз и дернину. В междурядьях стал выращивать овощи, каждый год чередуя разные культуры. Результат не замедлил сказаться: год от году яблони на опытном участке выглядели все лучше, а когда дело дошло до урожая, то разницу уже можно было выразить и числом. С тех пор все свои вновь создаваемые сады содержал Андрей Тимофеевич по разработанной им технологии: сажал деревья правильными ря-

дами по схеме 6—7 аршин×9 аршин (4,3—5 м××6,4 м), располагая ряды с широкими междурядьями с севера на юг; делил сад на равные кварталы по числу лет, через которые каждый квартал удобрялся навозом; сады на плодородных почвах делились на 8 кварталов, на менее плодородных — на 4; междурядья в молодом саду пахали и занимали полевыми и овощными культурами с ежегодной сменой их.

Такой порядок соблюдался до тех пор, пока из-за смыкания крон разросшихся плодовых деревьев овощные растения не начинали угнетаться и снижать урожай. После этого междурядья еще несколько лет занимались земляникой, а затем засевались многолетними травами, с образованием дернины.

Не меньший интерес представляют статьи Болотова о получении посадочного материала корнесобственных яблонь путем искусственного формирования надземной части из периферийной части корневой системы; о плодовых деревьях, повреждаемых морозами, где рассмотрена устойчивость растений в зависимости от их биологических особенностей и предлагаются меры для предохранения от морозов; о результатах опытных посевов яблочных семян.

После смерти Андрея Тимофеевича Московское общество сельского хозяйства почтило его память, поместив портрет в зале своих заседаний.

Последние годы жизни

Спокойный образ жизни и постоянное пребывание на свежем воздухе позволили А. Т. Болотову хорошо сохранить свое здоровье. Уже совершенным стариком он принимал живое участие в семейных праздниках и в танцах не уступал молодежи. Тот же М. П. Болотов, описывая свадьбу внучки Андрея Тимофеевича Александры Федоровны Бородиной, жившей у него на воспитании, сообщает: «Андрей Тимофеевич сам танцевал с нами до 11 часов ночи и не только не отставал от молодежи, но под конец замучил многих, предводительствуя гротфатером с разными выдуманнами им фигурами»⁴. А свадьба происходила в 1821 г., когда Андрею Тимофеевичу было 83 года!

Андрей Тимофеевич принадлежал к оптимистам.

⁴ Рус. старина. 1873. Т. 8, кн. 11. С. 742.

Он не надеялся на счастье извне, а умел сам сотворять радости из того, что его окружало. Философское понимание жизни, при котором смерть рассматривается ее обязательным элементом, помогало Болотову легче воспринимать потерю своих близких.

Очень тяжело, по сравнению с другими потерями, переживал он смерть тещи, человека, который долгие годы жизни был для него ближайшим другом, помощником во всех делах. В 1814 г. Марию Абрамовну похоронили на русятинском погосте, на том месте, которое выбрал Андрей Тимофеевич для своей могилы.

Уход душевно близкого человека как-то опустошил жизнь Болотова. Он частенько писал об этом сыну — своему второму другу и соратнику, жившему тогда в Орловской губернии. Павел Андреевич понял состояние отца и в 1826 г. переехал на жительство в Дворяниново.

До конца своей жизни Болотов сохранил подвижность, прекрасную память и удивительную любознательность. И только в самом конце жизни он утратил зрение сначала левого, а затем и правого глаза. Но даже и тогда не бросил своих занятий: записки писались под его диктовку, а чтение заменилось слушанием. Незадолго до смерти Болотова постигло новое несчастье: стала все более усиливаться глухота.

Если слепоту Андрей Тимофеевич переносил более или менее терпеливо, то от глухоты он очень страдал, так как она лишила его последней возможности активного общения с внешним миром, которым он так горячо интересовался всю жизнь. Особенно печалился Болотов, когда к ним приезжали гости и он не мог из-за глухоты принять участие в разговорах, узнать последние новости.

Слепота и глухота ограничили Андрею Тимофеевичу возможность самостоятельно бывать в саду. Но тяга его к природе была так велика, что родные часто по его просьбе выводили его в хорошую погоду в сад и катали там на тележке. По словам внука, участника этих прогулок, трудно было передать радость старика, несмотря на то что теперь он мог лишь чувствовать свое пребывание в саду, например наслаждаться теплотой солнечных лучей.

3 октября 1833 г. А. Т. Болотов тихо скончался в своей рабочей комнате, а 7 октября, в день его рождения, состоялись похороны. Воля Андрея Тимофееви-

ча была выполнена: его похоронили на русятинском кладбище, рядом с могилой М. А. Кавериной.

Судьба надгробий

Много неясного с надгробиями на могиле Андрея Тимофеевича. Прошло уже более 150 лет со дня его смерти, срок немалый. Очевидно, не один раз менялся памятник на могиле нашего великого земляка. Об этом свидетельствуют воспоминания его потомков, а также ряд косвенных материалов. Но для такого большого срока, как 150 лет, их явно недостаточно. Кроме того, они зачастую противоречивы, в результате многие загадки еще ждут своих исследователей. Мне пока не удалось раскрыть до конца ни одной из них. Перечислю здесь некоторые.

Андрей Тимофеевич умер в 1833 г. и похоронен возле приходской церкви в селе Русятино. Через пять лет, в 1838 г., исполнилось сто лет со дня его рождения. Общественность России довольно широко отмечала это событие. Вольное экономическое общество провело специальное заседание (о нем будет рассказано дальше), Московское общество сельского хозяйства в своем печатном органе «Земледельческий журнал» опубликовало большую юбилейную статью С. А. Маслова, издав ее также отдельным оттиском. Экземпляр такого оттиска с дарственной надписью сын Павел послал племяннику Андрея Тимофеевича П. П. Воронцову-Вельяминову. На последнем чистом листе оттиска рукой Павла Андреевича написана стихотворная эпитафия, сопровождаемая следующими словами: «Эпитафия, написанная неупражнявшимся в стихотворении, и вырезанная на мавзолее с другой стороны биографической надписи». Один из экземпляров этого документа хранится в семье прапраправнучки Андрея Тимофеевича — А. П. Георгиевой.

Из этих слов с достаточной очевидностью вырисовываются следующие данные о памятнике на могиле Андрея Тимофеевича: памятник был отдельным; он представлял собою достаточно внушительное сооружение, поскольку, во-первых, Павел Андреевич называл его мавзолеем, во-вторых, на нем была вырезана эпитафия, состоявшая из пяти четверостиший. Даже при предположении, что буквы были высотой около трех сантиметров, а промежуток между строчками таким

же, для эпитафии требовалась плоскость высотой более метра.

А теперь приведем описание памятника Андрею Тимофеевичу, сделанное его внуком Михаилом Павловичем в воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская старина» за 1873 г. Там Михаил Павлович пишет о посещении Дворянинова более 20 лет назад, т. е. где-то в 1850—1852 гг. В указанном воспоминании Михаил Павлович сообщает о могиле Андрея Тимофеевича следующее: «Старички похоронены в своем приходе — селе Русятине. В полутора верстах от дворяниновского дома, на горке, среди поля виднеется старинная деревянная церковь и возле нее четыре двора церковнослужителей, там с левой стороны алтаря находится возвышенность с четвероугольным памятником из простого известкового камня, с надписью — чина, имени, отчества и фамилии, годов рождения и смерти Андрея Тимофеевича Болотова, а на другой стороне подобная же надпись о его супруге; возле него покоятся кости его матери, тещи и четырех внучат. Вот уже более 20 лет прошло с тех пор, как я в последний раз поклонялся праху моего незабвенного деда»⁵.

Из описания Михаила Павловича явствует, что на могиле в то время стоял общий памятник Андрею Тимофеевичу и его жене — Александре Михайловне. Невольно возникают вопросы: куда девался мавзолей с могилы, о котором сообщал Павел Андреевич? Кто поставил памятник, когда и из каких побуждений?

Много неясного имеется в отношении состояния места захоронения семьи Болотовых. Сейчас оно огорожено изгородью из чугунных решеток высотой около метра, соединенных чугунными же столбами, увенчанными шишковидными верхушками. Изгородь поставлена сравнительно недавно (в 50-х годах) Тульской организацией по охране памятников культуры (такая же ограда и в то же время поставлена и на могиле командира крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева в селе Савино в 3 км от Русятина).

На огороженной площадке стоят два памятника: один — Андрею Тимофеевичу, второй — его жене, Александре Михайловне. Оба цементные. Между прочим, простой материал, из которого был сделан памятник Болотову (дореволюционный образец), сыграл по-

⁵ Там же. С. 748.

ложительную роль, благодаря этому памятник уцелел. Один из старейших жителей колхоза «Путь к коммунизму», находящегося на территории бывшего имения Болотова, Н. В. Финогенов рассказал, что в 20-х годах по кладбищам ездили особые группы в поисках мрамора для различного рода поделочных работ. Как известно, до революции дворянская, купеческая и прочая знать ставила на могилах своих предков мраморные памятники. Молодой Советской республике в первые годы своего существования трудно было организовать добычу мрамора. А нужда в нем была. Вполне естественно, что родилась мысль экспроприировать кладбищенские памятники. Кроме материальной пользы имелась и моральная: народ как бы стирал с лица земли вещественное напоминание о своих угнетателях. Приезжала такая группа и на русятинское кладбище, увезла мраморный памятник местной купчихе, а болотовский из известкового камня забраквала. Вот и сохранился он до наших дней (до 1957 г.).

Впрочем, в том, что сейчас на могиле стоит именно тот памятник, у меня твердой уверенности нет. Дело в том, что сразу после Великой Отечественной войны, когда я впервые занялся изучением жизни и творчества Андрея Тимофеевича, мне удалось съездить на его родину и побывать на могиле. Была она тогда в запущенном состоянии, памятник лежал в стороне, покрытый землей и поросший лишайниками. Конечно, с тех пор прошло немало времени, многое выветрилось из памяти, но все же мне он вспоминается иным. К сожалению, я тогда был малообеспеченным аспирантом и не располагал возможностью сфотографировать памятник. Да, признаться, еще и не осознавал важности и необходимости этого.

Тот факт, что дореволюционный и современный памятники различались, подтверждается фотографией могилы Андрея Тимофеевича, помеченной 1913 годом. Этот редкий снимок удалось отыскать в архивах В. Д. Поленова его внуку — Федору Дмитриевичу Поленову, директору музея «Поленово».

Появление фотографии, по-видимому, следует поставить в связь со следующим коротким сообщением в одном из журналов: «Открытие памятника А. Т. Болотову. На могиле известного историографа XVIII в. А. Т. Болотова в селе Русятине Алексинского уезда состоялось 9 июня освящение памятника, возобновлен-

Рис. 12. Современный вид могилы А. Т. Болотова (1987 г.)

ного на средства потомков Долинино-Иванских и Болотова. На торжестве присутствовали тульский губернатор, потомки Болотова, представители губернской архивной комиссии во главе с председателем, местное дворянство и окрестные крестьяне»⁶. Вот тогда-то, очевидно, и была сфотографирована могила.

Не совсем ясно, что следует понимать под словом «возобновление». Судя по заголовку сообщения, а также по торжественности, с которой было обставлено событие (специальный церковный ритуал, присутствие высокого начальства, большое число участников), это было не просто обновление памятника, а установка нового. Тем более упоминается о средствах, внесенных потомками разных родственных линий.

Тогда возникает вопрос: почему понадобилось изготовление нового памятника? Куда девался старый? Разрушился ли он от времени (что весьма вероятно, поскольку длительное время находился без присмотра: родственники продали имение и разъехались по разным местам)? А может быть, кто-то увез безнадзор-

⁶ Ист. вестн. 1914. Т. 127. № 7. С. 358.

ный «камень» для какой-то хозяйственной надобности (что тоже не исключено)?

И почему в сообщении идет речь о памятнике, а не о памятниках, ведь на фотографии их несколько? Может быть, действительно до этого времени на могиле стоял один общий памятник Андрею Тимофеевичу и его жене, как об этом писал внук М. П. Болотов. Или автор сообщения толковал понятие «памятник» широко, включая в него все, что было установлено на могиле.

И еще одна подробность. О происхождении современных памятников Г. В. Глаголева — научный сотрудник Богородицкого историко-художественного музея — сообщила следующее: «На могиле было установлено надгробие из известкового камня. В 1957 г. оно было заменено копией, отлитой из цемента по проекту тульского скульптора Николая Ивановича Строгонова. Проект составлен по остаткам надгробия и его фотографии».

Совсем недавно А. И. Трошин, бывший директор Русятинской средней школы, ныне руководитель работ по созданию колхозного мемориального комплекса, нашел на русятинском кладбище обломки надгробия. После тщательной очистки его от земли и плесени мы обнаружили высеченные буквы и, вооружившись лупой, восстановили следующий текст на соединенных вместе обломках надгробия: «Здесь погребено тело Мар. Аврам. Кавериной уржд. Арцыбашевой. Да упокоит господь душу ея в обители... сконч. 1814 г.»

Вывод был ясен: найденное надгробие в свое время было установлено на могиле тещи Андрея Тимофеевича — Марии Абрамовны Кавериной.

На упомянутой выше фотографии могилы Андрея Тимофеевича 1913 г. видны три памятника. Два из них принадлежат ему и его жене. Долго оставалось загадкой, кому принадлежит третий памятник: имевшаяся на нем надпись была настолько неясной, что можно было лишь угадывать некоторые слова. И только когда нашли надгробие М. А. Кавериной и сопоставили текст, высеченный на нем, с трудно разбираемым текстом надписи на третьем памятнике фотографии, удалось установить их идентичность, а следовательно, и принадлежность памятника. В настоящее время надгробие М. А. Кавериной заняло свое место, с левой стороны от памятника Андрею Тимофеевичу.

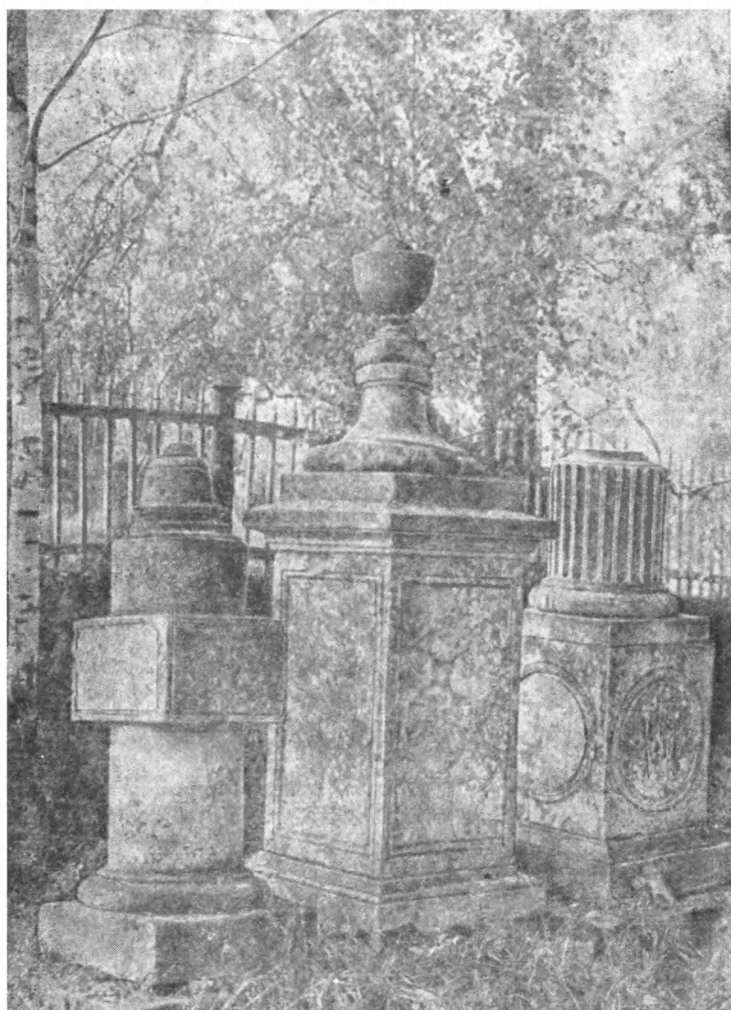

Рис. 13. Могила А. Т. Болотова. Фотография 1913 г.

До последнего времени на фамильной площадке Болотовых стояла установленная А. И. Трошиным мемориальная дощечка с надписью, что здесь похоронена мать Андрея Тимофеевича — Мавра Степановна. На мой недоуменный вопрос о том, что послужило основанием для установки этого указателя, А. И. Трошин коротко ответил, что почерпнул информацию из книги С. Новикова. Пришлось разубеждать его прямым указанием Андрея Тимофеевича: «...погребена была в приходской нашей церкви, под самым правым клиросом».

Не соответствует действительности и установка в пределах могильной площадки небольшого надгробия с указанием, что оно поставлено на месте могилы сына А. Т. Болотова — Степана. Во-первых, место для своей могилы Андрей Тимофеевич выбрал лишь в 1792 г., тогда как Степан умер в 1773 г. и, следовательно, не мог быть похоронен на еще не выбранном месте. Во-вторых, в дневниках есть записи о месте захоронения ближайших членов семьи, умерших в Дворянинове до 1792 г. Это площадка с правой стороны алтаря, рядом с могилой матери Андрея Тимофеевича — Мавры Степановны. Здесь были похоронены сын Дмитрий, внучка Екатерина, сын Степан.

Философия и нравственность А. Т. Болотова

Ознакомившись с творчеством А. Т. Болотова, с его крупнейшими достижениями в различных областях биологической и сельскохозяйственной наук, мы вправе задать вопрос: а каковы были философские взгляды Болотова, какими нравственными принципами руководствовался он в жизни?

Напомним, что времена Болотова — это период становления капитализма, начало технического прогресса, эпоха французских просветителей, развития материалистического понимания природы, борьбы с религиозными догматами. Какую же позицию в этой сложной идейной обстановке занял Болотов? Какие решающие события и факторы в его жизни (не считая дворянского происхождения) определяли направленность убеждений?

Детство Андрея Тимофеевича проходило в весьма религиозной семье. Существенную часть обстановки в

дворяниновском доме составляли образа с горящими перед ними лампадами. Умиравший отец наставлял сына перед смертью, что главной опорой в его жизни должен быть бог. После смерти отца сугубо религиозное воспитание продолжила мать. Глубоко верующим в божественное начало бытия вступил в жизнь юный Болотов. Однако в армии, особенно в период пребывания полка в Кенигсберге, где ему довелось возвращаться в университетских кругах, читать много философских книг, иметь беседы с «вольнодумцами», был период, когда юноша находился на идейном распутье. Вспоминная в дальнейшем эти годы, Болотов писал: «... ибо как скоро, по прочтении оной Вольфианской философии, сделался я способным к чтению и пониманию книг, содержащих в себе и самые важные и высокие материи, и, получив к такому чтению превеликую охоту, стал и доставать и выбирать к чтению более такие; то каким-то образом, между множества других книг стали мне попадаться в руки и самые вольнодумческие и такие, которые мало-помалу и совсем не приметным и нечувствительным образом стали вперять в меня некоторые сумнительные о истине всего откровения и христианского закона и совращать меня с пути доброго... А сие произвело, что я... впал наконец в совершенное сумнительство о законе и едва было не сделался и сам совершенным деистом и всльнодумцем... обуреваем был иногда таким страданием душевным, что не рад был почти жизни и не знал, что мне делать и верить ли всему тому, что нам сказывают о христианском законе, или не верить, а почитать все то баснями, выдумками и хитростью духовных, как то помянутые писатели в меня вперить старались»⁷.

Как видите, молодой Болотов весьма мучительно переживал душевный разлад. Однако в дело вмешался случай. Болотов, бывая в Кенигсбергском университете, познакомился с русскими студентами, проходившими там практику, и особенно сблизился с С. Ф. Малиновским. Тот как раз в это время начал заниматься философией у профессора Веймана, который в отличие от вольфианцев был сторонником другого немецкого философа — Х. Л. Крузия. Малиновский, с согласия Веймана, привлек к занятиям и Болотова. Прекрасный педагог, Вейман сумел увлечь юношей своими яркими,

⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 59—60.

образными рассказами. В результате груз религиозного воспитания получил новую поддержку и в конце концов пересилил. Взгляды Крузия, пытавшегося объединить разум с божественным откровением, рационализм с теологией, казались мечущемуся в поисках истины Болотову спасительным мостиком. Окончательное утверждение его на позициях верующего человека произвело знакомство с трудами И. Г. Зульцера — немецкого философа, эстетика, одного из представителей натуртеологии, который весьма ярко описывал красоту и гармонию природных явлений, объясняя их как результат божьего всемогущества.

Находясь во власти немецкой натурфилософии, Болотов впоследствии отрицательно воспринял прогрессивные идеи французских мыслителей. В его «Записках» можно неоднократно встретить неодобрительные высказывания в их адрес. Приведем одно из них: «... я нашел его [князя С. В. Гагарина] читающего французскую известного безбожника Гелфедия книгу, не только удивился, но и содрогнулся даже, узнав, что и старик сей был по примеру многих заражен до глупости вольтерианизмом и, находясь при дверях самого гроба, не переставал обожать Волтера, сего Гелфедия и других подобных им извергов и развратителей человеческого рода. Чувствительно мне сие было очень, и я искренне сожалел о его заблуждении, но рад с другой стороны был, что узнал сие благовременно и мог, сообразуясь с тем, располагать при разговоре с ним свои меры»⁸.

Дуализм мировоззрения

Однако религиозность Болотова проявлялась лишь в его обыденной жизни и нравоучительных сочинениях. Здесь он, что называется, без бога ни до порога. Стоило ему перейти к естественнонаучным вопросам, как от его религиозности не оставалось и следа. В своих исследованиях по биологии и сельскому хозяйству, составлявших основное содержание всей его жизни, Болотов уже не обращается к богу и религии, а пытливо изучает природу такой, какая она есть. Задумываясь над некоторыми общими принципами познания природы, он формулирует их с материалистических позиций

⁸ Там же. Т. 3. Стб. 927—928.

и, больше того, в ряде случаев стихийно становится диалектиком. Конечно, в высказываниях Болотова еще мало общего с сознательным использованием законов диалектики природы, сформулированных позднее Марксом и Энгельсом, но в них уже имеется правильный подход к пониманию природных процессов. В теоретической части трактата «Об удобрении» Болотов писал: «Натуры испытатели примечают в рассуждении всех натуральных вещей между прочим и следующие важные обстоятельства: 1) непостижимую многообразность оных; 2) разные степени совершенства между оными, 3) сопряжение и связь между оными». И далее: «... все главные классы вещей натуральных очень тесно между собою связаны и сопряжены, ибо не только все многообразные в них находящиеся вещи удивительным образом между собой перемешаны, но зависят почти все взаимно друг от друга»⁹.

Болотов в духе механистического материализма, получившего распространение в его век, неоднократно говорил об организмах как о сложных машинах, состоящих из тех же веществ, что и неживая природа. Отсюда он делал вывод, что и растения, и животные должны находиться в неизбежной зависимости от этих веществ и в состоянии определенного равновесия с ними, осуществляющегося в результате круговорота:

неживая природа — растения —	[неживая природа животные — неживая природа

Для объяснения биологических явлений Болотов не прибегал ни к душе, ни к жизненной силе виталистов, что так охотно делали многие его современники.

В отличие от Канта, Болотов не признавал двойственной природы вещей. Все, что имеется в природе, существует объективно и поддается познанию. Человек многого не знает об окружающем его мире, но это незнание временное и преодолевается историей. Вот как об этом сказано у Андрея Тимофеевича: «Натура нам далеко еще не вся известна, и следы и таинства ее далеко еще не все испытаны и открыты, когда известно то, что уже и мы весьма много такого знаем,

⁹ Тр. ВЭО. 1770. Ч. 15. С. 5.

что ни мало не знали наши предки, то не можно ли с основанием заключить, что и мы весьма много такого еще не знаем, что узнают наши потомки, и открытые и знания чего предоставлено позднейшим временам»¹⁰.

В этих словах проявляется одна из важнейших черт мировоззрения Болотова, красной нитью проходящая через все его творчество. Познание в первую очередь должно основываться не на размышлениях в результате созерцания, а на действии, на опыте, на практике. Поэтому совершенно необоснованно утверждение А. А. Блока о том, что «основной чертой его [Болотова] жизни было созерцательное отношение ко всему окружающему»¹¹. Как раз наоборот, не созерцательное, а активное отношение к природе характеризует Болотова-натуралиста. Как можно глубже познать природу, увеличить ее дары человеку, сделать их более совершенными — такую задачу преследовал наш замечательный соотечественник всю свою творческую жизнь. Материал настоящей книги полностью это подтверждает.

Из сказанного довольно четко вырисовывается философское кредо Болотова: приверженец теологии в социальных вопросах и стихийный материалист в естествознании.

Противоречия нравственности

Прекрасно зная французский и немецкий языки и будучи начитанным человеком, Болотов был хорошо знаком не только с немецкой натурфилософией в ее различных идеалистических вариантах, но и с произведениями французских просветителей, или «вольнодумцев», как он их именовал. Его религиозной настроенности и твердому убеждению, что существующий монархический строй с помещичьим владением землей и крестьянами — лучшая форма организации государства, претили высказывания «вольнодумцев» о свободе и равенстве людей.

По мнению Болотова, улучшение жизни простого народа должно наступить не в результате получения

¹⁰ Сел. житель. 1778. Ч. 1. Л. 21. С. 15.

¹¹ Блок А. А. Сочинения. Л., 1934. Т. 11. С. 30.

им свободы, а путем развития науки и просвещения. Наука облегчит труд крестьянина, позволит увеличить производство всего необходимого для жизни человека, а просвещение улучшит нравы, в том числе и нравы помещиков, которые будут относиться к крестьянам, как отцы к детям, справедливо поощряя трудолюбивых и послушных и наказывая лентяев и бунтовщиков. Эти утопические и наивные рассуждения казались Болотову правильными, поскольку подкреплялись примером собственной жизни: он всегда хорошо относился к крестьянам, заботясь об их нуждах и наказывая только воров, пьяниц и «бунтовщиков»; в свою очередь крестьяне, сравнивая отношение к ним «своего барина» с отношением к своим крепостным других помещиков, уважали Болотова, и случаи конфликтных ситуаций в его имениях были крайне редкими.

Двойственность легко прослеживается и в нравственном облике А. Т. Болотова. На фоне природной доброты в его жизни проявлялись иногда факты довольно жесткого обращения с людьми; честность, порою доходящая до щепетильности, сопровождалась иногда поступками, с позиций нашей морали совершенно бесчестными; благожелательное отношение к людям соседствовало с откровенным эгоизмом; наряду с высокой гражданственностью Болотов мог проявить откровенную беспринципность.

Конечно, мораль Андрея Тимофеевича в какой-то степени зависела и от особенностей его характера, по в основном она определялась объективными факторами: сословным положением, устоями общественной жизни того времени и т. п. Болотов не только видел огромное социальное неравенство людей в России, но и признавал его несправедливость. По этому поводу он даже написал стихотворное сочинение, в котором выражает благодарность судьбе за то, что родился дворянином. Признавая, что другие люди — такие же существа, как он, и, следовательно, имеют такое же право на хорошие условия жизни, Болотов указывал, однако, на существование крайней нищеты и бесправия. Впрочем, только сочувствием к обездоленным и ограничиваются его рассуждения. Ему и в голову не приходит мысль о необходимости устранить несправедливость. Общественное неравенство предопределено богом, от него же зависит судьба каждого человека: кому родиться дворянином, а кому — смердом.

Болотов о крепостном праве

Сословная принадлежность Болотова в ряде случаев мешала ему прийти к правильным выводам в его исследованиях по сельскому хозяйству. Такова, например, его серьезная ошибка в сравнительной оценке производительности вольнонаемного и крепостного труда. Ко времени царствования Екатерины II Россия уже вышла на мировой рынок. Это обстоятельство требовало значительного увеличения производства сельскохозяйственной продукции, в частности зерна, льноволокна. Передовые деятели России понимали, что низкая производительность крепостного труда не позволит решить эту задачу. Знала об этом и Екатерина. Вот почему она анонимно (но так, что догадаться об авторе анонимного послания было легко) уже в 1767 г. попросила Вольное экономическое общество объявить конкурсную задачу на тему о целесообразности введения вольнонаемного труда в сельском хозяйстве. Задача вызвала большой интерес, оживленную дискуссию. Из многочисленных ответов первую премию получило сочинение француза Де-Лабея, в котором доказывалось преимущество вольнонаемного труда. Из русских работ весьма интересной оказалась работа замечательного мыслителя, самородка из народа А. Я. Поленова. Он горячо ратовал за отмену крепостного права.

А вот Болотов, несмотря на склонность к экономическому анализу во всех своих научных разработках, в оценке вольнонаемного труда вступил в явное противоречие со своей научной объективностью. Слишком уж довели над ним интересы помещика.

Отрицательное отношение к вольнонаемному труду он мотивировал следующими соображениями. Первое: русские крестьяне еще не готовы к свободе, и им нельзя ее давать. «Сколь легко тогда по свойству нашей черни может произойти то, что возмечтает она, что свобода в том должна состоять, чтоб не только быть совершенно вольными, не состоять ни у кого в повиновении и ни на кого даром не работать, но и не платить никаких никому и даже самых государственных податей и не отправлять никаких повинностей. Что чернь наша в состоянии иметь таковые, ни с чем несообразные и сумасбродные мысли и, заразясь такою мечтою, вдаваться в звериное буйство, то доказали нам времена, не весьма еще от нас удаленные и находя-

щиеся еще у всех в свежей памяти. Кому не известно, что происходило во время пугачевщины, и почему знать, не кружатся ли в глупых их умах и ныне таковые, сумасбродные о вольности и прочие мысли»¹².

Убедительным доказательством неготовности крестьян к свободе и необходимости твердой власти над ними казался Болотову пример с так называемыми однодворцами (категория государственных крестьян, свободных от крепостной зависимости), с которыми ему приходилось сталкиваться при поездках в Тамбовскую губернию. Свои впечатления от их жизни он описывал образно: «Вот мы уже в главном однодворческом селе Лысых горах... между Козловом и Тамбовом. Представьте себе селение, состоящее из 4 тысяч душ и имеющее в себе 4 церкви. Все дома в них крыты дранью, жители все вольные, никакой работы господской не отправляющие, владеющие многими тысячами десятин земли и живущие в совершенной свободе. Не остается ли по сему всему заключить, что селу сему надобно быть прекраснейшему и походить более на городок, нежели на деревню; но вместо того оно ни к чему годное, и нет в нем ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенького... Взвизывая на все сие и крайне негодуя, сам себе я говорил: О талалаи! Талалаи негодные! Некому вас перепороть, чтобы вы были умнее и строились и жили бы порядочнее. Хлеба стоит у вас скирдов целые тысячи, а живете вы так худо, так бедно, так беспорядочно. Вот следствие и плоды безначалия, мнимого блаженства и драгоценной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиков наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству только стыд вы собою причиняете»¹³.

Второе соображение Болотова касалось производительности труда. «Как из всего вышеговоренного означается, что при нынешнем нравственном состоянии нашего подлого народа [во времена Болотова слово «подлый» имело другой смысл, соответствуя современному «простой»], наемные работы в земледелии и домоводстве не могут по многим отношениям быть таковы совершенны, как производимые крепостными людьми, не только при нынешнем положении и состоянии дел, но и в случае освобождения крестьян от рабства, то и сле-

¹² Лит. наследство. 1933. № 9/10. С. 190.

¹³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. Стб. 89—90.

дует само собою, что для всякого хозяина выгоднее обрабатывать землю и все свое хозяйство не наемными, а собственными своими людьми и крестьянами»¹⁴.

Добродетели и пороки

Казнокрадство и взяточничество в государственном управленческом аппарате России XVIII в. было довольно распространенным явлением. Доходы казны были не так велики, чтобы обеспечить крупным чиновникам жалованье соответствующее их чинам, званиям (следовательно, и образу жизни), а мелкому служилому люду — простейший прожиточный минимум. Поэтому первые частенько запускали лапу в материальные и денежные источники казны, а вторые занимались мздоимством, причем это тогда даже и не считалось предосудительным.

Болотов был весьма щепетилен в отношении государственной и чужой собственности. В бытность его управителем царских волостей через его руки проходили большие суммы денег и значительные материальные ценности. При тогдашних методах учета и отчетности он мог присваивать многое из них. Тем не менее он ни разу не позволил себе этого, хотя секретарь волостной конторы Варсобин делал ему соответствующие намеки, ссылаясь на практику предыдущих управителей. Андрей Тимофеевич строго отчитал своего помощника. В то же время стоявший над ним директор экономики Давыдов без зазрения совести пользовался деньгами и зерном волости. Зная об этом Болотов, дорожа своим местом, прикрывал грехи начальства. Таким образом, честность уживалась в нем с откровенной беспринципностью, это делало его невольным соучастником воровства, против которого он всю жизнь боролся и за которое наказывал крестьян.

Болотов не только никогда не занимался вымогательством, но даже в тех случаях, когда ему предлагали взятку (особенно на первых порах работы в качестве управителя), умел достойно выйти из унижительной ситуации. И в то же время он не считал зазорным для себя дать взятку другому, чтобы получить какую-то выгоду. Правда, следует оговориться: Болотов не шел на противозаконные дела, к взяткам он

¹⁴ Отчет Публ. б-ки за 1890 г. СПб., 1893. С. 107.

прибегал для преодоления канцелярской волокиты, ускорения работ, связанных, например, с межеванием и т. п.

Одной из важных черт характера Болотова была доброжелательность. Он очень легко сходился с людьми, устанавливал с ними дружественные отношения, которые обычно поддерживались затем всю жизнь. Однако и здесь простота человеческих взаимоотношений, основанных лишь на взаимной душевной симпатии, иногда уступала место меркантильным расчетам, и тогда Болотов родственные или дружеские отношения использовал для устройства личных дел. Впрочем, в те времена это было обычным явлением. Недаром А. С. Грибоедов устами своего героя обронил фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Ну как не порадеть родному человечку?»

Взгляды на человеческую личность

Многие сочинения А. Т. Болотова посвящены вопросам человеческой личности и ее совершенствования. Не имея возможности рассмотреть их даже кратко, приведем в качестве примера одну из частей трактата «Утренники 77-летнего старца». Даже одно перечисление глав позволяет получить некоторое представление о философско-нравственном кредо Болотова. Вот названия некоторых из них.

44. О самопознании вообще и о необходимости оною.
45. О человеке вообще и о наружном сходстве и различии между им и прочими животными.
46. О дальнейшем различии между человеком и другими животными.
47. О материальном существе человека.
48. О душах человеческих вообще.
49. О силах, свойствах, совершенствах и внутренних действиях душ человеческих и в особенности же об уме и мыслях.
50. О воле яко второй душевной силе и обо всем, относящемся до нее.
51. О свойствах желаний и страстей.
52. О самоиспытании.
53. Об улучшении самих себя.
54. О воздержании духовном и телесном.
55. О люблении и производстве добродетелей.
56. О благополучии и искании оною.
57. О правилах, какие при искании благополучия, а особливо для умножения веселия и удовольствия наблюдать должно.
58. О поспешествовании спокойствию душевному или уменьшению количества прискорбий.
59. Об уменьшении жестокостей прискорбий.

60. Об утешениях.
61. Об условиях и предосторожностях при искании благополучия.
62. О бережении времени.
63. Об уважении и бережении жизни.
64. О бережении здоровья.
65. О благосостоянии нашем.

В какой-то мере этот трактат перекликается с трехтомным сочинением Болотова «Путеводитель к истинному человеческому счастью». В нем лишь больше оттенены биологические аспекты человеческой жизни. Проиллюстрируем рассуждения Андрея Тимофеевича на примере раздела «О бережении здоровья». Этому элементу человеческого бытия он придавал исключительное значение. В трактате об этом говорится так: «...могут ли какие иные житейские блага сравниться с драгоценностями сего последнего [здоровья]? Могут ли во всей мере утешать нас почести, чины, богатство и прочие житейские, толико нас прельщающие выгоды, когда не будем мы иметь здоровья»¹⁵. Не правда ли, как это созвучно с современными нашими представлениями?

Далее по своему обыкновению Болотов классифицирует объект рассуждения. Болезни он делит следующим образом: а) наружные и внутренние; б) наследственные и приобретенные; в) заразные и незаразные; г) излечимые и неизлечимые; д) телесные и душевные; е) возрастные. Как видите, очень толковая классификация.

После этого Андрей Тимофеевич рассматривает приемы лечения. Главным условием благоприятного исхода он считал своевременное обнаружение болезни и немедленное принятие мер. А для этого он рекомендовал обращаться к хорошим врачам и не жалеть, как он писал, ни времени, ни средств (эта рекомендация имела в виду, конечно, только помещиков). Но, поскольку врачей в те времена было мало, Болотов существенное значение придавал самолечению с помощью лекарственных растений (об этом будет рассказано несколько далее).

Отдавая должное лечению болезней, Болотов все же считал его лишь крайней необходимостью в жизни человека. Нормальным же его состоянием должно быть здоровье. И здесь Болотов выдвигал постулат, который

¹⁵ Утренники 77-летнего старца, 1815. Кн. 4. С. 363. Рукопись.

в современной медицине звучит так: «Всякую болезнь легче предупредить, чем лечить». По его мнению, существует семь источников, которые рано или поздно приводят человека к заболеванию. К числу главных из них он относит:

1. Неумеренность в пище и напитках. Андрей Тимофеевич резко критиковал помещиков, которые, ведя праздный образ жизни, злоупотребляют едой, отрачивают себе животы, что, по его мнению, приводит к преждевременному разрушению органов и тканей. Особенно вредным Болотов считал пьянство. Сам он в этом отношении соблюдал жесткий режим. Вспоминая прожитые годы, он указывал, что лишь дважды компаньонам удалось довести его до состояния опьянения.

2. Неумеренность и беспорядки в телодвижении. Многие помещики, и главным образом служилый народ, канцеляристы, ведут сидячий образ жизни, мало двигаются (особенно Болотов упрекал любителей карточной игры, которые целые ночи напролет проводили за зеленым столом). Без движения организм слабеет и плохо сопротивляется болезням. Главным средством преодоления неблагоприятных последствий малоподвижного образа жизни Болотов считал прогулки пешком, бег.

3. Неумеренность во сне и бодрствовании. Болотов указывал, что вред здоровью приносят как недостаточный сон, так и излишества в нем. Его рекомендации: 40 часов сна в неделю.

О роли воздуха в жизни человека Андрей Тимофеевич выразился так: «Что касается до воздуха, сего, так сказать, бальзама нашей жизни», то он советовал чаще бывать на открытом воздухе, открывать окна, проветривать жильё.

Все разумно, не правда ли?

Довольно своеобразными были представления Андрея Тимофеевича о сущности человеческого счастья. Это своеобразие заключается в том, что они, значительно отличаясь от свойственных дворянству того времени, весьма близки к тем принципам, которые мы стремимся сейчас положить в основу воспитания членов нашего общества.

А вот как относился к условиям жизни А. Т. Болотов: «Я жил, не завидуя никому и ни в чем не домогался ничего надмеру, а того паче с неправдою... И как я старался всегда и всем быть довольным, то и

не терпел я ни в чем дальнейшего недостатка, и тем был с сей стороны уже счастлив»¹⁶.

Важным условием человеческого счастья Андрей Тимофеевич считал положение личности в обществе. При этом он придерживался такой позиции: отношение к тебе людей в первую очередь зависит от того, как ты сам к ним относишься. Вот его собственные слова: «...я обходился со всеми дружелюбно, просто, бесхитростно, чистосердечно, откровенно, ласково и снисходительно и за то был всеми любим и почитаем добрым человеком, а сие для меня было всего дороже»¹⁷. Здесь следует сделать оговорку. Болотов принадлежал к дворянству, и его духовное общение ограничивалось в основном представителями этого класса. Тем не менее Андрей Тимофеевич был прав: не может быть человек подлинно счастливым, если его не любят и не уважают другие люди.

Одним из главных врагов человеческого счастья, по мнению Болотова, являются безделье и порождаемая им скука. И наоборот, труд, особенно творческий, любимый, способен доставить человеку истинное наслаждение жизнью, подлинное счастье. «Но сие счастье от хороших взаимоотношений с людьми увеличивала еще несказанно привычка не сидеть никогда без дела и без всякого упражнения, ибо непрерывное занятие себя чем-нибудь любопытным и веселым, как, например, летом садами и увеселениями красотами и прелестями природы и предприниманием тысячи разных любопытных дел и упражнений, а осенью и зимой чтением книг, рисованием, писанием или деланием и мастерением чего-нибудь, доставляло мне несметное множество минут приятных и прямо счастливых, и я, не зная никогда скуки, вел самую счастливую и столь веселую деревенскую жизнь, что и не желал никакой лучшей»¹⁸.

Болотов не понимал помещиков, которые могли целые ночи напролет просиживать за карточным столом, спуская иногда все свое состояние и обрекая семью на разорение, или многие недели подряд предаваться пьяным кутежам.

Неиссякаемым источником человеческого счастья он считал общение с природой. По его мнению, нужно с

¹⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. Стб. 647—651.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

раннего детства раскрывать перед детьми красоту окружающего мира, прививать умение понимать ее и наслаждаться ею, тем более что это так доступно.

Болотов-критик

Внимательно следивший за всем, что издавалось в России того времени, Болотов не мог не обратить внимания на довольно быстрый рост выпускаемой литературы, как художественной, так и научной. Он понимал, что при обилии книг человек уже не в состоянии прочесть их все и, следовательно, должен иметь руководство, позволяющее ему выбрать самое нужное. Так он пришел к заключению о необходимости организации в стране критических разборов выпускаемой литературы. Он справедливо указывает, что одних извещений в газетах о выходящих книгах с упоминанием только их названий и цены явно недостаточно.

«Объявления о вновь выходящих книгах продолжались были и в сей год припечатываться при Московских ведомостях; но ценения оных со стороны критики не было у нас еще и поныне, хотя бы уже и давно время было ученым нашим о том подумать и для пользы отечества постараться. В прежние времена и лет даже за 15 до сего не было еще в том дальней нужды; книг у нас было еще не много, а сверх того выдаваемы они были с хорошим рассмотрением, так что не было нужды делать между ними дальнего выбора, но можно было смело почти каждую выбрать»¹⁹.

Автор публикации статьи Болотова Н. В. Губерти снабдил эти слова следующим примечанием: «Автор „Записок“ упустил из виду, что за 18 лет назад до его замечаний Новиковым была сделана попытка критического обозрения вновь выходящих в России книг, в весьма замечательном и в настоящее время весьма редком его журнале под названием „Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 г.“. К сожалению, это издание не долго продолжалось»²⁰.

Вместе с тем Андрей Тимофеевич предупреждал о том, что, наряду с весьма важным и необходимым объективным анализом книг, возможно опубликование

¹⁹ Библиограф. 1886. № 1. С. 2.

²⁰ Там же.

в рекламных целях и необоснованных, лживых рецензий, которые, кроме вреда, для читателей ничего принести не могут. В качестве примера подобных случаев он привел издание переводной книги. «Обнаружено было, что вышла из печати одна новая и с французского языка переведенная книга под названием „Физика истории“, Москва, 1794 г. К сему объявлению присо-вокуплена была наипомернейшая похвала сей книге... Словом, я сколько книг ни читывал в жизнь свою, но такой нигде еще мне читать не случилось; и если б я знал наперед, какова она, то не только полтора рубля, но и гривны б за нее не дал и для того не дал, чтоб не терять на чтение оной времени.

Со всем тем нашелся человек, который ее не без труда переводил... а что удивительнее, что нашлись люди, которые отважились жертвовать и капиталом на напечатание оной, и отважившиеся, для удобнейшего сбытия ее с рук, столь грубо и бессовестно обмануть публику и во зло употребить ее доверие, а чрез все то произвести то досадное и вредное действие, что все обманувшиеся сею не отважатся впредь верить и справедливым рекомендациям»²¹.

Андрей Тимофеевич не был человеком, который способен только высказывать замечания по какому-либо вопросу, а претворение их в жизнь предоставлять другим. У него обычно мысли быстро переходили в дела. Так и в данном случае. Не желая быть равнодушным читателем, Болотов считал необходимым объективно оценивать прочитанное, с тем чтобы помочь другим читателям в правильном выборе книг для чтения. В 1791 г. в «манускрипте» (так он называл свои рукописные и, как правило, переплетенные сочинения) «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков» Болотов следующим образом определил свою задачу литературного критика: «Романов, изданных в сии последние времена на нашем российском языке, уже так много, и разность в рассуждении качества и доброты их так велика, что почти необходимая уже надобность есть при покупке и чтании оных делать благоразумный выбор, а не все покупать и читать, что в руки попадет. А как к тому весьма много поспешествовать могут беспристрастнейшие об

²¹ Там же. С. 3.

них суждения и замечания о том, что в котором из них хорошего и что худого есть, то и вздумалось мне, всякий раз когда ни случится читать такой роман, делать об них помянутые замечания, все нужное о каждом из них записывать»²².

Читатели, которых интересуют высказывания Болотова в качестве литературного критика, могут ознакомиться с ними в указанном «манускрипте». Мы ограничимся лишь его критическим разбором книги М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадмов». Сравнивая ее с предыдущими произведениями этого автора: «Россияда», «Перерожденный Владимир», «Кадм и Гармония», Болотов весьма резко критиковал Хераскова за «Полидора». «...Все историческое и все то в нем, чем бы наиболее надлежало занимать читателя, приводить душу его в разные движения и напоить сердце его сладкими и приятными чувствами, было так скудно, так неудачно и с таким несовершенством соединено, что для всякого знающего сочинителя сего лично или полюбившего его по сочинениям и почитающего его достоинства... жаль было, что на свет сия книга вышла, и что сему в силах своих уже оскудевающему писателю никто из друзей его не отсоветовал выпустить ее на театр ученого совета и с толикой неосторожностью предать ее на произвол нынешней, толико строгой критики; а себя почти очевидно подвергнуть опасности, хуле, опорочиванию, и чрез то помрачению всей прежней своей славы»²³. Особенно упрекал Болотов Хераскова за грубые географические погрешности.

Вышедшие примерно тогда же две книги Н. М. Карамзина «Аглая» Болотов оценил положительно.

Болотов-поэт

Посещала временами Болотова и муза—властительница души поэтов. Но то ли муза являлась в плохом настроении, то ли Болотов встречал ее неприветливо, только такого контакта, который приводит к созданию поэтических шедевров, у Андрея Тимофеевича с поэтической музой не получилось. Правда, принимался он за сложение стихотворных виршей не один раз в жизни,

²² Лит. наследство. 1933. № 9/10. С. 194.

²³ Библиограф. 1885. № 9. С. 35.

но каждый раз дальше худосочных опусов дело не доходило. Человек объективный, Болотов и сам понимал это и не раз упоминал в своих «Записках» о том, что поэтического таланта бог ему не дал.

А. И. Лященко в статье о Болотове-поэте так охарактеризовал его творчество: «Произведения Болотова писаны большей частью белыми стихами. Поэтических достоинство в них мало. Болотов был любителем и хорошим наблюдателем природы, бóльшую часть своей жизни провел он в деревне, занимаясь сельским хозяйством, но не обладал поэтическим талантом. Стихотворения его, иногда поражающие меткостью наблюдения и глубиной мысли, растянуты, написаны часто неправильным языком, с неверными ударениями в угоду стиху»²⁴.

Лященко правильно подметил главный литературный недостаток Болотова — многословие. Сопроводительные обращения к читателю, не всегда нужные подробности, пояснения, уводящие в сторону от основной мысли, характерны и для ряда научных трактатов Болотова.

В качестве примера его поэтических произведений приводим отрывок из «Оды натурологии» (Русская поэзия. 1897. Т. 1, вып. 6).

Тебя, изящное искусство,
Наука, спешая с небес,
Для блага смертных человек,
Для счастья, блаженства их,
Тебя я петь предпринимаю,
Тебя хвалой превозносить,
Тебе достойну честь и славу
Воздать и петь теперь хочу.
Пускай, кто хочет, воспевает
Иные вещи в мире сем,
Пускай предметы избирает,
По вкусу, лучшие себе!

На протяжении двухсот двадцати четырехстрочных строф убеждает Андрей Тимофеевич читателя в том, что природа — главный источник человеческого счастья, причем самый доступный. Нужно лишь уметь развить в себе способность к общению с природой, к познанию ее красот, к умению открывать ее тайны.

²⁴ Рус. поэзия. 1897. Т. 1, вып. 6. С. 59.

Болотов-художник

Талант Андрея Тимофеевича был многогранен. Повидимому, недалеко от истины был Николай Феопемтович Соловьев, укрывшийся под псевдонимом Н. С., когда в статье «А. Т. Болотов», описывая его жизнь и творчество, указывал на социальную обстановку России XVIII в. как на один из факторов появления большой плеяды выдающихся людей. «Едва ли было какое столетие так богато выдвигавшимися из ряда замечательными личностями в нашей истории, как прошедшее. Особенность тогдашнего положения России, петровскими преобразованиями принужденной заводить новые порядки, начинать нового рода, до того неведомую жизнь, естественно должна была вызвать новые силы и выдвинуть новые личности на сцену, благодаря же открывшемуся широкому простору для самой разнообразной деятельности этим лицам было где показать себя и к чему применить свои дарования»²⁵.

Тяга к изобразительному искусству обнаружилась у Андрея Тимофеевича еще в детстве. Первую искру увлечения заронил своими рисунками полковой писарь Красиков. Будучи родом из Кронштадта, он насмотрелся на своем веку кораблей и умел неплохо изображать их на фоне морских волн и портовых причалов. Тогда-то и взялся юный Андрей впервые за кисти и краски.

Довелось ему пройти и более серьезную школу. В бытность свою в Петербурге, когда учился он в частном пансионе Ферре, познакомился он с его коллегами по кадетскому корпусу — преподавателями рисования и черчения. Наблюдая за тем, как они рисуют, готовят краски, загорелся мальчик желанием научиться интересному занятию. В очередном письме отцу он попросил его нанять учителя рисования. Отец поддержал желание сына, и Ферре пригласил для занятий с Андреем художника Дангауера. Хотя мальчику и не очень по душе было то, что Дангауер учил рисовать не красками, как ему хотелось, а карандашом, но уроки эти сыграли большую роль: Болотов получил некоторое знакомство с теорией живописи, приобрел технические навыки.

В дальнейшем Андрей Тимофеевич много рисовал,

²⁵ Всемирная иллюстрация. 1870. № 104, С. 882,

находясь на службе в канцелярии генерал-губернатора в Кенигсберге. А когда, получив отставку, поселился в деревне, рисование стало одним из любимых занятий, которыми он заполнял свой досуг или использовал в качестве отдыха.

Свою увлеченность изобразительным искусством Андрей Тимофеевич передал сыну Павлу, и впоследствии они рисовали вдвоем. Рисунков с каждым годом становилось все больше. Ими украшались комнаты, их дарили родным и знакомым, из небольших рисунков составлялись альбомы. А однажды Павел предложил сделать «картинную книгу», тоже своего рода альбом, но из картин большого формата. Идея понравилась Андрею Тимофеевичу, книга была сделана, ею часто развлекали гостей, особенно тех, кто появлялся в доме Болотовых первый раз.

Были случаи, когда свое художественное дарование он использовал и для развлечений (Болотов любил добродушные шутки). Однажды вместе со столяром изготовили они из доски макет человека в полный рост, и Андрей Тимофеевич нарисовал на нем масляными красками мужскую фигуру. Макет и изображение были выполнены так искусно, что на расстоянии создавали полную иллюзию живого человека. Шутка исполнялась так: в ожидании гостя макет ставили в дальнем углу комнаты, лицом ко входу, а хозяева занимали место в соседнем помещении, откуда можно было наблюдать происходящее. Гость, входя в комнату, раскланивался, здороваясь с макетом, и очень смущался тем, что «хозяин» не реагировал. Когда обман обнаруживался, дружно смеялись и гость, и хозяева. Особенно доволен был Андрей Тимофеевич, когда на эту шутку попался даже богородицкий архитектор Я. А. Ананьин.

Любовь Андрея Тимофеевича к изобразительному искусству и занятия рисованием послужили в дальнейшем поводом к курьезным событиям. Дело в том, что, будучи художниками-любителями, ни сам Андрей Тимофеевич, ни сын Павел не считали нужным подписывать свои рисунки (следует заметить, что в те времена многие и профессиональные художники оставляли свои работы анонимными). Поэтому возможность появления автопортретов Андрея Тимофеевича, а также его портретов, выполненных сыном Павлом, вполне реальна.

Журнал «Русская старина», опубликовавший автобиографические записки А. Т. Болотова «Жизнь и при-

Рис. 14. Портрет А. Т. Болотова, изображающий его в рабочем кабинете. Рисунок сына Павла

ключения...», сопроводил их двумя портретами ученого: на одном он изображен за письменным столом в своем рабочем кабинете в Богородицке, другой представляет обычный поясной портрет в овале.

В примечании к первому тому редакция сообщала: «К первому тому „Записок Болотова“ приложен портрет автора, им самим нарисованный; гравировал академик Л. А. Серяков» (речь идет о портрете в рабочем кабинете). В приложении же к четвертому тому про этот же портрет говорится, что он рисован сыном Павлом.

Это расхождение можно, по-видимому, объяснить следующим образом. Опубликовав в первом томе первые семь частей «Записок» и снабдив их приложенным

к рукописи рисунком, М. И. Семевский, знавший о том, что Андрей Тимофеевич занимался рисованием, вполне резонно посчитал его автопортретом. Когда же дело дошло до публикации четвертого тома, Семевский обнаружил в рукописи следующий текст: «И как описание жизни моей ему [сыну Павлу] полюбилось, то восхотел он укрепить ее [рукопись] несколькими картинками и при начале первой части срисовал самого меня, точно в таком платье и положении, в каком я сидючи за столом в своем кабинете над сочинением и писанием сей книги трудился, дабы и сему остался памятник»²⁶. Вполне естественно, что Семевский сделал сноску после приведенных слов Болотова, а также примечание к четвертому тому об авторстве портрета.

А вот почему в «Записках», опубликованных издательством «Академия» (1931), рисунок, изображающий Болотова в рабочем кабинете, снова назван автопортретом — непонятно. Несмотря на значительное сокращение объема книги, текст об авторстве Павла в ней сохранен (т. 3, с. 481). Однако то, что заметил Семевский, пропустил редактор из «Академии».

Главным критерием в решении вопроса о принадлежности того или иного портрета Болотова кисти его самого (а также сына Павла) или профессионального художника, должны быть манера живописи, ее уровень.

Рассмотрим с этих позиций известные в настоящее время портреты Болотова. Об одном из них (в рабочем кабинете) уже сказано. О втором, приводимом в «Записках», изданных Семевским (на обложке настоящей книги), сообщается, что это работа неизвестного художника. Совсем недавно А. Л. Толмачеву удалось в дневниках А. Т. Болотова обнаружить запись об авторе этого портрета. Им был Василий Семенович Попов. Кто он такой — пока остается неизвестным.

Портрет, хранящийся ныне в Эрмитаже, считается автопортретом. У Андрея Тимофеевича есть запись о том, что в 1763 г. он в течение нескольких дней занимался рисованием самого себя масляными красками. Но вряд ли эту запись можно отнести к данному портрету.

Во-первых, в работе над портретом чувствуется профессионализм, которым Болотов не обладал. Во-вторых, в 1763 г. ему было 25 лет, тогда как человек

²⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. Стб. 729.

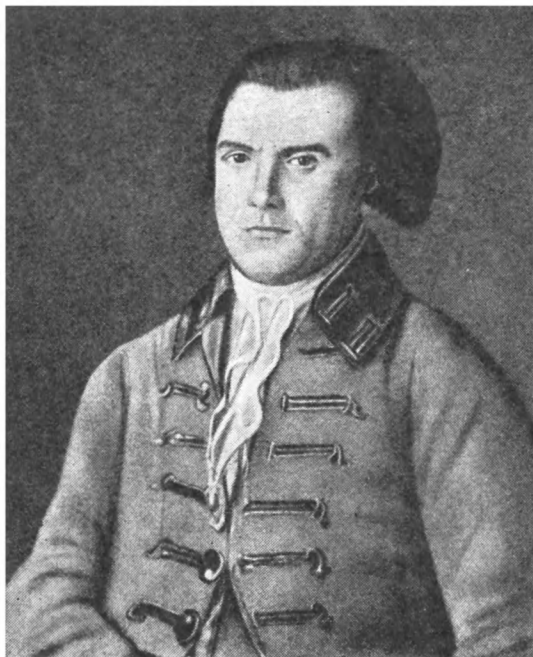

Рис. 15. Портрет А. Т. Болотова, хранящийся в Эрмитаже

на портрете выглядит значительно старше. В то же время маловероятно, чтобы Болотова рисовал художник.

События того времени, к которому относится появление портрета, подробно отражены в «Записках». Трудно представить, чтобы такое из них, как написание его портрета художником, исчезло из памяти Андрея Тимофеевича. А. Л. Толмачев высказал предположение, что на портрете изображен не Болотов.

Имеется фотография с миниатюры А. Т. Болотова из коллекции портретов русских деятелей, собранной в свое время великим князем Николаем Михайловичем (оригинал не сохранился). В биографической справке, сопровождающей портрет, сообщается: «Болотов умел рисовать и, кроме иллюстрирования своей рукописи, приложил свой портрет [имеется в виду рисунок в рабочем кабинете], который, как изображением лица и обстановки, так и манерой рисунка очень напоминает

прилагаемую миниатюру, которая может быть также его собственной работы»²⁷.

Это заключение, хотя и новтворяет ошибку по поводу рисунка в кабинете, по-видимому, правильное: портрет из коллекции князя исполнен или самим Андреем Тимофеевичем, или Павлом. Как известно, оба они увлекались миниатюрами.

Об авторе другой миниатюры (на слоновой кости), хранящейся в Государственном Историческом музее, сказать что-либо определенное трудно. Манера исполнения дает право приписывать работу самому Болотову. Хотя он и тяготел к рисованию с натуры, ему были известны различные приемы изобразительного искусства, в том числе рисование отраженных (водой, зеркалами) объектов. Еще большая вероятность того, что портрет выполнен Павлом. Однако смущает достаточно высокая степень мастерства исполнения.

Акварельный портрет Болотова, находящийся в Русском музее, правильно числится работой самого Андрея Тимофеевича. Достоверность авторства и время написания подтверждаются надписью сына Павла на обратной стороне портрета.

Стиль работы

Всяким делом Болотов занимался не только с увлечением, но и с особым подходом, с желанием вникнуть в него так, чтобы внести что-то новое, усовершенствовать. «А как по любопытству своему редко остаюсь я при том, что мне до того было известно, а, принявшись за дело, обыкновенно зачинаю тотчас помышлять, не можно ли чем-нибудь привести то в лучшее совершенство, или по крайней мере что-нибудь такое придумать, что могло б служить либо к удобнейшему производству той работы в действо, либо к приданию оной более твердости и прочности и так далее»²⁸.

Мало того. Даже уже внеся что-то новое в то, чем он занимался, Болотов не успокаивался. Мысль его продолжала работать, отыскивая дальнейшие возможности совершенствования. «Как со мною не однажды уже случалось то, что нужно мне выдумать сначала что-нибудь хотя маленькое и иногда совсем неважное,

²⁷ Русские портреты XVIII и XIX в. СПб., 1908. Т. 4, вып. 2, № 64.

²⁸ Экон. магазин. 1782. Ч. 22. № 40. С. 210.

Рис. 16. Портрет А. Т. Болотова с миниатюры из коллекции великого князя Николая Михайловича

Рис. 17. Портрет А. Т. Болотова с миниатюры на слоновой кости

как потом, простирая мысли свои о том предмете далее, мало-помалу добирался я и до множайшего и лучшего»²⁹.

Это стремление внести в каждое дело что-то свое, более совершенное можно обнаружить у Болотова и в занятиях рисованием. Однажды захотелось ему лучше украсить различные поделки из дерева (шкатулки, футляры и т. п.). И сделать это не обычными красками, а простым и червонным золотом и серебром. В те времена продавалась особая бумага, на которую был нанесен тонкий слой этих металлов. И вот после длительных исследований Болотов разработал следующую технологию изготовления «золотых» рисунков на дереве. Шкатулка покрывалась особым лаком. На бумаге, специально для этого подобранной, Болотов изготавливал необходимый рисунок с помощью «сахарной воды». Андрею Тимофеевичу пришлось основательно потрудиться, пока рисунки на деревянных изделиях золотом или серебром получились действительно прекрасными (как это любил делать Болотов). Давайте проследим, как он шел к конечному результату. О подборе бумаги и лака уже говорилось. Нужно было найти вещество, которое бы, с одной стороны, легко плавилось, с другой — хорошо растворялось в воде. После недолгих по-

²⁹ Там же. № 51. С. 387.

Рис. 18. Автопортрет А. Т. Болотова, хранящийся в Русском музее

исков вещество было найдено — сахар. Но оказалось, что как жидкий, так и густой его растворы не годятся. Нужно было искать оптимальную концентрацию. Такой она оказалась при весовом соотношении сахара и воды 1 : 2.

Чем рисовать? Начал, как обычно, гусиным пером. Но «сахарная вода» не чернила, не ложилась на бумагу как нужно. Слова

поиски. Гусиное перо заменяется вороньим (вороньим не годится). «Сахарная вода» бесцветна, рисовать неудобно: следа не остается. Андрей Тимофеевич пробует добавлять различные красители, лучшим оказывается кубовая синяя краска. И в каждой операции большое значение имеет время экспозиции.

Эксперименты следуют один за другим. Недаром русская поговорка говорит: «Терпенье и труд все перетрут». В результате упорных поисков одолел-таки Андрей Тимофеевич трудную задачу — переводные рисунки на шкатулках стали получаться хорошо. Как это делалось?

На изготовленный с помощью «сахарной воды» рисунок (слегка подсушенный) накладывался «золотой» или «серебряный» лист и накрывался чем-нибудь теплым, чтобы сахар расплавился и впитал в себя «золото» или «серебро». Через определенное время лист Болотов убирал, рисунок прикладывал к шкатулке, предварительно покрытой особым лаком, и металл переходил на нее. Затем для закрепления рисунка шкатулка еще раз покрывалась лаком.

Не менее любопытное усовершенствование было внесено Болотовым в технику копирования. В те времена живописцы пользовались нанесением на оригинал сетки из квадратов. Однако в ряде случаев этого делать

было нельзя из-за опасности порчи оригинала. Андрей Тимофеевич стал применять рамку с сеткой, сделанной из тонких нитей. Рамка накладывалась на картину, которую нужно было скопировать, и разделяла ее на квадраты без повреждения.

Болотов-архитектор

Архитектурные способности А. Т. Болотова наиболее ярко проявились при разработке плана застройки г. Богородицка, когда было принято решение об отделении его от царских волостей. В 1778 г. тульский губернатор М. В. Муромцев приехал в Богородицк со специальной целью уточнить все обстоятельства, связанные со строительством будущего города. Андрей Тимофеевич о событиях того времени записал так: «В сей раз приезжал он [Муромцев] наиболее для прожектирования плана будущему и настоящему уже городу Богородицку, который предпринимали они... расположить уже весь оный за прудом против самого дворца... с тем, чтобы все прежнее селение опросталось уже для волости и составляло бы впредь уже волостное село, против города лежащее»³⁰.

В осуществление этого проекта Болотов, по поручению Муромцева, «начертил самый тот план, по которому сей город впоследствии времени построен, ибо прожект мой не только полюбился тогда губернатору, но расхвален и самим наместником, а потом был так счастлив, что удостоился апробоваи и утвержден был и самою императрицей без малейшей перемены, и она так им была довольна, что сравнивала его с сущим цветником и повелела точно таким образом город расположить...»³¹.

Своим проектом Андрей Тимофеевич связал в единое целое будущий город, дворец, а в последующем и парк при дворце. Из точки в зале дворца через пять его окон на другую сторону большого пруда протянул он на проекте веером линии, продолжением которых стали пять главных улиц города (с центральной, носящей ныне имя В. И. Ленина). В противоположном направлении центральная линия прошла через въездную

³⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. Стб. 777.

³¹ Там же. Стб. 778.

башню-колокольню и далее в виде березовой аллеи рассекла парк на две части. Это замечательное творение Болотова может каждый увидеть и сейчас, побывав в Богородицке.

Незаурядные способности проявил Болотов и при внутренней отделке богородицкого дворца. Недаром присланный для этих работ мастер после знакомства с ним и разговора о характере будущих работ стал прислушиваться к мнению Болотова и советоваться с ним по многим деталям художественного оформления комнат.

Сколько вкуса и практической сметки проявил Андрей Тимофеевич при строительстве своих домов. Без украшательства, но красиво. И главное — удобно для жизни.

Таким он был всегда: талантливый исследователь, всю жизнь стремившийся к открытию нового, к улучшению жизни.

Однако не следует преувеличивать роль А. Т. Болотова в развитии русского зодчества, как это делают некоторые авторы. Особенно грешат этим современные историки архитектуры. Так, Н. А. Евсина утверждает, что Андрей Тимофеевич работал с И. Е. Старовым и переписывался с Н. А. Львовым³², а Е. Н. Щукина — что «Львов и Болотов были связаны совместной деятельностью в Вольном экономическом обществе»³³. Все эти утверждения не соответствуют действительности.

Детский театр

Андрей Тимофеевич живо интересовался многими видами искусства. Был период в его жизни, когда он наряду с рисованием и литературой занимался театром.

В начале 80-х годов XVIII в. у него возникла идея создать в Богородицке свой театр, причем использовать в качестве артистов не профессионалов и даже вообще не взрослых людей, а детей. Как правило, для Болотова был характерен быстрый переход от возникновения

³² *Евсина Н. А.* Архитектурная теория в России XVIII в. М.: Наука, 1975. С. 117.

³³ *Русское искусство XVIII века.* М.: Изобраз. искусство, 1973. С. 111.

идеи к ее реализации. Так и в случае с театром. Не успели домашние разобраться, что к чему, как в одном из дворцовых флигелей подобрали просторное помещение и оборудовали в нем зрительный зал со сценой. На первый случай были изготовлены два варианта кулис. В одном сцена представляла «порядочно убранную комнату», во втором — лес с каменной скалой сбоку, в перспективе море. В те времена пьес для театра было сравнительно немного, в том числе «Таинственный остров». Вот для этого спектакля (предполагалось, что он будет основным в организованном театре) и предназначались декорации с берегом моря.

В качестве артистов выступали главным образом дети Андрея Тимофеевича, а также юные родственники, всегда проживавшие в семье Болотовых. В частности, несомненный артистический талант обнаружился у мальчика Сезенева, родственника жены Андрея Тимофеевича. Первый спектакль («Таинственный остров») приурочили к Казанской ярмарке, весьма важному событию в Богородицке, на которую съезжались многочисленные гости. На спектакле присутствовало более 200 человек, он имел несомненный успех. Особенно понравилась зрителям сцена, когда к берегу моря подплыл корабль и из него высадились матросы. Макет корабля был сделан искусно, и сцена его подхода к берегу была весьма эффектной.

Подкупала зрителей и детская игра с непосредственностью актеров и их звонкими голосами. Роль Констанции исполняла дочь Андрея Тимофеевича Елизавета (ей тогда было 13 лет), а роль шкипера — сын Павел (9 лет).

Кроме «Таинственного острова» ставились пьесы «Безбожник», «Новоприезжая», «Подражатель», «Несчастные сироты». Последняя пьеса принадлежала перу Андрея Тимофеевича, он обычно исполнял в ней роль дровосека.

Созданный Болотовым Богородицкий театр был первым в России детским театром. Упоминание о нем есть в книге, изданной уже в наше время³⁴. В статье Г. П. Макогоненко «Русская драматургия XVIII века» наряду с высказыванием о театре Болотова затрагивается вопрос и о его репертуаре, в частности о пьесе

³⁴ Русские драматурги. Л.; М.: Искусство, 1959. Т. 1: XVIII век. С. 53—81.

Андрея Тимофеевича «Несчастные сироты». Она справедливо квалифицируется как «слезная» драма подражательного характера, весьма невысокого качества.

Сам Андрей Тимофеевич признавал отсутствие у него способностей, необходимых для создания художественных произведений, особенно поэтических. Однако «писательский зуд» время от времени тревожил его, и тогда он, повинувшись его неумолимой силе, брался за перо и «творил». К чести Болотова следует сказать, что большинство таких «творений» не выходило за пределы личной библиотеки.

Недавно вышла в свет книга А. И. Кузьмина по истории русского театра³⁵. В ней довольно подробно описана деятельность государственных и частных (в том числе и провинциальных) театров, творчество наиболее выдающихся драматических актеров, певцов и артистов балета. К сожалению, А. И. Кузьмин ни словом не обмолвился о первом русском детском театре. А. Т. Болотов упоминается в книге лишь как мемуарист, причем с досадным искажением имени.

Врачебная деятельность

Во времена Болотова средний срок жизни человека был весьма непродолжительным. Медицина находилась на низком уровне, образованных врачей было мало, их услугами пользовались лишь привилегированные классы. Чаще всего задолго до положенного срока приходила «гостья с косой» в крестьянские семьи. Задавленные помещичьим гнетом и непосильным трудом, живущие в ужасающих условиях нищеты и антисанитарии, крестьяне умирали от эпидемий чумы, холеры, от простуды в плохих жилищах и тяжелой работы на холоде и в ненастье, от желудочно-кишечных заболеваний, от голода в неурожайные годы. Особенно велика была смертность детей. Даже в помещичьих семьях, где условия жизни были неизмеримо лучше, чем у крестьян, лишь примерно половина детей становилась взрослыми людьми. Например, у А. Т. Болотова из девяти детей четверо умерли в детском возрасте.

Наиболее опасными, связанными с большой смертностью населения были острозаразные болезни, такие,

³⁵ Кузьмин А. И. У истоков русского театра. М.: Просвещение, 1984. 160 с.

как чума, холера и т. п. В записках Андрея Тимофеевича есть воспоминания об эпидемии чумы в Москве в 1771 г. В тот год, по приводимым им сведениям, только в городе умерло в апреле — 744 человека, в мае — 857, июне — 1099, июле — 1708, августе — 7268, сентябре — 21 401, октябре — 17 561. Были вспышки чумы в отдельных деревнях и в окрестностях Дворянинова, но болезни не давали распространиться путем строгой изоляции очагов заражения. Из деревень жители сами никуда не ездили и не допускали в них никого посторонних, выставляя на въездах специальные караулы. Андрей Тимофеевич описывал курьезный случай, который произошел с ним при поездке в одну из своих деревень: к ним бежали караульщики с целью остановить их, боясь заезда в деревню больных, а они в свою очередь пытались скрыться от бегущих, тоже из-за боязни встретиться с носителями болезни.

Не желая испытывать судьбу, весь период эпидемии безвыездно прожил Болотов в имении, в результате чего тот год оказался весьма плодотворным для его литературной деятельности.

Постоянно проживая в деревне, Андрей Тимофеевич хорошо знал о недугах крестьян и лечил их как мог. Он критически относился к действиям всякого рода знахарей, к лечению заговорами и другими способами, основанными на предрассудках, противопоставляя им лечение с применением научных знаний. В своей практике врачевания Андрей Тимофеевич широко использовал опыт народной медицины, теорию и практику передовых европейских стран, собственные исследования и наблюдения. Основным направлением медицины, с его точки зрения, является лечение с помощью лекарственных растений (не считая случаев, где требуется хирургическое вмешательство). Народное искусство врачевания тогда уже располагало богатым опытом и широко использовало лечебные травы: для заживления ран (подорожник), против простудных заболеваний (липовый цвет, сушеные ягоды малины, шалфей), против расстройств желудочно-кишечного тракта (ягоды черемухи, кора крушины и др.).

Андрей Тимофеевич значительно расширил ассортимент целебных растений, стал применять комбинации различных трав. Таков его лечебный «декокт» при простудах. Для его приготовления нужно брать две части буквицы, одну часть листьев шалфея и одну часть цвет-

ков ромашки. Смесь запаривали и горячим отваром поили больного на ночь, стараясь захватить болезнь в самом ее начале. В свои поездки Болотов всегда брал «декокт» в дорогу и широко применял при малейших признаках простуды как у него самого, так и у спутников, а также у встречающихся в пути людей. По его наблюдениям, «декокт», примененный своевременно, оказывал прямо-таки волшебное действие. Например, в конце декабря 1781 г. Болотов ездил в Москву, где в это время свирепствовала инфлюэнца (по современной терминологии грипп). Почувствовав недомогание, Андрей Тимофеевич обратился по какому-то делу к слугам. Но оказалось, что они все больны. Тогда Болотов приготовил свой «декокт», пил его сам и давал пить остальным. Сравнительно быстро все поправились.

Из многих трав с целебными свойствами Андрей Тимофеевич особенно часто применял и пропагандировал в статьях «Экономического магазина» буквицу, крушину, ландыш, лук, папоротник; пижму, подорожник, полынь, ромашку, тысячелистник, черемуху, чеснок, шалфей и др.

В статьях о лекарственных растениях он давал их подробную морфологическую характеристику, с тем чтобы каждый интересующийся мог надежно отличить необходимое растение от других и не допустить ошибки при использовании. На основе длительного применения дикорастущих трав в лечебных целях народная медицина накопила богатейший опыт во всех направлениях фитотерапии, несмотря на то что биохимическая и физиологическая сущность лечебного действия трав оставались совершенно неизвестными. Исходя из этого опыта, Андрей Тимофеевич рекомендовал лучшие сроки сбора лекарственных растений³⁶.

Большое значение он придавал технологии их заготовки, поскольку чаще всего действующее начало распределено не равномерно по всему растению, а сосредоточено главным образом в какой-либо его части: корне, листьях, коре, цветках (или даже в лепестках венчика), плодах, семенах. Соответственно с этим были рекомендованы способы сбора, заготовки впрок и формы использования трав.

О размахе врачебной деятельности Болотова свиде-

³⁶ Экон. магазин. 1781. Ч. 5. С. 97—102; 177—187; 337—347.

тельствует его упоминание о том, что в период жизни в Киясовке в год он принимал свыше двух тысяч больных. «Не успело несколько человек, которым случилось мне давать оные [лечебные средства] от разных болезней, полегчать, и они от болезней своих получить скорое и удивительное полегчание, как в короткое время разнеслась о том по всем окрестностям громкая молва, и ко мне со всех сторон стали приходить и бабы и мужики просить помощи от разных болезней. Я с превеликою охотою удовлетворял их просьбы, по мере сил, знаний и возможности моей, и как со всех их не требовано было ни малейшей ни за лекарства, ни за труды, ни за посуду, в коей они раздавались, заплаты, то сие еще более весь черный народ в окрестностях к тому побуждало. А сие и имело последствие, что количество приходящих больных с каждым днем увеличивалось более и скоро дошло до того, что не протекало ни одного дня, в который бы не приходило или не приезжало ко мне по несколько человек»³⁷.

Как же справлялся Андрей Тимофеевич с таким большим объемом работ? (Читатель, конечно, помнит и о других бесчисленных делах, вершимых этим удивительно трудоспособным человеком.) Помогала, как всегда, четкая упорядоченность в работе, склонность к изобретательству, изготовление различных приспособлений, ускоряющих и облегчающих труд. Приведем лишь один пример. В бытность свою в качестве управителя Киясовской волости подружился Болотов с лекарем Ф. А. Бентоном. А когда Андрей Тимофеевич переехал в Богородицк, то вскоре, воспользовавшись первым же подвернувшемся случаем, перебрался туда и Бентон, и дружба их окрепла еще более. Бентон научил Болотова делать бумажные «картузы» (пакеты) для хранения трав, и последний следующим образом отреагировал на знакомство с новым приемом: «Не успел я сего искусства узнать, как тотчас был сделан станок и наделано множество картузов». Чувствуете деловитость и склонность к изобретениям: не руками пакеты изготавливать (это долго!), а придуман станок.

И дальше: «И как я во всех таких любопытных делах очень скор и нетерпелив, то тотчас и пошли у меня дальнейшие затеи, и мне восхотелось уже иметь осо-

³⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. Стб. 505.

бый и большой шкаф, установленный сплошными картузами, с набитыми в них травами, и с передней стороны украшенными разрисовкою и крупными надписями; что, к удовольствию моему, и произвел я в короткое время и смастерил у себя такой шкаф со врачебными травами, какого верно ни у кого иного не было»³⁸. Да, вероятно, не было. Подобное хранилище для лекарственных трав мог сделать только Болотов. Вероятно, оно мало чем уступало шкафам в современных аптеках. Мало того, нужно еще было, чтобы шкаф не пустовал.

Заготовке лекарственного сырья уделялось большое внимание. Здесь все необходимо делать в срок, упустить время — потеряешь главное. Андрей Тимофеевич внимательно следил за ходом естественных процессов в природе, отмечая в своих журналах важнейшие события в жизни растений и животных. Он был одним из первопроходцев в отечественной фенологии. Причем занятия фенологией не были у него самоцелью. Природные явления фиксировались им для определения лучших сроков проведения сельскохозяйственных работ, для своевременного сбора лекарственных растений и т. п. Вот одно из высказываний Болотова по этому поводу: «Перед наступлением же осени утешила нас таким же образом и золототысячница [по-видимому, один из видов золототысячника, семейства горечавковых]. Сей толик славной в медицине, но не везде и не всегда родящейся врачебной травки был в сей год превеликий урожай, так что мы, ездивши сами и также целой компаниею, нарвали ее с целый воз. Но никто сим так доволен не был, как наш лекарь: он наварил даже из ней множество экстракта и запаса им на многие годы, говоря, что экстракт сей составляет сушее сокровище»³⁹.

Здоровье человека Болотов считал одним из главных условий его счастливой жизни. Уже в одной из своих ранних публикаций⁴⁰ он анализировал состояние врачебного дела в России, отмечая его низкий уровень. Прежде всего Болотов указывал на недостаток образованных врачей, вынуждающий жителей оставлять заболевания без внимания, прибегать к помощи различного рода знахарей, колдунов и т. п. или

³⁸ Там же. Стб. 519—520.

³⁹ Там же. Стб. 547—548.

⁴⁰ Тр. ВЭО. 1773. Ч. 23. С. 51—104.

лечиться самим, пользуясь чьими-то советами. Все это, по мнению Болотова, наносит непоправимый вред, поскольку даже легкие недуги при отсутствии лечения или при неправильном лечении могут перейти в серьезные заболевания.

Главными во врачебном деле Андрей Тимофеевич считал три условия: 1 — своевременно заметить заболевание (чем раньше, тем лучше); 2 — правильно установить диагноз; 3 — подобрать лучшие приемы врачевания. При недостатке врачей и аптек, а также при плохих транспортных связях Болотов видел выход из положения в широком ознакомлении населения с лекарственными травами, в популярном и надежном описании их морфологии и лечебных свойств.

В период деятельности Болотова в деревнях в большом ходу были «лечебники», переписываемые от руки и передававшиеся из поколения в поколение. О врачебном достоинстве их Андрей Тимофеевич писал так: «...с самого начала жительство моего в деревне имел уже старание в узнании всех в деревнях употребляемых лекарств, и для оного искать скорейшего руководства в том, в простых деревенских письменных лечебниках. Но могу сказать, что я имел от них малую пользу. Множество из них перебывало у меня в руках, но я ни в одном не нашел толку. Во всех их находились тысячи рецептов, и от всякой болезни множество разных лекарств, так что за множеством оных не было возможности разобрать, которое из них надежнее прочих, и которые справедливые и которые ложные»⁴¹.

В дальнейшем Болотов положил в основу своей врачебной практики личные наблюдения (регулярные записи результатов лечения позволяли ему устанавливать расхождения в действии трав или, наоборот, повторяемость результатов, последнее он и принимал во внимание при лечении), а также сообщения надежных людей о собственном их опыте (особенно если они совпадали с его данными).

Весьма любопытны рецепты Болотова для лечения некоторых болезней, приводимые им в упомянутой статье. Так, свежие раны он рекомендовал лечить землей, доведенной до влажности, при которой она приобретает консистенцию пасты. Сделанные из земли лепешечки прикладывают к ране дважды: первую —

⁴¹ Там же. С. 62—63.

для остановки крови, вторую — вскоре после первой для лечения. Хотя он это не оговаривал, но, по-видимому, его рекомендация относилась только к черной земле. В современных условиях возможность применения исключена из-за опасности заражения столбняком.

Ушибы (без кровотечения) лучше всего лечить холодными примочками (со сменой по мере согревания).

Зубную боль можно приостановить следующим образом. Смесь просвирника и листьев черной смородины помещается в сосуд с узким горлом, заливается квасом, закрывается и ставится в истопленную печь. Когда настой станет горячим, больной наклоняется над сосудом и вдыхает пар так, чтобы он доходил до больного зуба. Лучше, если при этом больной накроется чем-нибудь с головой.

Для избавления от лихорадок (сюда раньше относили болезни, связанные с расстройством деятельности пищеварительного тракта) Болотов советовал три дня не есть и не пить. Поскольку больные не очень верили в такой прием и больше надеялись на лекарства, он иногда пускался на хитрости: давал больному какой-либо безвредный порошок, но говорил при этом, что для проявления его лечебного действия необходимо три дня обходиться без пищи.

Важным профилактическим (и даже лечебным, если применять его в самом начале болезни) средством Андрей Тимофеевич считал чихание. Он рекомендовал время от времени вызывать его искусственно, путем щекотания в носу предметами типа соломинки или свернутой в трубочку бумажки.

Не обошел Болотов в своей лечебной деятельности и вопрос использования минеральных вод. В его воспоминаниях рассказывается такой эпизод: «Отсюда, ведя его [тульского наместника Н. М. Кречетникова] далее по набережной [богородицкого парка], завел я речь о новооткрытом мною источнике с минеральной водой и сказал ему, что мне недавно случилось найти в самой близи от сих мест колодезь с водой, которая по всем приметам кажется мне быть минеральной и содержащей в себе множество марциальных и селенитовых частиц»⁴².

Весьма эффектной была демонстрация наместнику

⁴² Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. Стб. 1175.

свойств богородицкой минеральной воды. Андрей Тимофеевич наполнил два стакана, один обычной водой из пруда, второй — минеральной из источника. Затем в оба стакана он всыпал по небольшому количеству порошка из чернильных орешков и размешал. Можно представить изумление и восхищение Кречетникова, когда на его глазах обычная вода осталась неизменной, а минеральная приобрела красивую алую окраску.

Многие жители Богородицка и сейчас не считают за труд сходить на противоположный берег пруда к источнику (за 1—1,5 км), чтобы принести для питья воду, открытую Болотовым более 200 лет назад.

В наше время, несмотря на развитие специальной отрасли промышленности, производящей в больших количествах самые разнообразные искусственные лечебные препараты, применение лекарственных растений не только не сократилось, но и приобрело новое звучание. Уровень современной науки позволил вскрыть основу лечебного действия трав. Ее составляют содержащиеся в них биологически активные вещества: алкалоиды, гликозиды, дубильные вещества, кумарины, сапонины, флавоноиды, эфирные масла и другие соединения. Кроме сбора дикорастущих трав в настоящее время необходимые растения выращиваются в полевых условиях. Ведется селекционная работа с целью создания наиболее урожайных форм, с повышенным содержанием лечебных компонентов. О необходимости искусственного разведения лекарственных растений говорил в свое время и Болотов: «Из числа дикорастущих лекарственных и полезных трав многие для изящных своих действий достойны не только собираться и заготавливаться быть, но и того, чтобы их нарочно заводить и содержать в садах и огородах»⁴³.

Лечение «енкритом»

Андрей Тимофеевич кроме лечения травами применял и другие методы врачевания, в частности с помощью минералов. Однажды в каком-то из немецких журналов вычитал он о целебных свойствах минерала под названием «енкрит» (что это за минерал, автору настоящей книги пока так и не удалось установить).

⁴³ Экон. магазин. 1780. Ч. 4. С. 325.

После длительного испытания на больных с разными недугами Болотов пришел к заключению, что порошок из енкрита помогает при «каменной болезни» (судя по его описанию, это образование камней в почках). Установив этот факт, он подверг его специальной проверке: находил соответствующих больных и лечил енкритом, следя за тем, чтобы больной не принимал в это время других лекарств и не пользовался другими методами. По заключению Болотова, лечение енкритом оказалось достаточно эффективным, большинство больных отзывалось о нем хорошо.

Лучший критерий истины — практика. Этот принцип А. Т. Болотов исповедовал всю жизнь. Отсюда стремление: любое научное открытие (свое или вычитанное из книг) как можно шире проверять на деле. Для этой цели было организовано и издание журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин». Сообщая о новинке, Болотов надеялся привлечь к ней внимание других, с тем чтобы проверить и быстрее распространить в практике.

Так было и с енкритом. Уже вскоре после первых публикаций о его лечебных свойствах Болотов получил подтверждение своего наблюдения от В. А. Левшина. Тот писал, что 13-летний мальчик в его доме «страдал уже за несколько годов каменной болезнью и по истощению без дальнего успеха всех известных лекарств оставлен жестокости своего жребия... первый прием [енкрита] дан был ему по утру в рюмке простого вина, мерою с чайную ложечку. Болезнь тотчас облегчилась, но продолжалась еще до второго того же приема в вечеру, и ночь спал он спокойно. На другой день болезнь хотя возобновилась, но не с такой жестокостью, и при сем случае в последний прием дал я полторы ложечки порошку, размешав в той же рюмке вина. С того времени, чему прошло уже пять месяцев, болезнь совершенно его оставила»⁴⁴.

Другой любопытный случай с испытанием енкрита вспоминает Андрей Тимофеевич в связи со своими издательскими делами. Как-то заехал он к Н. И. Новикову, надеясь получить книгу, находившуюся в работе в типографии. Однако тот развел руками и с огорчением сообщил, что книга не готова, заболел кто-то из основных специалистов. Слово за слово,

⁴⁴ Там же. 1781. Ч. 6. С. 41.

всплыло и название болезни: камни в почках. Болотов тут же рассказал об энкрите. Новиков попросил срочно выслать ему порошок и уже сравнительно скоро сообщил о положительном результате.

Болотов-физиотерапевт

В период прохождения военной службы на территории оккупированной Пруссии Андрей Тимофеевич установил тесную связь с Кенигсбергским университетом, посещал лекции, работал в лабораториях. Там он впервые познакомился с электрическими машинами. Впоследствии в иностранной литературе он находил описание их устройства и применения в лечебных целях. Это направление в использовании электричества заинтересовало Болотова, и он решил испытать его в своей практике. Изучив различные конструкции «электрофоров», Андрей Тимофеевич выбрал наиболее удачные их детали, присоединил к ним изобретенные им самим (в этой работе ему помогал сын Павел) и сконструировал собственную машину, доступную для изготовления в любом хозяйстве, где имеются кузнец, слесарь и столяр. Правда, она уступала по мощности машинам, описывавшимся в иностранных руководствах, но Андрей Тимофеевич считал, что для лечебных целей мощности его машины вполне достаточно.

Вначале он проводил опыты лечения в небольшом объеме, но, получая хорошие результаты, стал применять машину все чаще, распространяя ее использование на все новые болезни. Этому способствовало то обстоятельство, что больные, получившие облегчение, а тем более полностью вылечившиеся, по возвращении домой рассказывали родным и знакомым об удачном исходе. Слухи широко распространялись по округе, побуждая и других больных обращаться за помощью к Андрею Тимофеевичу.

Конечно, научная основа применяемой им электротерапии была весьма слабой, и, по-видимому, главным фактором положительного эффекта было не столько само лечение машиной, сколько психологическое воздействие на больных, особенно на крестьян, бывших основными пациентами Болотова. Наслушавшись рассказов о чудесной машине и увидев ее в натуре, а тем более в действии, крестьянин не мог не поверить в ее особую силу, и, конечно, надежда на успех

играла огромную роль в психологической реакции организма больного, способствуя выздоровлению.

Существенное значение имело и то обстоятельство, что Андрей Тимофеевич, как и в других случаях своей творческой деятельности, вел журнал, в котором записывал важнейшие данные о больном, ходе его лечения и результатах. Эти записи позволяли ему сопоставлять факты, делать выводы и таким образом накапливать опыт, формировать некоторые основы теории.

Обобщив результаты многолетней практики лечения с помощью электричества, Болотов написал книгу, изложив в ней свои взгляды на электротерапию. Книга имеет пять разделов: 1 — основные понятия об электричестве; 2 — описание электрических машин; 3 — методы врачевания; 4 — общие замечания о лечении с помощью электрических машин; 5 — болезни, поддающиеся лечению электричеством.

Главным условием, определяющим эффективность любого вида врачебной деятельности, Болотов считал своевременное начало лечения. Недаром в подзаголовке его книги значилось: «О великой способности электрических машин ко врачеванию разных болезней, а особливо к прерыванию и уничтожению начинающихся».

В первом разделе книги наибольший интерес представляют высказывания Болотова о влиянии электричества на рост и развитие растений, на жизнь животных и человека, а также его рассуждения о сущности электричества. Он признавал его материальную природу, изложив это следующим образом: электричество «состоит из частичек, и что частичкам сим надобно быть чрезвычайной и непостижимой для нас мализны, потому что они в состоянии протискиваться в наитеснейшие скважины наплотнейших металлов»⁴⁵. Частички могут переходить с одного тела на другое, а также накапливаться.

Во втором разделе Болотов описывал устройство электрической машины, сопровождая описание простейшими чертежами (из-за ограниченности объема книги автор лишен возможности изложить техническую сторону дела и отсылает читателя к книге

⁴⁵ Болотов А. Т. Краткие и на опытности основанные замечания об электрицизме и о способности электрических машин к погонию от различных болезней. СПб., 1803. С. 15.

Я. А. Шнейберга⁴⁶, в которой есть описание машины А. Т. Болотова).

В разделе, где описываются методы лечения, Андрей Тимофеевич указывал на необходимость дифференцированного подхода к лечению, использования определенного режима работы машины для каждой болезни. Он различал три действия, производимые электрофором: «положительное, или вливающее, состоящее в том, что электрическая материя в человека посредством соединителя вливается...», «привлекательное, состоящее в том, что материя электрическая посредством действия машины накапливается, а затем пропускается через тело больного. При этом чувствуются удары той или иной силы, в зависимости от количества накопленного электричества; отрицательное, или извлекающее, состоящее в том, что электрическая материя не вливается в человека, а извлекается из него...»⁴⁷.

Болотов рассматривал проблему лечения с помощью электричества слишком упрощенно, механистически. По его мнению, организм человека имеет в норме определенное количество электричества, отклонение вызывает заболевание. Лечение должно при избытке электричества «извлекать» его, а при недостатке — «вливать».

Из приемов применения электрической машины Болотов описывал: «ветрение» (электрическая материя при этом способе по соединительной цепочке поступает в «изливатель» (заостренный металлический предмет), с которого путем прикосновения переходит к человеку. Больной при этом испытывает ощущение слабого ветерка (отсюда название приема). Этот метод Болотов использовал при лечении глаз); «искрение», прием, аналогичный предыдущему, но с подачей большего количества электричества; «банение», более продолжительный прием, при котором «электрическая материя наполняет человека...»; «фланирование», метод, при котором большую часть тела обматывают черной фланелью и по ней проводят «извлекателем». Человек чувствует жжение, как от крапивы.

Заслуживают внимания «Общие замечания», изло-

⁴⁶ Шнейберг Я. А. Василий Владимирович Петров. М.: Наука, 1985. С. 156—165.

⁴⁷ Болотов А. Т. Краткие и на опытности основанные замечания об электрицизме. СПб., 1803. С. 15.

женные Болотовым в четвертом разделе книги. На основе накопленного опыта он пришел к следующим выводам: лечение электричеством требует времени; если при лечении никаких видимых изменений не происходит, эффекта от него не будет; перед излечением может произойти временное ухудшение состояния больного; особой диеты при лечении электричеством не требуется; при электризации можно применять обычные лекарства; вредного действия на организм больного электризация не производит.

В последнем разделе Болотов перечисляет болезни, которые могут быть излечены с помощью электрической машины. В этом перечне: простуда, насморк, кашель, грудные болезни, ревматизм, болезни горла, глазные болезни (не более трех минут «ветрением»), глухота, звон и шум в ушах, лихорадки, горячка, угар, ломота в теле, судороги и спазмы, головные боли, опухоли, подагра, паралич, зубная боль, чирьи, нарывы, прыщи, бессонница.

Из перечня видно, что во времена Болотова еще не умели четко различать болезни, в ряде случаев за болезнь принимались побочные проявления других болезней. Отсутствие правильной диагностики, безусловно, мешало эффективному лечению.

Глава 8

Научное наследство. В памяти потомков (1834—1984)

Юбилей —
сто лет со дня рождения

7 октября 1838 г., Санкт-Петербург. Небо серыми тучами низко нависло над городом. Мелкий осенний дождь с унылым однообразием шел уже второй день, нагоняя тоску не только на людей, но, кажется, и на деревья, и на птиц, и даже на все неживое. Березы стояли, грустно опустив вниз свои ветви, и с них стекали капли, словно слезы. Неугомонные воробьи, обычно с шумным чириканьем носившиеся с места на место в поисках пищи, сейчас, нахохлившись, спрятались под карнизами в молчаливом ожидании, когда дождь утихомирится и можно будет снова начать хлопотливую, но веселую жизнь.

Красивые и оживленные в хорошую погоду улицы Санкт-Петербурга были пустынными. Лишь к одному из домов на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади время от времени подъезжали экипажи. Приехавшие в них стремились как можно быстрее преодолеть пространство от места остановки экипажа до дверей подъезда. Этот дом принадлежал Вольному экономическому обществу, и сегодня в нем должно было состояться общее собрание, посвященное юбилею одного из старейших и почетных его членов — А. Т. Болотова.

Секретарь Общества — Петр Григорьевич Соболевский — приехал задолго до собрания. Ему хотелось еще раз проверить, все ли и надлежащим ли образом подготовлено к проведению юбилея, а также лично встретить прибывающих гостей. Ненастная погода послужила поводом к тому, что приезд участников сильно растянулся. Одни, рассудив, что дождь может

усилиться, приехали задолго до объявленного начала. Другие, в надежде, что дождь может прекратиться или ослабнуть, выжидали, и в результате приехали с опозданием. Учитывая это обстоятельство, президент Общества граф Н. С. Мордвинов и секретарь П. Г. Соболевский решили несколько задержать открытие собрания. Испросив на это согласие собравшихся, президент пригласил их занять время до начала осмотром выставки, игрой в бильярд и шахматы, посещением буфета и беседами.

Выставка, посвященная юбилею, находилась в зале, где проходили собрания, и представляла собою в основном печатные труды А. Т. Болотова. Целую полку в книжном шкафу занимали 40 томов «Экономического магазина». Выстроившись в ряд и поблескивая золотым тиснением названий на корешках, книги производили внушительное впечатление. Петр Григорьевич Соболевский, доставая с полки некоторые из томов и показывая их гостям, рассказывал о гигантском научном подвиге Андрея Тимофеевича, который один писал и редактировал материал для журнала таким образом, что регулярно в течение 10 лет каждый квартал выходил том объемом 25—30 печатных листов. Лишь малолетний сын Павел оказывал помощь отцу, переписывая подготовленные им статьи.

На другой полке стояли экземпляры «Трудов» Вольного экономического общества, в которых были опубликованы статьи А. Т. Болотова. Этот журнал Общество начало издавать с первого года своего существования. И уже во второй части «Трудов» (1766) появилась статья Болотова «Описание свойств и доброты земель Каширского уезда». С тех пор он регулярно направлял свои статьи в «Труды». В этом журнале были опубликованы наиболее крупные и интересные работы А. Т. Болотова по сельскому хозяйству, работы теоретического характера, закладывающие научные основы сельскохозяйственного производства. Среди них такие, как «Примечание о хлебопашестве вообще» (1768), «Об удобрении земель» (1770).

Гости внимательно рассматривали книги и рукописи А. Т. Болотова. Как обычно бывает, человек в присутствии других, знакомых ему людей, редко может молча рассматривать что-нибудь, весьма интере-

сующее его. Чаще всего люди тут же начинают обсуждать увиденное. Так было и здесь.

Некоторые удивлялись большому количеству статей, написанных Андреем Тимофеевичем. Им казалось невероятным, что один человек может проделать такую огромную работу. Другие пытались понять особенности жизни и творчества, позволившие ему осуществить этот титанический труд. Развернулась оживленная дискуссия. Попытку одного из ее участников свести все дело к продолжительности жизни ученого большинство дружно отвергло: много людей жили раньше и живут теперь еще дольше, чем Болотов, но тем не менее не написали ни строчки. Предположений было высказано много: особая склонность к писательскому труду (с этой позицией согласились, но дополнили ее оговоркой: нужно хорошо знать то, о чем собираешься писать, только тогда написанное получит признание других); склонность к порядку, к систематическому труду (кто-то вспомнил о том, что Андрей Тимофеевич жил по твердо установленному режиму, который имел только два варианта: зимний и летний); большая наблюдательность, любовь к эксперименту, способность к обобщению (если бы не было фактического материала, не о чем было бы писать); систематическое и тщательное ведение дневников и журналов, в которых отмечалось все, что делал и видел в своих опытах Болотов, к каким выводам приходил, обдумывая результаты исследований (надеясь только на память, вряд ли сумел бы Андрей Тимофеевич совершить свой научный подвиг). Так объединенными усилиями присутствующие правильно определили главные условия плодотворной деятельности Болотова.

От выставки, посвященной трудам юбиляра, Соболевский провел участников в конец зала, где были размещены портреты и бюсты наиболее почетных деятелей Вольного экономического общества. В первую очередь Соболевский ознакомил с его членами-учредителями. На одной стороне зала висели портреты А. А. Нартова, А. В. Олсуфьева (первый президент Общества), Г. Г. Орлова, И. Г. Чернышева, А. И. Черкасова, на другой — И. И. Тауберта, Г. Н. Теплова, Х. Пекена, Ф. И. Петера, Г. Я. Эклебена.

Всего членов-учредителей было 15, но для пятерых из них (Р. И. Воронцова, Т. И. Клишнитета, И. Г. Ле-

мана, И. Г. Моделя, В. Польмана) портретов ни найти, ни изготовить не удалось.

Затем Соболевский провел гостей мимо бюстов, установленных в зале в честь особых заслуг перед Обществом некоторых его деятелей: Ф. А. Ангалъта (установлен в 1794 г.), А. А. Нартова (установлен еще при жизни, в 1811 г.), С. Сестренцевича-Богуша (в 1823 г.), С. В. Строгановой (в 1837 г.).

Собрание Общества открыл президент Н. С. Мордвинов. Несмотря на отвратительную погоду, зал был основательно заполнен публикой, почтить память Андрея Тимофеевича кроме членов Общества прибыло много лиц, не входивших в его круг. Приехали гости и из других городов. На передней стене висел портрет юбиляра, перед ним на специальной полке стояли вазы с зелеными растениями и цветами, олицетворяющими неугасавшую всю жизнь любовь Андрея Тимофеевича к растениям.

Президент поднялся за столом, и в зале воцарилась глубокая тишина. Николай Семенович оповестил собравшихся о цели собрания — почтить память почетного члена Общества — А. Т. Болотова в связи с исполнившимся столетием со дня его рождения, упомянув о том, что всего пяти лет не хватило почтенному старцу до своего славного юбилея.

Затем президент ознакомил участников собрания с жизнью и деятельностью юбиляра, подчеркнув, что, несмотря на многогранный талант Андрея Тимофеевича, все же главные его заслуги лежат в области науки, особенно сельскохозяйственной. Мордвинов кратко охарактеризовал основные труды Болотова по земледелию (трактаты «О хлебопашестве вообще», «Об удобрении», «О разделении полей»), по садоводству и др.

После доклада президента присутствующие стоя почтили память своего великого соотечественника. Собрание закрылось, но публика еще долго не расходилась, многие снова, теперь уже более внимательно, рассматривали экспонаты выставки — труды А. Т. Болотова.

Литературное наследие А. Т. Болотова

Андрей Тимофеевич оставил после себя огромное литературное наследство. А. Блок в одной из своих статей писал: «А. Т. Болотов пережил восемь царство-

ваний от императрицы Анны до императора Николая I и оказывается наиболее плодовитым русским писателем. Его сочинения, по соображению Венгерова, помещаются в 350 томах обыкновенного формата»¹. Судьба трудов Андрея Тимофеевича различна. Часть из них была опубликована при его жизни. Ранее уже сообщалось об изданиях им собственных журналов: сначала двух томов «Сельского жителя» (1778—1779), а затем 40 томов «Экономического магазина» (1780—1789). Много статей опубликовал Болотов в «Трудах» Вольного экономического общества, часть в других журналах. При жизни был издан ряд книг философско-правового содержания и художественных произведений.

И тем не менее большая часть написанного А. Т. Болотовым осталась после его смерти в виде рукописей.

Даже в конце XIX в. журнал «Русская старина» обрисовал судьбу литературного наследия А. Т. Болотова следующим образом: «Сравнительно лишь весьма небольшая часть его рукописей была напечатана, большая же часть была развезена его внуками (он имел одного сына и 4 дочери) в разные концы России, куда только они разъехались, и многие из этих рукописей были утрачены»².

Какие удивительные истории происходили с рукописями Болотова, можно показать на примере, описанном известным библиографом Н. В. Губерти: «Несколько лет тому назад пишущему эти строки удалось отыскать на рынке, между разным книжным хламом, две рукописные, переплетенные и довольно объемистые книжки, написанные на довольно плотной синеватой бумаге, которые и были им приобретены за 50 коп. серебром. К великому удовольствию купившего, они оказались собственноручным подлинником Болотова; текст обеих частей украшен флеронами, довольно искусно рисованными пером, его работы; и заглавие обеих книжек следующее: „Современник, или Записки для потомства. А. Б., 1795, ч. I (416) и ч. II (414) нумерованных страниц“»³. Нетрудно представить, что, находясь в книжном хламе, рукописи Болотова вполне

¹ Блок А. Сочинения. Л., 1934. Т. 11. С. 9.

² Рус. старина. 1889. Т. 62, кн. 6. С. 537.

³ Библиограф. 1885. № 9. С. 34—35.

могли угодить и на растопку печей. Н. В. Губерти опубликовал часть материалов этой работы ⁴.

К счастью для нас, наряду с рассеиванием рукописных материалов А. Т. Болотова и их утратой шел и обратный процесс их сбора и надежного хранения в государственных учреждениях. Рукописи Болотова приобретались музеями, библиотеками, архивами. Некоторые родственники Андрея Тимофеевича, а также другие лица, располагавшие материалами, дарили их, с тем чтобы сделать достоянием более широкого круга читателей. В настоящее время наиболее значительными фондами (рукописи, рисунки, портреты), связанными с жизнью и творчеством А. Т. Болотова (персональные фонды), располагают Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР, Институт русской литературы АН СССР (все г. Ленинград), Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва), Государственный Исторический музей СССР (Москва), Пермский областной архив.

В течение длительного срока существования эти материалы неоднократно переходили от одних наследников к другим, при этом рукописи делились и увозились в разные места. Для иллюстрации приведем два примера. Уже в XX в. В. И. Аничков, описывая помещичьи усадьбы Новгородской губернии, так рассказал о Горке — имении А. В. Болотова — праправнука Андрея Тимофеевича: «Горка — имение, находится в Новгородском уезде Любанской волости, в Любанско-Петропавловском погосте и принадлежит... А. В. Болотову, унаследовавшему имение от своего отца; приобретено дедом владельца генерал-майором Алексеем Болотовым... В 1830 г. усадьба принадлежала сенатору Баратынскому; старый дом перестроен дедом нынешнего владельца в 1850 г. ... В доме имеется библиотека в тысячу томов и есть несколько рукописных книг, между ними сочинения прапрадеда известного бытописателя Елизаветинской эпохи Андрея Ильича Болотова [ошибочно, вместо Тимофеевича]; в доме есть портрет масляными красками прапрадеда Андрея Ильича Болотова, прадеда Павла Андреевича Болотова и жены его Марии Федоровны, деда Алексея Пав-

⁴ Там же. 1885. № 9. С. 33—38; № 10. С. 49—52; 1886. № 1. С. 2—4; № 2. С. 25—28; 1890. № 2. С. 21—26; № 3/4. С. 41—45; № 11. С. 125—138; № 12. С. 156—165.

ловича Болотова... а также портреты родителей владельца Владимира Алексеевича и Софьи Петровны Болотовых; ... есть еще акварельные рисунки с видами усадьбы Дворянинова в Тульской губернии 1787 г.»⁵

Несмотря на то что А. В. Болотов значительную часть архива А. Т. Болотова подарил Публичной библиотеке, все же многое оставалось в Горке. И кроме всего прочего — фамильные портреты, судьбу которых еще предстоит выяснить.

Второй пример касается ветви Долинино-Иванских (по линии дочери правнука Андрея Тимофеевича — Михаила Павловича Болотова — Елены). В 1915 г. в Туле были опубликованы материалы из их семейного архива. Сказано об этом было следующее: «Извлечены из находящегося у Т. М. Долинино-Иванского переплетенного сборника, озаглавленного „Любопытная переписка между близкими родными. Ч. I, 1825 г.“, в ко-ем находятся переписанные рукою А. Т. Болотова 43 письма к нему его сына П. А. Болотова и внука А. П. Болотова и письма А. П. Болотова к родителям и сестре Е. П. Болотовой за период времени с января по 23 августа 1825 г. на 409 с.»⁶

Как видите, рукописные материалы Андрея Тимофеевича наследовались не только по мужской, но и по женской линии. К сожалению, эта часть сборника не числится ни в одном из архивов страны (вторая часть находится в Институте русской литературы).

В результате рассеивания архива Болотовых по стране и последующего приобретения его в разное время разными государственными учреждениями сложилась ситуация, при которой части одного и того же документа оказались в различных архивах страны. Так первые семь томов рукописи «Изображения и описание разных пород яблок и груш...» сейчас хранятся в Библиотеке им. В. И. Ленина, а последний — восьмой том — в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Или, скажем, 1—11 тома «Собрания мелких сочинений в стихах и прозе» находятся в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а 12-й том — в Библиотеке Академии наук СССР. Подобных примеров можно привести немало.

⁵ *Аничков В. И.* Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916. С. 25—26.

⁶ Тр. Тульск. губерн. учен. арх. комиссии 1913—1914 гг. Тула, 1915. Кн. 1. С. 173.

Для желающих ознакомиться с рукописями А. Т. Болотова такая разбросанность его архива создает значительные неудобства. По-видимому, было бы целесообразно объединить разрозненный материал там где это возможно (утерянное уже не восстановишь). Чтобы не ущемлять интересы владельцев архивов, можно организовать взаимовыгодный обмен. Зачем, например, Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина иметь один том «Изображений и описаний ...», когда остальные семь в Библиотеке им. В. И. Ленина? В то же время Библиотека им. В. И. Ленина владеет двумя томами «Домашнего исторического журнала», тогда как подавляющее большинство томов этого документа находится в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Вот и обменяться бы им для общего блага.

Кроме персональных фондов А. Т. Болотова хранителями его рукописей (или материалов о нем) являются фонды других людей нашей страны. Так, в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР в фонде № 46 (Баргенева П. И.) имеется еще один сборник «Утренника» (1807), в фонде № 271 (А. А. Краевского) — рукопись его статьи о седьмой части «Записок» А. Т. Болотова, в фонде № 1268 (Нартова А. А.) — его письма к А. Т. Болотову (1773) и письма А. Т. Болотова к нему (1773—1775).

В Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в фонде № 358 (Быковых) хранится письмо Груздева (редактор журнала «Природа и люди») Быкову по поводу юбилея А. Т. Болотова, в Государственном Историческом музее в фонде Щукина хранится дневник П. А. Болотова, в Институте русской литературы АН СССР в фонде М. Н. Лонгинова — пять рукописных томов А. Т. Болотова «Записки садовые» 1804—1812 гг.

Судьба помологической работы

После смерти А. Т. Болотова вышли в свет два его сочинения: «Изображения и описание разных пород яблок и груш...» и автобиографические записки «Жизнь и приключения Андрея Болотова...».

Семь томов первой работы, написанных рукою Андрея Тимофеевича, были переданы в 1837 г. его сыном, Павлом Андреевичем, Российскому обществу любителей садоводства.

Совет Общества на собрании 8 марта 1837 г. принял решение: «... изъять искреннейшую благодарность Общества П. А. Болотову, описания и рисунки, по рассмотрении оных, напечатать для общего сведения, исполнение чего поручить действительному члену И. А. Решетникову»⁷.

Однако это решение оказалось невыполненным, и только в 1861 г. редактор «Журнала садоводства» А. К. Грелль начал печатать в редактируемом им журнале работу Болотова в сокращенном и переработанном виде под заглавием «Материалы для русской помологии».

В первом томе (1861) была помещена общая часть работы и описание с изображением 4 сортов русских яблонь, во втором (1862) — 17 сортов яблонь и в третьем (1863) — 13 сортов яблонь и 3 сорта груш. Впрочем, следует заметить, что из 37 сортов, описанных в переработке Грелля, не все взяты из рукописей Болотова, некоторые были новыми и описаны Бехтеевым, Лодыгиным и самим Греллем (например, Антоновка, Черное дерево, Добрый крестьянин).

Грелль высоко оценивал труд Болотова, справедливо называя его отцом научной помологии. «Мы не можем брать на себя подробной оценки помологического труда А. Т. Болотова; скажем только, что мы находим общую часть его, т. е. то, что незабвенный автор называет *краткими предварительными замечаниями*, чуть ли не дельнее всего, что написано в этом роде по настоящее время учеными иностранными помологами. Не забудем, что Андрей Тимофеевич начал свой труд тогда, когда заграничная литература не представляла почти ничего письменного по этой части, ибо общепринятая система известного помолога Диля появилась в Германии только в 1799 г. Итак, в глухом уголке России, в деревне одного из малоизвестных уездов Тульской губернии жил в конце прошедшего столетия человек, который мог бы назваться отцом научной помологии и начертал свою собственную систему сортов яблоков и груш в то время, когда систем еще не существовало в остальной Европе»⁸.

Впоследствии А. К. Грелль еще раз напечатал

⁷ Бердышев А. П. А. Т. Болотов — первый русский ученый агроном. М.: Сельхозгиз, 1949. С. 144.

⁸ Журн. садоводства. 1861. № 10. С. 212.

«Материалы для русской помологии» без всякого изменения в газете «Русское садоводство» за 1884 г.

Позднее, в 1900 г., значительно более полное (по специальной части) извлечение из работы Болотова сделал А. С. Гребницкий, напечатавший его в особом издании Департамента земледелия⁹ под тем названием, какое имела рукопись Андрея Тимофеевича.

И наконец, еще один раз помологическая работа А. Т. Болотова была напечатана уже в наше время издательством Московского общества испытателей природы¹⁰. В публикацию на этот раз вошли предисловие, общая часть и, в качестве образцов, шесть описаний сортов и два реестра.

Судьба автобиографических записок

Не менее интересна судьба автобиографических записок Андрея Тимофеевича. Они представляют собою повествование в виде писем Андрея Тимофеевича к читателю. Всего первоначально было обнаружено 300 писем, охватывавших период от рождения (и частично описание жизни предков) до 1795 г. и скомплектованных в 29 частей. Первая часть написана в 1789 г., последняя окончена в 1816 г.

Впервые небольшая часть записок была опубликована в журнале «Сын отечества» в 1839 г. (отрывок, описывающий открытие в 1762 г. Зимнего дворца, и отрывок, посвященный Эгерсдорфскому сражению)¹¹.

Второй раз, уже более полное извлечение (6 частей из 29), но с большими изменениями по сравнению с оригиналом, напечатали «Отечественные записки». Журнал сопроводил материал примечанием: «Редактор „Отечественных записок“ получил эту статью при следующем письме: „М. г. После родного деда моего достался мне манускрипт под заглавием „Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков“... Записки эти заслуживают внимания не столько в отношении историческом, сколько по живому описанию нравов половины прошедшего сто-

⁹ Плодоводство в России. Материалы и исследования. 1900. Вып. 3. С. 1—10.

¹⁰ Болотов А. Т. Избр. соч. С. 241—277.

¹¹ Сын отечества. 1839. Ч. 8. С. 61—69; Ч. 9. С. 1—58.

летия. Если вы разделяете это мнение, то для меня крайне приятно будет видеть их напечатанными в нашем журнале.

Примите уверения и прочее. Алексей Болотов¹²».

Из полученных 9 частей журнал опубликовал лишь первые шесть¹³. Прекращение печатания «Записок» впоследствии другой журнал — «Библиотека для чтения» — объяснил следующим образом: «Печатание Записок в „Отечественных записках“ прекратилось в связи с отъездом А. П. Болотова за границу и скорой смертью его после возвращения»¹⁴.

«Библиотека для чтения» сделала попытку продолжить публикацию Записок, но ей удалось напечатать лишь три части (7, 8 и 9-ю), причем сделано это было с большими сокращениями и изменением текста¹⁵.

Нельзя не упомянуть здесь о том, что после выхода журнала с «Записками» Болотова на них сразу же откликнулся наш известный критик-публицист Д. И. Писарев. Вот его восторженный отзыв: «Громадный повествовательный талант во всей своей полноте развертывается в этой части записок... автор так хорошо умеет расположить читателя в пользу своей добродушной личности, что невольно интересуешься мельчайшими подробностями его жизни... они написаны таким живым, естественным, чисто разговорным языком, в них так метко схвачены личности людей, окружавших Болотова, в них местами так много неподдельного комизма, что почти трудно поверить, что они написаны в прошлом столетии (XVIII), когда на нашей письменности еще лежала тяжелая печать риторики»¹⁶.

И тут же характеристика автора «Записок»: «... его трудолюбие, светлый ум, благородная любознательность, кроткий нрав и добродушие, с которым он отзывается об окружающих его личностях,— все это

¹² Рус. старина. 1873. Т. 8. С. 748.

¹³ Отеч. зап., 1850. Т. 69, разд. 2. С. 101—130; Т. 70, разд. 2. С. 1—122; Т. 71, разд. 2. С. 1—32; Т. 72, разд. 2. С. 29—52, 65—122; Т. 74, разд. 2. С. 1—54, 33—144; Т. 75, разд. 2. С. 25—66; Т. 76, разд. 2. С. 1—52.

¹⁴ Библиотека для чтения. 1858. Т. 148. № 3. С. 1.

¹⁵ Там же. Т. 148. № 3. С. 1—70; № 4. С. 71—108; Т. 150. № 7. С. 1—40; Т. 152. № 11. С. 1—64; 1860. Т. 158. № 3. С. 1—28; № 4. С. 1—40.

¹⁶ Писарев Д. И. Сочинения. СПб., 1909. Т. 1. С. 55.

располагает в его пользу и заставляет нас признать в нем одного из лучших людей своего времени»¹⁷.

После смерти Алексея Павловича рукописи Андрея Тимофеевича, в том числе и автобиографические записки, перешли к его сыну Владимиру. В конце 1860-х годов он в свою очередь сделал новую попытку опубликовать «Жизнь и приключения...», предложив рукописи известному деятелю М. И. Семевскому. Тот сразу же правильно оценил огромное значение «Записок» и необходимость их публикации, но, не располагая издательской базой, попытался сделать это при помощи О. М. Бодянского, члена-корреспондента Академии наук, основателя отечественной славистики, который тогда редактировал журнал «Чтения в Московском обществе истории и древностей».

Бодянский сначала согласился, но в дальнейшем по ряду причин вынужден был отказаться: во-первых, из-за большого объема «Записок» печатание пришлось бы растянуть на весьма длительный срок или резко сократить публикацию других материалов Общества; во-вторых, из-за внутренних распрей тогда стоял вопрос о пребывании Бодянского в университете, и ему было не до редакторской деятельности.

Семевский предложил «Записки» Русскому историческому обществу. Однако его тогдашний ученый секретарь Половцев тоже отказался от публикации, сославшись на слишком большой объем материала.

А Михаил Иванович Семевский к тому времени уже основательно загорелся идеей издания «Записок». И вот, по его собственному выражению, он «решил рискнуть» и издать «Жизнь и приключения Андрея Болотова...» собственными силами и средствами. С этой целью предпринял издание нового журнала «Русская старина».

В нем-то в качестве приложения и были опубликованы знаменитые мемуары, прославившие имя Андрея Тимофеевича как литератора и талантливого бытописателя. Надо сказать, что М. И. Семевский очень внимательно и любовно отнесся к изданию «Записок». Впервые они были опубликованы полностью в 1870—1873 гг. в виде 29 частей, имевшихся к тому времени у наследников, причем без всяких изменений текста, в сопровождении собственноручных рисунков

¹⁷ Там же. С. 50.

Андрея Тимофеевича и его портретов. Затем «Записки» вышли в виде отдельного четырехтомного издания¹⁸. Вскоре после начала публикации известный библиограф Н. С. Киселев прислал редактору протест в связи с тем, что якобы он купил у Болотовых рукописные материалы Андрея Тимофеевича и имеет единоличное право на издание его «Записок». В связи с этим журнал напечатал следующее объяснение правнука Владимира Алексеевича: «После смерти А. Т. Болотова в 1833 г. старшему внуку его, а моему отцу — Алексею Павловичу достались двадцать девять томов записок его жизни, переписанные им самим [Андреем Тимофеевичем] набело.

Затем в 50-годах, при разборе его библиотеки, досталось младшему внуку его, т. е. моему дяде Михаилу Павловичу, несколько томов трудов А. Т. с разными черновыми рукописными заметками и рассказами, которые по просьбе В. Ф. Самарина дядя мой продал г. Киселеву. Я же уступил вам для напечатания в издаваемом вами журнале „Русская старина“ двадцать девять томов — именно те, которые окончательно набело написаны моим прадедом... Владимир Болотов»¹⁹.

Подоплека претензии Н. С. Киселева заключалась в следующем. Андрей Тимофеевич в течение всей жизни вел дневники, на основе которых впоследствии и писал свои «Жизнь и приключения...». Вот эти дневники и были проданы внуком Михаилом Павловичем Киселеву. В свое время Киселев сообщил редакции «Русской старины» краткую опись купленных им 39 рукописных томов сочинений А. Т. Болотова. Приводим ее в том виде, в каком она была опубликована в журнале: «1. Жизнь Андрея Болотова, ч. I. 2. Приключения А. Б. с 1752 до 1758 г. (частично в письмах, частью в связном рассказе; содержание этого тома есть сокращение частей II—V «Записок», за исключением 1751 г., которого у меня вовсе нет). 3—9. Жизнь и приключения Андрея Болотова с 1758 до 1769 г. (части VI—XII; частей XIII—XVI у меня вовсе нет).

¹⁸ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков.* СПб., 1871. Т. 1, ч. 1—7. 1017 стб.; 1872. Т. 2, ч. 8—14. 1120 стб.; 1873. Т. 3, ч. 15—21. 1244 стб.; 1873. Т. 4, ч. 22—29. 1330 стб.+ 34 стб. указателя личных имен.

¹⁹ Рус. старина. 1889. Т. 62. С. 535—536.

10—13. Жизнь и приключения А. Б. с 1774 г. до 1780 г. (части XVII—XX). 14. Домашний исторический журнал 1766 г. (краткий ежедневник). 15. То же на 1772 г. 16. Продолжение записок, касающихся до моей жизни, 1773 г. (связный рассказ о первом полугодии этого года). 17. Дневник 1790 г. (подробный ежедневник). 18. Продолжение описания моей жизни, 1793—1794 гг. (краткий ежедневник). 19—21. Краткий ежедневник 1797—1802 гг. 22—24. Богородицкий вестник, или Историческое обозрение всего происходившего в свете в 1792 и 1793 гг. 25—26. «Памятник протекших времен» 1796 и 1797 гг. (26-й томик был напечатан в Р. А. Русский архив 1864 г., 25-й готовится к печати). 27—34. «Магазин достопамятных бумаг» 1812 и 1813 гг. 35—39. «Отечественник», содержащий в себе современные записки и замечания о происшествиях в России (писаны в 1814—1826 гг.). Между 38 и 39 томиками недостает одного, заключающего пятую часть Отечественника»²⁰.

Из описи видно, что Н. С. Киселев располагал черновыми дневниками А. Т. Болотова, на основе которых формировались «Записки», за многие годы. Четыре томика из них он впоследствии передал редакции «Русской старины» (дневники 1793—1794, 1797—1798, 1799—1800 и 1801—1802 гг.).

Общее число рукописных экземпляров болотовских «Записок» определить весьма затруднительно. Дело в том, что, во-первых, Андрей Тимофеевич имел довольно неразборчивый почерк, особенно при работе над первоначальным черновым вариантом. Поэтому по обыкновению он переписывал сочиненное набело, не торопясь, более разборчиво. В этом ему часто помогали сын Павел и дочь Анастасия, имевшие хорошие почерки. В отношении «Записок» дело обстояло, скорее всего, так, что некоторые части совсем не переписывались (об этом, например, свидетельствует примечание М. И. Семецкого к 22-й части), а некоторые переписывались неоднократно. Этим можно объяснить наличие томика «Записок» у Е. А. Болотовой.

Во-вторых, до опубликования «Записок» некоторые люди, интересовавшиеся стариной, получали во временное пользование томик Андрея Тимофеевича и поручали писарям переписывать их, чтобы иметь собст-

²⁰ Там же. 1873. Т. 8. С. 748.

венные экземпляры (такие писарские копии «Записок» имеются в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, в отделе рукописей ИРЛИ).

Текст «Записок», опубликованных «Русской стариной», был сопровожден приложением: изображением А. Т. Болотова в его рабочем кабинете (рисунок сына Павла), портретом Андрея Тимофеевича, фотокопией двух страниц рукописи. Кроме того, в тексте имеется 31 виньетка, выполненная сыном (в третьем издании первого тома их 64), и три плана дома. Четвертый том «Записок» снабжен указателем личных имен.

Издание М. И. Семевского наиболее удачно, но, к сожалению, тираж его весьма незначителен (всего 600 оттисков), и больше оно не повторялось (если не считать переиздания первого тома в 1873 и 1875 гг.).

Вместе с тем следует отметить, что в публикации «Записок» в «Русской старине» есть некоторые неясности. Напечатав их в 1870—1873 гг. в виде 29 частей, содержащих 300 писем, редакция журнала в 1889 г. вновь вернулась к ним, поместив три письма со следующим предисловием: «Получив от В. А. и П. А. Болотовых первые 29 частей рукописи „Записок“ А. Т. Болотова, которые и напечатаны нами в 1870—1873 гг. в приложении к „Русской старине“ тех годов, мы в 1886 г. получили найденные ими у родных еще пять книжечек второй обработанной А. Т. Болотовым редакцией его „Записок“, и именно части 35, 36, 37-ю, заключающие в себе его рассказ о 1799—1802 гг., затем особые томики, заключающие описание 1802 г. с 7 октября и 1805 г. жизни этого писателя; таким образом, между 1795-м годом, на котором прерываются записки Болотова, изданные при „Русской старине“ 1870—1873 гг., и текстом теперешнего продолжения описания жизни Андрея Болотова — пробел в четыре года; к нему относится имеющийся у нас от г. Киселева дневник Болотова»²¹.

Два письма напечатаны в 62-м томе²² и одно в 64-м²³. В отличие от прежних, эти письма без нумерации. Таким образом, из пяти полученных томиков редакция опубликовала лишь незначительную часть хроники.

И наконец, еще одна попытка продолжить публи-

²¹ Там же. 1889. Т. 62, кн. 6. С. 537.

²² Там же. С. 538—576.

²³ Там же. Т. 64, кн. 10. С. 23—30.

кацию «Записок» А. Т. Болотова была предпринята «Русской стариной» в 1895 г. В предисловии сообщалось: «Записки А. Т. Болотова печатались в „Русской старине“ с 1870—1873 гг. в „Приложении“ в объеме 34 частей; затем в 1886 г. редакция получила еще 35, 36, 37-ю части, заключающие в себе рассказ о времени с 1799 по 1802 г.; промежуток же времени между 1795 и 1799 годами остается незаполненным за утратою наследниками подлинной рукописи... Мы начинаем печатание с окончания 349-го письма, на котором остановилась прежняя редакция в октябре 1892 г.»²⁴

В этом предисловии имеются две неточности: 1) в 1870—1873 гг. были опубликованы не 34 части «Записок», а только 29;

2) прекратилось печатание «Записок» не в октябре 1892 г., а в октябре 1889 г.

В 1895 г. были опубликованы три письма под номерами 349—351²⁵. Происхождение этой нумерации требует пояснения. Читатель, вероятно, помнит, что в 29 частях, опубликованных в 1870—1873 гг., было 30 писем, причем последние части содержали равно по 10 писем. Это весьма характерная деталь творчества Андрея Тимофеевича: он был весьма пунктуален, любил порядок и организованность, в том числе в своих письменных работах. Кто видел рукописи Болотова, не мог не обратить внимание на их внешний вид: все они в картонных переплетах, большинство имеет определенный объем (около 200 листов), с ровными полями, с одинаковым числом строк в листе.

Склонность Болотова к организованности позволяет нам думать, что между 29-й частью «Записок», где хроника заканчивается 1795 г. и 35-й частью, которая возобновляет ее с 1800 г., были еще 5 частей, охватывающих период примерно в 4—5 лет. Если Болотов писал их в таком же плане, как и предыдущие 29 частей, то они и были скомпонованы в те 48 писем, которые разделяют 29-ю и 35-ю части, а 30—34-я части, по-видимому, навсегда утрачены. Части 35, 36 и 37-я содержат соответственно 349—355, 356—364 и 365—378-е письма. Здесь уже нет той строгой выдержанности по размеру, как в предыдущих частях. В предисловии к 36-й

²⁴ Там же. 1895. Т. 84. № 8. С. 135.

²⁵ Там же. С. 135—155.

части Андрей Тимофеевич писал: «...36-ю часть также было начал сочинять 22 марта помянутого [1822] года, но случилось так, что я не успел покончить 356-го листа, а стечение разных обстоятельств подало повод к пресечению тогдашнего труда моего и не принимался за сие дело даже до нынешнего 1825 года, а в сие время побудил меня сын мой к продлению описания моей жизни. Решившись на то, усмотрел я, что в течение того времени, в которое я не писал, душевные и телесные силы мои по причине глубокой старости моей претерпели значительный ущерб...»²⁶

Поскольку разрыв между годом написания и годами описываемых событий составлял тогда 25 лет, Павел Андреевич посоветовал отцу писать более сокращенно. Однако сил и здоровья Андрею Тимофеевичу для продолжения работы не хватило, и 37-й частью «Записки» окончились.

В 1913 г. издательство «Молодые силы» в Казани решило повторить подвиг «Русской старины». В предисловии к пяти первым выпущенным частям сообщалось: «В настоящем, по счету, следовательно, втором издании „Записки“ печатаются в том же виде, как были изданы „Русской стариной“, с незначительным лишь дополнением вновь найденными отрывками, какова например 35-я часть „Записок“, охватывающая 1799 и 1800 годы»²⁷.

Из этих слов вытекает, что издательство «Молодые силы» имело дело лишь с четырехтомным приложением и не знало о продолжении печатания «Записок» в «Русской старине». Впрочем, по каким-то причинам издание на выпуске пяти частей прекратилось, и рекорд по полноте изданий «Записок» А. Т. Болотова остался за М. И. Семевским.

В сокращенном виде «Записки» были изданы в 1930 г. издательством «Молодая гвардия», а в 1931 г. несколько более полно — издательством «Academia» в виде трех томов небольшого формата. Все три тома были проиллюстрированы: в первом имеется портрет Андрея Тимофеевича художника В. С. Попова (оригинал хранится в Государственном Историческом музее); во втором — портрет Андрея Тимофеевича в

²⁶ Продолжение описания жизни Андрея Болотова... 1825. Ч. 36. С. 1—2. Рукопись.

²⁷ *Болотов А. Т. «Жизнь и приключения...»* Казань: Молодые силы, 1913. 192 с.

рабочем кабинете, рисунок сына Павла, автограф начала 78-го письма, рисунки домов, в которых жил Андрей Тимофеевич в Киясовке; в третьем — портрет Андрея Тимофеевича с миниатюры на слоновой кости, а также изображения медалей, изготовленных по рисункам Болотова.

«Записки» А. Т. Болотова представляют собою богатейший мемуарный материал. Недаром к ним охотно обращаются все, кого интересуют жизнь и нравы русских помещиков и крестьян XVIII в. Известный русский историк С. М. Соловьев в своем многотомном труде по истории России неоднократно пользуется материалами «Записок». В. И. Семевский в статье «Казенные крестьяне при Екатерине II» также ссылается на Болотова²⁸.

Вместе с тем тот факт, что «Записки» были опубликованы лишь в последней трети XIX в., не совсем благоприятно отразился на оценке личности Болотова в эти и последующие годы. Поскольку прошло уже более ста лет после его наиболее интенсивной деятельности и научные труды были основательно забыты, некоторые авторы стали судить о Болотове только по «Запискам», что привело к крайне одностороннему пониманию личности, а порой и ее несправедливой оценке.

В качестве примера приведем работу А. Алферова и А. Грузинского. Вот как они охарактеризовали в ней Андрея Тимофеевича: «Болотов не был человеком большой силы ума и дарований; значительно отличаясь от большинства провинциального дворянства умственными интересами и известной культурностью, он в то же время вовсе не был передовым человеком своей эпохи; в его привычках и понятиях навсегда осталась добрая доля старины и патриархальности; все оживление общества, все новые течения Екатерининского времени прошли в значительной степени мимо тульского дворянина, с 1762 г. прочно осевшего на земле. Да он, и оставшись в Петербурге, не мог бы примкнуть к передовым воззрениям по всему складу своей натуры, спокойной, уравновешенной... ограничивающейся... умственными интересами невысокого полета... Болотов интересен именно как представитель значительного в конце XVIII века полуновежественного слоя

²⁸ Рус. старина. 1879. Т. 25, кн. 5. С. 47, 49.

дворянства, который охотно шел за своим временем...»²⁹

Анализируя это высказывание, легко прийти к следующему выводу: 1) то, что авторы считают недостатком Болотова (прочное оседание на земле, спокойный, уравновешенный характер), в действительности позволило ему совершить настоящий научный подвиг; 2) только незнание научной стороны деятельности Болотова привело их к отрицанию у него ума и дарований, к обвинению в «полуневежестве».

Подвиг жителей г. Богородицка

Каково сейчас положение с памятными для русского человека местами, где жил и творил Андрей Тимофеевич Болотов?

Прежде всего о его Дворянинове, в котором он родился, провел многие годы детства, где начал свою замечательную деятельность на ниве науки, сделав огромной лабораторией поля и сады, леса и парки с их разнообразными растениями, дикорастущими и культурными; куда вернулся после двадцатилетнего пребывания в Богородицке и прожил еще почти сорок лет; где прах его предан земле, которой он беззаветно служил всю жизнь.

Уже говорилось о том, что под сенью деревьев русятинского кладбища на любовно ухоженной площадке стоит памятник Андрею Тимофеевичу, справа от него памятник его жене — Александре Михайловне, слева — надгробие на могиле тещи — Марии Абрамовны Кавериной.

Колхоз «Путь к коммунизму», расположенный на землях, где трудился Болотов, бережет территории его бывшей усадьбы. Правда, господский дом, в котором после революции 1917 г. размещалась кустарная артель, в начале 30-х годов сгорел. Но это, собственно, уже не был дом Болотовых. Еще в середине XIX в. внук Андрея Тимофеевича продал имение, затем оно неоднократно переходило от одного владельца к другому, дом перестраивался.

Тем не менее территория усадьбы свободна, сохранился фундамент дома, некоторые аллеи. Деревья,

²⁹ Алферов А. Д., Грузинский А. Е. Русская литература XVIII в. М.: Сотрудник школ, 1907. С. 158—169.

конечно, не те, что сажал Андрей Тимофеевич, но лиственные породы, как известно, могут размножаться корневой порослью, поэтому современные деревья сохраняют преемственность аллей, заложенных Болотовым, возобновляясь от них в течение нескольких поколений. Сохранилось несколько деревьев, посаженных Андреем Тимофеевичем, остаток «сажелок», где временно содержались рыбы, выловленные в теперь уже не сохранившихся прудах.

Таким образом, имеется полная возможность восстановить усадьбу с домом и садами в том виде, в каком они были при А. Т. Болотове. К сожалению, колхоз «Путь к коммунизму» — не такое уж крепкое хозяйство, чтобы самостоятельно решить эту задачу, по крайней мере сейчас.

Тем не менее энтузиасты колхоза не теряют надежды, что рано или поздно усадьба Андрея Тимофеевича будет восстановлена, на ее территории будет воздвигнут надлежащий памятник их великому земляку, а в доме создан музей. Материалы для этого музея кропотливо и настойчиво собирает один из почитателей ученого — Александр Иванович Трошин.

Более трагическая история с сохранением памятников, связанных с жизнью и творчеством А. Т. Болотова, произошла в Богородицке.

Фашистские варвары в период пребывания их в городе сильно повредили парк, заложенный Андреем Тимофеевичем, а при отходе под ударами частей Советской Армии взорвали дворец так, что он превратился в руины. Казалось, навсегда погибло чудо, созданное выдающимися деятелями XVIII в., изумительный дворцово-парковый ансамбль — детище Ивана Егоровича Старова и Андрея Тимофеевича Болотова.

В тяжелые послевоенные годы, когда нужно было заново поднимать разрушенное войной хозяйство, трудно было надеяться на то, что богородицкий ансамбль вновь будет красоваться на высоком берегу пруда.

И тем не менее это произошло. Любовь людей к прекрасному и великая сила их энтузиазма сделали невозможное. Немало горьких минут пришлось пережить людям, возглавившим борьбу за восстановление ансамбля.

Одним из первых поднял голос коренной житель города, преподаватель местной художественной школы,

член союза художников РСФСР Петр Андреевич Кобяков. В 1953 г. он обратился в «Литературную газету» с предложением о реставрации разрушенного дворца. Однако газета не сочла нужным включиться в решение вопроса непосредственно, а переслала материал в Тульский облисполком «для принятия мер». Что мог сделать тогда облисполком, если сама Тула нуждалась в великой помощи?

Однако неудача не поколебала решимости Петра Андреевича бороться за благородную идею, не мог он равнодушно видеть изуродованную красоту. В 1958 г. в районной газете «Заветы Ленина» появилась его статья о И. Е. Старове и А. Т. Болотове, об их замечательном творении с призывом восстановить ансамбль. В это же время инвалид Отечественной войны, житель Богородицка Алексей Федорович Лабутин обратился в профсоюзные органы с ходатайством о восстановлении в городе санатория (который до войны размещался во дворце). Ответ был коротким: «Не представляется возможным».

Вскоре гибель стала угрожать и развалинам дворца. Дело в том, что их облюбовали для своих игр мальчишки.

Лазая по стенам в погоне за «шпионом», один из них свалился со стены. К счастью, все обошлось благополучно. Поэтому местные органы власти во избежание дальнейших неприятностей решили взорвать развалины дворца.

Это не на шутку встревожило П. А. Кобякова и тех, кого он сумел привлечь к идее восстановления ансамбля. В июле 1965 г. (а время все шло и шло) вместе с жителем города Петром Сергеевичем Акольциным они направили письмо в газету «Советская Россия» с просьбой вмешаться и предотвратить готовящийся взрыв.

Не дождавшись ответа, Петр Андреевич написал в «Советскую культуру». И тут, наконец, лед тронулся. Под броским названием «Тревожный сигнал» письмо было опубликовано в августе 1965 г. Заканчивалось оно так: «Прошу вас довести мой сигнал до Министерства культуры. Надо спасти прекрасный памятник архитектуры».

Сигнал был услышан. Приехавшая из Министерства культуры СССР комиссия запретила взрыв. Полдела было сделано, но руины оставались руинами,

а мечта — лишь мечтой. Однако недаром говорится: «Лиха беда — начало». Идея все больше завоевывала сердца людей. В 1966 г. в «Неделе» появилась статья еще одного богородичанина — Н. А. Малеванова — заместителя директора Центрального исторического архива г. Ленинграда. Называлась она «Пока не поздно» и призывала к одному: спасти уникальное творение!

Число сторонников восстановления ансамбля с каждым годом росло. Министерство культуры РСФСР выделило средства на консервационные работы. Но к тому времени в Богородицке оперативный штаб на общественных началах уже сумел воодушевить передовую часть населения города на благородное дело: собственными силами восстановить дворец и парк. Ядро штаба составили П. А. Кобяков, строитель-прораб С. А. Потапов и московский архитектор-искусствовед Л. В. Тыдман.

Большую поддержку штабу в течение всего периода работ оказывали руководители города: П. А. Бродовский, А. И. Филонов, Н. В. Ломакин.

Работа проводилась в специальные субботники и воскресники. В дневнике, который вел П. А. Кобяков, зарегистрированы 1683 человека, участвовавших бескорыстно в восстановлении дворца. Все делалось в основном вручную: разбирали завалы, очищали кирпич, возводили стены. Руководил строительными работами С. А. Потапов, аккуратно являвшийся в дни работы к 8 часам утра. Архитектурный надзор осуществлял Л. В. Тыдман, приезжавший ежемесячно. Проект дворца помогли разыскать в архивах ленинградские архитекторы. Среди рабочих особую самоотверженность проявили Н. Миронов, А. Хренов, Н. Старостин, муж и жена Назаровы, В. Токарев, А. Старцева, З. Камаева и многие другие.

Помогала жителям города студенческая молодежь. В 1968 г. все лето работали студенты-филологи Московского государственного университета. Не оставила без внимания благородный почин горожан и печать всех уровней. В 1968 г. «Литературная газета» опубликовала статью «Богородицкие субботники», в «Комсомольской правде» журналист Павлова поместила серию статей. Много было написано о восстановлении ансамбля в областной и районной газетах.

На общественных же началах была возобновлена

«Церерина роща», посаженная А. Т. Болотовым и вырубленная фашистами, отремонтированы аллеи в центральной части парка. Проект восстановления парка составил известный ландшафтный архитектор М. П. Коржев.

Сейчас во дворце размещается историко-художественный музей. Его директор С. А. Полищук и научный сотрудник Г. В. Глаголева много делают по сбору материалов, относящихся к жизни и творчеству А. Т. Болотова. В последующем намечается открыть в музее специальный мемориальный зал ученого.

Юбилей — 240 лет со дня рождения

В 1978 г. на родине ученого праздновали юбилей, посвященный 240-летию со дня его рождения.

Торжественная часть открылась собранием. После вступительного слова председателя Заокского райисполкома П. Ф. Панова и моего доклада начались выступления. Их было много, и все они с разных сторон характеризовали деятельность А. Т. Болотова.

После торжественного собрания состоялась вторая часть празднования — возложение венков и цветов на могилу А. Т. Болотова. Пойти на кладбище пожелали все участники, и колонна получилась солидной.

Люди подходили и приносили на могилу все новые и новые цветы: розы, гладиолусы, флоксы. Особенно трогательно выглядели букетики из полевых цветов, собранных, по-видимому, школьниками.

В связи с 250-летием со дня рождения А. Т. Болотова предусмотрен ряд крупных мероприятий по увековечению памяти ученого, в том числе реставрация усадьбы с домом, парком и прудами на его родине, создание там мемориального музея. Будут изданы избранные научные труды А. Т. Болотова и книги о его жизни и творчестве.

Может быть, у кого-то из читателей этой книги возникнет необходимость узнать что-то об А. Т. Болотове дополнительно. Или наоборот — сообщить автору о чем-то упущенном им (он может этого и не знать). Автор охотно откликнется на письма читателей.

Дополнительная литература о Болотове¹

- Альманах библиофила. М.: Книга, 1977. Вып. 4. 254 с.
- Бажаев В. Г.* Крестьянское травопольное хозяйство в Нечерноземной полосе Европейской России. М., 1900. 350 с.
- Белезов Е., Петров А.* Иван Старов. М.: Акад. архит. СССР, 1950. 180 с.
- Бердышев А. П.* От дикорастущих растений до культурной флоры. М.: Наука, 1984. 143 с.
- Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов — основоположник русской сельскохозяйственной науки. М.: Агропромиздат, 1984. 143 с.
- Библиотечное обозрение. 1919. Кн. 1. С. 134—135.
- Будылина М. В.* Теоретические высказывания Н. А. Львова // Архитектор Н. А. Львов. М.: Госстройиздат. 1961. 184 с.
- Вестник славянства. Киев, 1890. № 3. С. 72—75.
- Врангель Н.* Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль/сентябрь. С. 67—68.
- Ганичев В. Н.* Тульский энциклопедист. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 160 с.
- Голос минувшего. М., 1918. № 1/3. С. 55, 58, 74.
- Голос минувшего. М., 1922. № 2. С. 182—184.
- Из эпохи крепостного крестьянства XVIII и XIX вв. М.: (Ист. музей), 1926. 135 с.
- Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1982. Т. 1, кн. 1. 1283 с.; 1892. Т. 1, кн. 2. 1016 с.
- Кипарисова А. А.* Статьи об архитектуре в русских журналах второй половины XVIII в. // Архитектурное наследство. М.: Стройиздат. 1974. Вып. 22. 174 с.
- Коржев М. Л., Петроян Е. М.* Андрей Тимофеевич Болотов // Тр. НИИ культуры. 1980. Т. 94. С. 154—160.
- Кернилова А. В.* Альбом помещика конца XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. С. 318—327.
- Лазарев В. Я.* Сокровенная жизнь. М.: Современник, 1978. 223 с.
- Литературный вестник. 1901. Т. 1, кн. 2. С. 255.
- Любченко О. Н.* Есть в Богородицке парк. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. 110 с.
- Макаров В.* Андрей Болотов и садовое искусство в России XVIII в. // Среди коллекционеров. 1924. № 5/6. С. 26—32.
- Мартьянов И. Ф.* Частные библиотеки в России XVIII века // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. С. 101—116.
- Мелехов И. С.* Очерк развития науки о лесе в России. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 207 с.
- Моск. ведомости. 1784. № 16. С. 145.

¹ В список дополнительной литературы включены работы, содержащие материалы об А. Т. Болотове, которые не вошли в библиографический указатель «А. Т. Болотов» (М., 1984) и не приводятся в тексте данной книги.

- Новицкий Г. А.* История СССР (XVIII век). М., 1950. 176 с. Очерки русской культуры XVIII в. М.: Изд-во МГУ. 1985. 383 с. Памятники культуры. Исследование и реставрации. 1960. Т. 2. С. 207.
- Полевой П. Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней. М., 1900. Т. 2, вып. 5. 655 с.
- Присенко Г. П.* Проникновение в былое. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С. 10—20.
- Русская старина. 1873. Т. 7, кн. 1. С. 22—23; 1879. Т. 25, кн. 5. С. 47, 49, 214—218; 1889. Т. 61, кн. 4. С. 410; 1902. Т. 111, кн. 7. С. 49.
- Русские книги. 1899. Т. 3. С. 77—78.
- Русский библиофил. 1911. № 4. С. 27, 28, 29.
- Русский библиограф. 1912. № 1. С. 53.
- Струев П. Б.* Крепостное хозяйство. СПб., 1913. 340 с.
- Тульская старина. 1899. № 3. С. 43—53.
- Щебальский П. К.* Чтение из русской истории. 1871. Вып. 5. 254 с.
- Щепкина Е. Н.* Каширские дворяне // Вестн. Европы. 1889. Кн. 7. С. 171—204.

**Хронология важнейших событий жизни
и творческой деятельности
А. Т. Болотова**

- 1738— Родился 7 октября в д. Дворянинове Алексинского района Тульской губернии (ныне Заокский район Тульской области).
- 1738—1750 Жизнь в разных местах в семье военного.
- 1749— Жизнь в Петербурге у дяди Т. И. Арсеньева.
- 1750—1754 Кончина родителей. Жизнь в Петербурге и в Дворянинове.
- 1755—1762 Военная служба. Пребывание в оккупированной Пруссии, занятия в Кенигсбергском университете.
- 1762—1774 Возвращение в Дворяниново. Работа по переустройству хозяйства на научной основе. Исследования по систематике растений, сельскохозяйственной биологии, земледелию и растениеводству. Публикация крупных статей в «Трудах» Вольного экономического общества. Избрание членом Вольного экономического общества в 1767 г. Переписка с А. А. Мартовым.
- 1774—1776 Работа в качестве управителя Киясовской волостью императрицы Екатерины II. Опыты с выгонной системой земледелия. Назначение управителем Богородицкой волости Екатерины II. Исследования по морфологии растений.
- 1778—1779 Издание первого русского сельскохозяйственного журнала «Сельский житель». Опубликование ряда крупных работ. Изготовление электрической машины и первые опыты по лечению электричеством. Начало переписки с В. А. Левшиным. Знакомство с Н. И. Новиковым. Организация первого в России детского театра.
- 1780—1789 Издание нового сельскохозяйственного журнала «Экономический магазин». Публикация в нем серии крупных работ. Начало работы над автобиографическими записками.
- 1784—1785 Работы по созданию пейзажного парка при дворце Екатерины II в Богородицке. Изготовление альбома рисунков парка.
- 1785—1787 Опубликование большой серии статей по садово-парковому искусству.
- 1790— Начало работы по помологии.
- 1796— Возвращение в Дворяниново.
- 1820— Прием в члены Московского общества сельского хозяйства.
- 1822—1830 Опубликование серии статей в «Земледельческом журнале».
- 1833— Смерть 3 октября в д. Дворяниново, захоронение на кладбище в д. Русятино 7 октября.

Оглавление

Предисловие	5
Введение	8
Глава 1 Детство (1738—1754)	31
Глава 2 Военная служба (1755—1762)	63
Глава 3 Жизнь в Дворянинове (1762—1774)	99
Глава 4 Управитель императрицыных волостей (1774— 1780)	141
Глава 5 Пропагандист науки (1780—1790)	172
Глава 6 Период работы над помологией (1790—1796)	215
Глава 7 Снова в Дворянинове (1797—1833)	239
Глава 8 Научное наследство. В памяти потомков (1834— 1984)	293
Дополнительная литература о Болотове	316
Хронология важнейших событий жизни и творческой деятельности А. Т. Болотова	318

Научное издание

Бердышев Александр Петрович
Андрей Тимофеевич Болотов —
выдающийся деятель науки и культуры
1738—1833

Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР

Редактор **Е. П. Жогова**
Редактор издательства **Э. И. Николаева**
Художественный редактор **В. В. Алексеев**
Технический редактор **М. В. Абаджян**
Корректоры **Т. П. Вдов, Л. И. Николаева**

ИБ № 37579

Сдано в набор 07.06.88
Подписано к печати 19.09.88
Т-18613. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17,01. Уч.-изд. л. 17,2
Тираж 19 000 экз. Тип. зак. 1755
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

П. М. Полян

ВЕНИАМИН ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

(1870—1942)

Это первая научная биография известного советского географа, профессора ЛГУ Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, основателя в СССР Географического музея. Большой интерес представляют исследования ученого в области экономической, политической, теоретической географии, краеведения, статистики, антропогеографии. Под его редакцией издан многотомный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамипа-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

70 коп.